

Схимонахъ Лука, подвижникъ Глинской пустыни.

(Память 1-го мая).

Схимонахъ Лука, въ мѣрѣ Леонтій Швець, происходилъ изъ крестьянъ Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Въ Глинское братство поступилъ при настоятельствѣ игумена Иннокентія въ 1864 году, 26 лѣтъ. Въ то время въ обители ярко сіяли иноческими добродѣтелями старцы: схимандритъ Иліодоръ († 1879), монахъ Мартирій († 1865), схимонахъ Лаврентій († 1881), схимонахъ Архиппъ († 1896), монахъ Досифей († 1874). Въ виду такого сонма великихъ подвижниковъ, Леонтію было у кого поучиться высокой иноческой жизни, но главнымъ образомъ онъ бралъ примѣръ съ перваго изъ подвижниковъ, его совѣтами руководствовался и при постригѣ въ мантию о. Иліодора имѣлъ своимъ старцемъ.

Первое послушаніе Леонтія было на братской кухнѣ, чрезъ два года при хлѣбопекарнѣ. Въ послѣдней онъ пробылъ подъ рядъ 22 года. Въ 1869 году его постригли въ рясу и, по усердію къ послушанію, назначили старшимъ или смотрителемъ хлѣбопекарни. Въ 1875 году постригли въ мантию съ именемъ Лонгина.

Находясь на пекарнѣ, о. Лука въ полночь вставалъ на утреню, утромъ былъ на ранней и поздней литургіяхъ, вечеромъ выстаивалъ въ храмѣ вечерню, повечеріе и правило.

Въ храмѣ онъ всегда становился на хорахъ позади всѣхъ. Оттуда ему не было видно богомольцевъ, стоящихъ внизу. На молитвѣ подвижникъ былъ особенно внимателенъ.

Братіямъ пекарни онъ совѣтовалъ ходить на обѣдъ въ трапезу, куда и самъ ходилъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по послушанію ему можно было отлучиться, но кушалъ весьма мало.

Въ свободное время отъ послушанія и церковной молитвы, онъ исполнялъ келейное старческое правило и занимался чтеніемъ святоотеческихъ книгъ.

Келлія отца Луки состояла изъ одной небольшой комнаты. Нѣсколько иконъ, столикъ, шкафчикъ, книги, — вотъ и вся обстановка, притомъ довольно убогая. Изъ одежды — ничего лишняго. Настольною книгою для всегдашняго руководства у о. Луки были слова преподобнаго Симеона Новаго Богослова, высокаго по жизни и строгаго по ученію, изложенному простою рѣчью. Для нѣкотораго разнообразія въ жизни о. Лука небольшое время употреблялъ на дѣланіе деревянныхъ ложекъ, а потомъ совершенно оставилъ, боясь отвлечься отъ послушанія и молитвы.

Въ 1888 году отца Луку назначили смотрителемъ Псалтирни. Онъ долженъ былъ вести чреду старцевъ, читающихъ день и ночь Псалтирь за благодѣтелей и слѣдить за исправнымъ исполненіемъ возложеннаго на нихъ послушанія. Съ этого времени подвижникъ ходилъ на всѣ богослуженія неопустительно и, несмотря на ихъ продолжительность, выстаивалъ всегда до конца.

Въ 1891 году онъ принялъ св. схиму и началъ вести скитскую безмолвную жизнь.

На пекарнѣ о. Лука трудился болѣе другихъ. Вмѣстѣ съ однимъ братомъ, онъ съ вечера растворялъ закваску для хлѣба, предъ утреней подбивалъ ее; самъ поджигалъ дрова въ печкѣ. Послѣ шестопсалмія, братія выходили съ утрени и собирались на пекарнѣ. По прочтеніи молитвы, въ знакъ

единенія и братской любви, всѣ крестообразно лобызали другъ друга въ плечи и, благословясь, начинали мѣсить тѣсто веслами. О. Лука мѣсилъ наравнѣ со всѣми.

Замѣсивъ хлѣбы, всѣ расходились на отдыхъ, а старшій оставался наблюдать за печью и за тѣстомъ,—когда оно подымется и настанетъ время катать хлѣбы. Кромѣ того, младшимъ—одна забота: исполнить приказанное, а на старшемъ лежала полная отвѣтственность за исправность братій и хлѣбопеченія.

Кухня и пекарня — первая школа для испытанія новоначальныхъ. Зная, какъ важно начало иночества, отецъ Лука требовалъ отъ подчиненныхъ строго относиться къ послушанію, испытывалъ ихъ въ отсѣченіи своей воли и своего мудрованія.

Примѣръ терпѣнія и безпрекословнаго послушанія отцу Лукѣ, братія могли брать съ монаха Архиппа, который въ то время велъ образъ жизни юродиваго, и на пекарнѣ состоялъ съ 1852 года. Онъ, по своему смиренію, многократно отказывался отъ старшинства, Лукѣ подчинялся 16 лѣтъ, изъ нихъ пять лѣтъ, когда тотъ былъ еще рясофорнымъ, иногда нарочно разсыпалъ муку, разливалъ воду или ронялъ тѣсто. Его за это упрекали и ставили на поклоны. Борьба подчиненныхъ въ порабощеніи плоти духу иногда тяжело отзывалась на о. Лукѣ. Среди подчиненныхъ попадались тяжелые характеры. За 18 лѣтъ старшинства своего на пекарнѣ отцу Лукѣ пришлось понести немало скорбей. Требуя дѣла, о. Лука всегда старался поощрить братію. Въ то время имъ не всегда отпускали чай и сахаръ, только на какой-либо праздникъ,—лично для него, какъ старшаго, или для всѣхъ, отецъ настоятель отпускалъ чай и сахаръ. Отецъ Лука всегда дѣлился своимъ съ братіей. Иногда ему земляки присылали деньги, на которыя онъ безъ стѣсненія поилъ чаемъ не только своихъ подчиненныхъ, но и другихъ бѣдныхъ послушниковъ. По отслуженіи литургіи священнослу-

жащимъ некогда было у себя заниматься самоваромъ, они всегда находили готовый чай у о. Луки. Странникамъ и нищимъ о. Лука безотказно давалъ по ломтю хлѣба, а иногда и болѣе.

Отецъ Лука могъ бы требовать дѣла, а о спасеніи братій, о ихъ духовномъ преспѣяніи вовсе не заботиться, но онъ, хотя и несъ много скорбей, однако не оставлялъ при случаѣ врачевать немощи ближнихъ. Во время поступленія его въ обитель до 1889 года послушники не имѣли опредѣленнаго руководителя. Въ духовной нуждѣ каждый могъ совѣтоваться у духовника или другихъ старцевъ. А какъ новоначальные всегда были заняты дѣлами обители подъ надзоромъ старшаго на послушаніи, то для большинства братій пекарни отецъ Лука являлся и непосредственнымъ начальникомъ, и наставникомъ въ монашеской жизни. Желая всѣмъ достигнуть безстрастія, онъ старался вызвать гнѣвъ и другія страсти, скрывающіяся внутри. Поэтому онъ ругалъ подчиненныхъ и учениковъ своихъ. Но самому же ему приходилось выносить на себѣ вызванныя наружу страсти; ибо не всѣ могли не уязвляться его словами, не всѣ могли познавать его благую цѣль — духовнаго врачеванія страстей. Трудно было, но о. Лука своихъ подчиненныхъ и учениковъ велъ въ царство небесное путемъ труда, скорбей и злостраданій.

Любовь подвижника простиралась на всѣхъ вообще братій обители: такъ, напр., брата Алексія, бывшаго въ просфорнѣ, хотѣли совсѣмъ уволить изъ монастыря; сжалился надъ нимъ о. Лука, пошелъ къ настоятелю и сказалъ: «батюшка, у меня братій на пекарнѣ недостаетъ, благословите съ просфорни брата Алексія». Игуменъ Иннокентій благословилъ. Такимъ образомъ Алексій остался въ обители и всегда былъ благодаренъ о. Лукѣ.

Любя ближнихъ, о. Лука утѣшалъ скорбящихъ и болящихъ, вразумлялъ согрѣшающихъ, исправлялъ злонравныхъ;

хотящихъ оставить обитель уговаривалъ остаться, и слово его имѣло силу. Единственно въ этихъ случаяхъ онъ посѣщалъ келліи другихъ братій. Когда о. Лука замѣчалъ кого смущеннымъ какимъ-либо помысломъ, или какою страстью, приходилъ въ келлію брата. Поклонится ему до земли и начнетъ уговаривать исповѣдаться духовнику, чтобы врагъ отбѣжалъ. Иной боится большой эпитиміи и не хочетъ идти, — о. Лука говоритъ: «пойдемъ со мной, я за тебя упрощу духовника».

Съ принятіемъ схимы старецъ не переставалъ заботиться о братіяхъ и оказывать имъ вещественную и духовную помощь. Живя въ дальнемъ скиту, онъ узнавалъ, кто нуждается, и помогалъ, то чаемъ и сахаромъ, то чѣмъ-либо другимъ.

Неопытныхъ изъ своихъ учениковъ отецъ Лука предупреждалъ отъ разныхъ искушеній и козней врага спасенія. Одна особа женскаго пола, пріѣзжая въ обитель, иноку N нѣсколько разъ привозила гостинцы. Не подозрѣвая худого, онъ никому не говорилъ объ этомъ. Однажды пришелъ къ о. Лукѣ въ скитъ. Старецъ говоритъ: «къ тебѣ галка летаетъ, она тебѣ повредить хочетъ, чтобы ты монастырь оставилъ». Тогда инокъ понялъ козни врага и сталъ осторожнѣе.

Во имя той же любви старецъ нѣкоторыхъ успѣшно лѣчилъ простыми средствами.

Пѣвчій Николай, прія къ старцу, сказалъ о боли въ горлѣ. О. Лука далъ ему чайную ложку какой-то неприятной настойки. Выпилъ Николай и подумалъ: «теперь еще хуже будетъ». Но на другой день болѣзнь горла совершенно прошла.

Монахъ Лаврентій рассказывалъ, что у него было много скорбей, лихорадочное состояніе и страшная головная боль. «Я пошелъ въ скитъ къ старцу и съѣлъ у него грустный. Онъ размочилъ часть бублика, подалъ мнѣ и говоритъ: больной?—на, ѣшь! Я съѣлъ и пошелъ отъ старца совершенно здоровымъ».

Въ келейной жизни отецъ Лука былъ весьма радушнымъ, веселымъ. Видно было, что въ сердцѣ его царилъ благодатный миръ. Отъ старца печальные уходили веселыми, скорбящіе утѣшенными.

За своихъ учениковъ о. Лука молился и терпѣлъ искушенія. Въ одно время брату Л. онъ сказалъ: «черезъ вась всю сію ночь на полу прокатался». Очевидно, — врагъ спасенія мстилъ ему за спасительное руководство учениковъ.

Съ принятіемъ схимы, отецъ Лука имѣлъ своимъ старцемъ схимонаха Архиппа, того самаго, который ему прежде подчинялся на пекарнѣ. Для болѣе безмолвной жизни они перешли въ ближній скитъ, основанный на мѣстѣ явленія Глинской чудотворной иконы Рождества Богородицы. На всѣ богослуженія о. Лука ходилъ въ монастырь, несмотря ни на какую погоду. Придя съ утрени, онъ въ келліи читалъ помянникъ и, немного отдохнувъ, въ 5¹/₂ часовъ шелъ снова въ храмъ, выслушивалъ акаѳистъ, раннюю и позднюю литургіи и молебень, что продолжалось до 11—12 часовъ дня.

Послѣ обѣда о. Лука молился за Государя, настоятеля, братію, благодѣтелей, всѣхъ христіанъ и совершалъ старческое правило. Вечеромъ подвижникъ былъ на вечерни и повечеріи, на которомъ каноны Спасителю, Богородицѣ, Ангелу-Хранителю и вечернія молитвы слушалъ, закрывъ глаза, «не видя». Свободное время заполнялъ чтеніемъ святоотеческихъ книгъ и богомысліемъ.

На первыхъ порахъ, когда отецъ Лука получилъ заповѣдь старца въ келейномъ правилѣ совершать 500 Иисусовыхъ молитвъ, у него, должно быть, не всегда было полное вниманіе. И вотъ однажды, — явился ему на воздухѣ монастырскій чудотворный образъ «Нерукотворнаго Спаса» и отъ него былъ голосъ, чтобы онъ Иисусову молитву произносилъ медленно, внимательно. Кромѣ Иисусовыхъ молитвъ въ старческое правило о. Луки входило чтеніе каѳизмъ, Евангелія, Апостола и поклоны.

Съ утвержденіемъ устава для дальняго Спасо-Иліодоровскаго скита Глинской пустыни, основаннаго на мѣстѣ пустынныхъ подвиговъ старца схи-архимандрита Іліодора, отецъ Лука вмѣстѣ съ схимонахомъ Архиппомъ въ 1893 году перешель въ дальній скитъ. Для постороннихъ, не понимающихъ ихъ подвига, взаимныя отношенія старцевъ казались чуть ли не враждебными, но это была своего рода духовная мудрость. Архиппъ неопустительно ходилъ на всѣ богослуженія и говорилъ: «я хожу въ церковь, а Лука не ходитъ, посмотримъ, кто изъ насъ выгадаетъ». Когда что спрашивали у отца Архиппа, онъ, какъ бы недовольный, посылалъ къ «глухому», подъ которымъ разумѣлъ Луку. А сей послѣдній спрашивающихъ его отсылалъ къ «пророку», т. е. къ о. Архиппу, который извѣстенъ былъ даромъ прозрѣнія.

Подъ обычными слабостями осужденія и пересудъ другъ друга (а не постороннихъ), мудрые подвижники скрывали свои добродѣтели. Неопытные этимъ соблазнялись, высказывали свое нездоровое состояніе души и уврачевывались или совѣстью, или самими старцами. Такъ однажды о. Архиппъ увидѣлъ идущаго къ нему Луку и говорить: «глухой идетъ». Находящійся у него братъ сталъ осуждать идущаго. — «Я говорю, а ты про него говорить не можешь, онъ выше меня», — замѣтилъ отецъ Архиппъ и заставилъ осуждающаго класть поклоны.

Разъ идутъ старцы мимо иконы святыхъ Митрофана и Тихона Воронежскихъ, находящейся съ наружной стороны собора Глинской пустыни. Архиппъ говоритъ: «клади поклоны». Лука спрашиваетъ: «Какіе»? — «Земные». — «Сколько»? — «Три». — «Батюшка, подержите палку». Архиппъ беретъ палку, а Лука при народѣ кладетъ земные поклоны за послушаніе своему старцу.

Къ о. Архиппу Лука всегда ходилъ вечеромъ. Когда братія успокоятся отъ дневныхъ трудовъ, онъ выйдетъ изъ келліи и тихонько, стороною, пробирается между деревьями

подъ колокольню, гдѣ жилъ о. Архиппъ. Отецъ Лука занималъ одну небольшую комнату съ прихожею, держался болѣе келейной жизни по болѣзни, въ храмъ ходилъ не всегда. Пропущенныя службы вычитывалъ въ келліи. Часы, обѣдницу и акаѳистъ иногда читали усердствующіе послушники. Причащался о. Лука еженедѣльно по субботамъ и еще разъ или два, если случался на недѣлѣ праздникъ. Въ храмѣ о. Лука стоялъ за лѣвымъ клиросомъ. Впереди онъ ничего не видѣлъ, кромѣ большой иконы св. великомученика Пантелеимона, а чтобы избѣжать и невольнаго взгляда по сторонамъ, форму имѣлъ выше своего роста. Такимъ образомъ ничто не могло отвлечь его отъ внимательной молитвы.

Какое келейное правило отецъ Лука исполнялъ въ дальнемъ скиту,—навсегда осталось тайной. Но что оно у него было большое, и старецъ долженъ былъ почти постоянно бодрствовать на молитвѣ,—не было тайной.

Въ дальнемъ скиту свободное время отъ богослуженія и правила отецъ Лука употреблялъ на Иисусову молитву. По словамъ старца Архиппа, Лука вычитывалъ двѣнадцать тысячъ Иисусовыхъ молитвъ въ сутки и, кромѣ того, находилъ время на чтеніе святоотеческихъ твореній о молитвѣ и трезвеніи ума отъ всякихъ постороннихъ помысловъ.

Врагу не могло нравиться смиренное молитвенное Богообщеніе о. Луки. Онъ возсталъ на подвижника страхованіями. Своему ученику Леонтію старецъ говорилъ: «однажды выхожу я изъ келліи, налетѣла на меня большая бѣлая лошадь и начала грызть». Кромѣ страхованій, о. Лука въ дальнемъ скиту перетерпѣлъ разныя тѣлесныя и душевныя болѣзни. Брату Тихону онъ говорилъ: «врагъ гналъ меня изъ скита, но поборолъ его». Кажется въ это время о. Лука видѣлъ покойнаго старца схи-архимандрита Иліодора въ дивныхъ небесныхъ обителяхъ и просился къ нему. Старецъ велѣлъ еще подождать. Также о. Лука видѣлъ архимандрита Иннокентія († 1888), который его утѣшилъ, но какъ, о. Лука не говорилъ.

Кротость и терпѣніе старца испыталъ одинъ братъ. Онъ началъ очень дерзко говорить съ о. Лукою. Тотъ молчалъ и не сердился. Въ послѣднее время предъ нѣкоторыми изъ братьей о. Лука особенно смирялся, считалъ себя хуже всѣхъ, низко кланялся и просилъ прощенія. Впрочемъ, смиреніе о. Луки не препятствовало ему дѣлать необходимыя внушенія. Однажды новоначальный братъ Леонидъ, еще не усвоившій скромности вѣшняго монашескаго благоповеденія, нарвалъ въ скитскомъ саду цѣлую чашку смородины. Отецъ Лука вышелъ изъ келліи и позвалъ его. Тотъ сунулъ чашку въ кусты и подошелъ къ старцу. О. Лука сказалъ: «принеси сюда,—что нарвалъ». Братъ исполнилъ приказаніе. Тогда старецъ спросилъ: «кто благословилъ? Два—три зерна—и за нихъ надо отвѣчать предъ Богомъ, а ты нарвалъ чашку?» Леонидъ, не понимая, что о. Лука даетъ ему урокъ—избѣгать самоволія, вреднаго въ монашеской жизни, и можетъ быть, думая, что старцу жалко смородины, сталъ ее отдавать отцу Лукѣ. Онъ, конечно, не взялъ, а виновному еще далъ чаю, сахару и отпустилъ съ миромъ. Благодаря такимъ урокамъ, при старцахъ Архиппѣ и Лукѣ, братія боялись рвать плоды даже послѣ праздника Преображенія, и они подавались на обѣдъ для всѣхъ.

Въ дальнемъ скиту такъ же, какъ и въ ближнемъ, старцу былъ голосъ отъ иконы. Иногда Іоаннъ говорилъ: «моя келлія была противъ о. Луки; иногда вечеромъ я ходилъ къ старцу побесѣдовать. Кое-что онъ мнѣ говорилъ изъ своей жизни, но потомъ, на мои разспросы, укорялъ себя, говоря: глухой, что тебѣ нужно? молчи; а мнѣ говорилъ: на что тебѣ любопытствовать? Однажды отецъ Лука передалъ мнѣ, что ему являлась Божія Матерь, другой разъ рассказалъ, что во время побѣлки его келліи, онъ вошелъ въ прихожую и увидѣлъ икону Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ Радость», поставленною на кровати, чего онъ никакъ не дозволялъ и строго требовалъ не оскорблять святыни. Немедленно

поставивъ икону въ большомъ углу, отецъ Лука сталъ молиться предъ иконою; потомъ пошелъ въ свою келлію, тамъ также помолился, вѣроятно просилъ прощенія у Божіей Матери, и снова вернулся въ прихожую. Въ это время отъ иконы услышалъ гласъ: рабъ, всегда храни благую вѣру, симъ оправданъ будеши. Тогда отецъ Лука палъ на колѣни и долго со слезами молился Царицѣ Небесной».

Съ цѣлью сохранить себя отъ разсѣянности, онъ, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, былъ строгъ въ охраненіи внѣшнихъ чувствъ. Въ числѣ бумагъ, оставшихся послѣ смерти старца, была такая замѣтка: «Скорый путь къ добродѣтели есть молчаніе, смѣженіе очей и глухота». Не разъ приходилось наблюдать его глухоту:—она была неодинакова. Отецъ Лука крѣпко не слышалъ, когда спрашивали его, или говорили ему бесполезное; полезное же слышалъ и тогда, когда когда ему говорили тихо. Иеромонахъ Анастасій говорилъ: «отецъ Лука слышалъ все, но если что говорилось не на пользу, то говорилъ: я глухой, не слышу. А послѣ говорящій самъ убѣждался, что хотѣлъ спросить, или говорить бесполезное». Глухотою подвижникъ прикрывалъ подвигъ своего молчанія.

Кромѣ глухоты и молчанія, мудрый старецъ строго оберегалъ свое зрѣніе. Идя дорогою, или стоя на молитвѣ въ храмѣ, онъ закрывалъ глаза, внималъ только себѣ. Закрытіе глазъ не всегда обходилось благополучно. За 2¹/₂ года до смерти онъ, идя въ келлію, упалъ въ корридорѣ въ открытый погребъ и ранилъ ногу, причинившую ему немалую боль, но и тутъ, какъ всегда, выразилось незлобіе и великое терпѣніе подвижника: ни стона, ни страданія не показалъ онъ. Сняли съ ноги сапогъ и изъ него наполнили цѣльный тазъ кровью. Всѣ ужаснулись, а о. Лука сказалъ: «царапинка;—больно?.. а какъ же мученики терпѣли до смерти»? Отъ сильнаго изліянія крови, постоянная боль ноги отъ отековъ уменьшилась. Поэтому отца Петра, виновнаго въ неза-

крытіи погреба, о. Лука въ шутку называлъ своимъ докторомъ. Учениковъ своихъ старецъ приучалъ къ воздержанію и посту. Одного брата на масляной недѣлѣ заставлялъ ѣсть капусту безъ масла и говорилъ: «приучайся ѣсть постнѣй», т. е. болѣе постное, грубое, не возбуждающее сластолюбія и похоти плоти.

По смиренію своему отецъ Лука, какъ бы боялся взять на себя руководство братіями. Даже своимъ ученикамъ онъ не давалъ прямо отъ себя наставленій, а старался учить ихъ отъ святоотеческихъ книгъ. Замѣчательно, что въ дѣлѣ руководства, отецъ Лука отвѣтами своими предупреждалъ вопросы учениковъ.

Инокъ Тихонъ говорилъ: «нѣсколько разъ о. Лука давалъ мнѣ читать именно то, о чемъ хочешь узнать, но стѣсняешься спросить. Какъ только прочтешь, что надо, о. Лука сейчасъ же выйдетъ въ прихожую и отберетъ книгу». Подобное говорили и другіе.

Видя прозрѣніе старца, ученики еще болѣе понуждались слѣдовать его совѣтамъ или примѣру. Отецъ Лука выражался очень странно, загадочно, примѣрами,—скажетъ что-либо ясно и,—замнетъ непонятными словами. Сколько у него ни спрашиваютъ, болѣе ничего не добьются.

При необходимости наставленія, старецъ былъ кратокъ. Для возбужденія ревности о спасеніи, старецъ заставлялъ учениковъ читать висѣвшую у него таблицу изъ сочиненій св. Тихона Задонскаго: «Христось грѣшную душу къ Себѣ призываетъ». Многіе, читая таблицу, умилялись до слезъ.

Монахъ Лаврентій говорилъ: «отецъ Лука требовалъ отъ учениковъ строго исполнять послушаніе безъ ропота. Для испытанія насъ, старецъ начнетъ роптать, но не любилъ, если кто изъ учениковъ отзовется нехорошо, особенно, когда это касалось отца настоятеля». Отцу Игнатію старецъ однажды сказалъ: «уважай настоятеля: ему мученическихъ

вѣнцовъ много. Насъ 500 человекъ и всѣхъ надо направлять на путь спасенія».

Новоначальные послушники по неопытности часто имѣютъ ревность не по разуму. Ревнуя о дѣлахъ обители и желая ихъ исполнить, какъ можно лучше, они иногда забываютъ о пищѣ и питіи, но, ослабѣвая отъ чрезмѣрнаго воздержанія, становятся вовсе неспособными нести какой-либо, даже легкой, трудъ на пользу обители. Отецъ Лука вникалъ въ положеніе такихъ братій и давалъ имъ нужныя наставленія. Онъ говорилъ: «надо держать мѣру и подкрѣпляться пищею, чтобы быть годнымъ на послушаніе, которое должно нести твердо».

За нѣсколько лѣтъ впередъ старецъ предсказывалъ перемены братій на послушаніяхъ. Иеромонахъ Анастасій говорилъ: «когда я былъ новоначальнымъ на кухнѣ и сидѣлъ въ келліи у отца Луки, приходитъ къ нему монахъ Симонъ. Лука говоритъ мнѣ: «встань, онъ будетъ твоимъ старшимъ». Прошло нѣсколько лѣтъ, отецъ Симонъ сдѣлался старшимъ на мельницахъ, куда и меня послали. Такъ, по предсказанію отца Луки, я 10 лѣтъ имѣлъ своимъ старшимъ о. Симона».

Про иеромонаха Г. о. Лука говорилъ: «онъ будетъ игуменомъ». Прошло 9 лѣтъ, и слова его исполнились. Также про одну послушницу о. Лука говорилъ: «она будетъ игуменіей». Черезъ 10 лѣтъ предсказаніе прозорливца исполнилось.

Отецъ Алексѣй говорилъ: «я былъ новоначальнымъ, не одѣтымъ въ послушническое одѣяніе, много пустословилъ. На замѣчаніе братій сказалъ: я еще не монахъ. Прошло нѣкоторое время. Отецъ Лука, какъ бы зная мои слова, спрашиваетъ меня: «ты не монахъ, зачѣмъ пришелъ»?..

Старецъ вѣдалъ помыслы братій. Одинъ инокъ соблазнился словами и дѣйствіями отца Луки и въ умѣ своемъ подумалъ: въ прельщеніи старецъ. Прошло нѣсколько дней, онъ приходитъ къ отцу Лукѣ, и тотъ говоритъ ему говорить: «я въ прельщеніи».

Однажды о. Лука сказалъ: «истинная любовь, что можетъ, даетъ для всѣхъ, а не избраннымъ». Прошло послѣ того болѣе полгода. Предъ Великимъ постомъ благодѣтели прислали старцу грибовъ и маслинъ. Инокъ Михаилъ подумалъ: «вотъ, отцу Лукѣ прислали грибовъ и маслинъ. Онъ говорилъ: для всѣхъ надо давать, а самъ такъ не дѣлаетъ. Пойду къ о. Петру, если о. Лука прозорливый, то узнаетъ мой помыслъ и поступитъ такъ, чтобъ мнѣ не осуждать его». Петръ помѣщался въ мезонинѣ того дома, въ которомъ внизу была келлія о. Луки. Лѣстница на мезонинъ шла изъ общаго корридора. Идя къ Петру, надо было проходить мимо келліи старца. При входѣ Михаила на лѣстницу, вышелъ въ корридоръ о. Лука, зоветъ его къ себѣ, даетъ большую банку маслинъ и велитъ у ключника взять грибовъ, сколько надобно. При этомъ добавилъ: «грибы и маслины я отдалъ ключнику для раздачи скитянамъ».

«Въ прихожей старца я пилъ чай»,—говорилъ монахъ Лаврентій: «Отецъ Лука находился въ другой комнатѣ. Мнѣ пришло желаніе на священную книгу, лежащую на столѣ, поставить сахарницу. Только я подумалъ, старецъ выходитъ и говорить: «Книга—та же икона,—ставить на нее нельзя».

«Предъ бдѣніемъ мнѣ пришлось выпить церковнаго вина; пришелъ на клиросъ и думаю: какъ бы братія не услышали запаха. Во время чтенія каѳизмъ, я вышелъ изъ храма и сѣлъ на лавочкѣ. Выходитъ мой старецъ, срываетъ цвѣточекъ и, смотря на меня, говоритъ: «Да, пахнетъ!» Такъ онъ мудро обличилъ меня, мнѣ стало стыдно».

Даръ прозрѣнія сказанъ и въ самой кончинѣ подвижника. Отецъ Лука не отличался здоровьемъ, тѣлосложенія былъ слабаго, но цѣломудренная и воздержная жизнь сохранила его: въ 60 лѣтъ онъ, сравнительно, казался молодымъ, въ волосахъ его не было сѣдины, на ланитахъ всегда игралъ легкій румянецъ. Лицемъ отецъ Лука былъ похожъ на извѣстнаго Кіевскаго іеросхимонаха Парѳенія († 1855).

Отъ долгихъ молитвенныхъ стояній у отца Луки въ ногахъ образовались отеки. Кромѣ того, подвижникъ страдалъ желудочными болями. За годъ до смерти у него изъ горла стала кусками выходить запекшаяся кровь, но старецъ не жаловался на болѣзни, терпѣливо сносилъ ихъ, былъ всегда весель: надежда будущихъ благъ ободряла его, нетлѣнное богатство добродѣтелей утѣшало, онъ уже не боялся смерти, къ которой видимо для всѣхъ сталъ готовиться съ весны 1898 года. Весною старецъ обыкновенно благословлялъ отцу Стефану что-либо посадить на огородѣ при своей келліи, иногда самъ выходилъ копать гряды. Въ годъ смерти Стефанъ спросилъ у о. Луки, что посадить въ огородѣ и получилъ отвѣтъ: «я вашего ничего не буду ни пить, ни ѣсть». За мѣсяць до кончины Лука пришелъ къ старцу Ѡ—ту, поговорилъ съ нимъ о протекшей своей жизни и о приближающемся переходѣ въ вѣчность. Спустя десять дней, онъ сталъ прощаться со скитскою братією и своими учениками, раздавалъ имъ нѣкоторыя свои вещи и книги.

29 апрѣля отецъ Лука стоялъ въ храмѣ послѣднюю литургію и причастился Св. Христовыхъ Таинъ. Въ четвергъ, — день болѣзни и приготовления къ смерти, старецъ былъ необыкновенно весель. Видно нестрашна смерть праведнику. 1 мая 1898 г., отца Луки не стало. Утромъ въ этотъ день онъ говорилъ ученикамъ: «сегодня умру». Братъ Іоаннъ началъ читать ему часы. Отецъ Лука, стоя, указывалъ порядокъ чтенія. Предъ чтеніемъ обѣдницы старецъ замолчалъ, легъ и сталъ тяжело дышать. Инокъ Стефанъ побѣждалъ просить скитоначальника особоровать подвижника. Спустя два часа послѣ елеосвященія, отецъ Лука тихо испустилъ духъ. Было 11½ часовъ утра. При обряженіи тѣло почившаго было бѣлое, прозрачное, какъ восковое.

Могила отца Луки — первая на скитскомъ кладбищѣ. Для нея требовалось выбрать мѣсто между восточною оградю скита и огородомъ, какъ назначено отцемъ настоятелемъ.

Пошелъ туда скитоначальникъ и на возвышенномъ берегу рѣчки Обесты выбралъ самое лучшее мѣсто подъ всегда зеленѣющими соснами. Когда рабочимъ стали указывать мѣсто для копанія могилы, одинъ изъ иноковъ припомнилъ, что онъ три дня тому назадъ, при воспоминаніи о смерти, спросилъ отца Луку: «батюшка, гдѣ васъ похоронять»? Онъ отвѣтилъ: «въ скиту, въ соснахъ, за оградой»,—и рукою указалъ именно то самое мѣсто, которое избрано было для его погребенія. Нѣкоторые ученики старца сожалѣли, что ихъ наставника похоронили не вблизи храма, но храмъ самъ приблизился къ могилѣ подвижника, что и было имъ самимъ предсказано. Онъ говорилъ: «вверху неожиданно будетъ храмъ». Черезъ годъ и три мѣсяца послѣ его смерти, въ мезонинѣ дома, гдѣ онъ жилъ, дѣйствительно устроили храмъ во имя Іоанна Предтечи. Могила старца отъ храма находится всего въ 25 саж. Она увѣнчана крестомъ съ распятіемъ; на оборотѣ креста надпись указываетъ, что «Здѣсь погребенъ схимонахъ Лука, въ мѣрѣ Леонтій Швець, добръ потрудившійся въ обители 34 года, изъ нихъ послѣднія 5 лѣтъ въ скиту, подавалъ собою примѣръ молчанія и оберегалъ очи свои *еже не видѣти суеты*. Скончался 1 мая 1898 года на 61 году своей жизни». Надпись кончается просьбою отъ имени почившаго: «Духовніи мои братіе и спостницы, не забудьте мене, егда молитесь; но зряще мой гробъ (могилу), поминайте мою любовь и молитте Христа:—да учинить духъ мой съ праведными».

Блаженный Епифаній Боровскій.

(Память 1 мая).

Въ Пафнутіево-Боровскомъ монастырѣ, около Ильинской церкви,—пишетъ о. архим. Леонидъ въ своемъ описаніи этой обители (новое изд. 1894 г., стр. 204) — находится ча-

совня каменная, посреди въ оной камень простой бѣлый, на коемъ надпись: «1755 году мая 1 дня преставися рабъ Божій блаженный Епифаній и погребенъ на семь мѣстѣ».

Въ настоящее же время надъ могилою находится хорошее каменное надгробіе; многіе служатъ панихиды и берутъ песочекъ съ его могилы. По преданію онъ былъ юродствовавшій Боровскій житель; прославился святою жизнію и былъ весьма чтимъ народомъ еще при жизни.

Іеросхимонахи Израиль и Иларіонъ, іеромонахъ Александръ и схимонахъ Алексій.

(Память 6 мая).

Геосиманскій скитъ, основанный намѣстникомъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры Антоніемъ, при ближайшемъ участіи приснопамятнаго митрополита Московскаго Филарета, первыми своими насельниками имѣлъ старцевъ Іоанна (іеросхимонаха Израіля), Гедсона (іеросхимонаха Иларіона), Алипія (іеромонаха Александра) и Анатолія (въ схимѣ Алексія). Эти старцы положили первое и твердое основаніе монашеской жизни въ Геосиманскомъ скиту; своими подвигами они много способствовали быстрому росту и процвѣтанію этого скита. Первоначально подвижники эти были раскольниками, бѣжали изъ Россіи и жили въ Молдавіи, около селенія Мануйловки, недалеко отъ города Фильтигенъ. Въ дальнемъ скиту, версты за три отъ Мануйловки, жилъ старецъ Θεодосій съ учениками Гедсономъ и Анатоліемъ и др. Всѣ они принадлежали къ сектѣ поповщинской и были привержены къ священству. Въ другомъ скиту, такъ называемомъ ближнемъ, жилъ старецъ Іоаннъ, имѣвшій богатую бібліотеку изъ святоотеческихъ книгъ, цѣною тысячи на три. О. Іоаннъ давно уже тяготѣлъ къ православію, находясь подъ вліяніемъ извѣстнаго игумена Парвенія, но медлилъ открыто объявить объ этомъ,

*Іеросхимонахи Израїль и Иларіонъ,
іеромонахъ Александръ (вѣ схиімъ Алексій)*

такъ какъ болѣзнь препятствовала ему покинуть Мануйловскій скитъ. Къ этому старцу часто приходилъ за книгами о. Θεодосій. Однажды онъ пришелъ къ старцу Іоанну взять свою книгу, а у старца Іоанна въ это время былъ игуменъ о. Парөөній. Онъ далъ Θεодосію двѣ книги: «Отвѣты Никифора, архіепископа Астраханскаго, на вопросы старообрядцевъ» и свою «О непоколебимости Церкви и о неоскудѣніи священства»... О. Θεодосій принесъ эти книги къ себѣ, но въ келлію, какъ еретическія не внесъ. Но тутъ ихъ взялъ и сталъ читать о. Гедеонъ. «И увидѣлъ, говорилъ впоследствии о. Гедеонъ, въ этой книгѣ сущую истинную правду о Церкви и священствѣ, потому что я самъ прежде все это читалъ въ древнихъ патріаршихъ печатныхъ книгахъ. И тогда явственно мнѣ открылось наше заблужденіе; и много тому дивился, почему я прежде не могъ сего видѣть и усмотрѣть... такъ Господь мой Іисусъ Христосъ Своєю благодатію коснулся моего сердца, и растопилъ его, паче воску, и снялъ съ него покрывало раскола, и почувствовалъ я въ себѣ перемѣну. Теперь отверзлись мои душевныя очи, и ясно увидѣлъ я истинный свѣтъ въ писаніи, и ясно увидѣлъ св. восточную Христову Церковь, паче солнца сіяющую въ своемъ древнемъ благочестіи съ полнымъ священнымъ чиномъ, съ патріархами, митрополитами, архіепископами и епископами, основанную на твердомъ и непоколебимомъ камени Іисусѣ Христѣ, существующую и донинѣ у четырехъ восточныхъ вселенскихъ патріарховъ и по всей Греціи; такожде сіяетъ она, паче солнца, и въ нашемъ отечествѣ, въ Россіи... Отъ сего часа сталъ я уже не раскольникъ, но истинный и послушный сынъ восточной Грекороссійской Церкви и во всемъ ей повинуюсь» *). Въ истинѣ православія о. Гедеонъ успѣлъ убѣдить своего сотоварища о. Анатолія, а затѣмъ общими усиліями они склонили къ сему и

*) „Геесиманскій скитъ“, 118—119 стр.

старца Θεодосія. Къ нимъ примкнулъ и о. Іоаннъ со своими учениками. Вскорѣ послѣ этого всѣ вышеозначенные старцы, по повелѣнію Яскаго митрополита Веніамина были присоединены къ православію архимандритомъ Вронскаго монастыря. По присоединеніи о. о. Іоаннъ и Анатолій отправились въ Россію и поселились въ Саратовской губерніи, въ Воскресенскомъ монастырѣ. Въ 1841 году о. Анатолій изъ этого монастыря перешелъ въ Спасо-Преображенскій, гдѣ и былъ посвященъ въ іеромонахи и назначенъ на должность казначея. Макарій же (б. Гедеонъ) и Александръ (Алипій) сначала находились въ молдавскомъ монастырѣ Врона, а въ 1843 г. выѣхали въ Россію и, по ходатайству митрополита Филарета, были опредѣлены въ Виѳанскій монастырь, а — съ устройствомъ Геосиманскаго скита въ 1844 году перемѣщены въ послѣдній. Здѣсь они приняли постригъ и были рукоположены сначала въ іеродіаконы, а затѣмъ и въ іеромонахи. Въ 1845 году о. Иларіонъ былъ назначенъ строителемъ новооснованнаго Геосиманскаго скита. Но уже въ 1848 году о. Иларіонъ удалился отъ управленія скитомъ, постригшись въ схиму. Въ этомъ же году прибылъ въ Геосиманскій скитъ старецъ, уже іеромонахъ, Іоаннъ. Сошедшись вмѣстѣ, старые друзья пригласили къ себѣ и четвертаго своего товарища о. Анатолія, который и былъ опредѣленъ въ 1849 году въ скитъ и назначенъ строителемъ онаго. Такъ связанные взаимной любовію старцы снова сошлись для общаго молитвословія. Всѣ они отличались строгимъ подвижничествомъ и пользовались глубокимъ почтеніемъ скитской братіи и имѣли многихъ учениковъ.

О. Иларіонъ, по принятіи въ 1848 году схимы, болѣе 10 лѣтъ жилъ въ отдѣльной келліи, отличаясь строжайшимъ уединеніемъ и отшельничествомъ, потомъ перешелъ въ скитъ, затѣмъ опять въ уединенную келлію, а потомъ снова въ скитъ, гдѣ и скончался въ 1878 году 15 января, 77 лѣтъ отъ рожденія. Своими частыми переселеніями, крайнимъ не-

удобствомъ для жительства келлій, онъ подражалъ жизни древняго подвижника великаго Иларіона. Обладая живымъ характеромъ и прямою, отлично зная Священное Писаніе и святоотеческія творенія, о. Иларіонъ приходившихъ къ нему за совѣтами столько же назидаль, сколько и обличалъ. Это заставляло многихъ бояться его, посему число учениковъ его было незначительно, хотя жизнь его строго-подвижническая была образцомъ для всѣхъ.

О. Израиль, также іеросхимонахъ, отличался особенной простотою и общительностію. Бесѣда его была исполнена глубокой и сердечной любви, свидѣтельствовала о хорошемъ знаніи Священнаго Писанія и отличалась назидательностію. Но такъ какъ здоровьемъ былъ слабъ, то принималъ къ себѣ мало. За 7 лѣтъ до смерти онъ лишился зрѣнія, а посему и находился въ полномъ безмолвіи. Умеръ 3 іюля 1878 г. на 83 году отъ рожденія.

Третій изъ друзей іеромонахъ Александръ отличался весьма строгимъ вниманіемъ къ себѣ и даромъ духовнаго разсужденія паче всѣхъ. Посему среди братіи имѣлъ преданныхъ учениковъ. Его жизнь была крайне уравновѣшенная, ничѣмъ особеннымъ не отличавшаяся отъ жизни прочей братіи. Онъ не брался за подвиги особеннаго подвижничества, но въ томъ, что было положено для всѣхъ, никогда не дѣлалъ себѣ послабленія. Никогда не опускалъ богослуженія, приходя въ церковь еще до начала службы, а уходя послѣ всѣхъ. Не уклонялся отъ братской трапезы, ни за обѣдомъ, ни за ужинномъ, скромно употреблялъ пищу, но на званые обѣды у братіи или у строителя никогда не являлся. Не стремился къ уединенію, но никогда не предавался и праздному разговору. Крайне любилъ чистоту, почему и ходилъ съ братіей въ баню, чего не дѣлали многіе строгіе подвижники. Одежда его всегда была чиста и опрятна, такъ же чисто и опрятно было въ келліи его. При такой строгой уравновѣшенности о. Александръ пользовался большимъ уваженіемъ братіи,

даже глубокихъ старцевъ: при немъ боялись разговаривать, особенно о вещахъ малозначущихъ, и если кому случалось сойтись около его келліи и разговориться, то разговоръ велся шепотомъ, чтобы «не увидалъ бы иль не услышалъ о. Александръ». Еще при жизни милость Божія почилъ на о. Александръ. Такъ одни благочестивые супруги Иванъ Трифоновичъ и Анна Михайловна Прохоровы почти до старости не имѣли дѣтей. Они хорошо были извѣстны митроп. Филарету и отличались особеннымъ усердіемъ къ Лаврѣ преп. Сергія и къ Геосиманскому скиту. Анна Михайловна особенно скорбѣла о своемъ безчадіи и усердно просила Господа даровать ей дѣтей. И вотъ однажды видитъ она въ сонномъ видѣніи монаха, который говоритъ ей: «не скорби, будутъ у тебя два сына Василий и Сергій». Она спросила старца, кто онъ. Тотъ отвѣтилъ: іеромонахъ Александръ изъ Геосиманскаго скита. Увидавъ скито-начальника, Анна Михайловна спросила его объ іеромонахѣ Александрѣ и, посѣтивши о. Александра (котораго ранѣе совершенно не знала), узнала въ немъ того самаго монаха, который являлся къ ней. Засимъ у нея дѣйствительно родились два сына, которыхъ она и назвала Василиемъ и Сергіемъ. Семейство питало къ о. Александру глубокое уваженіе. Умеръ о. Александръ 1870 г. мая 8 дня на 70 году отъ рожденія и погребенъ на скитскомъ кладбищѣ у Воскресенской церкви.

О. Анатолій, въ схимѣ Алексій, былъ начальникомъ скита въ продолженіе 30 лѣтъ. Онъ пользовался глубокимъ уваженіемъ митрополитовъ Филарета и Иннокентія и намѣстника Лавры архимандрита Антонія. Эти высокія личности очень цѣнили въ немъ какъ большія способности къ хозяйству, такъ и ровное душевное устроеніе и умѣніе руководить братіей. При немъ въ скиту были устроены 2 каменныхъ церкви съ корпусами братскихъ келлій, часовня въ Москвѣ у Ильинскихъ воротъ, домъ близъ Сухаревой башни, хозяйственная ферма и мн. др.. Послѣ 30-лѣтняго управленія скитомъ о.

Анатолій уволился на покой и скончался въ 1881 году 6 мая. Незадолго до кончины онъ постригся въ схиму, былъ особорованъ, неоднократно въ своей предсмертной болѣзни причащался Св. Христовыхъ Таинъ и скончался также напутствованный Св. Тайнами Христовыми. Погребенъ о. Анатолій на скитскомъ кладбищѣ близъ трехъ отшедшихъ старцевъ Александра, Иларіона и Израіля.

Такъ, возвратившись изъ раскола въ лоно святой православной Церкви, соединившись въ Геосиманскомъ скиту, сіи духовные друзья непостыдно потрудились во имя Господне въ сей земной юдоли.

Благочестивый поселянинъ Іовъ.

(Память 6 мая.)

Іова Ивановича Шумова родиной, а затѣмъ и постояннымъ мѣстомъ жительства было село Непотягово, Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда. Родившись (6-го мая 1818 года) въ бѣдной крестьянской семьѣ, онъ росъ, какъ и всѣ крестьянскія дѣти, съ малолѣтства привыкая къ домашнимъ и полевымъ работамъ. Свое раннее дѣтство онъ провелъ почти исключительно среди своихъ матери и тетки (послѣдняя была вмѣстѣ съ тѣмъ и крестной его матерью) и всей душой привязался къ этимъ добрымъ и нѣжно-любящимъ его существамъ. Когда онъ сталъ приходить въ сознательный возрастъ, то мать научила его первымъ дѣтскимъ молитвамъ, а тетка, знавшая немного грамоту и каждый разъ подъ праздникъ протяжно и съ чувствомъ прочитывавшая акаѳистъ Спасителю или Божіей Матери, при чемъ всегда мальчика ставила подлѣ себя, незамѣтно возбудила въ немъ охоту и самому выучиться грамотѣ. Не было мальчику еще и восьми лѣтъ, какъ онъ сталъ докучать своей крестной, чтобы она научила его азбукѣ. Та съ особеннымъ удовольствіемъ взялась было удовлетворять желанію своего крестника, и

охотно присѣла съ малюткой за букварь, но вскорѣ оказалось, что это дѣло ей не подѣ силу: сколько ни бились и учительница, и ученикъ, а толку выходило мало. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ домомъ Шумовыхъ жилъ въ то время престарѣлый причетникъ Евграфъ Ивановичъ. Къ этому-то доброму старичку и подбился нашъ Ювъ, чтобы выучиться у него грамотѣ, послѣ того, какъ ему не удалось осилить этого дѣла подѣ руководствомъ своей крестной. Евграфъ съ охотой взялъ мальчика въ число своихъ питомцевъ, и въ его опытныхъ рукахъ смѣшленный и прилежный мальчикъ быстро сталъ подвигаться впередъ. Проучившись двѣ зимы, Ювъ уже могъ, если не бойко, то развязно и безъ ошибокъ читать по букварю и часослову. вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ Евграфъ Ивановичъ пріучалъ своихъ учениковъ и къ пѣнію церковному. У Юва оказалась способность и охота къ пѣнію, и когда онъ попривыкъ къ титламъ и «прошелъ псалтирь», какъ выражались тогда, то Евграфъ попросилъ позволенія у мѣстнаго священника поставить мальчика на клирость. Быть клирошаниномъ въ то время считалось очень лестнымъ. Извѣстно, что всѣ наши крестьяне—страстные любители церковнаго пѣнія, и добиться званія клирошанина для многихъ изъ нихъ составляло, въ былое время, не послѣднюю мечту. Добившись званія клирошанина, каждый охотно такъ или иначе желалъ послужить причту, считая это съ своей стороны какъ бы необходимой благодарностію. Такъ, по первому зову клирошане шли не только къ священнику, но и къ остальнымъ членамъ причта: и переколоть дрова, и наносить воды, и набить ледникъ и т. п. Въ свою очередь и причтъ давалъ нѣкоторыя преимущества клирошанамъ предѣ другими прихожанами. Такъ, въ праздникъ Пасхи исключительно изъ нихъ набирался штатъ такъ называемыхъ богоносцевъ, съ которыми каждый домохозяинъ считалъ своею обязанностию христосоваться и давать христосованное яйцо наравнѣ съ церковнымъ причтомъ.

Поступивши въ число клирошанъ, Іовъ по первому удару колокола началъ ходить за каждую церковную службу и съ особеннымъ рвеніемъ взялся за изученіе церковнаго устава. Кромѣ того, становясь всегда на клиросѣ впереди всѣхъ, онъ неопустительно прочитывалъ про себя всѣ каноны, положенные за Богослуженіемъ.

Неопустительное хожденіе за каждую церковную службу и пристрастіе къ чтенію преимущественно церковно-богослужебныхъ и другихъ священныхъ книгъ, на что Іовъ посвящалъ все свободное отъ домашнихъ и полевыхъ работъ время, мало-по-малу образовали въ немъ такія наклонности, при которыхъ человѣку всегда естественнѣе считать монастырь своимъ прямымъ призваніемъ. Несмотря однако на это, Іову суждено было остаться мірскимъ человѣкомъ, и даже быть женатымъ, на что онъ рѣшился, исключительно уступая волѣ своихъ родителей. Но какъ во все время своего супружества дѣтей у него не было, то онъ посвящалъ свободное время отъ домашнихъ работъ чтенію книгъ и попрежнему усердно посѣщалъ церковь. Время отъ времени къ нему, какъ хорошему начетчику, стали собираться нѣкоторыя набожныя старушки и просили добраго и привѣтливаго хозяина прочитать имъ что-нибудь отъ Божественнаго. Іовъ очень радъ былъ такимъ посѣтительницамъ и съ удовольствіемъ проводилъ съ ними длинные зимніе вечера за чтеніемъ преимущественно Четы-Минеи.— Не безъ удовольствія замѣчая, съ какою любовью и желаніемъ простодушный народъ, называющій себя людьми темными, ищетъ свѣта, жаждетъ знанія, отъ кого-бы ему ни пришлось его позаимствовать: отъ священника ли, или отъ своего брата-крестьянина, благо ему Господь «дарованіе открылъ»,—чуткій ко всему доброму Іовъ замыслилъ попытать свои силы на поприщѣ народнаго учителя, на первый разъ взявши къ себѣ въ домъ нѣсколько односельныхъ мальчиковъ, а послѣ, когда дѣло обученія пойдетъ успѣшно, то и открыть настоящую сельскую школу. Года

черезъ два-три Ювъ достигъ такихъ результатовъ съ своими учениками, что о немъ, какъ хорошемъ учителѣ, стали поговаривать и въ окрестныхъ селеніяхъ, тѣмъ болѣе, что въ тогдашнее время объ училищахъ рѣдко было слышно. Въ 1862 году была имъ открыта настоящая народная школа, съ 22 мальчиками. Волостное правленіе выдало для нихъ два букваря, двѣ псалтири, два чтенія изъ Евангелистовъ, двѣ Священныя Исторіи, одинъ «Дѣтскій Миръ», одну книгу «Начало Руси» и одну—разсказъ «Анастасія», итого одиннадцать книгъ. Вотъ и всѣ учебныя средства, съ которыми началъ свои учебныя занятія Ювъ Ивановичъ. Послѣ одной изъ ревизій, Шумовская школа получила очень лестное одобреніе. Въ отзывѣ ревизора было сказано, что занятія почтеннаго Юва Ивановича съ своими учениками не ограничивались только одними школьными уроками: онъ преслѣдовалъ преимущественно цѣли воспитанія дѣтей на строгихъ церковныхъ началахъ, какихъ крѣпко держался самъ учитель. Съ этою цѣлію Ювъ вмѣнялъ въ обязанность своимъ ученикамъ читать дома утреннія и вечернія молитвы, акаѳисты и канонъ Ангелу-Хранителю. Мало того,—его ученики во всѣ воскресные и праздничные дни въ зимнее время послѣ утрени прямо приходили въ училище, гдѣ и занимались, подъ руководствомъ своего учителя, чтеніемъ молитвъ и акаѳистовъ и пѣніемъ стиховъ, а если оставалось время, то и чтеніемъ Четы-Миней.

Чтобы какъ можно болѣе расположить родителей въ пользу школы, а въ дѣтяхъ возбудить охоту къ ученію, Ювъ употреблялъ на это довольно оригинальное средство. Онъ составилъ почти на всѣ двенадесятые праздники въ стихотворной формѣ особые разсказы (діалоги), названные имъ разговорами, которые разучивались его учениками на память и потомъ въ дни праздника прочитывались въ домахъ родителей учениковъ. Въ передачѣ этихъ разговоровъ участвовали, обыкновенно, отъ двухъ до шести лицъ,—изъ которыхъ одинъ

представлялъ хозяина дома, остальные гостей—поздравителей, которые и рассказывали исторію праздника, отвѣчая на заученные заранѣ вопросы представляющаго собой хозяина дома. Цѣль составленія такихъ разговоровъ и хожденія съ мальчиками по домамъ была, между прочимъ, и та, чтобы распространить этимъ путемъ религіозныя свѣдѣнія и между самими поселянами. Такимъ образомъ Іовъ Ивановичъ былъ, можно сказать, религіознымъ учителемъ не только дѣтей своей школы, но и всего села.

Извѣстность его, какъ народнаго учителя, стала расти больше и больше. Теперь объ успѣхахъ его школы сдѣлалось уже извѣстнымъ самому владыкѣ. На Владимірской епархіи въ это время былъ преосвященный Теофанъ,—извѣстный радѣтель духовнаго просвѣщенія. Труды Іова, какъ и нужно было ожидать, не остались безъ должнаго вниманія и оцѣнки со стороны владыки: сначала онъ выразилъ свою благодарность за добрые школьные труды Іова Ивановича, а впослѣдствіи неоднократно собственноручно писалъ къ нему, отвѣчая на разныя недоумѣнія, съ которыми послѣдній обращался къ владыкѣ, и предлагая свои добрые совѣты. Современемъ Іовъ приобрѣлъ къ себѣ такое лестное и рѣдкое, для простолюдина, вниманіе со стороны преосвященнаго, что тотъ нерѣдко по часу и даже болѣе удѣлялъ съ нимъ на бесѣду въ своемъ кабинетѣ, гдѣ, разумѣется, заходила рѣчь и не объ одной школѣ. Такія отношенія добраго, мягкосердечнаго владыки къ Іову, безъ сомнѣнія, не могли не поощрять его еще къ большей ревности по занятію школой. Скоро въ школу его на ряду съ мальчиками стали поступать и дѣвочки. Кромѣ владыки Теофана, Іовъ большую нравственную поддержку въ своихъ трудахъ по обученію крестьянъ имѣлъ и въ преосвященномъ архіепископѣ Антоніи, занявшемъ Владимірскую кафедру послѣ преосвященнаго Теофана, и въ преосвященномъ Іаковѣ, викаріи Владимірской епархіи. Съ обоими владыками Іовъ велъ довольно частую переписку и

нерѣдко лично бесѣдовалъ съ ними. Преосвященный Іаковъ неоднократно дѣлалъ даже подарки для его школы разными книгами изъ своей библіотеки. Но, къ сожалѣнію, въ то самое время, когда Іовъ, подѣ вліяніемъ такихъ руководителей съ большимъ навыкомъ и умѣньемъ началъ вести свои школьныя занятія, его школъ не суждено было продолжать дальнѣйшаго развитія и существованія—она была закрыта, и почтенный труженикъ, какъ незнакомый съ новымъ звуковымъ методомъ преподаванія и учившій лишь «по старинному», былъ лишень права учителя.

Немало потрудился онъ и для благолѣпія храма въ своемъ селѣ.

Замѣчательнъ также стеклянный футляръ, поставленный на престолѣ усердіемъ Іова Ивановича и вмѣщающій въ себѣ святыи ковчегъ, Евангеліе, потиръ и крестъ, употребляемый при кажденіи въ святую Пасху. Символическія изображенія на немъ олицетворяютъ собою видѣнія Іоанна Богослова, описанныя въ 4-й и 5-й главахъ Апокалипсиса. Вверху поставленъ рѣзной Агнецъ, имущій семь роговъ и очесъ семь, подѣ нимъ Вседержитель съ книгою, запечатанною семью печатами, по обѣимъ сторонамъ четыре изображенія: Льва, Тельца, Человѣка и Орла; на лицевой сторонѣ двадцать четыре старца, падшіе на колѣна предѣ Агнцемъ и имѣющіе каждый гусли и фіалы и надпись: «достоинъ еси пріяти книги и отверсти печати ея, яко заклася и искупилъ еси Богови нашь кровію Своею»—пѣснь старцевъ; тутъ же группы ангеловъ, и подѣ ними надпись: «достоинъ есть Агнецъ закланный пріяти силу и богатство, и премудрость, и крѣпость, и честь, и славу, и благословеніе». Наконецъ внизу тайнозритель, къ которому сверху отъ изображенія Вседержителя, начертаны слова: «Азъ есмь алфа и омега». Вся эта замѣчательная живописная группа исполнена по мысли Іова Ивановича. Впослѣдствіи повѣшена надѣ футляромъ семисвѣчная лампада съ чеканнымъ изображеніемъ Мужа, облеченнаго въ

подирь и имущаго въ десной Своей руцѣ семь звѣздъ; изъ усть Его мечь обоюдо -острый, посреди семисвѣщниковъ златыхъ.

Заботы Іова Ивановича о благолѣпіи своего приходскаго храма не ограничились, впрочемъ, одними внѣшними украшеніями его; не менѣе онъ озабоченъ былъ и тѣмъ, чтобы всѣ церковныя службы отправляемы были по клиросу чинно и стройно. Съ этою цѣлію Іовъ всячески старался поддерживать въ своемъ храмѣ древніе нотные напѣвы, разучая ихъ по обиходу съ своими бывшими учениками—пѣвчими. Кромѣ того, бывая въ разныхъ монастыряхъ и неоднократно въ Троице-Сергіевой лаврѣ, онъ внимательно прислушивался и къ тамошнимъ церковнымъ напѣвамъ,—и послѣ вводилъ ихъ въ своемъ приходскомъ храмѣ. Большую часть клироснаго чтенія Іовъ бралъ на себя и исполнялъ его всегда съ неподражаемымъ умѣніемъ. Страстный любитель чтенія святоотеческихъ твореній, Шумовъ желалъ заохотить этого рода чтеніемъ и другихъ сельскихъ грамотниковъ. Въ виду этого онъ предлагалъ церковному старостѣ составить хотя небольшую на первый разъ церковную бібліотеку съ тѣмъ, чтобы книги раздаваемы были всѣмъ грамотнымъ прихожанамъ по ихъ желанію. И когда староста отказалъ ему въ этомъ, онъ открылъ въ селѣ частную подписку и, на собранныя этимъ путемъ деньги, выписалъ прежде всего Четы-минеи, затѣмъ всѣ творенія св. Димитрія, митрополита Ростовскаго, и св. Тихона Задонскаго. Книги эти до сихъ поръ поочередно ходятъ по рукамъ грамотныхъ крестьянъ села Непотягова.

Какъ ни важны приобрѣтенія Іова Ивановича для своего прихода, но вѣнцомъ всѣхъ его заслугъ, безъ сомнѣнія, будетъ составленный имъ акаѳистъ въ честь святаго Димитрія Солунскаго, которому посвященъ Непотяговскій храмъ. Особо составленная служба въ честь великаго угодника, казалась Іову неполной безъ акаѳиста, и онъ рѣшился испытать, не поможетъ ли ему Господь исполнить это дѣло.

Усиленными стараніями побѣжденъ былъ этотъ нелегкій трудъ. Представленный преосвященному Теофану на разсмотрѣніе акаѣистъ былъ одобренъ, и, исправленный рукою самого владыки, отосланъ въ Святѣйшій Синодъ для окончательнаго разсмотрѣнія. Излишне описывать ту духовную радость, которую чувствовалъ Іовъ Ивановичъ отъ такого неожиданнаго успѣха въ своихъ трудахъ! Испросивши благословіе у преосвященнаго Теофана—начать чтеніе пока еще рукописнаго акаѣиста въ своей церкви, Іовъ, по возвращеніи изъ Владиміра, пригласилъ мѣстнаго благочиннаго отправить въ Непотяговскомъ храмѣ въ первый же воскресный день соборное служеніе съ молебствіемъ святому Димитрію, на которомъ вновь составленный акаѣистъ и прочтанъ былъ въ первый разъ поочередно тремя служащими іереями. Съ этого времени чтеніе акаѣиста въ каждый воскресный день послѣ литурги не прерывалось въ теченіе 3-хъ лѣтъ.

Церковно - приходская реформа по сокращенію причтовъ, начатая во Владимірской губерніи въ 1876 году, послужила поводомъ къ новой скорби и немалымъ заботамъ Іова. Къ селу Непотягову былъ причисленъ сосѣдній Козловскій приходъ, поэтому праздничныя и воскресныя богослуженія должны были совершаться въ этихъ двухъ соединенныхъ приходахъ поочередно. Усердный богомолецъ и неутомимый радѣтель о благѣ церкви Іовъ съ немалою скорбію сердца усмотрѣлъ, что новыя постановленія относительно приходовъ не могутъ не повліять вредно въ нравственномъ отношеніи на прихожанъ.

Несмотря на то, что Іовъ невольно заставлялъ смотрѣть на себя, какъ на личность далеко выдающуюся изъ своей среды, домашній образъ его жизни рѣшительно не отличался ничѣмъ отъ всякаго зауряднаго крестьянина: онъ жилъ въ такой же крестьянской избѣ, точно такъ же занимался своимъ домашнимъ и полевымъ хозяйствомъ, какъ и его сосѣдъ; ту же самую носилъ одежду, обувался въ тѣ же лапти, какъ

и каждый его односельчанинъ; такъ что по внѣшнему виду никакъ нельзя было узнать, что онъ чѣмъ-либо выдается отъ прочихъ поселянъ. Самъ онъ рассказывалъ, что ему нерѣдко случалось составлять даже письменныя работы во время полевой уборки то на покосѣ, то на жнивѣ: «переворошимъ съ женой сѣно, она приляжетъ тутъ отдохнуть, а я между дѣломъ возьму бумагу и карандашъ и что-нибудь напишу; или поѣдемъ за снопами,—накладу возъ и отправлю его съ женой, а самъ опять за свое дѣло». Точно такъ же не оставлялъ Іовъ крестьянскихъ занятій и за время своего учительства.

Когда Іову минуло 50 лѣтъ, у него умерла старушка-мать. Съ этого времени завѣтною мыслью для него сдѣлалась мысль о монастырѣ. Чтобы привести ее въ исполненіе, нужно было сговорить жену добровольно разойтись обоимъ по монастырямъ. Не разъ заводя объ этомъ семейный разговоръ еще при жизни своей родительницы, Іовъ Ивановичъ не безъ удовольствія каждый разъ замѣчалъ, что всегда тихая и безотвѣтная Стефанида Ѳеодоровна (такъ звали его жену) нисколько не была противъ этого добраго намѣренія своего мужа.

Заручившись добровольнымъ согласіемъ жены, Іовъ тѣмъ не менѣе прежде всего пожелалъ увѣриться, насколько будетъ способна она къ монастырской жизни. Съ этою цѣлю онъ и предложилъ ей первоначально нѣсколько времени пожить во Владимірскомъ Авраміевскомъ монастырѣ, въ качествѣ гостыи, у своей родственницы,—на что та охотно согласилась. Проживши здѣсь мѣсяць, Стефанида Ѳеодоровна настолько полюбила тихую монастырскую келлію, что готова была съ радостію вовсе разстаться съ мірской суетой. Но вскорѣ послѣ того получено было извѣстіе о тяжкой болѣзни ея. Болѣзнь продолжалась цѣлый годъ и, наконецъ, жена Іова скончалась. Тогда онъ распорядился своею собственностію, «желая предохранить ее отъ хищниковъ и сдѣлать по-

2 ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПОДВИЖНИКИ 18 И 19 ВѢКОВЪ.

лезное—святой церкви, священнослужителямъ и бѣднымъ, и распростился съ своимъ роднымъ пепелищемъ. Въ скромной одеждѣ путника Іовъ еще разъ вошелъ въ родной храмъ и долго, долго продолжалъ еще молитвенное прощаніе съ этой завѣтной для него святыней. Тяжелы были эти прощальныя минуты: неудержимымъ потокомъ струились слезы изъ глазъ храмолюбца все время, пока продолжался напутственный молебенъ и читался родной ему акаѳистъ Солунскому святому.

Недолго, однако, пришлось Іову Ивановичу странствовать по святымъ обителямъ, и еще менѣе того пожить въ монастырѣ. Отправившись изъ родного села Непотягова въ первыхъ числахъ декабря 1876 года, онъ прежде всего зашелъ во Владиміръ, чтобы проститься съ мѣстной святыней и принять напутственное благословеніе Владимірскихъ архипастырей. При этомъ владыка Іаковъ далъ ему совѣтъ идти въ Козельскую Оптину пустынь, Калужской губерніи, и Іовъ съ полною душевною радостію отправился въ Оптину и остался въ ней.

Но дивны и неисповѣдимы судьбы Божіи: не прошло и одной недѣли, какъ Іовъ опасно заболѣлъ тифозной горячкою и слегъ въ монастырской больницѣ.

Рабъ Божій Іовъ 20 января мирно отошелъ ко Господу. Іовъ Ивановичъ во время своей болѣзни неоднократно былъ напутствуемъ святыми таинствами покаянія и причащенія, а также и освященъ елеемъ; скончался въ совершенной памяти и полномъ сознаніи. Смерть постигла его на 58 году жизни.

Преподобномученикъ Пахомій.

(Память 7 мая).

Пахомій родился въ Малороссіи отъ благочестивыхъ родителей, но еще въ дѣтствѣ взятъ былъ въ плѣнъ татарами,

которые продали его турку — кожевнику въ г. Усаки, въ Анатолиі. Хозяинъ обучилъ Пахомія кожевному ремеслу, а вмѣстѣ съ тѣмъ склонялъ къ принятію мусульманства, рассчитывая выдать свою дочь за скромнаго и усерднаго къ дѣлу своего невольника. Но Пахомій, находясь въ теченіе 27 лѣтъ въ неволѣ, и не думалъ изъ-за житейскихъ расчетовъ объ отреченіи отъ христіанской вѣры. Хозяинъ, убѣдясь въ непреклонности Пахомія, за долгую и усердную службу, далъ ему свободу, предоставивъ право идти, куда захочетъ. Пахомій предъ отходомъ отъ турка сильно заболѣлъ и лежалъ почти безъ чувствъ; сосѣди — мусульмане воспользовались такимъ безпомощнымъ положеніемъ Пахомія, одѣли его въ турецкую одежду и разгласили, что онъ отрекся отъ Христа. По выздоровленіи своемъ, глубоко огорченный насиліемъ, Пахомій удалился въ Смирну, а оттуда на Аѳонъ, гдѣ, подъ руководствомъ благочестиваго іеромонаха Іосифа, подвизался въ иноческихъ подвигахъ; но ему пришло на мысль, не высказалъ ли туркамъ во время болѣзни о желаніи потурчиться, и у Пахомія явилось твердое намѣреніе кровію своею очистить грѣхъ невольнаго отреченія отъ Христа; онъ высказался объ этомъ Іосифу, но тотъ не одобрилъ его намѣренія; тогда Пахомій открылъ о своемъ желаніи строгому подвижнику Акакію (у котораго въ келліи онъ прожилъ 6 лѣтъ), и, получивъ ободреніе на мученичкій подвигъ, онъ съ своимъ духовникомъ Іосифомъ въ иноческой одеждѣ отправился въ г. Усаки, гдѣ турки признали его и донесли судѣ, что когда-то принявшій мусульманство сталъ снова христіаниномъ. Судья сдѣлалъ ему вопросъ, почему онъ не исповѣдуетъ мусульманство, и Пахомій высказалъ, что у него и въ мысляхъ не было отречься отъ Христа. Судья, послѣ трехдневнаго заключенія въ темницѣ, приказалъ обезглавить его, и Пахомій скончался мученикомъ 7 мая 1730 г. въ праздникъ Вознесенія Господня. Тѣло мученика черезъ три дня было взято и съ честью погребено христіа-

нами. Вскорѣ Господь прославилъ св. мученика чудесами. Старець Іосифъ возвратился на Аѳонъ и разсказалъ братіи о мученической кончинѣ Пахомія, и тѣ прославили Господа. Впослѣдствіи мощи св. Пахомія были перенесены на о. Патмосъ и положены въ монастырѣ св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, гдѣ и донынѣ свято читается его память. Имя св. мученика Пахомія внесено въ Синаксарь святогорца Никодима подъ 21 числомъ мая.

Основатель Патмосской академіи іеродиаконъ Макарій написалъ въ честь св. муч. Пахомія похвальное слово въ 1799 году; этому же писателю, вѣроятно, принадлежитъ и составленіе особенной службы въ честь мученика Пахомія, которая торжественно совершается въ Патмосѣ въ день кончины св. мученика *)).

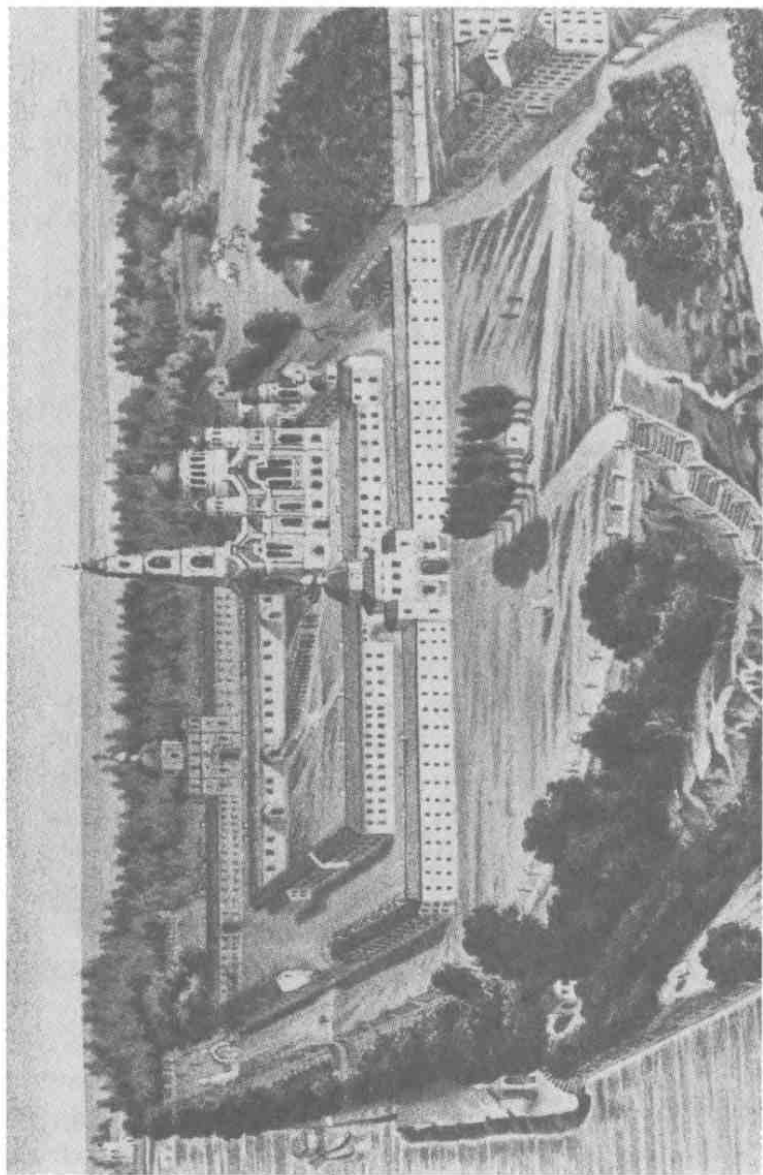

Строитель Іосифъ Валаамскій.

(Память 8 мая).

Строитель Іосифъ, по прозванію Шаровъ, родился 8 мая 1688 года, въ мірѣ именовался Исидоръ; происходилъ изъ бушцовъ гор. Ладоги. 13 марта 1719 года на Валаамѣ принялъ обѣты иночества, которые были возложены на него при обычномъ посвященіи извѣстнымъ архимандритомъ Ирнархомъ. 12 февраля 1724 года сдѣланъ строителемъ едва возникавшей тогда Валаамской обители изъ пепла. Въ октябрѣ 1723 года съ нимъ случилось на Ладожскомъ озерѣ чрезвычайно замѣчательное происшествіе. Ъхаль онъ съ двумя Валаамскими послушниками изъ Ладоги на Валаамъ въ небольшой ладѣ, имѣя съ собой нѣкоторыя вещи, потребныя для монастыря. Не доѣзжая до Андрусовскаго монастыря, лодка ихъ отъ сильной бури опрокинулась, и послушники утонули. А инокъ Іосифъ удержался за кормило и схватилъ

*) Мѣсяц. Св. Вып. VIII.

Валаамскій Спасо-Преображенскій монастырь

*Архимандритъ Синесій — сподвижникъ святителя
Софонія Иркутскаго*

веревку, которая прикрѣплена была къ лодкѣ. Въ такомъ положеніи онъ носился по волнамъ цѣлыя сутки, вопія изъ глубины души къ Богу, спасшему Іону во чрева кита и къ дивному въ моряхъ святителю Николаю. Потомъ волнами выбросило его на берегъ вмѣстѣ съ лодкой — еле живого. Съ большимъ трудомъ онъ отвязался отъ лодки и пошелъ искать какого-нибудь жилища человѣческаго, благодаря Бога за свое чудесное спасеніе и непрерывно падая на дорогѣ отъ крайняго изнеможенія силъ. Дѣйствительно, нашлась рыбацья хижина. Въ ней строитель Іосифъ такъ занемогъ, что рыбаки, отчаявшись въ его жизни, пригласили изъ ближайшаго монастыря, (вѣроятно Андрусовскаго) іеромонаха приготовить его къ переходу въ другую жизнь. Два дня и двѣ noci черноризецъ сей прожилъ у рыбаковъ, напутствуя и утѣшая больного старца. На третій день ему стало легче, и чрезъ недѣлю рыбаки отвезли Валаамскаго строителя въ Олоонецъ на попеченіе купца Никифора Королькова. Пробывши у него четыре недѣли и оправившись отъ болѣзни, старецъ опять возвратился въ Валаамскій монастырь. «Отъ сего же потопленія», рассказывалъ онъ самъ: «нозѣ мои на долзѣ обложены быша ранами: исцѣлѣвшимъ же имъ, оставшася до дне сего черны, аки угліе» *). Спасеніе свое старецъ Іосифъ всегда считалъ дѣломъ чудодѣйственной благодати Божіей **).

Архимандрить Синесій—сподвижникъ святителя Софронія Иркутскаго.

(Память 10 мая).

Настоятель Вознесенской обители, архимандрить Синесій Ивановъ, всю жизнь свою провелъ вмѣстѣ со святителемъ

*) „Несчастное приключеніе Валаамскаго монастыря строителя Іосифа Шарова“. С. П. Б. 1792 г.

***) Валаамскій монастырь.

Софроніемъ, какъ два трудника, оба неся одинъ яремъ, по въздѣлыванію Божіей нивы, особенно по устроенію иноческихъ обителей. Архимандритъ Синесій, какъ въ Россіи былъ сотрудникъ Софронію, такъ и въ Иркутскѣ былъ его помощникомъ во всемъ и вѣрнымъ исполнителемъ и проводникомъ всѣхъ предначертаній и желаній своего друга—святителя. Синесій былъ членомъ консисторіи и такимъ образомъ помощникомъ преосвящ. Софронія и по управленію епархіею. Даже встрѣчаются указы отъ имени преосвящ. Софронія, подписанныя рукою архимандрита Синесія, вмѣсто епископской подписи. Такъ, напр., разрѣшеніе отъ 5 ноября 1766 года объ освященіи Манзурской Введенской церкви, на прошеніи старосты этой церкви о томъ и о выдачѣ новаго св. антимиаса, а также и назначеніи лицъ, имѣющихъ освятить храмъ. Резолюція эта, исходящая отъ имени преосвященнаго, подписана рукою намѣстника архимандрита Синесія. За это Господь и удостоилъ ихъ вѣнцовъ Своихъ небесныхъ. И Синесій, дѣятельно управлявшій Вознесенскою обителью—селеніемъ святителя Иннокентія I чудотворца,—воспріялъ блаженную кончину и не только похвалу отъ земныхъ своихъ преосвященныхъ владыкъ Иркутскихъ архипастырей, но и награду на небѣ отъ Бога, Который прославилъ блаженнаго Синесія и на землѣ нетлѣніемъ тѣла его и чудотвореніями. Этотъ достославный настоятель Вознесенской обители есть одинъ послужившій сему монастырю 33 года (23 апр. — 12 мая 1754 г. по день своей блаженной кончины, послѣдовавшей 10 мая 1787 года, поживъ въ мірѣ 89 лѣтъ). Гробъ его съ нетлѣннымъ тѣломъ цѣлъ и виденъ доселѣ въ часовнѣ противъ алтаря соборнаго монастырскаго храма, построенной надъ могилою Синесія, и служить предметомъ благоговѣйнаго почтенія посѣтителей Ирк. Вознесенскаго монастыря. (*Майская кн. Душепол. Чт. 1905 г., статья: Блаженный Софроній, 3-й епископъ Иркутскій.—Стран. 119 и 120-я.*)

Старица Таисія, подвижница Воронежскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря.

(Память 10 мая).

Старица Таисія, была подвижница Воронежскаго дѣвичьяго Покровскаго монастыря.

Въ 1765 году управлялъ Воронежскою паствою святитель Тихонъ I. Его душу возмущало нехристіанское препровожденіе мѣстными жителями церковныхъ праздниковъ, которые ознаменовывались въ Воронежѣ болѣе гульбищами и нескромными играми, нежели молитвою. Въ Воронежѣ существовалъ съ давнихъ временъ языческій обычай праздновать, предъ началомъ Петрова поста, цѣлую недѣлю Ярила. Окрестные жители стекались, какъ бы для ярмарки, на городскую площадь, куда выводили молодого человѣка, опутаннаго лентами и цвѣтами, съ позвонками въ рукахъ, который плясалъ предъ народомъ и представлялъ собою того языческаго идола Ярилу, въ честь коего совершалось нелѣпное празднество, заключавшееся пьянствомъ, кулачными боями, а иногда и смертоубійствомъ. Не могло вынести такого безчинія сердце ревностнаго пастыря, который не потерпѣлъ третища идольскаго посреди христіанскаго города, тѣмъ болѣе, что эти безчестіе и буйство возрастали. Въ первый день Петрова поста рѣшился онъ самъ выѣхать къ народу изъ своего загороднаго уединенія (изъ Троицкой рощи, гдѣ загородный архіерейскій домъ съ церковью), и какъ горько поражены были взоры его неистовымъ зрѣлищемъ! Повсюду раздавались дикія пѣсни, вопли и крики; до высшей степени доходилъ разгулъ пьяной толпы, возбужденной развратными плясками. Исполненный негодованія Тихонъ въѣхалъ въ самую средину безчинствующихъ и сказалъ сильное обличительное слово, которое возбудило стыдъ и раскаяніе. Многіе сейчасъ же разбѣжались, другіе еще остались на площади, но уже

не для игрищъ, а для того, чтобы со смиреніемъ слушать увѣщанія своего пастыря, который угрожалъ имъ отлученіемъ отъ Церкви, если не прекратятъ безчинія. Въ своемъ присутствіи немедленно заставилъ онъ разорить всѣ шалаши, устроенные для игръ и для торжища, и тогда только возвратился въ свое уединеніе.

Среди этой толпы, на этомъ игрищѣ, находилась одна дѣвица, разодѣтая по праздничному и веселая, дочь одного мѣщанина въ Воронежѣ, Татьяна Поставалова. Обличительное слово св. Тихона, подобно сѣмени, упавшему на добрую землю, принесло добрый плодъ въ сердцѣ дѣвушки Татьяны. Она плясала и пѣла въ хороводѣ; но пастырское слово св. Тихона поразило ее и пробудило ея совѣсть. Въ Татьянѣ, вышедшей изъ родительскаго дома на игрище и, вѣроятно, не помышлявшей о всей грѣхности языческаго праздника, вдругъ пробуждается самосознаніе и съ нею тутъ же на площади дѣлается такой переломъ, подобные какому происходятъ обыкновенно болѣе продолжительно. Видимо благодать Божія была съ нею. «Когда я услышала, рассказывала она потомъ, обличительныя рѣчи св. Тихона, мнѣ вообразилось, будто настала страшная судъ; я дотогу устрашилась, что тотчасъ же положила въ сердцѣ намѣреніе умилоствити Бога покаяніемъ и тѣмъ избѣжать муки вѣчной».

Прямо съ базарной площади, не заходя въ родительскій домъ, Татьяна, говоритъ преданіе, отправилась въ своемъ праздничномъ нарядѣ въ Воронежскій Покровскій дѣвичій монастырь. Тамъ около двухъ лѣтъ была игуменіей мать Прокла, въ схимѣ Пелагія, выбранная сестрами изъ среды себя и поставленная во игуменіи тѣмъ же св. Тихономъ въ первый годъ его святительства въ Воронежѣ, въ 1763 году. Матушкѣ игуменіи доложили о приходѣ Татьяны. Узнавъ отъ нея о причинѣ ея желанія поступить въ монастырь, благочестивая игуменія Прокла приняла Татьяну съ ласкою и любовію.

Въ началѣ монастырской жизни Татьяна, въ монашествѣ Таисія, испытала болѣзнь: у нея свело ноги, отъ какой болѣзни исцѣлилъ ее Богъ по молитвамъ св. Тихона.

Образъ жизни матери Таисіи былъ вполне аскетическій. Задача спасительнаго христіанскаго подвига заключается въ отсѣченіи своей грѣховной воли и въ покореніи себя волѣ Божіей. Для видимости и осязательности этого отсѣченія необходимо покорить себя волѣ лицъ, духовно старшихъ насъ. Этимъ отсѣченіемъ своей воли начала Таисія свои иноческіе подвиги. Она исполняла разнообразная послушанія, особенно въ качествѣ прислужницы старицамъ этого монастыря и еще несла другое послушаніе, о которомъ намъ извѣстно слѣдующее.

Въ описываемое старое время благочестивые люди въ дни, почему-либо чтимые въ ихъ семействахъ, устроили въ стѣнахъ Покровскаго монастыря, съ разрѣшенія игуменій, общую трапезу для сестеръ. Разумѣется, пища и хлѣбъ пригото- влялись здѣсь же.

Старицѣ Таисіи было назначено въ послушаніе сѣять муку. Порою дотога много было работы, что Таисію запрутъ на цѣлый день въ амбарѣ и даже забудутъ не только принести ей пищи, но даже воды утолить жажду. Терпѣла Таисія; но врагъ рода человѣческаго рычитъ, искій кого бы поглотити, онъ сталъ внушать ей малодушіе и досаду.—Чѣмъ же я виновата? — сорвалось у нея однажды съ языка, что на меня одну налагаютъ послушаніе.

На это замѣтили ей монахини: «смотри, игуменія услышитъ и вышлетъ тебя изъ монастыря».

— Чѣмъ мнѣ дожидаться, пока вышлютъ, лучше я сама уйду, отвѣчала Таисія.

И дѣйствительно, вскорѣ келлія Таисіи опустѣла. Раба Божія поддалась искушенію. Она ушла изъ монастыря и цѣлый день бродила въ бывшемъ тогда по сосѣдству съ монастыремъ густомъ лѣсу, пока не наступила ночь. Пере-

лѣзши потомъ чрезъ ограду, она направилась къ своей келліи; но увы, келлія заперта, и ключъ очутился у игуменіи... Шестъ недѣль сряду Таисія проводила дни въ лѣсу, а ночи на монастырскимъ дворѣ, подъ открытымъ небомъ.

Она почти вовсе не спала, а ходила до бѣлаго свѣта по монастырю, молясь предъ тѣми иконами, которыя выставлены у церкви, или тревожила стукомъ спящихъ знакомыхъ монахинь, особенно монахинь, за которыми она замѣчала какое-либо искушеніе.

Чѣмъ она питалась въ это время—одному Богу извѣстно. Наконецъ, монахини сжалились надъ Таисією и доложили игуменіи, которая совѣмъ было позабыла о ней. Немедленно келлія Таисіи была отворена, и она снова поселилась въ обители.

Келлія старицы Таисіи не запиралась никогда, ни днемъ ни ночью. Пища ея состояла преимущественно изъ чаю, разведеннаго на холодной водѣ, и лепешки, наскоро замѣшанной ею въ собственномъ старомъ клубукѣ... Старица любила приглашать къ себѣ на ночь кого-либо изъ монастырскихъ дѣвушекъ, которыя сначала охотно исполняли желаніе старицы, но та по цѣлымъ ночамъ не давала имъ спать. Таисія молится или работаетъ во всю ночь. Днемъ наготовить, бывало, иголокъ со вздернутыми нитками, а ночью шьеть и шьеть суконные башмаки... Чуть заснетъ дѣвушка, старица будить ее.

— А ты уже заснула, говорить она.

— Да я заболѣю безъ сна, отвѣчаетъ ей дѣвушка.

— Не заболѣешь; по ночамъ не слѣдуетъ спать.

И дѣвушки оставляли старицу одна за другою.

Въ то время въ Воронежской городской больницѣ жилъ Христа ради юродивый, нѣкто Иванъ Васильевичъ, котораго очень уважала старица Таисія и заботилась о немъ. Однажды чуть свѣтъ приходитъ старица Таисія къ одной любимой келліи и начинаетъ стучать. Монахини отворяютъ двери и

впускаютъ ее. Видя старицу легко одѣтую и прозябшую до костей, монахини укладываютъ ее на кровать и предлагаютъ ей чай.

— Поставь самоваръ; хорошо, хорошо.

И самоваръ поданъ, и чашка съ чаемъ остыла, а старица все охаетъ и охаетъ.

— Вотъ мы пьемъ чай, а Иванъ Васильевичъ сидитъ теперь голодный и ждетъ чаю, говоритъ она.

— Ну, что же, отвѣчаетъ послушница, я налью ему бутылку, возьму булку и сбѣгаю, отнесу.

— Сдѣлай милость, потрудись, просила старица.

Послушница опрومتью пробѣжала улицу, взобралась на крутое взгорье и очутилась у Ивана Васильевича. Тотъ видимо ожидалъ гостинца: растворилъ въ палату двери, принялъ посланную вѣжливо и очень благодарилъ.

Возвратясь, послушница передала старицѣ, какъ было. Та осталась довольною. Въ другой подобный же случай, когда старица начала печалиться, что Иванъ Васильевичъ голоденъ, услужливая послушница попрежнему предложила свои услуги.

— Неси, коли хочешь, да ужъ опоздала, матушка, опоздала...

Послушница отправилась; но вмѣсто ласковаго приѣма ее юродивый встрѣтилъ такой непривѣтливый и вспыльчивый, что та не знала, куда дѣться. Бутылка съ чаемъ разлетѣлась вдребезги. Смущенная послушница возвращается въ монастырь и разсуждаетъ сама съ собою: «ну что я скажу старицѣ? Солгу; скажу, что Иванъ Васильевичъ благодарить». Лишь вошла она въ келлію, старица встрѣчаетъ ее словами:

— А что, видишь, опоздала!

— Благодарилъ, матушка.

— Не проводи меня: опоздала; да, опоздала!

Есть сказаніе еще о слѣдующихъ случаяхъ, гдѣ сказалась прозорливость старицы Таисіи.

Однажды утромъ она стала вытаскивать большую скамью изъ-за своей печки и просила одну послушницу помочь ей. На вопросъ послѣдней, зачѣмъ это она дѣлаетъ, старица отвѣчала:

— Неравно, гости будутъ.

Примостивши скамью, старица сѣла на край и спрашиваетъ послушницу:

— Хорошо ли будетъ, если я сяду здѣсь, а гости тутъ?

— Хорошо, отвѣтила послушница.

Потомъ старица взяла чайную чашку безъ ручки и попросила у знакомой монахини варенья, говоря: неравно, гости будутъ.

Ровно въ три часа пополудни пріѣхали въ монастырь Воронежскій преосвященный Антоній II со своимъ гостемъ преосвященнымъ Курскимъ Иліодоромъ. Не заставъ дома игумени, оба преосвященные отправились къ старицѣ Таисіи. Она усадила гостей на приготовленной скамьѣ и угощала ихъ тѣмъ же вареньемъ, омачивая въ него куски калача и подавая имъ...

Купчиха А. съ своею молодою невѣсткою посѣтила старицу. Таисія, предчувствуя бѣду, грозящую невѣсткѣ, стала выражать сожалѣніе о ней, называя ее нѣжными именами, при чемъ набросила ей на шею четки.

— Что это, матушка, неужели она пойдетъ въ монастырь—такая молодая, красивая, да еще замужемъ? спросила послушница.

Старица не обратила на нее вниманія, а отнеслась къ старшей купчихѣ:

— Если что случится, не забудь ты дать мнѣ знать.

Часа чрезъ два по возвращеніи домой купчихъ съ мужемъ молодой сдѣлался ударъ, и вскорѣ она овдовѣла, послѣ чего поселилась въ Елецкомъ, Орловской губерніи, дѣвичьемъ монастырѣ и умерла монахиней.

Старица Таисія мало ѣла, мало спала, хранила строгій

постъ и воздержаніе, вся была въ Богѣ, и Богъ былъ съ нею. Наступилъ 1840 годъ. За семь мѣсяцевъ до своей блаженной кончины, старица дотого ослабѣла, что слегла въ постель и безъ помощи другихъ не могла двинуться. Въ это время она часто исповѣдывалась и приобщалась св. Таинъ, а въ послѣдніе дни свои она почти каждый день удостоивалась трапезы Господней. Наступила Страстная седмица.

— Возьми меня къ окну, сказала старица послушницѣ. Та взяла на руки старицу и поднесла къ окну. Старица вздремнула.

— Лучше бы вы, матушка, поглядѣли въ окно. Вотъ копаютъ могилу усопшей сестрѣ, отъ нечего дѣлать сказала послушница.

— Утредила я тебя. Потерпи еще немножко. Вотъ скоро Святая, и я оставлю васъ... Отвѣчала раба Божія.

Наступилъ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Послѣ ранней обѣдни старицу Таисію приобщили св. Христовыхъ Таинъ. Принесли ей куличъ, сыръ и просили разговѣться; долго отговаривалась старица, но потомъ немножко отвѣдала сыру и тѣмъ покончила. Силы ея стали замѣтно упадать и упадать. Она дотого ослабѣла, что еле дышала. Въ такомъ состояніи она провела до ночи со среды на четвергъ Святой недѣли, и безмятежно предала Богу смиренную душу свою.

Въ ту самую ночь одна монастырка видѣла замѣчательный сонъ: чрезъ святые ворота приплыли на лодкѣ къ келліи старицы Таисіи святители Митрофанъ и Тихонъ, осѣняемые небеснымъ свѣтомъ. Взяли они старицу Таисію, посадили между собою и уплыли съ нею тою же дорогою, оставивъ монастырь во мракѣ.

Всѣ сестры монастыря и во главѣ ихъ внимательная къ старицѣ Таисіи игуменія Смарагда проводили подвижницу Божию до ея могилы. Старица Таисія погребена на монастырскомъ кладбищѣ, за горнимъ мѣстомъ лѣтняго храма, съ

лѣвой стороны. Надгробная цоколевая плита на ея могилѣ имѣеть соотвѣтствующую надпись.

Таисія прожила въ монастырѣ 75 лѣтъ. А если принять во вниманіе, что она скончалась 105 лѣтъ отъ роду, оказывается, что она вступила въ монастырь 30 л. Есть другое и такое мнѣніе, что Таисія вступила 18 л.; тогда выйдетъ, что она скончалась 93 лѣтъ *).

Архимандритъ Антоній, намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

(Память 12 мая).

Отецъ арх. Антонія Гавріилъ Ивановичъ Медвѣдевъ и мать Ирина Максимовна были вольноотпущенные графини Екатерины Ивановны Головкиной. Медвѣдевъ служилъ въ Лысковѣ у князя Грузинскаго вольнонаемнымъ поваромъ, когда у него родился младшій изъ дѣтей и единственный сынъ Андрей (въ иночествѣ Антоній). Это было 6 октября 1792 года; 17 октября былъ день его тезоименитства. На пятомъ году жизни Андрей лишился своего отца, о нѣжныхъ ласкахъ котораго сохранилось впрочемъ у него полное любви воспоминаіе. Мать свою онъ называлъ женщиною строгою. Она умерла на 95 году жизни. Оставшись вдовою съ малолѣтними дѣтьми Ирина продолжала жить въ Лысковѣ, гдѣ мужъ ея успѣлъ уже пріобрѣсти свой домъ, и кормилась трудами рукъ своихъ. Послѣ обученія грамотѣ Андрей отданъ былъ матерью въ ученики аптекарю при больницѣ въ Лысковѣ Полидорову. Въ то же время состоялъ онъ и въ пѣвческомъ хорѣ, по альтиомъ. Приглашенный княземъ Грузинскимъ въ домашніе врачи и для завѣдыванія больницею, французъ, докторъ Дебше полюбилъ Андрея, взялъ его къ себѣ и заставлялъ подъ своимъ надзоромъ прислуживать больнымъ, знакомилъ и съ

*) „Душеполезное Чтеніе“ 1876 г.

*Архимандритъ Антоній,
намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры*

средствами врачеванія и, умирая, отказалъ ему всѣ свои книги. Живой и воспріимчивый юноша скоро пріучился такъ успѣшно помогать больнымъ, что когда заступившій мѣсто Дебше врачъ не понравился князю, онъ Андрею Медвѣдеву поручилъ завѣдываніе всею больницею.

Несмотря на молодость, къ фельдшеру Андрею Медвѣдеву многіе обращались за врачебною помощію, — и не безъ пользы. За недостаткомъ врачей, прикомандированный къ готовившемуся въ 1812 г. Нижегородскому ополченію онъ получилъ формальное дозволеніе на врачебную практику. Немало врачебной практики доставляла ему Макарьевская ярмарка, которая была въ пяти верстахъ отъ Лыскова. Купцы московскіе, которыхъ лѣчилъ Медвѣдевъ, звали его въ Москву. Проѣзжавшій по Волгѣ мимо Лыскова князь Кочубей долженъ былъ обратиться за врачебною помощію для больной своей дочери къ Медвѣдеву и, когда онъ облегчилъ ея страданія, приглашалъ его сопутствовать ему въ Крымъ, обѣщая послѣ свое покровительство. Но Медвѣдевъ на опытѣ испыталъ, какъ тяжело покровительство вельможъ, и охотнѣе склонился на приглашеніе московскихъ купцовъ. Вообще перемѣнить свое положеніе было его желаніе, но всего менѣе приходилъ на мысль тотъ путь, на которомъ суждено было получить ему извѣстность.

Но сначала бессознательно для него самого душа его подготовилась и какъ бы случайными впечатлѣніями и самыми обстоятельствами жизни къ новому направленію. Однажды случайно забрелъ онъ ночью въ нижній этажъ княжескаго дома, всегда открытаго для странствующихъ монаховъ. Въ одномъ углу его, освѣщенномъ лишь лампадой, увидалъ онъ послушника, стоящаго на колѣняхъ и молящагося. Завязался разговоръ. Медвѣдевъ полюбопытствовалъ узнать, въ чемъ состоитъ келейное монашеское правило. Странникъ предложилъ совершить его вмѣстѣ. Душа Андрея усладилаь именемъ сладчайшаго Іисуса многократно повторяемымъ и въ канонѣ и въ акаѣистѣ.

Послѣдовавшее вскорѣ за этимъ случаемъ знакомство съ настоятельницею Арзамасской Алексѣевской общины Ольгою Васильевною Стригалевою имѣло болѣе опредѣленное и рѣшительное на него вліяніе.

По врачебной практикѣ Медвѣдевъ бывалъ и въ Арзамасѣ. Разъ изъ одного дома онъ приглашенъ былъ подать помощь тяжело болѣвшей Ольгѣ Васильевнѣ, подлѣ изголовья которой провелъ онъ нѣсколько часовъ и немало выслушалъ духовнаго и назидательнаго. Ему удалось облегчить болѣзненное состояніе Ольги Васильевны. Отъ нея приглашенъ былъ онъ къ болящей блаженной Еленѣ Аванасьевнѣ изъ рода дворянъ Дертьевыхъ.

Елена встрѣтила Медвѣдева словами: «нынѣ начяхъ: сія измѣна десница Вышняго» (Псал. 76, 11 ст.), потомъ, взглянувъ на его мірскую одежду, сказала: «хорошъ паренекъ, да одежду нужно подлиннѣе, до самыхъ пятокъ». Лѣкарство принимать какое-либо она отказалась. Не понявъ тогда Медвѣдевъ словъ блаженной, но послѣ видѣлъ въ нихъ прореченіе объ его иночествѣ и указаніе на то, что знакомство съ Ольгою Васильевною было началомъ для него новаго поворота въ его жизни.

Какъ въ Лысковѣ, такъ и въ ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ, особенно по лѣвому берегу Волги, было многочисленное населеніе изъ раскольниковъ. Многіе и изъ купцовъ московскихъ, которыхъ случалось лѣзнуть во время ярмарки Медвѣдеву, принадлежали къ расколу. Пропаганда, свойственная расколу, не опустила случая коснуться и даровитаго юноши. Православные изъ простого народа доказывали истину своей вѣры преимущественно тѣмъ, что въ православной церкви много мощей, а у раскольниковъ ихъ нѣтъ. Поэтому раскольники старались подорвать довѣріе и уваженіе къ св. мощамъ, чествуемымъ православными. Много такихъ внушеній пришлось выслушать и Медвѣдеву. Не видавъ дотолѣ мощей св. угодниковъ, Андрей при первомъ представившемся

случаѣ отправился въ Муромъ и Владиміръ, гдѣ были св. мощи.

Посѣщеніе мѣстъ, гдѣ почиваютъ угодники Божіи въ нетлѣннѣ своихъ мощей, разсѣяло тѣ внушенія, какія сдѣланы были раскольниками. Особенно сильно поразило его нетлѣннѣ мощей во Владиміръ.

Съ этого времени яснѣе и опредѣленнѣе стала возникать у него мысль объ иноческой жизни. Въ впечатлительной душѣ разъ возникшая мысль усиливалась болѣе и болѣе. Ольга Васильевна снабжала его духовными и свято-отеческими книгами, въ которыя онъ дотолѣ не заглядывалъ. Въ подвалѣ того дома, гдѣ жилъ Андрей, отыскалъ онъ уголокъ, куда по временамъ иногда на день, иногда на два удалялся онъ такъ, что не знали, гдѣ онъ былъ. Здѣсь пріучался онъ къ молитвѣ и собранности духа. Исполненіе служебныхъ обязанностей при больницѣ въ Лысковѣ при князѣ Грузинскомъ, хотя добромъ, но своенравномъ, тяготило его давно. Онъ желалъ другого мѣста, но оказалось важное препятствіе.

Три года мать Андрея просила отпустить сына, но князь не соглашался, и когда она настаивала на возвращеніи вольной ея мужа, объявили ей, что вольная сгорѣла. При дальнѣйшей просьбѣ князь уже грозилъ, что отдастъ въ солдаты Андрея. Въ этомъ затруднительномъ положеніи помогъ Андрею секретарь Макарьевского магистрата Соловцевъ. Онъ помогъ достать копію съ вольной и метрическое свидѣтельство и на основаніи этихъ документовъ приписаться въ мѣщане города Арзамаса. Во время этихъ хлопотъ, чтобы не подвергаться какому-либо тяжелому дѣйствию вспыльчиваго князя и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовиться къ иноческой жизни, мысль о которой стала преобладать теперь въ душѣ Медвѣдева, онъ прибылъ въ Арзамасъ, надѣлъ лапти, худую одежду и бѣднымъ странникомъ отправился въ Саровъ и въ осеннее дождливое время въ рубищѣ нищаго явился въ обитель (въ 1817 году) и перваго встрѣтившагося ему послушника спросилъ, къ кому

слѣдуетъ ему обратиться съ просьбою о принятіи его въ число братства. Вопросаемый подозрительно осмотрѣлъ его съ ногъ до головы. Замѣтивъ, что грязное рубище слишкомъ противорѣчитъ всему прочему, послушникъ, считая его обманщикомъ и подозрѣвая худыя намѣренія, сказалъ, что въ святой обители нѣтъ мѣста такимъ шатунамъ, и прибавилъ, чтобы онъ поскорѣе убирался изъ обители, грозя призвать сторожей, чтобы выпроводить его. Далеко еще не нищій духомъ, мнимый нищій запальчиво сталъ обличать послушника за несообразное съ его званіемъ лицепріятіе и тѣмъ еще болѣе убѣдилъ послушника въ справедливости родившагося въ немъ подозрѣнія. Но дальнѣйшія объясненія прерваны были появленіемъ монаха, который, подозвавъ къ себѣ послушника, увелъ его для исполненія спѣшнаго послушанія. Проходящій монастырскій работникъ указалъ страннику входъ къ казначею, но и тѣмъ онъ былъ принятъ сурово. Медвѣдевъ, глотая слезы, направился къ выходнымъ воротамъ, съ твердымъ намѣреніемъ не бывать впредь въ Саровѣ. За воротами ему встрѣтился отецъ Маркъ. Блаженный въ одной рубашкѣ съ обнаженною грудью и вѣткой въ рукахъ остановилъ бѣжавшаго изъ обители и, положивъ ему руку на плечо, съ улыбкою вперивъ на него взоръ, произнесъ: «не искушай Господа Бога твоего». Уразумѣлъ Андрей смыслъ обличенія отъ старца Марка, понялъ, что Господь попустилъ быть ему искушеннымъ такимъ непріязненнымъ приѣмомъ въ обители за то, что самъ приходилъ искушать иноковъ. Со слезами раскаянія палъ онъ къ ногамъ блаженнаго.—Прости меня, батюшка, говорилъ онъ рыдая, и помолись о мнѣ Господу, согрѣшилъ я.—Старецъ улыбнулся, перекрестилъ его и сказалъ: «смиряться и спасешься. Иди съ миромъ. Не убо приде еще часъ. Господь управитъ путь твой въ мѣсто сіе».

Изъ своего путешествія Медвѣдевъ возвратился въ Лысково, но съ твердою рѣшимостію оставаться тамъ недолго.

Мать неохотно давала согласіе на поступленіе его въ монастырь, и это на время остановило его. Но уже 27 іюля 1818 г. Медвѣдевъ снова пришелъ въ Саровъ съ просьбою о принятіи въ монастырь. Игуменъ Нифонтъ принялъ его внимательно и далъ ему особую малую келлію. Поступивъ въ Саровскую обитель, Медвѣдевъ старался приучить себя къ разнымъ иноческимъ послушаніямъ, между прочимъ пѣлъ на клиросѣ и былъ чтецомъ. Будущій архимандритъ о. Антоній не могъ пользоваться совѣтами и наставленіями великихъ подвижниковъ Сарова Марка и Серафима. Маркъ скончался 4 ноября 1817 года, а Серафимъ былъ въ затворѣ съ 1810 года до 1825 года, и до 1820 года сохранялъ обѣтъ молчанія. Никакому старцу въ послушаніе и не былъ порученъ ищущій иночества. Но Медвѣдевъ имѣлъ мудрую руководительницу къ духовной жизни въ настоятельницѣ Алексѣевской общины. Болѣзненное состояніе Ольги Васильевны, которую Медвѣдевъ читилъ, какъ духовную мать, довѣрившую врачебному искусству Андрея Гавриловича, подавало поводъ къ частымъ посѣщеніямъ, во время которыхъ, врачуя ее тѣлесно, самъ врачевался отъ нея духовно.

Въ первое время пребыванія своего въ Саровѣ Медвѣдевъ не встрѣчалъ препятствій къ посѣщенію ея, но потомъ стали отказывать ему въ дозволеніи на это, такъ какъ отлучка изъ обители по правиламъ монастырскимъ возбранялась. При этихъ обстоятельствахъ пребываніе въ Саровѣ для молодого человѣка, не покорившаго воли своей безропотному послушанію, казалось тяжело.

Пробывъ около полутора года въ Саровѣ Медвѣдевъ возвратился въ Арзамасъ—недалекій отъ мысли совсѣмъ отказаться отъ монашеской жизни.

Ольга Васильевна своими убѣжденіями разсѣяла его колебаніе и убѣдила его поступить въ Высокогорскій монастырь, находящійся верстахъ въ четырехъ отъ Арзамаса. Живя въ этой пустыни онъ могъ пользоваться совѣтами и наставле-

ніями Ольги Васильевны и вмѣстѣ быть ея врачомъ. Медвѣдевъ пришелъ въ Арзамасъ какъ бы для того, чтобы принять послѣднее благословеніе отъ блаженной Елены Аванасьевны.

Высокогорская пустынь, въ которую поступилъ Медвѣдевъ, была скудна и средствами матеріальными, и числомъ братства. На новаго послушника, который и здѣсь еще немало времени оставался незачисленнымъ формально въ братство, можетъ быть по причинѣ неполученія увольнительнаго свидѣтельства отъ общества, возложена была обязанность пономаря. Имѣя свои средства, Медвѣдевъ каждый день для служенія доставлялъ свѣжія просфоры и нескучно удѣлялъ вино. Поэтому служащіе были очень довольны имъ. Онъ продолжалъ заниматься и врачеваніемъ, и многіе обращались къ нему за врачебною помощію.

Наконецъ, въ 1822 году официально зачисленъ былъ онъ послушникомъ пустыни и вслѣдъ затѣмъ постриженъ въ монашество 27 іюня съ именемъ Антонія, въ честь преподобнаго Антонія Печерскаго. Недостатокъ въ іеромонахахъ и способности новаго постриженника побудили начальство вскорѣ же послѣ постриженія рукоположить его въ священный санъ. Іюля 20 онъ былъ рукоположенъ въ іеродиакона, а 22—въ іеромонаха.

Со времени поступленія своего въ Высокогорскую пустынь о. Антоній находился подъ непосредственнымъ духовнымъ руководствомъ Ольги Васильевны. Она пріучала его къ подвигамъ иноческимъ, отсѣгая всякое излишнее желаніе. Разъ, будучи у Ольги Васильевны, сказалъ онъ ей, что купилъ очень хорошій себѣ тулупъ изъ овчинъ калмыцкихъ. Ольга Васильевна призвала купца, продавашаго тулупъ, и велѣла возвратить данныя деньги, сказавъ: съ тебя достаточно и простой овчины для защиты отъ холода.

Не оставлялъ о. Антоній и общенія съ Саровскими старцами, для которыхъ путь въ Москву или Нижній былъ чрезъ

Арзамасъ. По временамъ бывалъ въ Саровѣ и самъ о. Антоній. Послѣ того, какъ въ 1820 году, о. Серафимъ разрѣшилъ свой обѣтъ молчанія, онъ пользовался его совѣтами и наставленіями. Князь Грузинскій примирился съ тѣмъ, что Медвѣдевъ оставилъ его, и даже съ довѣренностію обращался къ нему за содѣйствіемъ въ своихъ семейныхъ дѣлахъ. Одно такое порученіе подало поводъ или вызвало окончательно рѣшимость о. Антонія предпринять путешествіе къ святымъ русскимъ мѣстамъ даже до Кіева. Это было въ 1824 году.

Въ Нижнемъ о. Антоній долженъ былъ прожить довольно времени въ ожиданіи сына князя Грузинскаго, котораго онъ долженъ былъ сопровождать въ Бѣлбашскій монастырь. Это замедленіе было причиною новаго смущенія для о. Антонія. Вотъ что онъ пишетъ: «въ Нижній прибылъ П. А. Об. и умолялъ меня возвратиться въ Арзамасъ для пользованія привезенной имъ жены, бывшей въ чахоткѣ, въ надеждѣ моего на это согласія».

15 мая выѣхалъ о. Антоній изъ пустыни: наступило 4 іюня, а онъ былъ еще въ Нижнемъ. Въ этотъ день пріѣхала въ Нижній начальница Арзамасской общины Ольга Васильевна и остановилась въ дѣвичьемъ монастырѣ у игуменьи Дороеи Мартыновой—умной, духовной старицы, много испытавшей въ жизни и всегда назидательной въ бесѣдахъ ея. Къ нимъ отправился о. Антоній просить совѣта для разрѣшенія смущавшихъ его помысловъ.

«Думали, пишетъ онъ, говорили и извлекали изъ примѣровъ и наконецъ единогласно рѣшили, что Бога ради можно и то и другое дѣлать. Но какъ лѣченіе не собственное дѣло монаха, то предпочли, что лучше Бога ради для назиданія душевнаго видѣть отцевъ, видѣть ихъ жизнь и собрать полезное для своей души. Случившійся тутъ же духовный отецъ монастыря прочиталъ молитву и благословилъ меня въ путь подлежащій. Послѣ сего рѣшенія я совершенно ожилъ отъ развязки совѣсти и мышленія. Теперь и самъ я видѣлъ, что

путь имѣеть для меня пользу, а потому столько и препятствій встрѣчалось. Къ двумъ старцамъ присоединилась еще духовная старица Ев. Л., и каждая изъ своего саодѣланія износила въ бесѣду, кто какъ учился вскапывать, кто поливать, кто блюсти, чтобы не росло терніе на нивѣ сердца. Заключение бесѣды было такое, что къ спасенію душевному при помощи Божіей благодати надо во всемъ понуждать себя».

Между тѣмъ князь Грузинскій все не пріѣзжалъ. Скука стала одолѣвать о. Антонія, но онъ нашелъ врачевство отъ нея въ довольномъ запасѣ отеческихъ книгъ, которыя онъ взялъ съ собою въ путь.

Наконецъ, 8 іюля пріѣхалъ князь, и съ нимъ чрезъ Хатунки и Пучежъ отправился о. Антоній въ Бѣлбашскій монастырь.

Чрезъ Кострому и Ярославль онъ проѣхалъ въ Сергіеву лавру, гдѣ, какъ онъ вспоминалъ, братія обошлась съ нимъ грубо. Въ Москвѣ онъ останавливался въ Симоновѣ монастырѣ и по совѣту жившаго въ Симоновѣ на покоѣ бывшаго намѣстника сего монастыря іеромонаха Іосифа, проходившаго подвижническую жизнь, и схимонаха Павла, 95-лѣтняго старца, о. Антоній представился тогдашнему архіепископу Московскому Филарету. Преосвященный Филаретъ не малое время бесѣдовалъ съ Антоніемъ. Бесѣда сначала была о Саровѣ и его подвижникахъ, но потомъ перешла къ библейскимъ обществамъ и тогда господствовавшему мистическому направленію. Антоній прямо высказывалъ мысли неблагоприятныя и для библейскихъ обществъ, и для моднаго тогда духовнаго направленія и довольно настойчиво спорилъ съ архіепископомъ Московскимъ. Отпуская отъ себя, Филаретъ сказалъ Антонію, чтобы онъ на обратномъ пути зашелъ къ нему опять. Но о. Антоній не исполнилъ этого желанія митрополита, чтобы опять, какъ онъ говорилъ, не вступить съ нимъ въ преніе. На впечатлительную душу Филарета

эта встрѣча имѣла, какъ онъ самъ послѣ говорилъ, довольно сильное впечатлѣніе. Онъ нерѣдко вспоминалъ объ іеромонахѣ высокогорскомъ Антоніи.

Преосвященный Моисей Нижегородскій, рукоположившій его во іеромонаха, любилъ о. Антонія. Неоднократно онъ ѣздилъ въ Нижній по вызову преосвященнаго и немалое время въ предсмертную болѣзнь его провелъ при немъ: на его глазахъ и скончался преосвященный Моисей 10 января 1825 года.

Въ 1826 г. 2 апрѣля строитель Высокогорской пустыни переведенъ былъ въ настоятели Оранскаго монастыря. На его мѣсто строителемъ преосвященный Меѳодій Орловъ, особенно сблизившійся съ княземъ Е. А. Грузинскимъ, назначилъ 9 іюля 1826 г. о. Антонія. Можетъ быть на него обратилъ вниманіе и Московскій архіепископъ, который рукополагалъ Меѳодія 28 февраля 1826 г. въ епископа.

Вмѣстѣ съ назначеніемъ строителемъ о. Антоній назначенъ былъ и присутствующимъ въ Арзамасскомъ Духовномъ Правленіи. Эта должность могла познакомить его съ канонами Церкви. Первоприсутствующимъ въ Арзамасскомъ Духовномъ Правленіи былъ тогда Александръ, архимандритъ Арзамаскаго Спасскаго монастыря—мужъ духовнаго настроенія. Хотя не сохранилось свѣдѣній о близости о. Антонія къ о. Александру, но служебное сближеніе не могло остаться совсѣмъ безъ вліянія на о. Антонія.

Въ сентябрѣ того же года о. Антоній награжденъ набедреникомъ, а въ 1828 г. палицею уже отъ новаго епископа Нижегородскаго Аванасія, ученика митрополита Филарета.

Подъ управленіемъ новаго строителя быстро стала процвѣтать и прославляться Высокогорская пустынь. Она обновилась и уллучилась во многихъ отношеніяхъ. Личность настоятеля, его служеніе, его даръ слова привлекали изъ Арзамаса и окрестностей въ праздничные дни многихъ посѣтителей. Многіе обращались къ нему съ просьбою имѣть его

себѣ отцемъ духовнымъ. Строгая мать о. Антонія, нерѣдко прѣзжавшая въ обитель, смотря иногда на наполненную послѣ обѣдни приемную строителя различными посѣтителями, вслухъ говорила: «это ли удаленіе отъ людей? Это ли отреченіе отъ міра?»—Церкви украсились, установилось благолѣпное служеніе, введено благоустройство во всемъ. Братіи въ пустыни при вступленіи о. Антонія въ званіе строителя было 20 человекъ, при переходѣ его въ намѣстника Лавры въ ней считалось 90 человекъ. Для помѣщенія иноковъ воздвигались новые корпуса. Ольга Васильевна и для строителя Антонія была такою же духовною матерію, какъ и для Андрея Гавриловича, и продолжала назидать его мудростію своихъ духовныхъ наставленій. Но въ 1828 г. она отправилась на богомолье въ Кіевъ и тамъ скончалась.

Нѣсколько разъ въ годъ ѣздилъ о. Антоній въ Саровъ для бесѣды съ опытными старцами и особенно съ о. Серафимомъ. Старцы Саровскіе любили его, уважали и нерѣдко навѣщали сами. Одинъ изъ уважаемыхъ старцевъ Сарова Арсеній умеръ на его рукахъ въ Высокогорской пустыни въ 1830 г.

Въ 1831 г. февраля 23 скончался намѣстникъ Сергіевой лавры архимандритъ Аѳанасій. Митрополитъ Филаретъ, получивъ извѣстіе о семъ, озабоченъ былъ выборомъ ему преемника. Мысль его между прочимъ остановилась на настоятелѣ Высокогорской пустыни о. Антоніи. «Но, какъ самъ онъ рассказывалъ, не хотѣлось мнѣ брать человека изъ чужой епархіи, тогда какъ много ихъ въ своей. Но въ это время явился странникъ, который и назвалъ мнѣ намѣстникомъ Лавры о. Антонія. Въ этомъ указаніи, совершенно совпадавшемъ съ моею мыслию, я видѣлъ указаніе Провидѣнія.» Митрополитъ спѣшилъ пригласить о. Антонія въ намѣстника Лавры. Съ тѣмъ же, кажется, самымъ странникомъ, который указалъ на о. Антонія, онъ отъ 26 февраля послалъ ему письмо.

Еще за два мѣсяца до назначенія Антонія въ намѣстника

Сергіевой лавры, когда живъ былъ прежній намѣстникъ и не было рѣчи о его замѣщеніи, преп. Серафимъ предсказалъ это назначеніе. Разсказъ объ этомъ предсказаніи записанъ самимъ о. Антоніемъ и съ его записки напечатанъ въ жизни преп. Серафима.

Въ январѣ 1831 г. о. Антоній отправился къ о. Серафиму въ Саровъ для совѣта по случаю сильно смущавшихъ его неотвязчивыхъ мыслей о смерти. Приѣхавши въ Саровъ вечеромъ и нигуда не заходя, Антоній пошелъ прямо къ келліи старца Серафима. Не доходя до нея, онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ изъ братіи Саровской пустыни, которые сказали ему, что о. Серафимъ въ монастырь не возвратился еще изъ своей пустыни. Было уже около пяти часовъ вечера и темно. Приѣхавшій остановился въ раздумьѣ: идти ли ему куда или тутъ дожидаться? Въ это время стоявшая съ нимъ братія, завидѣвъ издали грядущаго старца, повѣстила: вотъ о. Серафимъ идетъ. Старець шелъ въ обыкновенной своей одеждѣ съ мѣшкомъ за плечами, опираясь на топоръ. О. Антоній тотчасъ подошелъ къ нему и поклонился обычно.

— Что ты? спросилъ его старецъ.

— Къ вамъ, батюшка, со скорбною душою, — отвѣчалъ Антоній.

— Пойдемъ, радость моя, въ келлію, привѣтливо сказалъ старецъ.

Въ келліи наединѣ Антоній умолялъ старца Серафима сказать ему откровенно: совершится ли съ нимъ то, что внушаютъ ему скорбные помыслы? Не приближается ли въ самомъ дѣлѣ смерть его? Сижу ли я въ келліи, говорилъ Антоній, выйду ли на монастырь, мнѣ представляется, что послѣдній разъ вижу обитель. Изъ сего я заключаю, что скоро умру, и потому указалъ уже и мѣсто могилы для себя. Желая знать о своей смерти единственно для измѣненія моей жизни, чтобы, отказавшись отъ должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманію. Извѣщеніе о смерти, прибавилъ Антоній, не будетъ страшно для меня.

О. Серафимъ слушалъ разсказъ, не измѣняя положенія и держа за руку Антонія. Когда же сей окончилъ, блаженный старецъ, взирая на него съ любовію, сказалъ: не такъ ты думаешь, радость моя, не такъ: Промысль Божій ввѣряетъ тебѣ обширную лавру.

О. Антонію подумалось, что старецъ Серафимъ желаетъ развлечь его отъ скорбныхъ мыслей, посему, прерывая рѣчь его, сказалъ: Батюшка! это не успокоиваетъ меня, не усмирить моихъ помысловъ; я умоляю васъ: скажите мнѣ прямо: мысли мои о смерти не служатъ ли отъ Бога указаніемъ на близкую мою кончину? и въ такомъ случаѣ я буду просить молитвъ о душѣ моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мнѣ хочется встрѣтить часъ смерти съ должнымъ приготовленіемъ.—О. Серафимъ съ ангельской улыбкою отвѣчалъ: невѣрны твои мысли, я говорю тебѣ, что Промысль Божій ввѣряетъ тебѣ лавру обширную и къ большому удивленію Антонія преп. Серафимъ сталъ просить его милостиво принимать изъ Сарова братію, кто придетъ въ лавру, или кого онъ пришлетъ.

О. Серафимъ, какъ будто идя по одной и той же дорогѣ, сказалъ: не оставь сиротъ моихъ, когда дойдетъ до тебя время.

Не выдержалъ строитель Антоній и въ порывѣ безпредѣльной любви и уваженія къ старцу бросился къ нему, обнялъ его и долго плакалъ. Не понимая значенія сказанныхъ словъ, онъ остановился вниманіемъ своимъ на словѣ «сиротъ»; ему казалось, что старецъ говоритъ о скорой своей кончинѣ. Блаженный Серафимъ продолжалъ: поминай моихъ родителей Исидора и Агафію. Затѣмъ сталъ совѣтовать покоряться во всемъ волѣ Господней, быть прилежну къ молитвѣ, строго исполнять свои обязанности, быть милостивымъ и снисходительнымъ къ братіи: матерью будь, говорилъ онъ, а не отцемъ къ братіи, и вообще ко всѣмъ быть милостивымъ и по себѣ смиреннымъ. Смиреніе и осторожность, говорилъ

онъ, есть красота добродѣтели. Потомъ о. Серафимъ нѣсколько разъ обнялъ строителя, благословилъ висѣвшимъ на груди его крестомъ и сказалъ: теперь гряди во имя Господне. Время уже тебѣ; тебя ждуть.

Во время возвратнаго пути Антоній слышитъ, что ѣдущій съ нимъ монахъ началъ плакать. О чемъ ты плачешь? спросилъ Антоній. Инокъ отвѣчалъ, что по пріѣздѣ въ Саровъ онъ встрѣтилъ преп. Серафима возвращающагося изъ пустыни въ монастырскую свою келлію, который сказалъ ему: ну вотъ и вамъ предстоитъ разлука съ вашимъ строителемъ.

Между тѣмъ время шло: прошелъ январь, февраль, наступилъ мартъ и Великій постъ. На 2-й день этого мѣсяца въ понедѣльникъ первой недѣли поста, отправивъ чреду неусыпаемаго чтенія Псалтири, отправляемую каждымъ братомъ по два часа, строитель сталъ на свое мѣсто. Здѣсь подали ему письмо отъ митрополита Московскаго. О. Антоній пошелъ въ свою келлію. При письмѣ, приглашающемъ Антонія въ намѣстника Сергіевой Лавры, приложенъ былъ конвертъ къ Нижегородскому преосвященному Аѳанасію о скорѣйшемъ увольненіи о. Антонія отъ должности строителя Высокогорской пустыни и отправленіи его въ Москву.

По полученіи письма митрополита Филарета о. Антоній немедленно отправился въ Нижній и, представивъ преосв. Аѳанасію отношеніе митрополита Московскаго, 4 числа получилъ увольненіе отъ должности настоятеля Высокогорской пустыни; 5 и 6 сдалъ монастырь казначею; 7 въ субботу первой недѣли совершилъ литургію и, причастивъ св. Тиинъ братію, простился съ нею и, проѣхавъ въ Арзамасъ, простился съ знакомыми; 10 числа прибылъ въ Москву и остановился въ Симоновѣ монастырѣ и въ тотъ же день явился митрополиту. Въ домово́й церкви митрополита приведенъ былъ къ присягѣ на служеніе въ должности намѣстника; 15 посвященъ въ санъ архимандрита Виѳанскаго монастыря; 19 числа въ четвертокъ во время часовъ пріѣхалъ въ Лавру и прямо

вошелъ въ алтарь безъ всякой встрѣчи, одѣтый по пустынному въ манатейную рясу, съ которою не скоро разстался и на новомъ мѣстѣ служенія.

Выборъ митрополита былъ весьма счастливымъ, а поддерживать избранныхъ имъ лицъ онъ умѣлъ.

О. Антоній 39 лѣтъ въ полной крѣпости силъ душевныхъ и тѣлесныхъ вступилъ въ должность намѣстника Сергіевой лавры и болѣе сорока шести лѣтъ проходилъ эту должность.

Онъ засталъ въ Лаврѣ менѣе ста монаховъ и послушниковъ; доходы простирались до ста тысячъ ассигнаціями. Какъ ограда, такъ корпуса и храмы требовали немедленныхъ исправлений; въ заднихъ углахъ монастыря вездѣ сваленъ былъ соръ. Изъ благотворительныхъ учрежденій существовала одна женская богадѣльня въ монастырскомъ корпусѣ, примыкающимъ къ каменнымъ лавкамъ на горѣ. Въ ней призрѣвалось до 60 старухъ съ порядочнымъ помѣщеніемъ, но каждая изъ нихъ должна была готовить пищу сама для себя. Иконописное мастерство держалось еще по старому преданію, но убогую мастерскую посѣщали только два-три человѣка, которые, равно какъ и другіе иконописцы, пропитаніе себѣ добывали болѣе малярною работою.

Не безъ страха и смущенія отправлялся о. Антоній къ мѣсту новаго своего служенія. Но скоро онъ освоился съ своимъ положеніемъ.

По уставу Лавра управляется духовнымъ соборомъ, котораго намѣстникъ есть только первый членъ. Предшественникъ Антонія архимандритъ Аѳанасій не имѣлъ расположенія, можетъ быть, и способности взять на себя все бремя управления Лаврою. Онъ охотно надзиралъ за поведеніемъ монашествующихъ, но немного занимался наблюденіемъ за всѣмъ управленіемъ Лаврою. Главнымъ распорядителемъ въ Лаврѣ былъ казначей Арсеній, двадцать лѣтъ занимавшій эту должность и въ 1829 г. переведенный въ настоятеля Иверскаго монастыря. Хотя замѣнившій его іеромонахъ Мельхиседекъ и

не былъ способенъ поддержать прежнее значеніе казначея, но и Аванасій не высказывалъ желанія увеличить свое вліяніе въ Лаврѣ, и дѣлами Лавры управлялъ соборъ. Митрополитъ Филаретъ вообще не любилъ коллегіальнаго управленія, при которомъ нѣтъ прямо отвѣтственнаго лица. Потому онъ желалъ, чтобы подъ его надзоромъ управленіе въ Лаврѣ сосредоточено было въ лицѣ намѣстника. Въ этомъ отношеніи Антоній вполне удовлетворялъ его желанію.

Напитанный чтеніемъ аскетическихъ сочиненій и житій древнихъ подвижниковъ, лично обращавшись съ замѣчательными подвижниками Сарова, зная частію лично, частію по рассказамъ близкихъ къ нимъ лицъ всѣхъ современныхъ подвижниковъ, и все читанное и слышанное сохраняя въ своей счастливой памяти, о. Антоній услаждалъ митрополита своими увлекательными рассказами. Порывами духа своего онъ и самъ часто стремился сблизиться съ этимъ міромъ избранныхъ подвижниковъ, идти ихъ путемъ къ царствію небесному. Здѣсь онъ совершенно сходилъ съ Филаретомъ. Въ многочисленныхъ твердо памятуемыхъ имъ наставленіяхъ опытныхъ въ жизни иноческой отцевъ имѣлъ онъ всегда готовые и сильные, какъ изъ опыта взятые, отвѣты на предлагаемые митрополитомъ вопросы. Внимательно слѣдилъ онъ за особыми опытами духовной жизни и проявленіями благодати Божіей въ Сергіевой Лаврѣ, и дѣлился своими наблюденіями съ митр. Филаретомъ, сочувствовавшимъ глубоко всѣмъ такимъ явленіямъ. Монастырскія письма, по желанію митрополита напечатанныя, отчасти знакомятъ съ этою перепискою, но здѣсь помѣщена только нѣкоторая часть связаній сообщенныхъ о. Антоніемъ. Митр. Филаретъ, обыкновенно уничтожавшій письма имъ получаемыя, часто касавшіяся важныхъ церковныхъ вопросовъ, потому, какъ онъ говорилъ, что не нашлось бы мѣста хранить ихъ, долго хранилъ письма о. Антонія о замѣчательныхъ явленіяхъ духовной жизни.

Эти сношенія, этотъ обмѣнъ мыслей о близкомъ для сердца

обоихъ предметъ такъ сблизили митрополита съ о. Антоніемъ, что онъ избралъ его своимъ духовнымъ отцемъ.

Но при всей дружбѣ, при всей довѣренности, при всемъ почти сыновнемъ уваженіи къ о. Антонію митр. Филаретъ, неизмѣнный въ правилахъ своего дѣйствования начальническаго, настойчиво требовалъ, чтобъ о. Антоній безъ его вѣдома и предварительнаго разрѣшенія не дѣлалъ ничего, подвергалъ подробному обсужденію всякое его предположеніе, противорѣча большею частію проектамъ нововведеній, требуя въ дѣлахъ соблюденія формальности, которой не любилъ и съ которой даже мало былъ знакомъ о. Антоній.

Требуя отъ намѣстника Лавры, чтобы онъ при всякой постройкѣ или передѣлкѣ и при всякомъ изъ обычнаго порядка выходящемъ предпріятіи предварительно испрашивалъ его разрѣшенія, въ текущихъ дѣлахъ по управленію монастыремъ онъ предоставлялъ намѣстнику полную власть, не желая знать другихъ членовъ собора. О. Антоній дѣйствительно былъ полнымъ хозяиномъ Лавры. Онъ обставилъ себя людьми, которые безпрекословно ему повиновались. Самъ онъ входилъ во всѣ подробности управленія Лавры, такъ что буквально ни одного гвоздя нельзя было вбить въ Лаврѣ безъ его дозволенія. Неумоимо онъ выслушивалъ донесенія по всѣмъ отраслямъ хозяйства и управленія лаврскаго, дѣлалъ немедленно распоряженія; самъ наблюдалъ за исполненіемъ ихъ. Немыслимо было, чтобы его приказанія не были исполнены. Хотя самъ онъ чувствовалъ себя связаннымъ слишкомъ строгимъ контролемъ митрополита, но для подчиненныхъ онъ представлялся единственнымъ начальникомъ Лавры.

Расположивъ къ себѣ митрополита своею любовію къ иночеству и духовнымъ разсужденіямъ и внимательнымъ твердымъ управленіемъ Лавры, о. Антоній приобрѣлъ любовь и уваженіе посѣтителей Лавры заботливостію о благолѣпіи ея, сановитостію совершаемаго имъ богослуженія и своимъ даромъ слова.

Церковное служеніе о. Антонія при его сановитой наружности, умѣннѣ держать себя, неслѣшное и немедлительное, всегда въ нарядномъ облаченіи, было величественно.

Въ церковной службѣ онъ былъ неутомимъ; только по особо уважительной причинѣ онъ опускалъ какую-либо службу, а то ходилъ за всѣ службы и въ будничные дни. Къ утрени, которая начинается въ три часа, онъ почти всегда приходилъ до благовѣста. Служеніе самъ совершалъ очень часто.

Давно уже у него открылась рана въ ногѣ, и онъ сильно страдалъ, особенно когда приходилось ему стоять долго. Конечно онъ могъ присѣсть иногда въ церкви, но случалось неподвижно стоять на одномъ мѣстѣ часа два, напримѣръ, при чтеніи Евангелій на Страстной недѣлѣ. Онъ самъ обыкновенно въ одинъ разъ прочитывалъ Евангеліе отъ Матѳея, на что требовалось не менѣе двухъ часовъ. «Какъ вы выносите съ своею больною ногою эти стоянія»? спросили его однажды. «У меня есть секретъ», отвѣчалъ онъ: «я поставлю больную ногу и не шевельну ею все время; сначала больно, а потомъ она одервенѣетъ такъ, что и боль неслышна». Заставъ разъ его по возвращеніи отъ службы сильно страдающимъ отъ боли ноги нѣкто сказалъ: «вы бы дали себѣ отдыхъ хотя недѣли на двѣ и погодили бы ходить по крутымъ лѣстницамъ и выстаивать долгія службы». — «Боюсь разлѣниться», отвѣчалъ онъ, недѣлю прогуляешь, а тамъ родится желаніе еще отдохнуть. Хожу и буду ходить, пока есть какая-нибудь возможность». — И дѣйствительно, онъ ходилъ въ церковь до послѣдней возможности; потомъ стали его носить въ нее.

Для торжественности богослуженія необходимо и приличное облаченіе и благолѣпіе храмовъ. Много потрудился и для сего о. Антоній при вступленіи въ Лавру.

До намѣстничества о. Антонія въ Лаврѣ теплыя церкви были только трапезная и больничная Зосимы и Савватія; прочія церкви были безъ печей. Зимкою въ Троицкомъ соборѣ

на чугунный полъ стлали сѣно, чтобы не такъ холодно было ногамъ. Но не охотно посѣщались эти холодныя церкви. О. Антоній не безъ противорѣчiя со стороны митрополита сдѣлалъ теплыми Троицкiй соборъ, Никоновскую церковь, Сошестввенскую и Смоленскую, и число богомольцевъ въ храмахъ въ зимнее время значительно умножилось.

Всѣ церкви были возобновлены и благолѣпно украшены. Варваринская церковь вновь устроена; въ Смоленской приложенiемъ паперти теплой увеличена помѣстительность церкви. Серапионовская палатка, служившая складомъ разной рухляди церковной, приведена въ тотъ видъ, какова она нынѣ.

При о. Антонiи много прiѣзжало богомольцевъ въ Великiй постъ, особенно въ первую, пятую и Страстную седмицу поста. Привлекая поклонниковъ въ Лавру своимъ совершенiемъ богослуженiя, о. Антонiй привязывалъ къ себѣ тѣхъ, которые искали бесѣды съ нимъ. Онъ обладалъ увлекательнымъ даромъ слова, и въ своихъ бесѣдахъ обнаруживалъ обширныя свѣдѣнiя и мудрость сужденiй. Близость къ митрополиту дѣлала ему извѣстными всѣ церковныя дѣла и открывала ему возможность получать мудрое рѣшенiе на самые разнообразныя вопросы. Сближенiе съ старшею братiею Академии давало ему случай знакомиться и съ движенiемъ духовныхъ наукъ; бесѣда съ посѣтителеми Лавры всякаго рода сообщала ему многообразныя свѣдѣнiя о движенiи жизни вообще въ государствѣ. Конечно невозможно было для него бесѣдовать со многими изъ посѣтителей Лавры, но все интересное даже изъ быта простого народа передавалось ему служащими при разныхъ послушанiяхъ иноками. Изъ бесѣды какъ съ временно прiѣзжающими иноками, такъ и съ приходящими жить въ Лаврѣ или скиту онъ зналъ состоянiе всѣхъ замѣчательныхъ монастырей и имѣлъ подробное свѣдѣнiе о всѣхъ замѣчательныхъ подвижникахъ. Много онъ и самъ читалъ и отеческихъ книгъ и духовныхъ журналовъ, иногда заглядывалъ и въ свѣтскую литературу.

Преслѣдуемый потребностію отрѣшиться отъ времени до времени отъ заботъ управленія и тягости пріемовъ и въ безмолвномъ уединеніи искать обновленія и освѣженія духовно-нравственныхъ силъ и не находя для этого удобнаго мѣста, онъ думалъ совсѣмъ оставить службу и удалиться въ какую-либо пустынь; когда же ему не удалось этого сдѣлать, тогда у о. Антонія родилась мысль устроить скитъ подъ вѣдѣніемъ Лавры, гдѣ бы могли жить ревнители безмолвной жизни, и гдѣ бы для него самого было убѣжище для безмолвія. Живя въ Виоаніи, онъ слышалъ рассказы современниковъ митр. Платона о томъ, что Корбуха была излюбленнымъ мѣстомъ святителя. Это-то мѣсто и было избрано подъ скитъ Геесиманію.

Къ осени 1844 г. готова была церковь съ пристроеннымъ къ ней домомъ, въ которомъ устроено помѣщеніе для митрополита и 12 человекъ братіи, готовъ былъ и домъ для о. намѣстника. 28 сентября совершенно освященіе храма и скита. Уставъ для скита заимствованъ частію изъ Аѳонскихъ, частію изъ Молдавскихъ монастырей, и въ руководители жизни иноческой приглашены были питомцы монастырей основанныхъ Паисіемъ Величковскимъ. Въ уставъ и учрежденіи скита Геесиманскаго хотѣлось о. Антонію собрать все лучшее, что онъ самъ зналъ или о чемъ слышалъ въ другихъ монастыряхъ. Такъ ему хотѣлось, чтобы въ Геесиманскомъ скиту усвоены были нѣкоторые напѣвы любезной ему Саровской пустыни, для чего и просилъ содѣйствія Саровскаго игумена Исаіи.

Скитъ быстро началъ возрастать. Являлись изъ разныхъ монастырей ревнители подвижничества, то желавшіе одиночества и болѣе отдаленнаго уединенія, то ищущіе совершеннаго безмолвія, то желавшіе проводить жизнь въ жестокомъ постѣ и лишеніи всякаго успокоенія. И на всякій такой благочестивый призывъ стремительно и безъ всякой недовѣрчивости къ просящему отзывалась любвеобильная душа о.

Антонія. Одна за другою возникли уединенныя келліи въ лѣсу, и въ нихъ совершались подвиги поста, молитвы, молчанія. Въ каждое изъ этихъ духовныхъ дѣланій старался онъ влить свое одушевленіе, вникая во все и руководя всѣмъ.

Въ общемъ числѣ постоянно умножавшейся братіи приходилось встрѣчаться со многими тяжелыми недостатками. Твердо смиряя непокорныхъ и нераскаянныхъ, онъ былъ снисходителенъ съ раскаявающимися, постоянно памятовалъ онъ заповѣдь о. Серафима: будь не отцемъ, а матерью монаховъ, и охотно слѣдовалъ наставленію о. Серафима не бранить за порокъ, но исправлять его, представляя красоту добродѣтели и раскрывая гнусность порока.

Руководя иноковъ своими совѣтами и распоряженіями для возбужденія и поддержанія духа истиннаго монашества, о. Антоній собиралъ переводы аскетическихъ сочиненій Паисія Величковскаго, содѣйствовалъ изданію перваго жизнеописанія старца Саровскаго Серафима, для чего, какъ видно изъ переписки его съ митр. Филаретомъ, требовалось побѣдить немало препятствій. Оптинскимъ инокамъ помогалъ онъ также въ изданіи ихъ полезныхъ для иночества книгъ. По порученію митрополита просматривалъ переводъ Исаака Сирива и Лѣствичника, когда приготовлены были писанія этихъ отцевъ къ печатанію при Моск. дух. академіи. Получивъ записки о жизни и наставленіяхъ о. Назарія Валаамскаго, онъ просилъ одно лицо привести ихъ въ порядокъ для изданія. Онъ напечаталъ сокращенныя правила монашескаго житія.

Въ душѣ о. Антонія рядомъ шли два стремленія, — стремленіе къ созерцательной жизни и стремленіе къ широкой общественно-благотворительной дѣятельности.

Согласно Серафимову завѣту, благотворительность и милостыню о. Антоній понималъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, разумѣя дѣла милосердія духовнаго и тѣлеснаго. Съ самаго

переѣзда своего въ Лавру о. Антоній при всякомъ случаѣ, когда только открывалась возможность, старался оказывать вспоможеніе нуждающимся. Но, не приведя еще въ порядок лаврское хозяйство, онъ ограничивался личною благотворительностію. Въ 1833 г. по случаю дороговизны, онъ поспѣшилъ запастись для Лавры значительное количество хлѣба, въ цѣляхъ помощи нуждающимся. Остатками отъ братской трапезы, для сего въ большемъ количествѣ приготовляемой, кормилъ онъ нуждающихся. Съ сожалѣніемъ онъ видѣлъ, что заповѣдь преп. Сергія о принятіи и питаніи странныхъ въ Лаврѣ тогда не исполнялась. Лаврскія власти и даже митр. Филаретъ опасались, что средствъ Лавры недостаточно для исполненія этого завѣщанія преп. Сергія. О. Антоній съ 1831 г. началъ по временамъ предлагать трапезу страннымъ, въ слѣдующемъ году началъ устроить больницу для призрѣнія заболѣвавшихъ странныхъ. Въ 1839 г. по случаю дороговизны хлѣба онъ испросилъ у митрополита разрѣшеніе купить до 1000 пудовъ муки для раздачи нуждающимся и для кормленія голодныхъ. О. Антоній выжидалъ удобнаго случая къ расширенію благотворительныхъ учрежденій Лавры: этотъ случай представилъ пожаръ въ 1838 г., истребившій старую гостиницу. На мѣстѣ сгорѣвшей онъ при помощи благотворителей рѣшился устроить домъ призрѣнія съ тѣмъ, чтобы перевести сюда содержавшихся въ прежней Лаврской богадѣльнѣ старухъ, устроить при семь домовую церковь и больницу какъ для призрѣваемыхъ, такъ и для приходящихъ заболѣвающихъ богомолковъ. Въ 1840 г. послѣ двухлѣтнихъ хлопотъ предъ начальствомъ открыто было въ Лаврѣ училище для дѣтей мужескаго пола. Въ 1846 г. открыта была школа иконописанія сначала въ Донскомъ корпусѣ, потомъ подъ келліями намѣстника.

Заботами о. Антонія постоянное питаніе странныхъ утверждено было прочно на особую назначенную сумму для этого. Не одни странники - богомольцы пользовались отъ Лавры,

но и другіе нуждающіеся. Проходили переселенцы изъ Псковской губерніи. Проходили воинскія команды; среди нихъ развивались болѣзни, и всѣ больные принимались въ Лаврскую больницу на полное содержаніе Лавры; прочіе получали въ благословеніе крестики, иконы, снабжались пищею и, если нужно, теплою одеждою.

Содержимымъ въ Посадской тюрьмѣ онъ часто дѣлалъ приношенія. Всего же онъ истратилъ на тюрьму не менѣе семидесяти тысячъ, при которой устроилъ церковь въ честь иконы Божіей Матери: «Утоли моя печали».

Собиравшіеся на площадь предъ Лаврою крестьяне для торговли и проходящіе нуждались въ водѣ. Для нихъ ископанъ колодезь съ такою обильною водою, что она никогда не истощается. Для облегченія пользованія водою въ Лаврѣ, гостиницахъ, домъ призрѣнія устроена водоподъемная машина, снабжавшая эти мѣста водою.

Но о. Антоній много благотворилъ и лично частнымъ лицамъ. Собственныя средства его были ограничены и не давали бы возможности для широкой благотворительности; но многіе, зная и любовь его къ благотворительности и умѣнье благотворить, давали въ личное его распоряженіе значительныя суммы для дѣлъ благотворенія. Кромѣ временныхъ вспоможеній онъ выдавалъ многимъ нуждающимся постоянныя пособія въ видѣ пенсіи; ходилъ онъ всегда съ кошелькомъ полнымъ мелкаго серебра и одѣлялъ имъ встрѣтившихся просителей. Случалось, что онъ благотворилъ и самъ не зная, что давалъ. Разъ послѣ поздней обѣдни приходитъ къ нему священникъ изъ Тульской губерніи, лишившійся дома и всего имущества отъ пожара. У о. Антонія своихъ денегъ оказалось только десять рублей. Онъ отдалъ ихъ просителю; но, вполне чувствуя, что подобное вспоможеніе не облегчитъ его бѣдственнаго положенія, велѣлъ побывать ему послѣ вечерни. О. Антоній хотѣлъ переговорить съ казначеемъ, не найдетъ ли возможность оказать священнику

болѣе существенную помощь. Между тѣмъ послѣ обѣдни пригласила къ себѣ о. Антонія графиня Татищева. Указывая на мѣшокъ, лежавшій у нея на столѣ, она сказала: вотъ крестьяне привезли мнѣ оброкъ и все платиною; терпѣть не могу этой монеты. Возьмите мѣшокъ и куда хотите дѣвайте его. — Не безъ труда поднялъ о. Антоній въ руки этотъ мѣшокъ, и донесъ его до своего экипажа, размышляя о томъ, куда полезнѣе употребить эти деньги. Среди этой думы онъ и забылъ о священникѣ. Но когда послѣ вечерни явился священникъ, о. Антоній увидалъ здѣсь указаніе, на что прежде всего употребить данныя ему монеты. Подозвавъ священника, онъ велѣлъ держать ему пригоршни и насыпалъ полныя платиною. Священникъ завязалъ въ платокъ и поспѣшилъ въ Троицкій соборъ, чтобы поставить свѣчу. преп. Сергію на одинъ изъ данныхъ ему, какъ онъ думалъ, двугривенныхъ. Только тогда, когда свѣчникъ спросивъ, въ какую цѣну ему свѣчу нужно, сталъ отсчитывать сдачу, онъ узналъ, что у него пригоршни трехрублевыхъ монетъ.

Если дѣло благотворенія зависѣло не лично отъ о. Антонія, но просили его ходатайства предъ другими, онъ не отказывалъ съ такой просьбѣ.

Какъ ни обширна была благотворительность внѣшняя о. Антонія, но духовная его благотворительность была еще обширнѣе—въ руководствѣ къ жизни благочестивой, въ врачеваніи болѣзней грѣховныхъ, въ поддержаніи мужества среди искушеній, въ утѣшеніи скорбящихъ. Для многихъ онъ былъ отцемъ духовнымъ. М. Филаретъ, самъ избравшій его въ духовные отцы, нерѣдко посылалъ къ нему людей нуждающихся въ назиданіи или утѣшеніи, и увѣдомлялъ потомъ, что такія лица возвращались утѣшенными.

Вообще всѣ наставленія о. Антонія дышатъ снисходительностію и любовію. О. Антоній не былъ чуждъ сознанія высоты своего положенія, и порою давалъ это чувствовать; но обычное благодушіе брало въ немъ скоро верхъ. Мелкаго

самолюбія, которое бы оскорблялось всякимъ непохвальнымъ объ немъ отзывомъ, въ немъ не было. Случалось не разъ, что кто-либо высказывалъ въ кругу близкихъ къ нему людей неодобрение того или другого его поступка. Узнавъ о семъ, при встрѣчѣ онъ только говаривалъ, улыбаясь: что ты ругаешься? «Видно заслужили этого». «Ну вотъ: и заслужилъ!» тѣмъ дѣло и кончалось. За дѣйствительныя даже оскорбленія и скорби, наносимыя ему, онъ старался воздавать благодареніями.

И ему самому приходилось иногда испытывать тяжелыя пскушенія. Въ 1847 г. недобрые люди распространили объ немъ недобрую молву на всю Россію. Но онъ мужественно терпѣлъ.

Въ мартѣ 1856 г. исполнилось 25-ть лѣтъ служенія о. Антонія въ должности намѣстника Лавры. Митрополитъ Филаретъ желалъ выразить свою благодарность ему достойнымъ его служенія образомъ.

26 августа въ день коронованія Государя Императора, при которомъ удостоился присутствовать о. Антоній, получилъ онъ панагію. Такъ митрополитъ почтилъ службу своего вѣрнаго сотрудника по управленію Лаврою и друга по сердцу. Довѣренность митрополита къ о. Антонію постоянно возрастала, и онъ сталъ обращаться за совѣтомъ къ нему во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ и случаяхъ своей жизни и дѣятельности.

Въ 1863 г. о. Антоній былъ сопричисленъ къ ордену Владиміра 2-й степени большого креста.

О. Антоній имѣлъ крѣпкое здоровье, которое поддерживалъ дѣятельною жизнію, умѣренностію въ пищѣ и питіи и недолгимъ сномъ. Но онъ не берегъ своего здоровья. На какія-либо работы, для какого-либо осмотра онъ шелъ, утопая въ грязи или увязая по колѣни въ снѣгу, продолжалъ выстаивать всѣ службы церковныя, и это дѣлалъ до тѣхъ поръ, пока уже не могъ ходить.

Хотя по преклонности лѣтъ митрополита Филарета всегда можно было ожидать его кончины, и самъ о. Антоній, конечно въ ожиданіи этой горестной для него потери, 24 іюля 1867 г. сдѣлалъ письменное предложеніе митрополиту о томъ, чтобы, вмѣсто скита, гдѣ приготовлена была могила для него, избралъ себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія въ Лаврѣ, на южной сторонѣ Сошественской церкви, но все - таки кончина митрополита, послѣдовавшая 19 ноября 1867 г., какъ внезапный ударъ поразила о. Антонія. Со веѣмъ усердіемъ и любовью онъ отдался воздаянію послѣдняго долга—заботамъ о погребеніи своего благодѣтеля и друга, и, проводивъ его въ вѣчный покой, не могъ не чувствовать своего сиротства.

Со времени кончины митрополита Филарета замѣтно было, что у о. Антонія не стало той бодрости духа, той дѣятельности, которыя составляли отличительную черту его натуры.

М. Филаретъ неохотно отпускалъ о. Антонія изъ Лавры даже на короткое время. Между тѣмъ о. Антоній имѣлъ давно желаніе посѣтить мѣсто своей родины и мѣсто своей первоначальной иноческой жизни. Испросивъ дозволеніе у новаго митрополита, лѣтомъ 1868 г. онъ чрезъ Ярославль проѣхалъ въ Кострому, чтобы видѣть и благословить труды по воссозданію и управленію Богоявленскимъ монастыремъ его духовной дочери, руководимой имъ въ иноческой жизни игуменіи Маріи. По Волгѣ онъ прибылъ на свою родину въ Лысково, отсюда въ Арзамасъ, гдѣ онъ засталъ еще въ живыхъ старшую сестру свою Екатерину. Послѣ писалъ онъ настоятельница Арзамасской общины о полученіи благодатнаго утѣшенія отъ иконы Божіей Матери—Утоленія печали, находящейся въ сей обители. «Мнѣ представилась, пишетъ онъ, Матерь Божія олицетворенная, и я едва устоялъ на ногахъ. Я не хотѣлъ никому тогда сказать о семъ дарѣ ко мнѣ грѣшному». Узнавъ заботу общины объ устройствѣ водопро-

вода, онъ въ концѣ 1868 г. и въ 1869 г. переслалъ настоятельница для этого болѣе 1500 руб., прислалъ мастера, знающаго это дѣло, входилъ во всѣ подробности, давая свои опытные наставленія.

Проѣхавъ изъ Арзамаса въ Высокогорскій монастырь, онъ увидѣлъ, какъ дурна туда дорога, и на улучшение ея выслалъ 400 рублей. Это путешествіе нѣсколько ослабило грусть о. Антонія о кончинѣ м. Филарета. Новый митрополитъ оказалъ ему полное уваженіе и нисколько не стѣснялъ его въ управленіи Лаврою. Но сношенія о. Антонія съ новымъ настоятелемъ Лавры ограничивались только оффиціальными бумагами; частной переписки намѣстника Лавры уже не было.

10 марта 1871 г. исполнялись сорокъ лѣтъ служенія о. Антонія въ Лаврѣ: его лѣта (79 л.) и его здоровье не давали и возможности думать о томъ, что онъ доживетъ до пятидесятилѣтія службы Лаврѣ. Посему братія Лаврская захотѣла почтить особымъ празднествомъ 10 марта, имѣя въ виду примѣръ празднованія сорокалѣтія службы въ московской епархіи м. Филарета. Къ лаврскому братству присоединилось академическое братство и посадское общество и нѣкоторые изъ московскихъ жителей. Принять участіе въ этомъ торжествѣ пожелалъ и митрополитъ Иннокентій, приславшій на благословеніе о. Антонію икону, и исходатайствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ благословеніе св. Синода о. намѣстнику. Такимъ образомъ частное, домашнее празднество приняло характеръ общественный.

Болѣе шести лѣтъ прожилъ о. Антоній послѣ празднованія его сорокалѣтняго служенія, но это были уже годы болѣзни, а не прежней неутомимой дѣятельности. Въ 1872 г. 23 февраля, въ четвертомъ часу пополудни былъ съ нимъ припадокъ—предвѣстникъ возвратной горячки. Его крѣпкая натура и на 80 году жизни вынесла возвратную горячку, но болѣзнь оставила сильныя послѣдствія. Физически онъ одря-

хлѣлъ, а въ нравственномъ отношеніи замѣтнѣе всего обнаружилось въ немъ ослабленіе воли, до тѣхъ поръ крѣпкой. Сознывая, что при этомъ болѣзненномъ состояніи не можетъ проходить свою должность тагъ, какъ привыкъ проходить, онъ, дождавшись приѣзда митрополита въ Лавру, просилъ себѣ увольненія отъ должности. Митрополитъ отклонилъ эту просьбу, а на указаніе о. Антонія на его немощь, заставляющую его лежать въ постели, отвѣчалъ поговоркою: «хоть лежа, да въ корню оставайтесь». Воротясь въ свою келлію, о. Антоній палъ на колѣни предъ иконою и сказалъ со слезами: «да будетъ воля Твоя, Господи!» и рѣшился оставаться уже до конца жизни на мѣстѣ служенія. Въ 1873 г. былъ у него легкій нервный ударъ, послѣ котораго онъ еще болѣе ослабѣлъ и онъ оставался прикованнымъ къ своей постели; не только ходить, но и сидѣть для него было тяжело. Изрѣдка еще рѣшался онъ самъ совершать литургію; но нужно было, чтобы его постоянно поддерживали двое діаконовъ. Управление Лаврою передано было духовному собору; къ о. Антонію обращались за совѣтомъ въ болѣе важныхъ дѣлахъ.

О. Антонію, привыкшему ежедневно быть за службою, тяжело было лишеніе за болѣзнію этого утѣшенія, поэтому митрополитъ благословилъ при его веліяхъ устроить домовую церковь, которая и была сооружена на средства усерднаго помѣщика О. П. Тюляева.

Свои физическія страданія переносилъ онъ всегда благодушно, но нерѣдко со слезами говорилъ о томъ, что не имѣеть силъ къ долговому вниманію въ молитвѣ. Но потомъ онъ успокоился нѣсколько видѣніемъ, какъ онъ говорилъ, митрополита Филарета, который сказалъ ему: «читай: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ».

Съ половины Великаго поста 1877 года остальное время жизни о. Антонія было борьбою крѣпкой его природы съ смертію; силы его постоянно ослабѣвали. Но всегда съ лю-

бовію и ласковымъ взоромъ встрѣчалъ онъ тѣхъ, которые приходили его навѣстить, и продолжалъ дѣлать, кому могъ, личныя благодѣянія. 7-го мая послѣ всенощной совершенно было надъ о. Антоніемъ таинство елеосвященія. 12-го числа съ полудня началась предсмертная агонія; онъ лежалъ съ закрытыми глазами, рѣдко дыша: въ семь часовъ вечера тихо скончался.

Онъ умеръ на 85-мъ году своей жизни, какъ и митрополитъ Филаретъ; одинаково съ митрополитомъ 46-ть лѣтъ послужилъ Лаврѣ преподобнаго Сергія, и согласно изъявленному имъ желанію, положенъ въ притворѣ той церкви, въ которой похороненъ святитель °).

Монахъ Евгеній Глинскій.

(Память 12-го мая).

Монахъ Евгеній прибылъ въ Глинскую пустынь въ 1883 году 22-хъ лѣтъ и назначенъ на послушаніе при гостинницѣ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе ласковымъ обращеніемъ съ гостями. Его перевели—помощникомъ гостинника на подворьѣ при Сеймскихъ мельницахъ близъ г. Путивля. Новое послушаніе требовало немалыхъ хлопотъ по принятію всѣхъ ѣдущихъ въ обитель и изъ обители... Ибо до проведенія подъѣзднаго пути Ворожба-Середина-Буда Кіево-Воронежской желѣзной дороги **) всѣ ѣхали въ Глинскую пустынь на ст. Путивль и останавливались на подворьѣ Сеймскихъ мельницъ. При настоятельствѣ архимандрита Иннокентія († 1888) для совѣтовъ съ мудрымъ и прозорливымъ Глинскимъ настоятелемъ особенно было много посѣтителей. Самъ о. Иннокентій часто ѣздилъ на Сеймскія мельницы, и братіямъ гостиннаго

---

*) По кн. „Очеркъ жизни архим. Антонія, намѣстника Троице-Сергіевой лавры“ 1878 года.

**) Теперь Ворожба-Зерново.

двора много было дѣла. Отецъ Евгеній часто не могъ управиться, но молитвами батюшки о. Иннокентія всѣ тягости послушанія несъ благодушно.

Видя ревность юнаго подвижника, врагъ спасенія внушилъ ему мысль, что отъ такого послушанія онъ заболѣетъ, что сырой воздухъ отъ близости рѣки Сейма ему вреденъ. Отъ сомнѣнія Евгеній дѣйствительно заболѣлъ и сталъ просить перевести его въ монастырь. Отецъ Иннокентій сказалъ ему: «я тебя не самъ назначалъ, на это была воля Божія и Царицы Небесной;—не могу преступить Ихъ святой воли;—покоряйся и ты. Старайся нести послушанія безъ разсужденія и получишь награду, молись Матери Божіей и будешь здоровъ».

Еще полгода Евгеній боролся съ прежнимъ помысломъ о вредѣ для здоровья, но побѣдилъ его. Однако искушеніе не оставляетъ подвижника. Онъ сталъ тяготиться послушаніемъ, а потомъ востали въ немъ нечистыя похотѣнія. Снова онъ просится въ монастырь. Отецъ Иннокентій, какъ могъ, утѣшилъ его, совѣтуя нести данное послушаніе ради вѣчной награды на небесахъ. Сила убѣжденія на этотъ разъ подѣйствовала, и Евгеній безпрекословно сталъ нести всѣ тягости труднаго послушанія. Молитвою, постомъ, непрестанными трудами, по благодати Божіей, онъ побѣдилъ плотскія вожделѣнія.

Смиранный молодой монахъ и тамъ, гдѣ являлся по послушанію—какъ старшій и распорядитель работъ, съ трудомъ былъ отличаемъ постороннимъ отъ прочихъ: онъ самъ во всемъ показывалъ примѣръ; любовію и ласкою заставлялъ рабочихъ трудиться болѣе усердно.

Подъ надзоромъ отца Иннокентія, изъ него выработался тихій, ласковый, терпѣливый, юный подвижникъ, вполне подходящий на послушаніе гостинника, которое потомъ отецъ Евгеній занялъ и до самой смерти исполнялъ его съ любовію.

Казалось отецъ Евгеній выросъ на этомъ послушаніи, сроднился съ нимъ и былъ незамѣнимъ.

Евгеній всегда ожидалъ гостей: къ пріѣзду лошадей съ поѣзда у него все было приготовлено. Онъ безъ требованія немедленно подавалъ закуску и чай, развѣ спросить, что угодно впередъ подать. Отецъ Евгеній зналъ всѣ требованія интеллигентовъ и дѣлалъ множество услугъ, которыя имѣютъ большое значеніе для проѣзжаго.

Иногда между гостями находились любители поговорить и въ отцѣ Евгеніи находили покорнаго слушателя не потому, что гостиникъ самъ любилъ поговорить, но потому, что невниманіемъ своимъ онъ не хотѣлъ оскорбить гостя.

Вообще молодому подвижнику не приходилось много спать, всего 3—4 часа въ сутки. Кромѣ многосложныхъ обязанностей, требующихъ его присутствія въ разныхъ мѣстахъ, о. Евгеній старался, по возможности, самъ встрѣтить всякаго пріѣзжаго изъ обители, своего ли брата, или посторонняго, а въ полночь отправить его на станцію желѣзной дороги, для чего надобно было распорядиться кучерами, лошадьми и т. д. Конечно, многое можно было поручить другимъ, но онъ все самъ хотѣлъ видѣть, чтобы не было гдѣ какой неисправности.

Зная, какъ пагубно предаваться нерадѣнію и уступать требованіямъ бреннаго естества, всегда ищущаго покоя, нѣги, удовольствія отъ сластей и страстей, мудрый монахъ соблюдалъ во всемъ воздержаніе. Другихъ угощалъ, а самъ вкушалъ очень мало. Онъ самъ подавалъ на столъ, потомъ садился кушать, кушалъ медленно, иногда только показывалъ видъ, что кушалъ, вскорѣ снова уходилъ, и этимъ утаивалъ свой подвигъ воздержанія.

Бѣгая славы, отецъ Евгеній часто скрывалъ свое имя. Былъ такой случай. Пріѣхали двѣ монахини и о. Евгенія спрашивали объ отцѣ Евгеніи, къ которому имъ совѣтовали обратиться по пріѣздѣ на мельницы. Отецъ Евгеній пригласилъ

монахинь въ гостинный домъ, предложилъ чай и потомъ обѣдъ. На вопросы объ Евгеніи, говорилъ: онъ занятъ, да мы и безъ него обойдемся. Наконецъ, монахини уѣзжаютъ въ присутствіи одного послушника, просятъ увидѣть Евгенія. Услышавъ это, послушникъ не вытерпѣлъ и сказалъ: да вы говорите съ Евгеніемъ и о немъ же спрашиваете?! Монахини начали благодарить добраго гостинника за радушный пріемъ.

Имѣя въ своемъ подчиненіи нѣсколькихъ братій, вольнонаемныхъ кучеровъ, рабочихъ, мальчиковъ, у о. Евгенія были поводы къ неудовольствіямъ, но гнѣвнымъ его не видали. Къ подчиненнымъ онъ относился ласково, иногда вины ихъ бралъ на себя и старался все покрыть любовію. Если кто провинится, или что не такъ сдѣлаетъ, онъ обыкновенно, безъ всякаго гнѣва, а со скорбію и сожалѣніемъ говорилъ: ишь ты какой! развѣ можно такъ дѣлать? За то и ему платили любовію, стараясь чѣмъ-либо не оскорбить его. Но скорбей у о. Евгенія всегда было много, онъ ихъ скрывалъ, и кто близко не зналъ его, тотъ могъ думать, что у него все тихо, мирно и ничто не возмущаетъ его душевнаго покоя. Содержаніе гостиннаго дома и пріемъ гостей требовали немалыхъ расходовъ, кои не всегда были желательны тѣмъ, которые наживали деньги. Отсюда причина многихъ непріятностей.

Однажды отца Евгенія оклеветали и потребовали въ монастырь. Приѣхавъ туда вечеромъ, онъ много скорбѣлъ, не зная, чѣмъ дѣло кончится, и спать не могъ. Слезная молитва немного успокоила его и подъ утро онъ уснулъ. Во снѣ видитъ покойнаго архимандрита Иннокентія. Тотъ совѣтуетъ ему терпѣливо переносить скорби, покориться волѣ Божіей, ниспосылающей все къ нашему спасенію.

— Трудно, батюшка,—говоритъ ему Евгеній; не могу перенести, помогите! Отецъ Иннокентій тяжело вздохнулъ и громко сказалъ: что съ вами буду дѣлать? При этихъ сло-

вахъ о. Евгеній проснулся. Утромъ клевета обнаружилась, оправданный гостинникъ вернулся къ своему послушанію.

Свободное время отъ послушанія молодой подвижникъ проводилъ въ молитвѣ и чтеніи душеполезныхъ книгъ. Особенно послѣдніе три года онъ сталъ удаляться всякой суеты, сдѣлался серьезнымъ, сосредоточеннымъ. Такая перемѣна въ немъ произошла послѣ того, какъ онъ получилъ хорошій урокъ о духовной жизни отъ одного проѣзжаго опытнаго старца. Послѣдній—благодарный гостиннику за его любезный приемъ, разговорился и между прочимъ, спросилъ у о. Евгенія: читаешь ли Иисусову молитву?

— Читаю, батюшка.

— Какъ читаешь?

— Обыкновенно по четкамъ извѣстное число молитвъ, какъ благословилъ мой старецъ—руководитель.

— Устами только?

— Устами.

— Всегда?

— Нѣтъ.

— Надо всегда, только тогда она намъ принесетъ особенную пользу.

— По моему послушанію трудно,—постоянно развлекаешься.—Старайся, и навыкнешь, тогда ничто внѣшнее не будетъ препятствовать. Послѣ этого разговора, опытный дѣлатель Иисусовой молитвы долго поучалъ о. Евгенія о томъ, какъ онъ долженъ упражняться въ непрестанной молитвѣ и трезвеніи ума.

Незадолго до смерти одному брату о. Евгеній говорилъ, что по силѣ своей, онъ старается исполнять все сказанное тѣмъ старцемъ, а при недоумѣніяхъ въ твореніи молитвы письменно обращается къ нему и имѣетъ нѣсколько отвѣтовъ.

Для болѣе лучшей характеристики подвижника приведемъ здѣсь воспоминанія его племянника:

Тотъ писалъ: «Прежде я съ отцомъ жилъ въ с. Тѣткинѣ,

а въ 1888 г., одиннадцати лѣтъ, переѣхалъ на жительство въ пригородную слободку г. Путивля, близъ монастырскихъ Сеймскихъ мельницъ и тогда въ первый разъ увидѣлся съ своимъ роднымъ дядей по матери, монахомъ Евгеніемъ. Былъ обласканъ его любовію и съ тѣхъ поръ до самой его смерти находился при немъ: все внѣшкольное время лѣтомъ вмѣстѣ съ другими мальчиками занимался въ саду. Въ теченіе этихъ шести лѣтъ я пользовался высокимъ примѣромъ жизни о. Евгенія и ни разу не замѣтилъ въ его поступкахъ чего-либо предосудительнаго. Уважая въ немъ не столько роднаго дядю, сколько истинно добродѣтельнаго человѣка, я безъ всякаго преувеличиванія, по чистой совѣсти, для памяти о немъ могу сообщить кое-что изъ его жизни.

Прежде всего многихъ поражала неутомимость о. Евгенія на послушаніи: онъ былъ гостинникомъ на подворьѣ Сеймскихъ мельницъ, поваромъ для пріѣзжающихъ гостей и садовникомъ. Кромѣ того, завѣдывалъ кучерами, скотнымъ дворомъ, огородомъ и полемъ. Столь многосложныя обязанности почти не оставляли ему свободнаго времени. Утромъ, управившись съ гостями, онъ шелъ въ садъ, огородъ или въ поле. Въ келлію заходилъ лишь ненадолго, но и тогда я всегда заставалъ его или сидящимъ съ четками въ рукахъ и творящимъ Иисусову молитву, или же за душеполезной книгой. Заботы многотруднаго послушанія не отвлекали отца Евгенія отъ обязанности инока: онъ рано утромъ или поздно вечеромъ исполнялъ свое монашеское келейное правило.

Видя его постоянно бодрствующимъ даже ночью (ибо отправление лошадей на станцію всегда было въ полночь), я спрашивалъ дядю: когда вы спите? Онъ, обыкновенно, отвѣчалъ: «мы-то спимъ, а врагъ нашъ бодрствуетъ».

Кроткое слово отца Евгенія, его снисходительность ко всѣмъ, братская любовь и желѣзное терпѣніе вездѣ приносили благословеніе Божіе и успѣхъ въ дѣлѣ.

Первымъ помощникомъ изъ братій отцу Евгенію назначень

былъ послушникъ Потапій. Онъ обязанъ былъ варить обѣдъ и ужинъ для пріѣзжающихъ гостей и, по монастырскому обычаю, каждый день утромъ приходилъ къ о. Евгенію спрашивать благословенія—что варить? Не зная, сколько будетъ обѣдающихъ, потому что часто неожиданно пріѣзжали братія и посторонніе, отецъ Евгеній отвѣчалъ: не знаю. Немного спустя, Потапій снова спрашивалъ и получалъ тотъ же отвѣтъ. «Когда же все приготовить?»—недоумѣвалъ помощникъ Евгенія и сильно возмущался, что не управится съ предстоящимъ дѣломъ. Незадолго до обѣда отецъ Евгеній самъ приходилъ на кухню и указывалъ, что приготовить, а смущенному Потапію говорилъ: дѣлай съ упованіемъ на Бога и управишься. Такъ и случалось: пища всегда уваривалась къ обѣду (для котораго не было точно опредѣленнаго времени и въ случаѣ неуправки можно подать позднѣе).

Всѣ козни врага спасенія, возбуждавшаго несогласіе между подчиненными о. Евгенія и иногда посторонними, разрушались смиреніемъ и младенческою кротостію «молодаго монаха», какъ называли о. Евгенія мірскіе. Такъ, однажды, скотъ крестьянъ слободки Сеймскихъ мельницъ зашелъ въ монастырскій огородъ и причинилъ вредъ. Увидавъ это, рабочіе загнали скотину во дворъ. Черезъ часъ отъ общества приходитъ уполномоченный Иванъ М—ко, встрѣтилъ о. Евгенія страшною бранью и хотѣлъ ударить въ лицо. Евгеній смиренно поклонился ругателю и сказалъ: «прости, братъ,—я виновать», и велѣлъ выпустить скотину. М—ко пораженъ былъ поступкомъ о. Евгенія, палъ на колѣни и со слезами просилъ прощенія. Незлобивый монахъ простилъ его и сказалъ нѣсколько словъ на душевную пользу. Съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ, до самой смерти о. Евгенія, этотъ крестьянинъ приходилъ за совѣтомъ къ «молодому монаху». Такова сила смиренія,—она и враговъ дѣлаетъ друзьями.

Благотворное вліяніе о. Евгенія особенно выразилось на нравственности мальчиковъ, смежныхъ съ монастырскимъ

владѣніемъ слободъ: Сеймской и Пригородней. Мальчиковъ было 15—25. Въ лѣтнее время, по указанію о. Евгенія, они обрабатывали садъ и огородъ, а зимою приходили къ доброму батюшкѣ просить почитать книжекъ. Отецъ Евгеній удовлетворялъ ихъ просьбы, а иногда дарилъ имъ малыя книжки и листки. Ласковое обращеніе, слово, сказанное на пользу, и высокій примѣръ жизни о. Евгенія въ дѣтяхъ вкореняли страхъ Божій, устраняли все нехорошее и исправляли непокорныхъ, шаловливыхъ мальчиковъ. Достаточно было побыть у Евгенія и одинъ день, чтобы сдѣлаться покорнымъ на всякое дѣло.

Вотъ почему нѣкоторые изъ родителей приходили къ о. Евгенію и благодарили его за исправленіе своихъ малолѣтнихъ сыновей, да и тѣ, придя въ возрастъ, вспоминаютъ молодого монаха.

Впрочемъ не за одно это сохраняется добрая память объ о. Евгеніи. Онъ, чѣмъ могъ, служилъ на пользу ближнимъ: приходившимъ и просящимъ помогалъ добрымъ совѣтомъ, больнымъ, кромѣ того, давалъ разныя простыя средства, хотя самъ лѣкарствами никогда не лѣчился.

Съ вѣрою принимающіе совѣты и лѣкарства получали желаемый успѣхъ и также приходили съ благодарностію.

Къ числу добродѣтелей молодого монаха слѣдуетъ отнести его нестяжательность. Въ бѣльѣ и одеждѣ у него не было ничего лишняго; одежду носилъ скромную. Если къ этому прибавить нѣсколько малыхъ простыхъ иконъ и нѣсколько книгъ, то мы составимъ полное понятіе объ имуществѣ отца Евгенія. О немъ онъ не заботился, не прилагалъ сердца. Когда предъ смертію его просили распорядиться собственными вещами, онъ сказалъ: у меня ничего нѣтъ.

За три года до смерти злая чахотка стала подтачивать и безъ того слабый организмъ отца Евгенія. Но, сколько было возможности, Евгеній продолжалъ свое послушаніе, никому не жаловался на болѣзнь, переносилъ ее терпѣливо, лежать не любилъ.

Въ сентябрѣ 1893 года онъ вынужденъ былъ поступить въ монастырскую больницу. Тамъ надобло ему быть безъ дѣла и, далеко не поправившись, онъ черезъ мѣсяць выписался. Заботы и скорби послушанія усилили болѣзнь: на Фоминой недѣлѣ слѣдующаго года онъ слегъ въ постель, отправленъ въ монастырь и, по принятіи въ больницу, особорованъ. Дни его были сочтены. Онъ таялъ, какъ свѣча. Последніе три дня каждый день причащался Св. Таинъ. Когда 12-го мая у него началась агонія, смотритель больницы громко сказалъ ему надъ ухомъ: «отецъ Евгеній, какъ же вы умираете безъ причастія»? И что же? агонія прекратилась, умирающій открылъ глаза, пришелъ въ чувство и просилъ причастить. Братскій духовникъ въ таинствѣ Св. Евхаристіи соединилъ его со Христомъ-Богомъ и прочиталъ отходную, въ концѣ которой, въ 8 часовъ утра, праведная душа отца Евгенія тихо отлетѣла въ небеса. Многіе изъ братій, видя или слыша о блаженной кончинѣ отца Евгенія, не усомнились назвать его святымъ человѣкомъ. Всѣ сожалѣли о его ранней смерти, подчиненные почившаго плакали.

На могильномъ крестѣ подвижника надпись говоритъ: «Подъ симъ крестомъ погребенъ монахъ Евгеній, въ мірѣ Евменій Бобровъ, скончавшійся смертію праведника 12 мая 1894 года на 33 году отъ роду. Онъ съ полнымъ усердіемъ и любовію къ ближнимъ послужилъ обители десять лѣтъ».

Отецъ N долго не мирствовалъ на о. Евгенія, но никакъ не ожидалъ его скорой кончины. Разлука, безъ должнаго примиренія, терзала его сердце.

Благородный незлобіемъ сердца и благосклонный къ скорбямъ ближнихъ, отецъ Евгеній является ему во снѣ. N обрадовался и сказалъ: я скорблю, что съ тобою не простился. Явившійся отвѣчалъ: вотъ потому я и пришелъ къ вамъ. Съ этими словами Евгеній палъ въ ноги отцу N, а тотъ ему. «Съ тѣхъ поръ,—говорилъ отецъ N,—скорбь моя прошла, и я обрѣлъ душевный миръ».

Раба Божія Елена.

(Память 14 мая).

Елена Васильевна Маіорова, урожденная Кочубеева, жившая въ с. Тиницѣ, ознаменовала всю жизнь свою благотвореніями. Бѣдные всегда отходили награжденными отъ ея щедротъ; угнетенные находили въ ней покровъ, сироты—пріютъ и воспитаніе. Много сиротъ она воспитала и выдала въ замужество, въ томъ числѣ и духовныхъ дѣвицъ. Священникъ сосѣдняго села Михаилъ Дончевскій оставилъ четырехъ дѣтей безъ всякаго пріюта даже; двѣ дочери его, дѣвицы Варвара и Дарья, прибѣгли къ покровительству Е. В. Маіоровой, и она воспитала ихъ и прилично выдала замужъ. При всей слабости здоровья, она всегда отправлялась пѣшкомъ въ церковь, для слушанія вечерни, утрени и литургіи. Всегда вела жизнь весьма воздержную, чаю и кофе никогда не пила, и пищу употребляла разъ въ день и то умѣренно. Трудъ и молитва составляли удовольствія ея жизни. Въ праздности она никогда не бывала. Чтеніе духовныхъ книгъ было любимымъ ея занятіемъ, и она надѣляла книгами своего священника и діакона. Въ остальное отъ молитвы и чтенія время, днемъ и вечеромъ, она занималась шитьемъ воздуховъ и покровцевъ для церкви, и всѣ они были превосходной отдѣлки. Въ селѣ своемъ она построила церковь, колокольню, украсила св. престолъ разными вещами серебряными и вызолоченными, обогатила ризницу, а церковный причтъ обезпечила пахатною землею въ 32 десятины. Она подарила землю и для постройки церкви въ с. Бахмачѣ. Благочестивая раба Божія скончалась въ 1864 г. *)

---

*) (Изъ Истор.-Статист. опис. Черн. губ.).

Дѣдушка Пахомъ.

(Память 15 мая).

Священникъ о. І. Орловъ писалъ слѣдующее объ одномъ незримомъ міру, но истинномъ рабѣ Божиемъ.

Дѣдушка Пахомъ давно состоитъ сторожемъ при школѣ. Учитъ ребятишекъ учитель или батюшка, а Пахомъ сидитъ въ своей каморкѣ и ковыряетъ лапти. Но лапти ему что? онъ не проронитъ ни одного слова батюшки или учителя и крѣпко слѣдитъ за отвѣтами ребятишекъ... Кончились занятія, ребятишки по домамъ, а Пахомъ остановитъ тѣхъ, которые плохо отвѣчали уроки и начнетъ ихъ стыдить за ихъ лѣность. И слушались ребятишки Пахома; зато славно же любилъ онъ ихъ!.. Съ ними онъ былъ постоянно. Окружать его ребятишки, а онъ имъ рассказываетъ что-либо божественное, или поетъ съ ними церковныя пѣсни. А въ праздники такъ и на клиросѣ распѣваетъ съ ними. И любо смотреть на сѣдого старика, окруженного малышами...

Спокойно жилъ Пахомъ въ своей каморкѣ много лѣтъ. Но вотъ послалъ Господь на село Любимое несчастье, которое нарушило мирную жизнь старика. Завелись въ селѣ какія-то секты, и завезъ ихъ сюда любимовскій же житель, который проживалъ въ южныхъ губерніяхъ. Приѣхалъ онъ домой и новой вѣрою соблазнилъ нѣсколько семействъ... Извѣстное дѣло, въ селѣ почти всѣ родня между собою; вотъ и начали эти нововѣры соблазнять своихъ родственниковъ. Скоро нововѣровъ стало ужъ семей десять, а потомъ и двадцать... Сильно скорбѣлъ Пахомъ о заблудшихъ. Пробовалъ было уговаривать ихъ бросить выдумки, не слушаютъ, еще смѣются. И рѣшилъ Пахомъ, не тратить съ ними больше времени попусту. И упросилъ онъ батюшку научить его старика, о чемъ и какъ бесѣдовать съ православными, чтобы уберечь ихъ отъ пагубы. Батюшка много говорилъ Пахому,

откуда появились эти нововѣры, въ чемъ они заблуждаются, какъ уличить ихъ во лжи; также научалъ Пахома, какъ и о чемъ бесѣдовать съ православными. Внимательно слушалъ старикъ батюшку и еще внимательнѣе читалъ онъ разныя книжки, какія ему давалъ на домъ батюшка. При случаѣ, Пахомъ любилъ потолковать съ православными о томъ, что слышалъ отъ священника, что узналъ изъ книжекъ. И правилась православнымъ искренняя бесѣда старика, и почитали они его за его мудрыя рѣчи...

Міръ—село собрался на сходку потолковать о мірскихъ дѣлахъ... А вонъ и дѣдушга Пахомъ бредеть къ намъ!!! «Здравствуйте, старички!.. Не помѣшаю я вамъ?!»—Нѣ... заголосила толпа. Мы прикончили, нашумѣлись!! «Вотъ что, старички, заговорилъ Пахомъ: чую я, помирать мнѣ скоро, такъ вотъ пришелъ я сказать міру мою послѣднюю волю. Служилъ я вамъ сколько лѣтъ и какъ умѣлъ; коли кому не угодилъ, прошу простить меня Христа ради».—«Службой твоей много довольны, служи и еще; спасибо тебѣ: дѣтокъ нашихъ какъ любилъ!»—«Спасибо и вамъ за ласковыя рѣчи, что согрѣли сердце безроднаго старика. Прошу теперь я міръ: какъ умру, похороните меня по настоящему православному, чтобъ сорокъ обѣденъ отслужить по мнѣ и годовщину справить. А вотъ, староста, тебѣ тридцать рублей; сбереги ихъ на поминъ души моей да на похороны»...—«Нѣтъ, староста, не бери этихъ денегъ, зашумѣли кругомъ: мы міромъ!»—«Ну, спасибо вамъ, родные! поклонился Пахомъ: коли міромъ похоронить меня хотите, такъ это для меня большая утѣха, а эти деньги я отдамъ батюшкѣ; пусть на Аюнь ихъ отошлетъ, чтобы и тамъ меня грѣшнаго помянули. А теперь, дѣтки... вы уже простите меня стараго, что дѣтками назвалъ васъ: почитай, всѣ на моихъ глазахъ выросли;... теперь дѣтки... видитъ Богъ, какъ люблю я васъ, люблю наше родное село, люблю вашихъ дѣтокъ,—и голосъ старика задрожалъ, на рѣсницахъ показались слезинки»... «Да, вѣдь

и мы всѣ любимъ тебя!» гаркнулъ мѣръ.— «Только жаль мнѣ васъ, дѣтки! Завелись теперь у насъ нововѣры, намутили они, испортили село наше. Бывало, въ праздникъ всѣ въ храмъ Божій, а теперь, кто въ храмъ, а кто въ избу къ нововѣрамъ, а кто совсѣмъ нигуда; вотъ что стало! А постомъ Великимъ, бывало, всѣ отъ мала до велика поговѣютъ, очистятся отъ грѣховъ, а нынѣ врядъ-ли и половина села говѣеть. Много намутили эти нововѣры. Но, Богъ дастъ, пройдетъ это горе. А на прощанье послушайте меня старика. Живите въ Церкви Христовой православной; она, Церковь— матушка, есть древо жизни. Слыхали вы про древо жизни, что въ раю было?»— «Какъ же, помнимъ, слыхали, знаемъ».— «Такъ вотъ: плоды того райскаго древа жизни сохраняли отъ смерти тѣлесной, а плоды духовнаго древа жизни— Церкви Христовой— сохраняютъ вкушающихъ этихъ плодовъ отъ смерти духовной, отъ вѣчной погибели». И Пахомъ, какъ сумѣлъ, воспроизвелъ наставленія батюшки о Церкви Христовой и о ея благодатныхъ плодахъ, которые она раздаетъ своимъ истиннымъ сынамъ.— «Батюшка говорилъ мнѣ объ этихъ плодахъ, продолжалъ Пахомъ; вотъ они. Прежде всего, рождается на свѣтъ человѣкъ,—онъ грѣшенъ, ибо въ беззаконіи зачатъ и во грѣхѣхъ рожденъ своею матерью (Псал. 50). Но священникъ креститъ младенца во имя Отца и Сына и Святаго Духа и этимъ снимаетъ съ него грѣхъ прародительскій. Новорожденный дѣлается сыномъ Божиимъ, а Богъ ему Отцемъ,—дѣлается святымъ и вступаетъ въ новую жизнь, духовную. Для этой жизни ему нуженъ духовный свѣтъ, пища, тепло, воздухъ. Все это и подается новорожденному въ таинствѣ мѣропомазанія... Это другой благодатный плодъ св. Церкви. Теперь человѣкъ поставленъ на ноги въ святой жизни, но онъ можетъ не соблюсти ея, можетъ споткнуться и упасть, т. е. согрѣшить. Тогда ты не отчаивайся, а иди къ пастырю Церкви, раскайся передъ нимъ въ своихъ грѣхахъ, и Богъ милосердый, не хотящій смерти

грѣшника, простить тебя устами пастыря Церкви, ибо имъ (пастырямъ) Господь сказалъ: «что вы свяжете на землѣ, будетъ связано на небѣ; и что вы разрѣшите на землѣ, будетъ разрѣшено на небѣ». Вотъ ты вкусилъ третій плодъ Церкви, ты очистился отъ грѣховъ. Но ты слабъ; самъ собою, одинъ не справишься съ своею плотью. Вкуси же самаго высшаго плода: «тѣло Христово пріими и источника безсмертнаго вкуси» въ таинствѣ причащенія. И дорожи этой святынею: бойся новыми грѣхами оскорбить Христа, съ Которымъ ты соединился, а Христось Самъ даетъ тебѣ силы къ прохожденію святой жизни... Жизнь... трудна, охъ! какъ трудна. Вотъ ты здоровъ, силенъ; дѣло у тебя идетъ ладно; самые труды тебѣ сладки. Но вдругъ злой недугъ свалилъ тебя: ты захворалъ. Не унывай и въ болѣзни: иди опять къ древу жизни, снова зови на помощь Церковь Христову, зови пресвитеровъ-пастырей, и они помолятся о тебѣ, помажутъ тебя елеемъ во имя Господне, и, если ты съ вѣрою и самъ будешь молиться, воздвигнетъ тебя Господь съ одра болѣзни, и если ты грѣхи сотворилъ, они отпустятся тебѣ (Іак. 5 гл.). Вездѣ во всемъ помогаетъ тебѣ Церковь! А вотъ и еще плодъ Церкви Христовой: всякій христіанинъ воленъ избрать себѣ жизнь безбрачную или жизнь супружескую. Трудно дѣвственнику, еще труднѣе вести жизнь вдвоемъ: надо и себя спасти и о супругѣ своей имѣть попеченіе, и дѣтей воспитать въ страхѣ Божиемъ. Проси же снова у Церкви помощи, и она благословитъ твой бракъ и дастъ благодать къ прохожденію супружеской жизни... И всѣ эти плоды благодатные дастъ тебѣ Церковь черезъ пастырей, которые не сами себѣ взяли эту власть, а поставлены на то Богомъ для служенія Ему и намъ. Ты вотъ самъ себѣ служишь, а они, поистинѣ, наши духовные отцы; всю жизнь свою служатъ намъ, и какъ служить! Въ глухую ли полночь, въ непогодъ-ненастье, потребуешь къ себѣ духовнаго отца, онъ готовъ служить тебѣ. Лежишь-ли въ болѣзни за-

разной, всѣ покинули тебя, а отецъ твой духовный при одрѣ твоёмъ напутствуетъ тебя, молится съ тобой за тебя. Пережилъ я три страшныхъ години—три холеры; видѣлъ я, какъ служить тутъ намъ наши пастыри, какъ они поистинѣ—«душу свою полагаютъ за овецъ своихъ духовныхъ». Этихъ-ли пастырей не слушать, ихъ ли не любить?! Они и горе и радости дѣлятъ съ вами; они себѣ чужіе, вамъ—свои. А вотъ-же, но слушаются ихъ, бѣгутъ отъ нихъ эти нововѣры, избираютъ себѣ своихъ законоучителей, которые не разумѣютъ ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ (1 Тим. 1, 7). Охъ! братцы, тяжело мнѣ, старику, оттого, что появились у насъ тѣ, о которыхъ еще Апостолъ говорилъ: «и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси и, отвергаясь искупившаго ихъ Господа, навлекутъ сами на себя скорую погибель. И многіе послѣдуютъ ихъ разврату, и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи» (2 Пет. 2, 1—2). Они, наши любимовскіе еретики, отверглись Господа, выдумали вѣру новую, встаютъ противъ Церкви Христовой и вмѣстѣ съ силами адскими хотятъ одолѣть ее; но это имъ не удастся. Они только поносятъ путь истины, тотъ путь, которымъ ведетъ насъ Церковь въ жизнь вѣчную,—по которому спасся и получилъ вѣнцы славы цѣлый сонмъ нашихъ святыхъ угодниковъ Божиихъ,—тотъ путь, которымъ шли наши отцы, дѣды и прадѣды, за который проливали кровь наши православные христіолюбивые воины,—тотъ путь они поносятъ, которымъ шествуютъ сами цари наши православные... За этотъ развратъ вѣры, за это поношеніе, вѣрьте, православные, они не останутся безъ наказанія, ибо знаетъ Господь, какъ избавлять благочестивыхъ отъ искушенія, а «беззаконниковъ соблюдать ко дню суда для наказанія» (2 Петр. 2, 9). Накажетъ Господь этихъ беззаконниковъ и за то, что они презираютъ начальство, злословятъ пастырей Церкви и всѣми средствами стараются соблазнить православныхъ. Но вы не слушайте ихъ, ибо

«это безводные источники; облака и мглы, гонимыя бурей (17 ст.); они произносятъ только пустословіе (18 ст.); они обѣщаютъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія» (19 ст.)... Они вотъ кричатъ про свободную вѣру; а что же они дѣлаютъ съ тѣми, которыхъ уловятъ въ свои сѣти? Они «обѣщаютъ имъ свободу, будучи сами рабы тлѣнія, ибо кто кѣмъ побѣжденъ, тотъ тому и рабъ», обѣщаютъ вамъ свободу отъ заповѣдей и уставовъ Церкви: отъ постовъ, поклоновъ, бдѣній и т. п., а ведутъ васъ въ рабство плоти, дѣлаютъ васъ рабами тѣла... Накажетъ ихъ Господь за ихъ беззаконія, за соблазнъ и особенно за малыхъ несчастныхъ дѣтей ихъ!.. Вѣдь, они, бѣдныя, какъ родились въ грѣхахъ, такъ и остаются въ нихъ; они и не омыты водою крещенія, и не соединены со Христомъ. Ихъ души младенческія убиты... Большой отвѣтъ отдадутъ на страшномъ судѣ Христовомъ эти «развратники вѣры»,—наши любимовскіе нововѣры... Вотъ вамъ, братцы, мое завѣщаніе! Крѣпко держитесь за матушку—Церковь Христову православную. Мирно живите подъ этимъ деревцомъ жизни и вкушайте съ него плоды его, а уйдете отъ Церкви, лишитесь плодовъ ея, и участь ваша будетъ хуже участи невѣрныхъ... Ну, прощай, міръ, прощайте, старички, братцы и дѣтки!»...

И поплелся Пахомъ къ своей сторожкѣ, и молился онъ тамъ за своихъ любимцевъ...

Словно чуялъ дѣдушка Пахомъ свою смертушку. Постомъ схоронили. Бѣденъ былъ дѣдушка, безроденъ былъ, а его провожали въ загробную жизнь всѣ любимовцы. А дѣтокъ-то сколько было вокругъ его гроба! и какъ грустно пѣли эти дѣтки «со святыми упокой» по любимомъ дѣдушкѣ Пахомѣ *)!

---

*) См. „Тамб. Епарх. Вѣдом.“ 1896 г.

Архимандритъ Ареѳа.

(Память 15 мая).

Въ недавнее время скончался послѣ продолжительной болѣзни настоятель Верхотурскаго 2-класснаго Николаевскаго монастыря архимандритъ Ареѳа. Архимандритъ происходилъ изъ крестьянъ Малоархангелскаго уѣзда Орловской губ. Его отецъ (недавно умеръ) имѣлъ большое семейство, но дома у него остался только старшій сынъ, онъ съ женой и замужня дочь, а другіе дѣти поступили въ разные монастыри: дочери въ Елецкій, Орловской же губ., женскій монастырь, а сынъ Ареѳа—на Валаамъ. Когда тамошній іеромонахъ, а послѣ архимандритъ Іовъ, былъ назначенъ настоятелемъ Верхотурскаго Николаевскаго монастыря, то онъ, зная монаха Ареѳу, какъ настоящаго инока и человѣка съ чистою душею, пригласилъ его къ себѣ въ Верхотурскій монастырь, куда онъ и переѣхалъ. Здѣсь онъ былъ посвященъ въ санъ іеродіакона и вскорѣ рукоположенъ былъ въ іеромонаха, а когда архимандритъ Іовъ ушелъ на покой обратно на Валаамъ, то братія Верхотурскаго монастыря избрала іеромонаха Ареѳу въ настоятели монастыря, какъ примѣрнаго іеромонаха и вѣрнаго труженика и молитвенника передъ Господомъ Богомъ.

Съ первыхъ же дней вступленія въ обязанность настоятеля съ возведеніемъ въ санъ игумена онъ покорилъ себѣ какъ братію, такъ и постороннихъ, не оставляющихъ своими посѣщеніями эту обитель; всѣ видѣли, что онъ и въ этомъ санѣ такой же смиренный монахъ, какъ и прежде. Своею примѣрною жизнію, какъ истинный монахъ, подвижникъ архимандритъ Ареѳа обратилъ вниманіе всей братіи, онъ былъ примѣромъ для всѣхъ и во всѣхъ отношеніяхъ, ибо онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ монастырскихъ правилъ и устава. Онъ поднималъ духъ въ монастырѣ

и завелъ новые порядки. Умеръ о. Арева въ полномъ сознаніи, въ седьмомъ часу пополудни; разговаривалъ, хотя немного, съ окружающими его, а когда почувствовалъ исходный конецъ, то сказалъ келейнику своему, брату Михаилу: «вотъ моя и смерть пришла», перекрестился, самъ сложилъ руки, сказалъ: «простите»,—и его не стало. Покойный наканунѣ самъ умывалъ себѣ руки и говорилъ: «за то вамъ меньше будетъ труда послѣ моей смерти». За нѣсколько дней онъ говорилъ нѣкоторымъ: «ждите 15 числа». 15-го и была его смерть *).

Іоасафъ и Серапіонъ, подвижники Площанской пустыни.

(Память 15 мая).

Послѣ возобновленія Площанской пустыни іеромонахомъ Тихономъ преемникомъ—настоятелемъ былъ избранъ его ученикъ—іеромонахъ Іоасафъ. Онъ былъ ученикомъ его и намѣстникомъ во время отлучекъ; раздѣлялъ съ нимъ скорби и помогалъ ему въ устроеніи пустыни; жилъ нѣсколько лѣтъ въ Брянскихъ лѣсахъ, потомъ, по просьбѣ отца Тихона, возвратился въ обитель. Онъ былъ родомъ изъ Каширы, званія дворянскаго, начало жизни подвижнической полагалъ въ Одриномъ монастырѣ, тамъ былъ и постриженъ; оттуда перешелъ по просьбѣ о. Тихона въ Борщевскую пустынь, гдѣ рукоположенъ въ іеромонаха. Когда же соединена была Борщевская пустынь съ Площанскою, и отецъ Тихонъ сдѣлался строителемъ, отецъ Іоасафъ перешелъ въ эту пустынь. Сдѣлавшись строителемъ, отецъ Іоасафъ дѣятельно занялся построеніемъ новой каменной церкви, въ честь Казанской иконы Божіей Матери съ придѣломъ Святителя Николая, по правую сторону; церковь была окончена и освящена при немъ въ 1746 году. Въ то же время заложилъ новую церковь въ имя По-

*) (Русск. Пал.).

кровя Пресвятыя Богородицы. вмѣсто деревяннаго корпуса, занимаемаго трапезою, онъ выстроилъ новый каменный, болѣе пространный, и помѣстилъ въ немъ, кромѣ трапезы, поварню, хлѣбню и нѣсколько братскихъ келлій; монастырь обнесъ деревянною стѣной. Въ ризницу прибавилъ ризъ и другихъ вещей, принадлежащихъ къ священнодѣйствию; бібліотеку пополнилъ разными служебными и назидательными книгами.

Заботясь объ устройствѣ пустыни во вѣсхъ отношеніяхъ, онъ не оставлялъ и духовныхъ подвиговъ своихъ, въ которыхъ съ юныхъ лѣтъ упражнялся. Онъ былъ примѣромъ для братіи въ воздержаніи, трудахъ и молитвѣ, любилъ уединеніе, былъ хорошимъ наставникомъ духовной жизни. Благочестивыя упражненія его, сказывалъ о немъ ученикъ его отецъ Серапіонъ, не только въ сей пустыни, хотящимъ рада Бога жить, были свѣдомы, но и другимъ правымъ сердцамъ служили прямо на спасеніе души. Слава о его богоугодной жизни, распространившаяся далеко по окрестностямъ, и частыя посѣщенія приходящихъ къ нему за совѣтами, стали тяжки для его души смиренной и любившей уединеніе; а потому, окончивъ построеніе церкви въ честь Казанской иконы Божіей Матери, трапезы и другихъ начатыхъ имъ зданій, и избравъ себѣ въ преемники отца Пафнутія, Іоасафъ отказался отъ начальства, бывши только шесть лѣтъ (1741—1746) строителемъ и удалился въ любимыя имъ Брянскіе лѣса, гдѣ прожилъ около двадцати лѣтъ, но и тамъ не могъ укрыться отъ приходившихъ къ нему и искавшихъ его душеполезныхъ совѣтовъ. Изъ числа ихъ многіе желали сдѣлаться учениками благочестиваго подвижника и остаться съ нимъ жить. Онъ проницательно усматривалъ способныхъ къ пустынножительству и, постригая ихъ, отсылалъ въ монастырь или оставлялъ при себѣ. Но это возбудило негодованіе духовенства ближнихъ селъ; подали на отца Іоасафа жалобу въ консисторію, обвиняя его въ противозаконныхъ

дѣлахъ и, между прочимъ, въ томъ, что постригаетъ всѣхъ безъ дозволенія, не имѣя на то права. По сему прошенію ему запрещено было постригать; но и послѣ этого предписанія консисторіи онъ постригъ еще нѣсколько человѣкъ, и тѣмъ подалъ поводъ къ новымъ жалобамъ на себя. Изъ консисторіи вышелъ указъ, чтобы взять его и привезти въ Сѣвскъ, какъ нарушителя закона.

Его взяли изъ Брянскихъ лѣсовъ и повезли въ Сѣвскъ мимо Площанской пустыни. Въ то время случилось быть въ ней преосвященному Кириллу, епископу Сѣвскому и Брянскому, который, узнавши, что везуть отца Юсафа, пожелалъ его видѣть и приказалъ привести его къ себѣ. Приведенъ былъ старецъ, изнуренный строгою иноческою жизнію, со впалыми глазами, въ оковахъ, отъ тяжести которыхъ онъ едва передвигалъ ноги. Преосвященный Кириллъ, тронутый видомъ старца, не могъ удержаться отъ слезъ, онъ велѣлъ его освободить и оставить въ пустынь; съ того времени отецъ Юсафъ остался въ монастырѣ. Онъ не засталъ уже въ живыхъ преемника своего и ученика строителя Пафнутія и самъ жилъ недолго по возвращеніи изъ Брянскихъ лѣсовъ. Здоровье его, разстроенное скорбями, трудами, постомъ и преклонными лѣтами, быстро приближало къ концу жизнь его. Онъ скончался въ 1766 году на 74 году своей жизни, былъ въ монашествѣ 50 лѣтъ и погребенъ въ сей же обители подъ жертвенникомъ, въ придѣлѣ святителя Николая. Онъ былъ высокаго роста, сухощавъ, носъ имѣлъ прямой, глаза сѣрые, волосы на головѣ и бородѣ небольшіе, свѣтлорусые съ просѣдью.

Послѣ Пафнутія и Юсафа настоятелемъ былъ сдѣланъ другой ученикъ отца Юсафа, тоже строгій подвижникъ—іеромонахъ Серапіонъ, родомъ изъ Сергіева посада. Онъ пришелъ въ пустынь въ молодыхъ лѣтахъ и проходилъ всѣ монастырскія послушанія. Ученикъ строителя отца Юсафа, любимый имъ за безпрекословное послушаніе и воздержную

жизнь, онъ былъ разсудителенъ и, по тогдашнему времени, довольно образованъ. По принятіи начальства надъ пустынью, онъ занялся перестройкою ветхихъ зданій; вмѣсто прежней деревянной ограды, обвелъ вокругъ всего монастыря каменную и на вратахъ ея построилъ церковь во имя Всѣхъ Святыхъ.

Преосвященный Амвросій имѣлъ особенную любовь къ Площанской пустыни, часто посѣщалъ ее и любилъ бесѣдовать съ отцемъ Серапіономъ, котораго уважалъ за строгость жизни; поручилъ ему главный надзоръ за возобновляемую Бѣлобережскою пустынью, которая упразднена была въ 1777 году. Преосвященный Амвросій переведенъ былъ въ Казанскую епархію. Приѣхавъ оттуда по дѣламъ новой епархіи въ Москву и встрѣтивши тамъ монаховъ Площанской пустыни, послалъ съ ними клобукъ Патріарха Филарета Никитича, въ знакъ своей любви къ Площанской пустыни и на благословіе ей.

Чудное стеченіе обстоятельствъ! — Святѣйшій Патріархъ Филаретъ, какъ извѣстно по преданію, первый далъ благословіе на возобновленіе пустыни отцу Прокопію; теперь его же святительскій клобукъ данъ въ благословенную имъ обитель, какъ бы въ знаменіе сугубаго благословія.

Отецъ Серапіонъ, кромѣ ограды и церкви во имя Всѣхъ Святыхъ, которая освящена была въ 1783 году, перестроилъ снова оказавшійся ветхимъ трапезный корпусъ, разобралъ его до основанія, сдѣлалъ его обширнѣе прежняго и помѣстилъ въ немъ трапезу, поварню, хлѣбню, братскія келліи, а подъ трапезою сдѣлалъ выходъ для хозяйственныхъ запасовъ на зимнее время; построилъ другой каменный корпусъ, въ которомъ помѣстилъ бондарню, квасоварню и братскій ледникъ; сдѣлалъ деревянные строенія на конномъ, скотномъ и гостиномъ дворахъ и многія хозяйственныя постройки, для уборки хлѣба и огородныхъ овощей, и развелъ довольно большой фруктовый садъ.

Словомъ, почти все въ пустыни отецъ Серапіонъ выстроилъ вновь, или по ветхости перестроилъ, не опуская изъ

вида ничего, что было нужно для обители. Онъ вездѣ самъ надсматривалъ, все самъ закупалъ и во всемъ распоряжался, съ искусствомъ добраго домостроителя. Во время размежеванія земель исходатайствовалъ, въ 1779 году, изъ Орловской межевой конторы планъ и книгу на монастырскую землю, которой показано прежнее количество (2,645 десят. и 154 саж.) и межевые знаки поновлены. Онъ проложилъ дороги, и окрестнымъ жителямъ при немъ стало удобно ѣздить въ обитель, тогда какъ прежде эти поѣздки сопряжены были даже съ опасностями.

Потомъ (въ 1787 г.) къ соборной церкви въ честь Казанской иконы Божіей Матери, съ лѣвой стороны (гдѣ нынѣ придѣлъ въ честь Кипрской иконы Божіей Матери), отецъ Серапіонъ пристроилъ ризницу, и въ нее перенесена была вся монастырская утварь. Такимъ образомъ отецъ Серапіонъ въ теченіе своего 30-лѣтняго управленія (1777—1807 г.) привелъ пустынь въ самое цвѣтущее состояніе, а строгостію жизни и душеспасительными наставленіями приобрѣлъ любовь многихъ, извѣстныхъ въ то время лицъ, съ которыми велъ переписку. Преклонныя лѣта и слабое здоровье требовали покоя, и онъ въ послѣдніе годы своей жизни успокоился нѣсколько отъ трудовъ объ устройствѣ пустыни и сталъ уединяться, а заботы по управленію возложилъ на ученика своего іеромонаха Амвросія. Отецъ Серапіонъ скончался послѣ непродолжительной болѣзни, завѣщавъ похоронить себя подлѣ многоуважаемаго имъ, какъ онъ самъ выражался, наставника и руководителя его спасенія, строителя отца Юсафа. Мудрымъ и долговременнымъ управленіемъ онъ снискалъ общую глубокую любовь къ себѣ братіи; при всѣхъ заботахъ и трудахъ не оставлялъ и строгой иноческой жизни; любилъ быть всегда въ церкви, и это служило возбужденіемъ къ тому и для другихъ, особенно для новоначальныхъ *).

*) См. „Описаніе Богородицкой Площанской пустыни“... Спб. 1855 г.).

Игуменія Теофанія, основательница СПб. Ново- дѣвичьяго женскаго монастыря.

(Память 16 мая).

Санктпетербургскій Новодѣвичій женскій монастырь, прекрасный и благоустроенный въ настоящее время, основанъ еще очень недавно, нѣтъ еще шестидесяти лѣтъ. Благоустроительницею обители является ея первая игуменія мать Теофанія, замѣчательная по своей высокосвятой жизни и великимъ трудамъ; о ней то мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Мать Теофанія родилась 15 февраля 1787 г. въ с. Тресковѣ, Костромской губ., Солигаличскаго уѣзда. Ея родители Сергѣй Аванасьевичъ и Домника Ивановна Шулепниковы были дворяне, люди образованные и глубоко благочестивые, отецъ ея былъ особенно ревностенъ въ посѣщеніи храма Божія и любилъ всегда приходиться къ службѣ заблаговременно, приговаривая: «обѣдня безъ часовъ—что птица безъ крыльевъ». Семейство ихъ было многочисленное: семь сыновей и четыре дочери, которыхъ и воспитывали въ страхѣ Божиемъ. Но особенно отецъ любилъ младшую дочь—Александру, впоследствии Теофанію. Александра отъ природы была жива и весела, но отецъ точно предчувствовалъ, что жизнь ея будетъ полна горестей и, когда мать иногда принималась журить за дѣтскія шалости, всегда заступался за дочь и говаривалъ: «Саша еще много въ жизни наплачется, много ей бѣдной горя и бѣдъ испытать придется». Подъ руководствомъ отца и старшей сестры Анны Сергѣевны Александра Сергѣевна получила прекрасное домашнее предварительное образование и истинно-христіанское воспитаніе. По смерти отца, 9 сентября 1797 г., ея воспитаніемъ руководила мать, которая лично и свезла ее въ СПб. и опредѣлила въ Екатерининскій институтъ, въ 1801 году, гдѣ Александра Сергѣевна скоро стала любимицею Государыни Александры Ѳеодоровны. Долго

Митрополитъ Осифъ

въ институтѣ не могла освоиться Александра Сергѣевна. Разъ ей стало такъ ночью скучно, что она пошла, разбудила начальницу и съ горькими слезами стала жаловаться на скуку. Начальница, Анна Ивановна Брейткопфъ, поняла сердцемъ глубину сиротской скорби, обласкала, утѣшила и уложила спать съ собою. Эта нѣжность глубоко тронула дѣвушку, и она уже не скучала очень. Въ 1805 г. Александра Сергѣевна окончила курсъ съ шифромъ Государыни и переѣхала жить къ матери, но скоро ея мать, истинная мать всѣхъ бѣдняковъ и безпріютныхъ, скончалась, 26 сентября 1806 г.; почти вслѣдъ скончалась старшая сестра Елизавета Сергѣевна. Тогда Александра Сергѣевна и Анна Сергѣевна переѣхали жить въ другое свое село Еремейцево, подлѣ котораго жила ихъ любимая тетка Надежда Ивановна. Въ это время Александра Сергѣевна заболѣла зубами и стала здорова только послѣ усердной молитвы преп. Ѳеодосію Тотемскому и обѣщанія съѣздить въ его обитель, которое и исполнила къ ряду. 15 января 1809 г. Александра Сергѣевна вступила въ законный бракъ съ Семеномъ Степановичемъ Готовцевымъ, генераломъ, истинно-благочестивымъ и русскимъ челоуѣкомъ. Бракъ ихъ былъ счастливъ, но недологъ. Года не прошло, какъ генераль, разлучившійся съ женою чрезъ шесть недѣль послѣ свадьбы, былъ убитъ въ войнѣ со шведами, при покореніи Финляндіи, 8 августа 1809 г. Все Высочайшее Семейство приняло участіе въ горѣ молодой вдовы, но скорбь ея была великая. Только скорое рожденіе дочери, нареченной въ св. крещеніи Анною, и заботы объ ея воспитаніи утѣшили молодую вдову, которая не приняла ни одного изъ лестныхъ предложеній вновь вступить въ бракъ. Но недолго судилъ Господь Александрѣ Сергѣевнѣ утѣшаться малюткою: 8 ноября 1813 г. ея дочь вдругъ заболѣла и скончалась, какъ предрекъ это еще ранѣе старецъ Ѳеофанъ Новозерскій. Безутѣшная мать-сирота тогда дала обѣтъ оставить міръ и поступить въ монастырь, но еще долго она не могла присту-

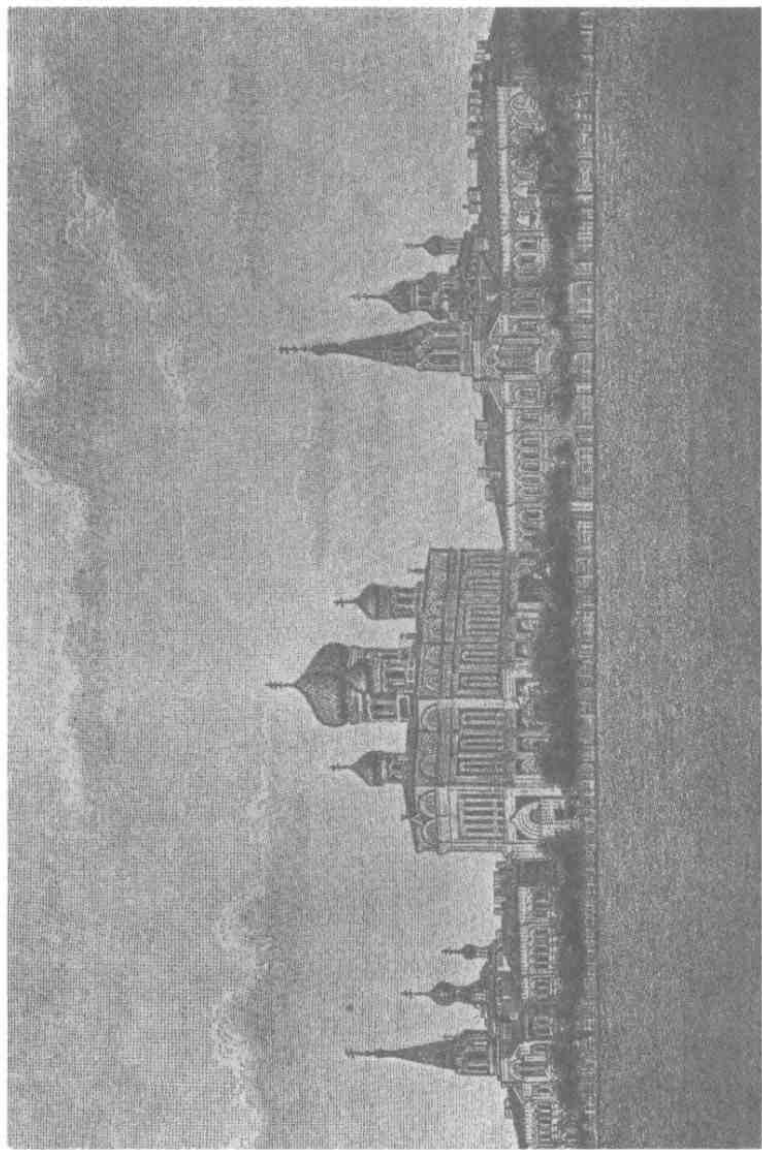
пить къ исполненію своего обѣта: все еще колебалась. И только когда была чудесно спасена отъ неминуемаго потопленія въ рѣкѣ, провалившись съ санями подъ ледъ, окончательно утвердилась въ рѣшеніи оставить міръ и удалилась въ Горицкій женскій монастырь, горько оплакиваемая своими дворовыми людьми, которые ее глубоко любили за ее доброту и которымъ она любила еще съ ранняго дѣтства дѣлать всячески добро. Съ собою она взяла любимую горничную Дуню, которая потомъ приняла иночество съ именемъ Ерміоны и до смерти служивала своей бывшей госпожѣ. Имѣнія Александра Сергѣевна передала сестрѣ, съ которою владѣла нераздѣльно, взявъ, что можно, для нуждъ обители Горицкой. 12 женщинъ изъ бывшихъ ея крѣпостныхъ послѣдовали ея примѣру и закончили свою жизнь въ иноческихъ подвигахъ. 16 сентября 1818 г. Александра Сергѣевна была пострижена въ рясофоръ великимъ подвижникомъ благочестія, старцемъ Теофаномъ Новоезерскимъ, подъ руководствомъ котораго и жила она со дня своего вдовства, и была наречена Теофаніею. Съ дня своего постриженія мать Теофанія повела строгую иноческую жизнь въ постоянной молитвѣ, постѣ, трудахъ, смиреніи и кроткомъ исполненіи всѣхъ послушаній. Первымъ ея послушаніемъ было научиться читать по церковно-славянски, а когда она преуспѣла въ этомъ—ей было ввѣрено клиросное послушаніе—управлять и завѣдывать клиросами. И съ этимъ дѣломъ она такъ освоилась и читала такъ прекрасно, что массы народа ходили слушать это дивное церковно-богослужебное чтеніе, въ которомъ твердое знаніе языка славянскаго соединялось съ горячимъ молитвеннымъ постояннымъ устремленіемъ ума и сердца къ Богу. Съ благословенія игуменіи мать Теофанія завела на свои средства и своимъ личнымъ трудомъ укрѣпила въ обители еще рукодѣлья: тканье ковровъ, вышиванье золотомъ, школу живописи. Игуменьею тогда была знаменитая по своей подвижнической жизни мать Маврикія, которая горячо любила Теофа-

нію и мудро руководила ея духовнымъ воспитаніемъ. Теофанія же платила ей горячею любовью и полнѣйшимъ послушаніемъ. Другимъ ея духовнымъ вождемъ былъ старецъ Теофанъ, еще въ годъ вступленія ея въ Горицкій монастырь провидѣвшій будущее открытіе СПб. женскаго монастыря. Игуменія Маврикія все болѣе и болѣе старилась и все болѣе и болѣе дѣлами завѣдывала Теофанія, но она была такъ смиренна и кротка, что всѣ сестры ее глубоко любили и читли. По нѣкоторомъ времени въ обитель поступила и старшая сестра матери Теофаніи Анна Сергѣевна, скончавшая свою жизнь въ схимѣ въ строгихъ и смиренныхъ подвигахъ, 1 декабря 1855 г. Поступили и нѣкоторыя изъ ея бывшихъ знакомыхъ и родственницъ въ обитель, но особенно она сдружилась съ воспитанницею Орловой-Чесменской, которая при постриженіи была наречена Варсонофіей и на всю жизнь стала неразлучнымъ другомъ матери Теофаніи. Въ 1855 г. мать Теофанія, съ благословенія игуменіи, ѣздила на поклоненіе св. мощамъ св. Тихона и Митрофана, Воронежскихъ чудотворцевъ. Во время этой поѣздки она стала въ близкое духовное общеніе съ святителемъ Антоніемъ Воронежскимъ, который предрекъ ей быть игуменшей и потомъ съ нимъ она находилась въ постоянной перепискѣ. Тогда же она познакомилась и съ затворникомъ Георгіемъ Задонскимъ, который предрекъ ей игуменство, скорби и бѣдственное житіе, давъ пророчески платокъ для утиранія слезъ и пять рублей для обозначенія скудости средствъ, а когда та недоумѣвала, объяснилъ знаменованіе этого подарка. Въ 1832 г. мать Теофанія сдѣлана была ризницею и много потрудилась надъ устроеніемъ и пополненіемъ монастырской ризницы. 8 ноября 1837 г. мать Теофанія была пострижена въ мантию. Удалившись отъ міра, мать Теофанія сроднилась съ Горицкой обителью и думала въ ней скончать дни свои. Но не то судилъ Господь. Умудренною опытомъ, постомъ и воздержаніемъ, молитвою и смиреніемъ очистившую душу

свою отъ пристрастія къ тлѣнному, Онъ призвалъ ее къ подвигу устроенія новой иноческой обители въ г. С.-Петербургѣ. 20 іюня 1845 г., вечеромъ полученъ былъ указъ матери Теофаніи немедленно выѣхать въ С.-Петербургъ. Какъ громомъ поразила эта вѣсть сердца горлицкихъ монахинь, съ горькими слезами 23 іюня, послѣ литургіи и моленій, отпустили онѣ любимую сподвижницу съ ея другинею Варсонофіею. Игуменія Маврикія очень осунулась и быстро постарѣла.. Всѣ горько, горько плакали. Невольно вспомнили и прореченіе одной юродивой, которое ранѣе не понимали. Юродивая говорила Теофаніи: «ужь будешь кланяться бѣлому клубуку, да не откланяешься, быть тебѣ игуменьей, куда ни пойдешь, будутъ говорить: дорогу давайте, госпожа игуменья, госпожа Готовцева идетъ. Но—многими скорбями подobaетъ намъ внити въ Царствіе Божіе. На славное, но и скорбное дѣло была вызвана мать Теофанія. Прибывъ въ суровый и шумный С.-Петербургъ, она съ Варсонофіею поселилась на Васильевскомъ островѣ, у церкви Благовѣщенія. Много горестей имъ, неприютнымъ инокинямъ, привелось перенести здѣсь. Вскорѣ прибыли и другія изъ горлицкихъ монахинь, вызванныя въ составъ сестеръ новой обители. Никогда не забуду, говорила потомъ не разъ мать Теофанія, что въ богатомъ С.-Петербургѣ первая монастырю оказала помощь и благодѣяніе бѣдная женщина своими личными трудами... Владыка митрополитъ Антоній, когда узналъ о бѣдственномъ положеніи монахинь, принялъ въ нихъ самое родственное участіе, далъ имъ корову, одѣяла, посуду, кровати и все потребное вообще. Самъ онъ и викарій, преосвященный Нафанаилъ, впоследствии архіепископъ Архангельскій, личнымъ участіемъ облегчали матери Теофаніи устроить общежитіе. 28 октября мать Теофанія была возведена владыкою въ санъ игуменьи. Но вскорѣ мать игуменью постигло новое горе: ея бывшая любимая горничная Дуня—монахиня Ерміона скончалась и была погребена на Смоленскомъ клад-

бищѣ. По нѣкоторомъ времени обитель было рѣшено перевести съ Васильевскаго острова за Московскую заставу. Монастыри устраиваются не золотомъ и серебромъ, а молитвеннымъ потомъ и слезами покаянія, привлекающими благословеніе Божіе. Эти слова, которыми утѣшала монахинь мать Оеофанія, вполне оправдались на ней. Въ теченіе многихъ лѣтъ, многими трудами, скорбями, заботами, молитвою она создала обитель въ томъ величіи, красотѣ, обилии, съ строгимъ общежительнымъ уставомъ, разнообразными мастерскими, какою она является нынѣ. Находились добрые люди, которые приносили—одни свои труды, другіе свои денежные дары, третьи свои связи—кто чѣмъ могъ—помогали подвижницѣ и молитвенницѣ въ ея великомъ трудѣ. Высочайшее Семейство любило игуменію—труженицу и щедро помогало ей. Государь былъ и на закладкѣ обители, 4 ноября 1849 г. и потомъ не разъ ее посѣщали Высочайшія Особы, преимущественно же ее любила и почитала В. Кн. Александра Петровна—потомъ инокиня Анастасія.. Иногда помощь являлась неожиданно: Самъ Господь ее посылалъ, когда по человѣческимъ соображеніямъ и ожидать было нельзя. Такъ, однажды купецъ Громовъ, вмѣсто того, чтобы строго требовать уплаты денегъ, коихъ не было, взявъ счетъ у матери Варсонофіи, написалъ, что деньги получены сполна, и еще впредь не разъ помогалъ ей. Подрядчикъ Кононовъ работалъ почти въ ущербъ себѣ, только бы послужить матушкѣ. Самый песокъ, который былъ въ тягость обители, послужилъ средствомъ для доходовъ: его купили на постройку Варшавской ж. дороги. Много потрудились съ матерію Оеофанією и пользовались ея любовію, кромѣ ея неизмѣнной другини Варсонофін, протоіерей о. Василій Дубягскій, странница Дарія, художникъ Яковлевъ и др. А святогорецъ Серафимъ выслалъ икону Умиленія и Отрады Божіей Матери—благословеніе св. горы Аѳона. Многіе подвижники утѣшали инокинь своими письмами и наставленіями. Зани-

маясь трудами по устроению обители, Теофанія не оставляла безъ вниманія внутреннюю жизнь обители. Принимая съ большимъ разборомъ въ свою ограду ищущихъ спасенія путемъ иноческаго житія, мать Теофанія о принятыхъ заботилась всячески, служа сама имъ примѣромъ жизни и молитвы. Къ концу своей жизни она достигла высокаго духовнаго совершенства, и ея слово, особенно соединенное съ молитвою, имѣло могучее дѣйствіе. Такъ однажды она молитвенно пожелала, чтобы умиравшая въ чаоткѣ монахиня, не умирала, пока не переѣдутъ онѣ съ Васильевского острова на новое мѣсто обители; та поправилась, а когда уже переѣхали, снова заболѣла и умерла. Въ другой разъ Теофанія сказала болѣвшей сильнымъ нарывомъ съ затвердѣніемъ гноя подъ глазомъ монахинѣ, что скоро поправится—и почти тотчасъ нарывъ прорвало, и та поправилась. Заботясь о сестрахъ обители, мать Теофанія когда могла—творила добро вмѣстѣ съ Варсонофією и всѣмъ людямъ. Многимъ бѣднымъ оказывали онѣ помощь, пристраивали сиротокъ, вдовъ, поддерживали немощныхъ, но злу, подъ какою бы формою оно ни проявлялось, строго противодѣйствовали. Такъ, одна мать явилась къ игуменіи и просила пріютить ея дочь, чтобы съѣздить на богомолье. Игуменья строго отказала и выяснила, что это жестокость, а не богоугодное дѣло—бросать дитя и ѣздить хотя бы молиться. Особенно осуждала она пересуды, коихъ терпѣть не могла, и отличалась великимъ смиреніемъ. Однажды важный сановникъ былъ встрѣченъ самою игуменьею, но въ скромной одеждѣ ее не узналъ и, небрежно кивнувъ головою, пошелъ въ залу, въ гостиную. Теофанія шла за нимъ скромно. Не видя игуменьи, онъ спросилъ: да гдѣ же игуменья? Я называюсь игуменіей, отвѣчала подвижница, къ великому смущенію гордаго чловѣка. Въ другой разъ она цѣлую службу въ Казанскомъ соборѣ продержала шубу какой-то барыни и, когда та дала ей за это пятакъ, приняла кротко. Много было и другихъ

Санктпетербургскій Новодѣвичій женскій монастырь

Галактіонъ, Лазарь, схимонахъ Филиппъ и Прокопій

случаевъ, гдѣ ясно открывался чистый, уже созрѣвшій для вѣчности, духъ подвижницы. Слава о ней далеко шла. Не разъ она была награждаема крестами, даже съ драгоценными украшеніями отъ Государя, бывала на семейныхъ торжествахъ въ царскомъ домѣ, пользовалась уваженіемъ всѣхъ ревнителей православія, но оставалась кроткою и смиренною рабою Божіей и ждала того дня, когда бы перешла туда, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная. Незадолго до ея смерти умерла ея другиня мать Варсонофія. Послѣ смерти ея Теофанія стала быстро ослабѣвать, тяжело изнемогала и, напутствованная св. таинствами и молитвами, всѣхъ благословивъ и наставивъ, тихо скончалась въ 3 ч. дня, 16 мая 1866 г. Близъ соборнаго храма находятся могилы игуменіи Теофаніи и ея другини монахини Варсонофіи, обнесенныя рѣшетками, осѣняемыя бѣлыми крестами. Тихо мерцаетъ лампада на могилѣ матери Теофаніи и своимъ кроткимъ сіяніемъ говоритъ намъ, что и всю жизнь мать Теофанія сіяла въ мірѣ кроткою Божьей звѣздочкой, влекущею насъ туда, гдѣ сіяетъ правда вѣчная и Богъ всяческая во всѣхъ *).

Схимонахъ Филиппъ, основатель Пещерной обители и Киновіи Боголюбивой Богоматери, при Геосиманскомъ скиту близъ Свято-Троицкой Сергіевой лавры.

(Память 18 мая).

Родина схимонаха Филиппа деревня Стряпкова, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Родился онъ 9 ноября 1802 года. Родители его крестьяне Андрей и Февронія Хо-

---

*) Болѣе подробно жизнь игуменіи Теофаніи описана въ прекрасной книгѣ: „Игуменія Теофанія“ (Готовцева), СПб. 1868 г., откуда мы и заимствовали это сказаніе.

ревы, были крѣпостными помѣщицы Варвары Борисовны Бажановой. Раньше Филиппа у нихъ было еще два сына: Козьма и Феодоръ. Все семейство Хоревыхъ отличалось набожностью и благочестіемъ; но изъ дѣтей преимущественно предъ другими братьями религіозностью и усердіемъ къ посѣщенію храма Божія отличался съ ранняго возраста меньшей—Филиппъ. Когда Филиппъ подросъ и сталъ, какъ крѣпостной, значиться работникомъ на «барщинѣ», это усердіе къ храму сдѣлалось для него источникомъ непріятностей, такъ какъ иногда ради храма онъ оставлялъ неисполненными работы; но это опущеніе онъ всегда старался вознаградить потомъ, такъ какъ онъ былъ трудолюбивъ, и никакой тяжелой трудъ деревенской жизни не пугалъ его. И въ дѣтствѣ, и въ отрочествѣ онъ на ряду съ старшими братьями исполнялъ всѣ крестьянскія работы по дому, замѣняя родителей, работавшихъ на «барщинѣ». На 22 году, по настойчивому убѣжденію родителей и вопреки собственному желанію, Филиппъ вступилъ въ бракъ съ дѣвицею крестьянкою Евдокіей Степановой. Въ скоромъ времени у нихъ одинъ за другимъ родилось четверо дѣтей: три сына—Игнатій, Порфирій и Василій и дочь Синклитикия. Болѣе десяти лѣтъ Филиппъ прожилъ съ женою, — въ 1836 году она умерла. Сильно скорбѣлъ Филиппъ, оставшись вдовымъ съ маленькими еще дѣтьми. Вскорѣ къ этой скорби присоединилась другая—сильнѣйшая: господа отдали средняго сына его въ приданое за дочьрю. Съ этого времени и всегда то тихій, богомольный и не любившій веселья и празднословія, Филиппъ сталъ еще болѣе замкнутымъ въ себя, избѣгалъ сношеній съ сосѣдями, сдѣлался еще набожнѣе, усиленно постился и посѣщалъ храмъ Божій. Родители его, бывшіе еще въ живыхъ, приписывали все это единственно тому, что Филиппъ грустилъ вслѣдствіе потери жены, и употребляли всѣ мѣры, чтобы опять женить его. Долго не соглашался и боролся Филиппъ, наконецъ былъ принужденъ уступить волѣ роди-

телей и вступилъ во второй бракъ съ дѣвицею Глигеріею Трофимовой, дочерью крестьянина. Но и новая женитьба не оправдала надеждъ родителей Филиппа: онъ, несмотря на ласковость жены и рожденіе отъ нея дочери Варвары, не выходилъ изъ своего замкнутаго состоянія, а все болѣе и болѣе углублялся въ себѣ, и кромѣ тѣхъ монашескихъ наклонностей, которыя въ немъ были замѣтны до второй женитьбы, сталъ обнаруживать желаніе поститься по нѣскольку дней сряду, ходить постоянно безъ обуви и съ открытой головой, спать на землѣ и камняхъ и нести другія лишенія. вмѣстѣ съ этимъ онъ нерѣдко старался вести себя такъ, чтобы подвергнуться насмѣшкамъ, брани, даже побоямъ, вообще получать всевозможныя непріятности. Для этого нерѣдко онъ ходилъ неумытымъ, нечесанымъ, иногда же нарочно начкалъ себя грязью или чѣмъ-либо другимъ. А однажды увидавъ, что сосѣдь его мазалъ дегтемъ колеса, подошелъ къ нему и, указывая на ноги, сталъ просить помазать ихъ и, несмотря на отказъ его, продолжалъ упрашивать: «молодушка! помазуй мнѣ ходульки!» такъ что тотъ уступилъ и исполнилъ его желаніе. Когда домашніе и односельчане стали бранить его и спрашивать, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, Филиппъ отвѣчалъ: «онѣ бѣгать будутъ ходче».

Подобныя же странности Филиппъ сталъ обнаруживать и на работахъ какъ своихъ, такъ и барскихъ.

Въ довершеніе всѣхъ странностей въ Филиппѣ стало являться отчужденіе отъ своей семьи и желаніе куда-то уйти; одно только замѣтно удерживало его отъ этого — привязанность къ дѣтямъ.

Разъ въ рабочій лѣтній день, всѣ родные Филиппа, уходя въ поле на жатву, условились съ нимъ, что онъ, оставшись дома, приготовить имъ обѣдъ и принесетъ его въ поле. Но прошелъ весь день до вечера, а Филиппъ обѣда не приносилъ. Удивленные родные послали за пищей одного изъ своихъ съ поля домой. Придя въ деревню, онъ узналъ, что Фи-

липпъ донесъ приготовленный обѣдъ только до крайней къ полю крестьянской избы, поставилъ его здѣсь, попросилъ хозяина побережь, пока онъ ненадолго отлучится, и ушелъ. Такъ какъ прошло уже нѣсколько часовъ послѣ того, какъ Филиппъ скрылся, то родные его сильно встревожились и стали искать въ своей деревнѣ и въ сосѣднихъ,—но нигдѣ его не оказалось. На слѣдующій день о пропажѣ Филиппа дали знать волостному начальству и полиціи, которыя приняли всѣ возможные мѣры для отысканія его, но и это не имѣло никакого успѣха.

На пятый день нѣкоторые изъ односельцевъ Филиппа увидѣли, что онъ бродить по задворкамъ своей деревни, и стали убѣждать его идти домой. Молча, одними движеніями головы, отказывался Филиппъ и смотрѣлъ на своихъ сосѣдей такъ, какъ бы въ первый разъ ихъ видѣлъ. Узнали объ этомъ его родные, выбѣжали всѣ отъ мала до велика и взяли его домой. Какъ ребенокъ шелъ Филиппъ, возвращаемый родными въ домъ отцовскій. Радовались родные его возвращенію, но недоумѣвали, что съ нимъ случилось за эти дни, видя, что онъ былъ сильно изнуренъ, полураздѣтъ и босъ,—но главное, что сталъ какъ бы глухъ и нѣмъ. Всѣ вопросы оставались безъ отвѣта. Родные оставили его въ покоѣ, на волю Божию. Потомъ спустя ужъ съ недѣлю, они узнали что Филиппа видѣли въ 37 верстахъ отъ ихъ деревни.

Эта отлучка продолжалась четыре дня. По возвращеніи домой онъ все больше изумлялъ родныхъ страннымъ видомъ и подвигами самоотверженія. Прежняго Филиппа какъ бы не бывало, остался Филиппъ безмолвный, предавшійся посту безъ границъ и не желавшій даже носить какое-либо одѣяніе. Безмолвіе, молитва, кротость, терпѣніе,—вотъ свойства, которыя ярко были видны въ немъ. Образъ жизни онъ велъ самый суровый: спалъ только подъ открытымъ небомъ, прямо на землѣ или на камняхъ, несмотря ни на какія переменныя погоды; ходилъ безъ обуви, почти нагой, едва прикрытый

встхою одеждою; принималъ пищу очень рѣдко—черезъ три, пять, даже черезъ семь дней; кромѣ всего этого онъ возложилъ на себя тяжелыя вериги. Больно было семьѣ видѣть такое поведеніе Филиппа. Братья и жена съ дѣтьми принимали всѣ мѣры, чтобы возвратить его къ жизни прежней; неоднократно заново одѣвали и обували его, но вскорѣ же Филиппъ являлся опять полунагой, отдавъ «бремя», какъ онъ односложно называлъ части одежды, первому попавшему нищему или бѣдняку; убѣждали его чаще ѣсть, поставивъ предъ нимъ пищу,—но онъ бралъ посуду съ нею и относилъ нищимъ; настилали солому на землю въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ видѣли его спящимъ не одинъ разъ,—но Филиппъ уходилъ и выбиралъ новое мѣсто, еще болѣе неудобное—сырое или неровное. Приписывали все это помѣшательству или «порчѣ».

Много непріятностей, насмѣшекъ, нареканій приходилось выносить женѣ, дѣтямъ и братьямъ «порченаго». Филиппъ вскорѣ оставилъ свою деревню совсѣмъ и ушелъ въ уѣздный городъ Вязники. Недолго пробывъ и здѣсь, отправился бродить и юродствовать по разнымъ городамъ и селамъ. Почти цѣликомъ исходилъ онъ губерніи Нижегородскую, Владимірскую, Московскую, Тульскую и Калужскую и отчасти Орловскую, Курскую и Кіевскую. Это странничество «Филиппушки блаженненькаго», какъ сталъ звать его народъ, продолжалось почти 10 лѣтъ.

Въ одномъ городѣ столоначальникъ полиціи допрашивалъ Филиппа, заложивъ перо за ухо. Раздраженный его замысловатыми отвѣтами и желая чѣмъ-либо испугать Филиппа, чиновникъ этотъ выхватилъ у него изъ рукъ его тяжелый посохъ и, едва приподнявъ отъ земли, началъ кричать на него:

— Какъ ты смѣешь таскать такой ослопъ? ты имъ чело-
вѣка легко убить можешь!..

— Братъ мой! тѣмъ перышкомъ, которое у тебя торчитъ

изъ-за уха, ты скорѣй, будь увѣренъ, можешь убить нѣсколько человѣкъ, нежели я своей опорой, возразилъ Филиппъ.

Такія образныя рѣчи раздражали чиновниковъ, и много обидъ перенесъ за нихъ Филиппъ; но ни одного слова ропота не слышали отъ него въ теченіе всей его жизни. Онъ всегда горячо молилъ Бога за тѣхъ, кто дѣлалъ ему непріятное, и впослѣдствіи, оставивъ подвигъ юродства, онъ говаривалъ дѣтямъ, что онъ потому такъ относился къ обидящимъ, что они, дѣлая ему зло видимо, приносили ему пользу внутреннюю и были его благодѣтелями; своей же душѣ жестокостью вредили, а потому онъ и долженъ молить Бога объ ихъ спасеніи».

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ слова Филиппушки выражали прозорливость относительно будущаго и вполнѣ потомъ подтверждались. Такъ игуменья Муромскаго женскаго монастыря рассказывала Филиппушкѣ, при посѣщеніи имъ этого монастыря, что одинъ купецъ пожертвовалъ имъ большой колоколь, который отливается въ Москвѣ, и еще неизвѣстно, когда будетъ готовъ и привезенъ.

— Недѣль чрезъ двѣнадцать вода привезетъ, сказалъ при этомъ Филиппъ.

Странными казались эти слова игуменѣ, такъ какъ колоколь долженъ былъ прибыть на лошадахъ. Но когда колоколь былъ изготовленъ, то вдругъ начались продолжительные дожди, сдѣлавшіе перевозку тяжести этой сухимъ путемъ невозможной; заводчикъ колокольный доставилъ колоколь водою по р. Окѣ на баркѣ и ввезенъ въ монастырь онъ былъ какъ разъ чрезъ 12 недѣль послѣ того, какъ говорилъ Филиппъ.

Многіе изъ людей истинно-вѣрующихъ и по-христіански разсуждающихъ почитали Филиппа за его подвигъ юродства и прозорливость, давали ему пріютъ и питали его въ страннической жизни, встрѣчая его всегда радушно, какъ «чело-

нѣка Божьяго»; и замѣчали, что у кого Филиппъ бывалъ, то приносилъ съ собой счастье и удачу въ дѣлахъ и семейной жизни. Такъ награждалъ Богъ почитателей кроткаго и смиреннаго юродиваго. Филиппъ, бывая въ домахъ, не дѣлалъ различія, православное ли семейство или раскольническое, повсюду обличалъ неправду и, будучи православнымъ, смѣло и открыто укорялъ раскольниковъ за ихъ уклоненіе отъ истинной церкви, не боясь никакихъ неприяностей отъ нихъ.

Будучи высокаго роста (болѣе 2 арш. 6 верш.), онъ имѣлъ лице чистое, съ длинной окладистой бородой темно-русаго цвѣта, такіе же волоса были длинно отпущены; добрый, кроткій, терпѣливый, незлобивый взглядъ его глазъ производилъ какое-то особое, влекущее къ себѣ, чувство. Во все время своего юродства, Филиппъ носилъ одного вида одежду, не измѣняя ея, несмотря ни на какія перемѣны погоды, по временамъ года,—холодный тонкій, непремѣнно ветхій, подрясникъ, надѣтый на ветхое бѣлье и открытый; застегивалъ его Филиппъ рѣдко, пояса не носилъ, а если когда и опоясывался, то веревкой. Обуви на ногахъ не носилъ и ходилъ всегда съ открытой головой. На тѣлѣ носилъ вериги,—вѣсомъ въ 21 фунтъ, въ рукахъ же равнаго вѣса посохъ. Посохъ этотъ былъ отдѣланъ подъ дубъ, хотя былъ весь желѣзный; на верху его былъ прикрѣпленъ литой изъ мѣди голубь; сдѣланъ былъ, по рассказамъ, ему этотъ посохъ въ Тулѣ, при посѣщеніи ея въ началѣ юродства. Никогда, ни на одну минуту не выпускалъ изъ рукъ этотъ посохъ Филиппъ: на ходу всегда опирался на него правою рукою; дѣлая что-либо или вкушая пищу, держалъ его лѣвою рукою, пока правая была занята; ложась, клалъ его подъ бокъ, придерживая все-таки одной рукою. Замѣчательно, что никогда никому юродивый не давалъ не только поддерживать посохъ, но даже коснуться, всегда отвѣчая просившимъ:

— Это вѣсь грѣховъ моихъ! Что чужую тяготу грѣховную пытаться?..

Голубь же былъ для Филиппа символомъ добра и кротости: отъ него-то и звали въ годы юродства подвижника «Божимъ человѣкомъ, Филиппушкой блажененькимъ съ голубкомъ».

Покойный святитель Московскій митрополитъ Филаретъ, какъ извѣстно, смотрѣлъ на юродивыхъ глазами большинства хорошихъ христіанъ, т. е. какъ на «людей Божіихъ». Филиппъ во время своего десятилѣтняго юродства неоднократно бывалъ въ Москвѣ и былъ извѣстенъ лично владыкѣ Филарету. Въ началѣ 1847 года Филиппъ, будучи въ Москвѣ, получилъ благословеніе отъ владыки пойти на поклоненіе въ Троице-Сергіеву Лавру и остаться тамъ пожить.

Чувствуя ли утомленіе отъ долговременной страннической жизни, или же повинуюсь благословенію уважаемаго святителя, Филиппъ вступилъ на жительство въ Лавру. Но только мѣсяць съ нѣсколькими днями прожилъ Филиппъ въ ней.

Тысячи богомольцевъ, многолюдство братіи и обращаемое на него, какъ на юродиваго, вниманіе побудили его искать болѣе уединеннаго мѣста. О своей мысли оставить Лавру Филиппъ сообщилъ намѣстнику о. Антонію, который и указалъ ему перейти въ зарождавшійся въ то время въ 2 верстахъ отъ Лавры Геосиманскій скитъ.

Но еще большаго уединенія жаждала душа Филиппа, и онъ сталъ просить о. намѣстника разрѣшить ему поселиться въ близости къ скиту, и указалъ на ветхую необитаемую лѣсную сторожку въ густой лѣсной чащѣ за прудомъ, сзади скита. О. намѣстникъ не препятствовалъ его влеченію и разрѣшилъ, съ благословенія святителя Филарета. Поселился въ этой сторожкѣ Филиппъ съ однимъ послушникомъ, даннымъ ему изъ скита для безопасности въ лѣсу.

Во время одного посѣщенія скита намѣстникомъ о. Антоніемъ Филиппъ испросилъ у него благословеніе ископать близъ сторожки погребъ. Станнымъ казалось начальнику архимандриту желаніе пустынножителя при уединенной сто-

рожкѣ имѣть погребъ, но при всемъ этомъ онъ не мѣшалъ Филиппу исполнить свое желаніе и разрѣшилъ ему, если будетъ нужно, взять въ помощь еще двухъ послушниковъ изъ скита.

Получивъ нужное благословеніе, Филиппъ вскорѣ же съ своимъ товарищемъ и двумя другими изъ скита взятыми сотрудниками приступилъ къ работамъ. Посѣтивъ, спустя три недѣли Филиппа вновь, о. намѣстникъ увидѣлъ, что ископанъ не погребъ, а небольшая подземная квадратная пещера, въ которой Филиппъ съ своими сотрудниками уже началъ совершать молитвы и читать правила. Тутъ только понялъ архимандритъ, что Филиппъ возложилъ на себя новый подвигъ — пещерничество. Вскорѣ объ этомъ отъ намѣстника, конечно, узналъ и владыка Филаретъ и святительской рукой преподалъ подвижнику благословеніе на новый путь.

Вскорѣ послѣ начала ископанія пещеръ Филиппъ сталъ расширять первоначальную пещеру, дѣлать отъ нея подземные коридоры и въ нихъ основывать отдѣльныя пещерки, впослѣдствіи сдѣлавшіяся подземными келліями; средняя же и самая ранняя была молитвеннымъ мѣстомъ и теперь занята храмомъ во имя Архистратига Михаила. При ископаніи этого молитвеннаго подземнаго мѣста былъ такой знаменательный случай.

Во время одного вечерняго правила, на которомъ были Филиппъ и трое его сотрудниковъ по копанію пещеръ—скитскіе послушники, двое изъ нихъ Митрофанъ и Андрей, видѣли ангела, который пронесъ надъ ихъ головами два вѣнца. Послушники рассказали объ этомъ Филиппу. «Воля Божія! молитесь!» отвѣтилъ онъ. На другой же день, во время работы въ глубинѣ пещеры, они были засыпаны оба землей, внезапно обрушившейся, на смерть и удостоились тѣхъ мученическихъ вѣнцевъ, которые видѣли въ рукахъ ангела. Вотъ что пишетъ владыка Филаретъ объ этомъ замѣчатель-

номъ событіи намѣстнику: «не безъ слезъ пропѣлось мнѣ: со святыми упокой, Христе, души рабъ твоихъ Митрофана и Андрея. Можно вѣровать, что Господь принялъ доброе начало ихъ подвига какъ, совершеніе».

Филиппъ остался и усердно продолжалъ устройство подземнаго жилища и мѣста моленія. Въ корридорѣ былъ повѣшенъ маленькій колоколь, которымъ давалась вѣсть о времени молитвы поселившимся въ пещерахъ,—ихъ стало уже болѣе пяти.

Собравшись въ среднюю пещеру на молитву, пещерники совершали правила по Псалтири и пѣли 12 псалмовъ по правилу Пахомія Великаго. Съ теченіемъ времени къ этому послѣдованію правила и псалмовъ были прибавлены утреня и полунощница, такъ что составилъ особый новый чинъ пещернаго богослуженія, существующаго донинѣ, и подъ названіемъ «полунощницы съ аллилуіа», совершаемаго ежедневно въ 8 часовъ вечера, кромѣ дней, въ кои положена всенощная.

Около трехъ лѣтъ спустя послѣ основанія пещеръ, къ Филиппу пришли его сыновья. Подвижническая жизнь ихъ отца произвела на нихъ столь сильное вліяніе, что они рѣшились остаться при немъ и сдѣлаться пещерниками. Жена Игнатія также пожелала вступить въ женскій монастырь и была принята въ Изосимовскую пустынь Подольскаго уѣзда. Такимъ образомъ всѣ препятствія были удалены, и Филиппъ со всѣми тремя сыновьями были зачислены указными послушниками Геѣсиманскаго скита—въ 1850 году.

Живя въ пещерахъ, Филиппъ въ то же время не оставялъ совсѣмъ своего подвига юродства. Въ началѣ этой жизни онъ нерѣдко еще появлялся предъ воротами Лавры на Верхней или Красной площади, опираясь на свой неизмѣнный посохъ съ голубкомъ. Какъ только появлялся Филиппъ, его тотчасъ окружали толпы народа.

— Съ ангеломъ! Съ ангеломъ! Съ Божіимъ вѣстникомъ!

привѣтствовалъ онъ всѣхъ, обращаясь въ разныя стороны; и съ какою любовію обращались всѣ къ «Филиппушкѣ—человѣчку Божію», слушали его мягкія, образныя, полныя глубокаго христіанскаго духа рѣчи! Каждый, имѣвшій какую-либо боль на душѣ, старался хоть что-нибудь услышать отъ него себѣ въ утѣшеніе и назиданіе.

Иногда въ Филиппѣ какъ бы пробуждалось его прежнее стремленіе къ странничеству въ видѣ юродиваго, и онъ ненадолго уходилъ въ Москву, но не дальше. По письмамъ святителя Филарета, не упускавшаго юродиваго изъ вида никогда, видно, что еще до прихода дѣтей, т. е. до 1850 года, Филиппъ былъ въ Москвѣ нѣсколько разъ, именно въ іюлѣ 1848 года, и собирался пройти въ Новый Іерусалимъ, но не получалъ на это благословенія отъ владыки. Затѣмъ въ октябрѣ того же года посѣтилъ Москву, съ благословенія своего покровителя архипастыря Филарета; затѣмъ путешествовалъ въ Москву въ ноябрѣ и декабрѣ 1849 года.

Въ послѣдній разъ въ видѣ странника—юродиваго Филиппъ путешествовалъ уже позже, когда съ нимъ были сыновья.

Въ это путешествіе Филиппъ былъ уже рясофорнымъ монахомъ, но ни въ это время, ни впослѣдствіи онъ не покидалъ до самой смерти усвоеннаго имъ въ годы юродства обыкновенія держать себя и говорить загадочно, иносказательно. Съ дѣтьми даже онъ держалъ себя такимъ образомъ. Только въ концѣ своего подвига земнаго онъ сталъ обращаться съ ними просто безъ юродства и образности въ рѣчахъ.

Трудная, долговременная подвижническая жизнь, громадныя пройденныя въ годы юродства пространства, продолжительный постъ, ношеніе тяжелыхъ веригъ и посоха, тяжелый трудъ при копаніи пещеръ,—все это постепенно расшатывало здоровье юродиваго, такъ что съ перваго же года пещерничества у него стали обнаруживаться различныя болѣзненные припадки, которые беспокоили сильно его и заботили вла-

дыку Филарета. Особенно сильно занемогъ было онъ въ концѣ декабря 1848 года, когда проболѣлъ около 2-хъ мѣ- сяцевъ, такъ что предполагали у него развитіе чахотки.

Послѣ этой болѣзни здоровье Филиппа уже до самой смерти вполнѣ не восстанавливалось и часто, хотя и ненадолго, онъ сильно занемогалъ. Въ одну изъ такихъ болѣзней намѣстникъ о. Антоній, всегда съ любовью относившійся къ Филиппу и часто у него бывавшій, предложилъ ему принять полное монашеское постриженіе съ измѣненіемъ имени. Старецъ съ радостію согласился и просилъ дать ему имя Филарета, общее съ святителемъ-митрополитомъ, котораго Филиппъ всегда называлъ не иначе, какъ бѣлымъ (по бѣлому цвѣту митрополичьяго клобука) ангеломъ. Вскорѣ Филиппъ былъ постриженъ и получилъ, дѣйствительно, имя Филаретъ.

Въ день постриженія, сильно заболѣвъ, онъ лежалъ съ закрытыми глазами, какъ бы въ полуобморокѣ; но когда взошелъ въ пещеру о. намѣстникъ, чтобы совершить постриженіе, то Филиппъ внезапно открылъ глаза, оживился, сталъ молиться сознательно и внятно произнесъ монашескіе обѣты и скорѣ опять впалъ въ забытѣе. «Въ ту минуту, когда входилъ въ пещерку, о. намѣстникъ, я видѣлъ себя въ глубокомъ снѣжномъ сугробѣ, и сколько ни силось, а выбраться не могу. Подходить будто о. намѣстникъ къ самому краю сугроба, подаетъ мнѣ руки; я взялся за нихъ, и онъ меня вытащилъ. Очнулся я сразу, гляжу; а батюшка-то о. намѣстникъ около меня стоитъ, постригать пришелъ», рассказывалъ потомъ о. Филаретъ своимъ дѣтямъ.

Вскорѣ послѣ постриженія, въ болѣзни о. Филарета сдѣлался переходъ къ лучшему, и онъ, хотя и не быстро, поправился, сталъ попрежнему трудиться надъ улучшеніемъ пещеръ и поучать ближнихъ. Одно только долженъ былъ онъ, съ принятіемъ монашескаго чина, измѣнить въ своемъ образѣ жизни—оставить свой посохъ съ голубкомъ и носить обувь. Съ этого времени о. Филаретъ уже оставилъ наруж-

ное юродство и предъ Лаврою на Красной площади уже болѣе не появлялся. Дѣти его жили каждый въ отдѣльной подземной келліи, темной четырехугольной комнатѣ съ земляными поломъ, стѣнами и потолокомъ, и были при немъ послушниками. Каждая келлія имѣла не болѣе сажени въ длину и ширину; печей въ нихъ не было и даже зимой нагрѣвались онѣ однимъ дыханіемъ и тремя лампадами, которыя замѣняли и дневной свѣтъ. Дѣти его учились въ пещерѣ грамотѣ. Самъ же о. Филаретъ, несмотря на всѣ убѣжденія намѣстника о. Антонія, учиться грамотѣ не пожелалъ, отвѣчая: «поздно ужъ за азбуку браться». Вмѣстѣ съ ними жили еще нѣсколько пещерниковъ, такъ что всего было 14 подземнымъ келлій, населенныхъ пустынножителями. Между тѣмъ въ средней молитвенной пещерѣ была уже устроена церковь и 27-го сентября 1851 года освящена самимъ святителемъ митрополитомъ Филаретомъ во имя св. Архистратига Михаила.

Не безъ внушенія врага рода человѣческаго вскорѣ поднялось гоненіе на подвижника отъ нѣкоторыхъ изъ скитской же старшей братіи. Господь видимо вразумилъ возставшихъ на старца Филарета. Главный клеветникъ умеръ вскорѣ ужасною смертію. Онъ приготовилъ булку съ мышьякомъ для истребленія мышей и крысъ въ пещерахъ и, смѣшавъ ее съ другой, одинаковой по виду, но не отравленной булкой, бывшей у него въ келліи, умеръ въ мученіяхъ, успѣвъ исповѣдать грѣхъ предъ старцемъ и выпросить у него прощеніе. Тѣмъ не менѣе наказаннаго Богомъ очевидно о. намѣстникъ не позволилъ положить на монастырскихъ кладбищахъ, а схоронить на мірскомъ въ Сергіевскомъ посадѣ—Кокуевскомъ. Непріязнь старшихъ скитянь не уменьшилась, какъ ни старался о. намѣстникъ умиротворить ихъ. Тогда о. намѣстникъ, удовлетворяя желанію старца Филарета, посоветовалъ ему выбрать себѣ мѣсто въ окружающихъ лѣсахъ для устройства келліи. Старецъ пожелалъ на время совсѣмъ удалиться

изъ окрестностей скита и собрался на богомолье въ Кіевъ; но въ это время у него усилилась боль въ ногахъ.

— Нѣтъ воли Божіей на то, чтобы мнѣ поклониться отцамъ пещерь Кіевскихъ — Антонію и Θεодосію! Буди воля Твоя! рѣшилъ о. Филаретъ и переселился изъ пещерь въ Лавру.

Не было конца изумленію почитателей о. Филарета, когда онъ вышелъ изъ пещерь въ Лавру, но ни одного слова неудовольствія не слышалъ отъ него никто.

— Ушелъ отчего?! Съ землей поссорился, не ужился, съ унылой разбранился, иносказательно говорилъ всѣмъ незлобивый о. Филаретъ.

Избравши Лавру для временнаго пребыванія, о. Филаретъ замѣтно грустилъ по оставленнымъ имъ пещерамъ. Нерѣдко онъ отправлялся въ лѣсъ, окружавшій скитъ и пещеры, и ходилъ тамъ. Во время одного посѣщенія этого лѣса взгляды его остановились на красивомъ мѣстѣ, находящемся въ части лѣса, принадлежащей Лаврѣ, невдалекѣ отъ созданныхъ имъ пещерь. Это возвышенное мѣсто, откуда видна была Сергіева Лавра и окружающій ее посадъ въ одномъ направленіи, а въ противоположномъ невдалекѣ виднѣлись правѣе скитъ, лѣвѣе же на другой сторонѣ пруда пещерки, сразу понравилось о. Филарету, и онъ высказалъ намѣстнику о. Антонію желаніе имѣть на этомъ мѣстѣ келлію. Помнившій свое обѣщаніе устроить келлію на избранномъ о. Филаретомъ мѣстѣ, о. намѣстникъ исполнилъ его желаніе, и вскорѣ келлія и мостикъ черезъ прудъ для пѣшеходовъ прямо, не обходя скита, были сдѣланы. Въ этой келліи о. Филаретъ поселился со всѣми троими сыновьями; низъ келліи служилъ имъ жилищемъ, чердакъ же былъ моленною, гдѣ они совершали возможныя службы: вычитывали правило, вечерню, утреню и часы. Съ теченіемъ времени моленная была перенесена въ сарай, выстроенный около келліи такъ, что одна его половина имѣла дѣйствительно значеніе домашней пристройки и служила для дровъ, другая же была обра-

щена въ простую часовню. Какъ ни уединенно было мѣсто, избранное о. Филаретомъ для келліи, но богомольцы и почитатели нашли его въ его отшельничествѣ; нашлись и такіе люди, которые пожелали украсить это мѣсто храмомъ Божиимъ. Святитель Филаретъ сначала не соглашался было разрѣшить постройку церкви на новомъ мѣстѣ близъ скита, такъ какъ предвидѣлъ, что около церкви со временемъ возрастетъ обитель; увеличеніе же числа обителей около скита было несогласно съ его мнѣніемъ о тишинѣ скитской. Старецъ Филаретъ не настаивалъ на исполненіи мысли о церкви, но только высказалъ, что видѣть церковь на этомъ мѣстѣ онъ хотѣлъ бы потому, что здѣсь будетъ его могила. Послѣ этого указанія на будущее владыка Филаретъ строить церковь благословилъ, а годъ спустя—27 сентября 1859 года уже освятилъ верхній храмъ въ честь иконы Боголюбивыя Богоматери или Боголюбскія Божіей Матери самъ архіерейскимъ служеніемъ; мѣсяць же съ небольшимъ спустя—5 ноября 1859 года былъ освященъ намѣстникомъ архимандритомъ Антоніемъ и нижній храмъ въ честь преподобныя Матроны и мученицы Капитолины, имена коихъ носили строительница храма и дочь ея.

Спустя недолго всѣ три сына о. Филарета, числившіеся послушниками скита, приняли монашество: первымъ былъ постриженъ Порфирій и получилъ имя Прокопія; затѣмъ одновременно пострижены были Игнатій и Василій съ наименованіями—первый Галактіономъ, второй Лазаремъ. Нужно замѣтить, что постриженіе Игнатія, какъ женатаго, могло состояться не иначе, какъ одновременно съ принятіемъ монашества его женой, состоявшей до этого послушницей Изосимовской пустыни. Когда ея согласіе было получено и она пріѣхала, то въ одинъ день и часъ совершилось постриженіе въ церкви Боголюбивой Богоматери о. намѣстникомъ Игнатія съ братомъ Васи́ліемъ, а въ пещерной церкви казначеемъ Лавры жены Игнатія Елизаветы, при чемъ они полу-

чили имена мучениковъ-супруговъ: Галактіона и Епистиміи, память коихъ 5 ноября.

Послѣ этого, съ разрѣшенія о. намѣстника, при о. Филаретѣ поселилось нѣсколько послушниковъ; были поставлены зданія для келлій и такимъ образомъ основалась новая обитель—киновія Боголюбивой Богоматери. Впослѣдствіи, когда обитель стала расширяться, на южной окраинѣ ея было назначено мѣсто для погребенія Лаврской братіи, и такимъ образомъ киновія стала обителью-кладбищемъ.

Разстроенное здоровье о. Филарета, несмотря на то, что онъ жилъ уже въ лучшемъ для него положеніи, т.-е. не въ пещерѣ, постоянно лишало его покоя. Въ рукахъ отъ сильнаго напряженія при долголѣтнемъ ношеніи тяжелаго посоха, открылась ломота; грудь отъ ношенія веригъ ослабѣла и стала болѣть; отъ пещерной сырости постепенно стала оказываться водянка; ноги, много лѣтъ не знавшія даже въ морозы обуви, начали нѣмѣть и опухать. Все это вмѣстѣ, усилившись зимою 1863 года, дало поводъ думать, что старецъ близокъ къ тому, чтобы покинуть этотъ міръ. Поэтому, готовясь къ кончинѣ, онъ 20 марта 1863 года принялъ схиму, получивъ снова свое мірское имя Филиппа.

Базавшаяся очамъ людскимъ близкою, кончина старца послѣ принятія схимы была Промысломъ Божиимъ отдалена еще болѣе, чѣмъ на пять лѣтъ. Схимонахъ Филиппъ поправился въ здоровьѣ послѣ принятія великаго ангельскаго образа значительно и снова явился своимъ попечителямъ въ своемъ подвижничествѣ. Судьбы Божіи, возставившія его отъ одра смерти, на закатѣ жизни готовили ему еще самое глубокое испытаніе его смиренія, кротости и терпѣнія.

Въ 1867 году людьми, желавшими сдѣлать вредъ старцу схимонаху Филиппу, была пущена молва, что въ киновіи и именно въ келліи руководителя ея схимонаха производится выдѣлка фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Послѣ обыска стала очевидною для всѣхъ нелѣпость пущенныхъ слуховъ.

Схимонахъ Филиппъ

Святитель Филаретъ больше всѣхъ ободрялъ схимонаха смиряться и, желая дать ему возможность лучше успокоиться гдѣ-либо въ новомъ мѣстѣ, а въ то же время ослабить соблазнительную молву, посовѣтовалъ Филиппу оставить киновію на время. Схимонахъ, исполняя желаніе свое и владыки, отправился со всѣми тремя сыновьями—Галактіонъ и Прокопій были уже іеромонахами, а Лазарь іеродіакономъ,—въ Московскій Симоновъ монастырь, а потомъ и въ Введенскую пустынь Покровскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Но духъ схимонаха еще до построенія церкви въ киновіи высказывавшаго, что это мѣсто будетъ его могилой, влекло въ киновію, и въ октябрѣ 1868 года онъ съ дѣтьми возвратился въ Лавру.

Года не прожилъ старецъ послѣ этого. Начавъ сильно болѣть еще зимою и по старости—ему было болѣе 66 лѣтъ—не имѣя силы перенести недугъ, онъ въ маѣ 1869 года сталъ, очевидно, близокъ ко гробу. 18 мая въ 5 часовъ утра онъ, предчувствуя послѣднія минуты жизни, пригласилъ духовника, принялъ св. Тайны изъ рукъ сына своего іеромонаха Прокопія и въ 12 часовъ дня мирно отошелъ къ жизни той, къ которой въ трудныхъ христіанскихъ подвигахъ готовился въ теченіе 33 лѣтъ. Погребенъ онъ на мѣстникѣмъ Лавры архимандритомъ Антоніемъ въ нижнемъ храмѣ киновіи за правымъ клиросомъ.

Архимандритъ Макарій, основатель Алтайской духовной миссіи.

(Память 18 мая).

Архимандритъ Макарій, въ мірѣ Михаилъ Яковлевичъ Глухаревъ, родился 8 ноября 1792 года въ городѣ Вязьмѣ, Смоленской губерніи. Родители его—священникъ Введенской соборной церкви о. Іаковъ Глухаревъ и мать Агапія—поль-
5 ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПОДВИЖНИКИ 18 И 19 ВѢКОВЪ.

зовались большою любовью вязьмитянъ за свою скромную и благочестивую христіанскую жизнь. О. Іаковъ, окончившій полный семинарскій курсъ съ званіемъ студента, былъ примѣрнымъ священникомъ въ усердномъ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, съ любовію успѣшно занимался проповѣдничествомъ, вліялъ на паству какъ своей ученостью, такъ и прекрасными нравственными качествами. Это былъ человекъ, по отзыву самого о. Макарія, неизмѣннаго праводушія, общаго всеѣмъ доброжелательства, вѣры и упованія на Промыслъ Божій и христіанскаго мужества, скорбями искушеннаго. Жена его Агапія, — умная и образованная по своему времени, споспѣшествуя о. Іакову въ строгой христіанской жизни, отличалась по преимуществу кротостію и смиреніемъ. По смерти ихъ долго добрая память о нихъ жила и хранилась въ Вязьмѣ и ея окрестностяхъ.

Подъ руководствомъ сей то благословенной Богомъ четы провела дѣтство и юность Михаилъ Яковлевичъ. Одаренный отъ природы богатыми способностями, впечатлительный и воспріимчивый мальчикъ всецѣло поддался вліянію своихъ родителей и перевоплотилъ въ себя ихъ добродѣтели.

О. Іаковъ самъ занялся первоначальнымъ образованіемъ своего Михаила съ раннихъ его лѣтъ. Онъ настолько достаточно подготовилъ его, что семилѣтній мальчикъ уже дѣлалъ переводы съ русскаго на латинскій.

8-лѣтняго о. Іаковъ включилъ его въ Вяземское духовное училище прямо въ инфиму, т.-е. третій классъ. Мальчикъ учился здѣсь очень хорошо, былъ прекраснаго поведенія, исправенъ во всемъ, но тогдашній суровый духъ школьнаго воспитанія оставилъ на немъ глубокой, далеко не безвредной слѣдъ. Отъ жестокаго и грубаго обращенія наставника, непомѣрныхъ уроковъ здоровье мальчика чувствительно надорвалось: онъ навсегда остался съ острою болью въ груди, слабымъ голосомъ и болѣзненнымъ организмомъ, что не мало повліяло на развитіе его характера. Изъ Вяземскаго

*Архимандритъ Макарій,
основатель Алтайской духовной миссиі*

духовнаго училища Михаилъ Яковлевичъ переведенъ былъ въ Смоленскую духовную семинарію, гдѣ въ 1813 году окончилъ курсъ студентомъ.

Въ 1812 году, во время перерыва учебныхъ занятій по случаю нашествія Наполеона Михаилъ Яковлевичъ приглашенъ былъ въ Тверскую губернію учить дѣтей одного богатаго помѣщика. Тамъ воспримчивый семинаристъ, вращаясь всегда въ дворянской средѣ, приобрѣлъ тонкое знаніе свѣтскихъ приличій и умѣнье держаться въ высшемъ обществѣ. Свѣтское образованіе сдѣлало его еще болѣе выдающимся изъ среды товарищей. Черезъ годъ по окончаніи курса онъ посланъ былъ начальствомъ въ Петербургскую духовную академію. Здѣсь способности и качества Михаила Яковлевича развернулись въ полномъ блескѣ. Откровенный и весьма довѣрчивый, изящный въ манерахъ и пріятный въ обращеніи, способный и трудолюбивый, религіозный и благовоспитанный, студентъ Глухаревъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Знакомый помѣщикъ, по зимамъ проживавшій въ Петербургѣ, приглашалъ его въ свой домъ и знакомилъ съ людьми высшаго круга. Эти связи съ аристократіей послужили причиной ранняго ознакомленія Михаила Яковлевича съ господствовавшимъ тогда мистицизмомъ, оставившимъ свой глубокій отпечатокъ на всей послѣдующей жизни Глухарева.

На довѣрливаго, благочестиваго и талантливаго Глухарева обратилъ вниманіе преосвященный митрополитъ Филаретъ. Молодой студентъ раскрылъ душу предъ своимъ учителемъ и всецѣло поддался, по своей воспримчивости, его могучему вліянію. При ежедневномъ исповѣданіи помысловъ Филаретъ хорошо сумѣлъ дать религіозной настроенности благочестиваго юноши должное направленіе: критикуя мысли западныхъ мистиковъ, основательно выставляя шаткость и вредныя ихъ послѣдствія, онъ обратилъ вниманіе Глухарева на мистику свято-отеческую. Онъ указалъ на прекрасныя сочиненія блаженнаго Августина, Іоанна Лѣствичника, Макарія Египет-

скаго и на сборникъ «Добротолубіе», изданіе 1793 г., составленный изъ сочиненій разныхъ отцовъ и иноковъ Греческой церкви созерцательнаго направленія и представляющій собою прекрасный образчикъ чистой, православно-церковной мистики. Не осуждалъ Филареть и увлеченіе Глухарева искренними книгами Іоанна Арндта—«Объ истинномъ христіанствѣ», гдѣ каждая глава заключалась теплою благоговѣйной молитвою объ обновленіи человѣка. Благодаря этому участию о. ректора, благочестивый Глухаревъ положилъ въ себѣ надежные зачатки духовной жизни. Филареть, вѣроятно, указалъ ему и монашескую стезю жизни, какъ наиболѣе удобную для самоусовершенствованія, но Михаилъ Яковлевичъ пожелалъ, чтобы потребность въ монашествѣ ощутилась и, такъ сказать, сама вызвалась изъ глубины его существа. Будучи уже монахомъ, онъ выражался: «я еще въ Петербургѣ, въ академіи, думалъ поступить въ монашество, но думалъ поиспытать себя». Давая его религиозной настроенности должное направленіе, проницательный ректоръ не упустилъ безъ вниманія и недостатковъ его характера. Въ Глухаревѣ ярко бросались въ глаза излишняя довѣрчивость, полное отсутствіе осторожности и самообладанія, вспыльчивость, нетерпѣливость и раздражительность. Послѣдніе недостатки рѣшился по возможности ограничить самъ Филареть, пользуясь преданностью Глухарева. Онъ строго, даже жестоко, относился къ разнымъ его промахамъ и оплошностямъ. Разными способами,—строгими взысканіями, сильными выговорами, отказами и намѣренной медлительностью въ исполненіи его желаній, охлаждалъ ректоръ пылкость характера Глухарева, развивая въ немъ терпѣніе, кротость и смиреніе. Макарій выражался впоследствии, что Филареть велъ его въ теченіе учебной жизни «стропотными путями». Такая жесткость отношеній ректора не вооружила, однако, противъ него пылкаго студента. Послѣдній, сознавая недостатки своего характера, чувствовалъ предупредительно-благодѣтельное вліяніе

своего благодѣтеля. Привязанность и любовь къ Филарету Макарію сохранилъ до конца своей жизни, переписывался съ нимъ и спрашивалъ всегда совѣтовъ на всякое предпріятіе. Съ своей стороны и Филаретъ не забывалъ своего любимца и не разъ въ послѣдствіи ограждалъ и выручалъ его въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Въ 1817 году Михаилъ Яковлевичъ блистательно кончилъ академическій курсъ. При отличныхъ успѣхахъ въ богословскихъ наукахъ, Глухаревъ хорошо изучилъ древніе языки: греческій, латинскій и еврейскій и изъ новыхъ: нѣмецкій и французскій. Академическое начальство удостоило его ученой степени магистра богословія и назначило инспекторомъ и преподавателемъ церковной исторіи и нѣмецкаго языка въ Екатеринославскую духовную семинарію и ректоромъ тамошнихъ уѣзднаго и приходскаго духовныхъ училищъ.

До 1821 года Глухаревъ прослужилъ въ Екатеринославѣ, а потомъ съ 1821—1824 г. былъ ректоромъ Костромской духовной семинаріи и настоятелемъ Костромскаго второкласснаго Божоявленскаго монастыря. Ученый и религіозный, ревностно Михаилъ Яковлевичъ сталъ проходить свою учебно-воспитательную службу. Строгій въ исполненіи собственныхъ обязанностей, онъ былъ благоразумно строгъ и по отношенію къ своимъ ученикамъ и воспитанникамъ:—требовалъ отъ нихъ постояннаго вниманія и отчетливаго знанія, болѣе усердныхъ приглашалъ къ себѣ въ домъ, бесѣдовалъ съ ними и давалъ изъ своей библіотеки книги для чтенія. Ведя жизнь строго-нравственную, онъ зорко слѣдилъ за нравственностью воспитанниковъ, любилъ тѣхъ, въ которыхъ замѣчалъ особенныя наклонности къ добру и благонравію и строго взыскивалъ за поступки дурные, несвойственные ихъ будущему высокому назначенію. Преимущественно предъ прочими начальниками-сослуживцами заботился Макарію объ удобныхъ помѣщеніяхъ и лучшемъ содержаніи воспитанниковъ, о правильномъ надзорѣ за ними и гуманномъ обращеніи съ ними.

Справедливость и нелицепріятіе его къ ученикамъ, отеческія заботы о нихъ, бесѣды и пріохочиванія ихъ къ чтенію полезныхъ книгъ привязывали къ нему сердца лучшихъ учащихся, и о немъ остались свѣтлыя воспоминанія.

Внѣ официальныхъ занятій, въ домашнемъ быту Макарій велъ жизнь самую скромную и уединенную. Все свободное время посвящалъ чтенію книгъ—преимущественно твореній святыхъ отцовъ. Никогда не бралъ онъ отъ родителей и родственниковъ воспитанниковъ ни задобривающихъ денежныхъ подарковъ, ни пользовался обычными тогда гостинцами, состоявшими изъ чаю, яблоковъ, хлѣбовъ и т. п. Всѣ таковыя гостинцы онъ полностью отсылалъ въ бурсу къ великой радости всегда полуголодныхъ учениковъ. Никакой роскоши и излишества не допускалъ ни въ столѣ, ни въ одеждѣ, отказывая себѣ во многомъ въ пользу нуждающихся. Зимняя ряса одна носилась у него нѣсколько лѣтъ, другой въ запасѣ не было. Лѣтняя ряса, которую онъ обыкновенно сшивалъ къ Пасхѣ, была у него тоже одна. Старую онъ отдавалъ нуждающемуся. Нерѣдко по цѣлому дню онъ ничего не ѣлъ; дѣлился жалованіемъ съ бѣдными. Ложился спать Макарій позднеѣ всѣхъ, а вставалъ въ самое раннее утро.

Аскетическая жизнь, поведенная Макаріемъ съ самаго же вступленія на должность, явно показывала наклонность его къ строгой монашеской жизни, зародившуюся еще въ академіи подъ вліяніемъ Филарета. Зимой перваго же года учебной службы онъ подалъ прошеніе о желаніи постричься въ монашество. 24 іюня 1818 года онъ принялъ постриженіе съ именемъ Макарія, 25 числа былъ рукоположенъ пресвященнымъ Іовомъ во іеродіакона, 28 іюня во іеромонаха, а, по переводѣ чрезъ три года въ Кострому, 21 декабря 1821 года былъ возведенъ въ санъ архимандрита и получилъ въ управленіе, помимо семинаріи, запущенный второклассный Костромской Богоявленскій монастырь. Кружокъ

друзей Макарія въ Екатеринославѣ состоялъ изъ нѣсколькихъ высокообразованныхъ и религіозныхъ особъ свѣтскаго званія и особенно близкихъ четырехъ лицъ духовнаго званія: сослуживца его о. Іоанна Герболинскаго, о. А. С. Понятовскаго и двухъ іеромонаховъ благочестивой жизни—старца духовника о. Ливерія и о. Каллиника. Пятерицу эту сблизили присущія всѣмъ имъ глубокая религіозность, искренняя простодушная во всемъ правдивость, стремленіе къ духовной созерцательной жизни. Наставникомъ и руководителемъ Макарія и всего этого кружка былъ старецъ Ливерій, чловѣкъ святой жизни, ученикъ знаменитаго Паисія Величковскаго. Хотя онъ былъ чловѣкъ неученый, не получившій никакого школьнаго образованія, но высокая духовная его жизнь, мудрыя наставленія и даръ прозорливости сообщили ему необыкновенный авторитетъ во всемъ Екатеринославѣ. Въ Костромѣ Макарій сдружился только съ инспекторомъ семинаріи о. Иліодоромъ (впослѣдствіи епископомъ Курскимъ).

Съ сослуживцами же своими Макарій вообще не сошелся ни въ Екатеринославѣ, ни въ Костромѣ. Его не долюбливали за обличеніе наставниковъ въ небрежности и грубомъ обращеніи съ учениками, за новые порядки, за отверженіе стараго обычая, дававшего доходы отъ родителей воспитанниковъ и многое другое, что вообще бываетъ не по душѣ натурамъ эгоистическимъ и равнодушнымъ къ усовершенствованію учебно-воспитательнаго дѣла.

Аскетъ по жизни, Макарій не заводилъ большихъ знакомствъ, среди женщинъ ощущалъ скуку и пустоту, но вообще вовсе не чуждался общества, а только избѣгалъ его свѣтскихъ удовольствій. Въ обществѣ онъ держалъ себя просто, но съ какимъ то особеннымъ, ему собственно свойственнымъ достоинствомъ, и вездѣ одинаково, въ какихъ бы слояхъ общества ни находился.

Семинарская служба пришлась не по характеру и не по здоровью о. Макарія: чувствительно разстроила его. На семь

поприцѣ гуманнѣйшій Макарій претерпѣлъ множество наглыхъ оскорбленій, глумленій и преслѣдованій отъ злобы и интригъ своихъ сослуживцевъ. Время, въ которое онъ служилъ, было временемъ нищеты, деспотизма, съ одной, и униженія, съ другой стороны, въ тогдашнихъ семинаріяхъ.

Надорванное трудами здоровье о. Макарія стала посѣщать лихорадка, глаза тоже заболѣли. вмѣстѣ съ тѣмъ и энергія его къ учебно-воспитательному дѣлу начала быстро ослабѣвать. Тоскливое чувство своей негодности къ такой службѣ закралось въ его душу. Неприятности заставляли его глубоко всматриваться въ самого себя, созерцать свои прегрѣшенія, испытывая,—не нужно-ли прежде основательнѣе нравственно воспитать себя самого, прежде чѣмъ приносить духовную пользу другому. Въ концѣ 1824 года онъ подалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ объ увольненіи на покой за разстройствомъ здоровья. Въ началѣ 1825 года онъ былъ уволенъ въ Кіево-Печерскую лавру съ сохраненіемъ магистерской пенсіи въ 350 р. ассигн., гдѣ усердно предался переводу свято-отеческихъ твореній. Но недолго пришлось ему пробывать въ шумной лаврѣ: душа его искала опытнаго руководителя и наставника въ духовной жизни, подобнаго покойному старцу Ливерію. Узнавъ объ опытно-благочестивой жизни настоятеля Глинской пустыни (Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда) старца Филарета, Макарій, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, переселился туда въ концѣ декабря 1825 года.

Въ тиши этой «школы Христовой» о. Макарій и сталъ работать надъ самимъ собою съ такою первоначально ревностью, что организмъ его разстроился. Весной 1826 года онъ такъ сильно заболѣлъ, что не чаялъ ожить. Тѣло изнурилось и болѣзнями, и трудами, и воздержаніемъ, лицо сильно осунулось, руки изсохли, дыханіе и голосъ прерывались. Макарій тѣмъ глубже всматривался въ тайники своей души.

Черезъ три года Господу угодно было указать Макарію новое поприще труда и подвиговъ во славу Божию, гдѣ бы изливавшаяся черезъ него благодать Святаго Духа оживила и оплодотворила пустыню жаждущую. Въ 1828 году русское правительство духовное и гражданское заинтересовалось инородческимъ миссіонерскимъ дѣломъ, заброшеннымъ съ конца XVIII вѣка. Ближайшей причиной, побудившей обратить серьезное вниманіе на постановку миссіонерства между нашими инородцами, послужили начавшіяся и особенно усилившіяся въ 1827 году отпаденія отъ православія крещенныхъ инородцевъ, ввѣренныхъ руководству приходскихъ русскихъ священниковъ. Святѣйшій Синодъ рѣшилъ учредить правильно организованныя миссіи въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ. Къ числу такихъ мѣстностей отнесена была и обширнѣйшая Тамбовская епархія, въ составъ которой входили тогда Бійскій и Кузнецкій округа.

Тогдашній архіепископъ Тобольскій Евгений (Казанцевъ), получивъ синодальный указъ отъ 24 декабря 1828 года касательно учрежденія миссіи въ «странѣ сибирской», немедленно занялся приведеніемъ его въ исполненіе. Не найдя никого изъ подвѣдомаго ему духовенства годнымъ къ миссіонерскому дѣлу, архіепископъ отнесся къ преосвященнымъ Курскому и Архангельскому, а также къ архимандриту Соловецкаго монастыря съ просьбою увѣдомить его, нѣтъ ли у нихъ людей способныхъ и достойныхъ занять должность миссіонера.

На призывъ Тобольскаго архіпастыря и откликнулся нашъ архимандритъ Макарій. Вскорѣ пришло разрѣшеніе, и о. Макарій, напутствуемый старцемъ Филаретомъ 5 июня 1829 года выѣхалъ изъ Глинской пустыни въ Москву. Здѣсь получилъ онъ благословеніе на новое служеніе отъ митрополита Филарета, который былъ очень доволенъ предпринимаемымъ апостольскимъ подвигомъ и обѣщалъ своему любимцу постоянное свое покровительство. 1 сентября о. архимандритъ отпра-

вился въ путь, и 30 числа этого мѣсяца прибылъ въ Тобольскъ.

По прибытіи архимандрита въ Тобольскъ, архипастырѣ Евгеній и духовная консисторія занялись вмѣстѣ съ Макаріемъ снаряженіемъ «новой миссіи для страны сибирской», вопросомъ объ организаціи и средствахъ для содержанія ея. Съ согласія и благословенія преосвященнаго Магарій выбралъ себѣ въ сотрудники двухъ Тобольскихъ семинаристовъ, отличавшихся добрымъ поведеніемъ и изъявившихъ желаніе посвятить себя миссіонерскому дѣлу: Василя Попова 22 лѣтъ и Алексѣя Волкова 18 лѣтъ. Вотъ въ какомъ составѣ явилась первоначально новоучрежденная сибирская миссія. По избраніи сотрудниковъ было приступлено къ обсужденію: какъ дѣйствовать на инородцевъ для обращенія ихъ въ христіанство, какія дѣлать имъ облегченія при переходѣ изъ языческой жизни къ новой христіанской и, наконецъ, какія правила должны руководить внутренней жизнью и отношеніями самихъ членовъ миссіи.

Что касается того, какими способами миссіонеры должны воздѣйствовать на инородцевъ съ цѣлью привлеченія ихъ къ Христовой вѣрѣ, то нашли достаточною для руководства въ этомъ случаѣ инструкцію, изданную Святѣйшимъ Синодомъ въ 1769 году. Инструкція заключала въ себѣ подробныя указанія:—1) «какое ученіе преподавать при обращеніи иновѣрцевъ въ вѣру христіанскую, 2) что наблюдать въ преподаваніи ученія обращаемымъ и 3) какой порядокъ наблюдать при обращеніи иновѣрныхъ въ самомъ пути».

Въ видахъ большаго расположенія инородцевъ къ принятію христіанства рѣшили выдавать миссіи копію съ Высочайше утвержденнаго 17 іюня 1826 года миѣнія государственнаго совѣта о льготахъ предоставленныхъ инородцамъ, принимающимъ святое крещеніе, для объявленія имъ при проповѣди. Льготы эти состояли въ трехлѣтнемъ освобожденіи отъ всѣхъ податей и повинностей.

Относительно же того, какова должна быть жизнь и каковы отношенія между членами миссіи, замѣчательныя по истинно-христіанскому, братскому духу правила составлены были самимъ архимандритомъ Макаріемъ.

Сотрудники Макарія приняли и подписали правила, а преосвященный Евгений утвердилъ ихъ, какъ весьма годныя. Затѣмъ, донеся Святѣйшему Синоду о составѣ и организаціи новой миссіи, Евгений испросилъ назначеніе Макарія начальникомъ ея. Утвердивъ Макарія начальникомъ миссіи, Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ на путевыя издержки и на всѣ потребности миссіи отпускатъ изъ синодальныхъ суммъ ежегодно 1,000 рублей ассигнаціями.

Сверхъ сего Тобольская консисторія назначила отъ себя жалованіе семинаристамъ по 250 рублей ассигнаціями въ годъ. Самъ же Макарій рѣшительно отказался отъ всякаго жалованья, объявивъ, что довольствуется своей магистерской пенсіей въ 350 рублей ассигнаціями, и тогда только будетъ просить пособія, когда его собственныя средства окажутся недостаточными.

Наконецъ, миссію постарались снабдить необходимыми богослужебными принадлежностями, съ походною церковью въ честь Всемиловитиваго Спаса, небольшой бібліотекой, состоявшей изъ экземпляровъ книгъ Священнаго Писанія на славянскомъ и русскомъ (Новый Заветъ) языкахъ, нѣсколькихъ экземпляровъ Священной исторіи, «начатковъ христіанскаго ученія», азбукъ и нѣкоторыхъ другихъ книгъ и брошюръ.

26 го августа 1830 года Макарій съ сотрудниками прибылъ въ Бійскъ и отсюда началъ знакомство свое съ алтайцами и миссіонерскую дѣятельность. Сначала онъ сталъ знакомиться съ мѣстностью Алтая, отыскивая наиболѣе удобный пунктъ для обоснованія миссіи, съ каковою цѣлью часто разъѣзжалъ изъ Бійска по разнымъ направленіямъ, изучая при разъѣздахъ нарѣчія алтайцевъ и проповѣдуя. Пробывъ въ Бійскѣ до 21 февраля 1831 года, Макарій перебрался

поближе къ кочевьямъ алтайцевъ въ Сайдыпскій казачій форпостъ, отсюда 23 мая окончательно переселился, за 90 верстъ къ югу отъ Бійска, въ Майму—селеніе изъ 10 домовъ давно-крещеныхъ инородцевъ, показавшееся ему самымъ удобнымъ для миссіонерскаго стана.

Сотрудниковъ своихъ онъ вскорѣ лишился: Поповъ умеръ 9 ноября 1830 года, а Волковъ въ маѣ 1832 года вышелъ въ гражданскую службу. Макарій остался одинъ съ 70-лѣтнимъ старцемъ Петромъ Терентьевичемъ Лисицкимъ, майминскимъ поселенцемъ, вызвавшимся добровольно и безкорыстно служить миссіи.

Монголо-татарскаго происхожденія алтайскія племена въ количествѣ 39,000 душъ обоего пола (по ревизіи 1857 года) издавна владѣли свое существованіе въ округахъ Бійскомъ и Кузнецкомъ на громадномъ пространствѣ (1,000 верстъ съ сѣвера на югъ и отъ 150—700 верстъ съ востока на западъ) гористаго, лѣсистаго, ущельнаго и бездорожнаго русскаго Алтая.

Основавшись въ Маймѣ и имѣя подъ рукой въ 8 верстахъ Угалу, о. архимандритъ разсчитывалъ, съ одной стороны, утверждать въ православіи давно-крещеныхъ майминцевъ и улалинцевъ, съ другой—и главнымъ образомъ, при помощи ихъ дѣйствовать на языческую массу и просвѣщать будущихъ новокрещеныхъ.

На самыхъ же первыхъ порахъ своего миссіонерствованія Макарій столкнулся съ непріязненными дѣйствіями, открытыми противъ него раскольниками, во множествѣ расселившимися по Алтаю.

Алтайцы недовѣрчиво отнеслись къ о. Макарію, избѣгали разговоровъ и встрѣчъ съ нимъ, отговаривали и притѣсняли желающихъ креститься. Нѣкоторые раскольники по пятамъ шли за архимандритомъ и своими розсказнями разрушали то доброе впечатлѣніе, какое онъ производилъ проповѣдью и отеческимъ обращеніемъ.

Призвавъ Бога въ помощники, подкрѣпляя себя постоянно горячей молитвой, трудолюбиво и неутомимо сталъ Макарій дѣлать свое великое дѣло.

Прежде всего, конечно, принялся онъ за изученіе алтайскихъ нарѣчій и за переводы.

Изучая языкъ, необходимое и надежное средство къ сильнѣйшему воздѣйствію на алтайцевъ, Макарій въ то же время развѣзжалъ съ проповѣдью Евангелія по инородческимъ ауламъ и кочевьямъ. Не упускалъ особенно случаевъ являться туда, гдѣ бывало стеченіе инородцевъ или вслѣдствіе сбора ясака, или—переписи, или когда имъ выдавали казенный хлѣбъ по случаю сильнаго голода. Вездѣ онъ въ краткихъ и простыхъ словахъ проповѣдывалъ о Богѣ, о сотвореніи міра и человѣка, паденіи людей, общаніи Спасителя, наконецъ, о Спасителѣ—истинномъ Богѣ.

Поѣздки прекрасно ознайомили Макарія съ бытомъ, развитіемъ инородцевъ и ихъ духовными потребностями. Несмотря на увлекательную простоту проповѣди, никто ея первоначально не слушалъ внимательно и не понималъ. Вопросы и возраженій, которые бы способствовали большому уясненію ея, не раздавалось совсѣмъ. Съ горечью не разъ свидѣтельствовалъ Макарій, что предъ нимъ были какъ бы бездушные камни, зрители, а не слушатели. Первоначальныя поѣздки, длившіяся иногда у архимандрита болѣе мѣсяца, оканчивались подчасъ полной неудачей. Онъ воочию убѣдился, что для того, чтобы достигнуть какихъ-нибудь результатовъ, необходимо прежде и главнымъ образомъ дѣйствовать на жизненныя, прозаичныя потребности инородцевъ, заговорить объ ихъ тѣлесныхъ нуждахъ и по возможности удовлетворять имъ. Поэтому, наученный неудачами, архимандритъ заговорилъ жизненнымъ прозаичнымъ языкомъ. Съ цѣлью привлечь вниманіе и расположеніе къ слушанію проповѣди, онъ раздавалъ сначала то сухари, то деньги, то по малой толигѣ пороху. Объявлялъ затѣмъ, что по крещеніи каждый восполь-

зуются трехлѣтней льготой отъ податей и повинностей; самъ съ своей стороны обѣщаль возможную помощь въ тѣлесныхъ нуждахъ деньгами и вещами. Самое разубѣжденіе алтайцевъ въ суетности ихъ вѣры основывалъ на томъ, что ихъ вѣра и камы изводятъ на жертвы весь скотъ и все благосостояніе хозяина, христіанская же вѣра не требуетъ жертвъ, а только покаяннаго вѣрующаго сердца.

Когда, благодаря такой любвеобильной проповѣди и вниманію къ ихъ нуждамъ, кто-либо изъявлялъ желаніе креститься, то Макарій допускалъ такого до крещенія съ большою осторожностью. Не гоняясь за числомъ, онъ наводилъ справки о поведеніи, честности желающаго, требовалъ послушанія себѣ и будущимъ воспріемникамъ. Убѣдившись въ благонадежности ищущаго крещенія и научивъ его начальнымъ христіанскимъ истинамъ, краткимъ молитвамъ и знаменію креста, на что при тупости алтайцевъ уходило не мало времени, Макарій тогда уже рѣшался крестить такового.

Съ этого времени начиналась для Макарія труднѣйшая возня съ обращающимся и тяжелая борьба съ разными препятствіями.

Конечно, на удовлетвореніе многочисленныхъ нуждъ новокрещенныхъ не могло хватать ни миссіонерской казны, ни пенсіи Макарія. Тогда архимандритъ писалъ объ ихъ нуждахъ и просилъ пособій у своихъ знакомыхъ и другихъ благотворителей въ Петербургѣ, Москвѣ, Костромѣ, Екатеринославѣ и Тобольскѣ. Пожертвованія собирались и приходили на Алтай иногда въ значительномъ количествѣ—деньгами и вещами.

Мало-по-малу отеческія заботы Макарія объ устроеніи и улучшеніи осѣдлаго быта новокрещенныхъ невольно втянули самого архимандрита въ занятія сельскимъ хозяйствомъ. Научившись отъ старца Петра огородничеству, Макарій самъ лично училъ новобрещенныхъ садить овощи и ухаживать за огородомъ.

Женщинамъ о. архимандритъ настойчиво совѣтовалъ учиться прясть, заботиться о чистоплотности, учиться у русскихъ вести домашнее хозяйство. Искоренія въ нихъ нечестивости, онъ ежедневно обходилъ ихъ жилища и, гдѣ находилъ безпорядокъ, при себѣ заставлялъ мыть, чистить и выметать. Видя самого начальника миссіи, при болѣзненномъ разстройствѣ здоровья, усердно занимающагося огородомъ, алтайцы разставались съ любимой лѣнью и старались подражать ему.

Благодаря сему, селенія Майма, Улала, Верхняя и Нижняя Карагужи, гдѣ преимущественно селились новокрещенные, зацвѣли начатками полнаго русскаго сельскаго хозяйства. Съ 1834 года завелось и вдали отъ стана миссіи селеніе изъ однихъ крещеныхъ инородцевъ, именно Мыюта, отстоящая отъ Улалы въ 130 верстахъ къ югу.

Рѣзко отдѣливъ крещеныхъ отъ язычествующихъ сородичей самымъ образомъ жизни, начальникъ миссіи старался также изъять ихъ изъ вѣдѣнія языческихъ зайсаковъ, предоставивъ имъ завести у себя особенное внутреннее управленіе. Въ виду этого онъ усиленно ходатайствовалъ предъ начальствомъ, хотя и безуспѣшно, чтобы новокрещенныхъ Бійскаго округа не вводили въ составъ какой-нибудь языческой волости, но чтобы они пребывали въ видѣ особой волости.

На ряду съ обособленіемъ своей паствы отъ язычниковъ и съ хлопотами объ обрусѣніи ея чрезъ посредство русскихъ, Макаріій зорко въ то же время оберегалъ ее отъ хищничества послѣднихъ.

При хозяйственно-бытовомъ перевоспитаніи новокрещенныхъ о. Макаріій озабочивался и о врачеваніи ихъ тѣлесныхъ недуговъ. Заняться медициной побудило его страшное распространеніе среди алтайцевъ моровыхъ повѣтрій, въ частности, оспеннаго и горячки. Макаріій выучился оспопрививанію, запася «батаникой хозяйственной и врачевной», подъ руко-

водствомъ которой собиралъ цѣлебныя травы, въ изобиліи растущія на Алтаѣ. Въ послѣдніе годы своего благовѣстничества онъ имѣлъ при себѣ уже значительную аптечку изъ гомеопатическихъ лѣкарствъ, наказывалъ всѣмъ—крещенымъ и некрещенымъ, чтобы не стѣснялись въ случаѣ болѣзни приглашать его, хотя бы въ полночь, для врачебнаго пособія. Въ 1838 году архимандритъ завелъ въ Маймѣ больницу-богадѣльню для пріюта бездомныхъ и сильно опасныхъ больныхъ. При такой врачебной помощи язычники охотно шли къ Макарію лѣчиться и затѣмъ креститься.

Особенное стараніе Макарій приложилъ къ развитію въ новокрещеныхъ религіозно-нравственной настроенности. Съ этой цѣлью онъ часто устраивалъ богослужебныя собранія. При своей жизни онъ не успѣлъ еще ввести самое богослуженіе на алтайскомъ языкѣ, совершалъ его по необходимости на славянскомъ, но все-таки приложилъ всѣ старанія сдѣлать его понятнымъ и одушевляющимъ для крещеныхъ. Такъ на богослужебныхъ собраніяхъ кратко изъяснялъ онъ на алтайскомъ языкѣ христіанскія вѣроучительныя и нравственныя истины, рассказывалъ событія изъ Священной исторіи, читалъ на русскомъ, а потомъ и на алтайскомъ языкахъ Священное Писаніе, училъ всеобщему пѣнію въ церкви общеизвѣстныхъ молитвъ и прошеній — «Господи, помилуй» и «подай, Господи».

Послѣ богослуженія, по нѣкоторомъ отдыхѣ, устраивалъ внѣбогослужебныя собесѣдованія — зимой въ частномъ домѣ, лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, на берегу рѣки. На нихъ, помимо религіозно-нравственныхъ вопросовъ, разсматривались и всѣ жизненные практическіе вопросы, касающіеся быта и благоустройства новокрещеныхъ. То были религіозно-хозяйственно-административныя собранія.

Внѣбогослужебныя собесѣдованія эти можно разсматривать, какъ живое приложеніе къ жизни алтайцевъ христіанскихъ нравственныхъ началъ.

На религіозно-нравственное образованіе дѣтей Макарій обратилъ преимущественное вниманіе. Съ самыхъ же первыхъ лѣтъ миссіонерствованія учить молодое поколѣніе грамотѣ, молитвамъ и пѣнію стало любимымъ его занятіемъ. Дѣтей онъ привязывалъ къ себѣ почти съ колыбели, пѣлъ вмѣстѣ съ ними «Господи помилуй», и «аллилуія», рассказывалъ имъ событія изъ Священной исторіи, иногда игралъ съ ними, бѣгалъ въ перегонки, комично подчасъ показывая видъ, что силится перегнать какого-либо пятилѣтняго пузана, но не можетъ, награждалъ ихъ кусочками сахару. Школу архимандритъ постарался тѣснѣйшимъ образомъ связать съ жизнію, — поставить такъ, чтобы она была душой и малыхъ, и взрослыхъ. Черезъ дѣтей онъ воздѣйствовалъ на родителей. Съ этою цѣлью ученіе ведено было такъ, что дѣти передавали своимъ родителямъ слышанное и выученное. Самый учебникъ Макарій постарался составить одинаково полезнымъ и малымъ, и старымъ; — такой, чтобы съ азбукою славянскою и русскою совмѣстить катихизисъ краткій, составленный изъ текстовъ Священнаго Писанія, и небольшой молитвословъ. Его «начальное ученіе челоувѣкомъ, хотящимъ учиться книгъ Божественнаго Писанія», заключаетъ въ себѣ, кромѣ русско-славянской азбуки, чтенія изъ Священнаго Писанія въ формѣ катихизиса и нѣкоторыя молитвы церковныя. Сверхъ сего, здѣсь въ стихахъ изложены основанія христіанскаго ученія о Богопознаніи и Богочитаніи.

Кромѣ этого руководства Макарій пріобрѣталъ другія общепользныя книжки духовно-нравственнаго содержанія, которыя дѣти читали своимъ родителямъ.

Являясь такимъ одушевленнымъ дѣятелемъ на глазахъ всѣхъ, Макарій въ тиши своего домашняго крова продолжалъ ту же строго-аскетическую жизнь, какую велъ въ Глинской пустыни. Помѣщеніемъ для него служилъ небольшой деревянный домъ о двухъ комнатахъ, раздѣленныхъ сѣнями: въ одной комнатѣ жилъ онъ самъ, въ другой—его сотрудники. Домъ

этотъ былъ и пріемной, и училищемъ, и кухней, и библіотекой, и аптекой. Пищу употреблялъ архимандритъ самую скудную: по цѣлымъ суткамъ иногда питался одной просфорой и нѣсколькими чашками чаю, который очень любилъ. Въ видѣ лѣкарства, отъ стѣсненія въ груди, которымъ онъ постоянно страдалъ, употреблялъ сырыя яйца, разболтавши ихъ съ солью на чайномъ блюдечкѣ, но и за употребленіе этого невиннаго средства строгій подвижникъ часто упрекалъ себя, какъ за излишество. Въ одеждѣ соблюдалъ ту же простоту: по нѣскольку лѣтъ, не перемѣняя, носилъ онъ одну дабинную (синюю толстой нанки) рясу, и только истрепанную и засаленную оставлялъ ее, замѣняя новой.

Любимымъ занятіемъ его было чтеніе священныхъ и святоотеческихъ писаній и переводъ ихъ съ разныхъ языковъ на русскій и алтайскій. Время близится къ полночи, все кругомъ уже погрузилось въ сонъ, а Макарій все бывало сидитъ съ перомъ въ рукахъ; боль сильно сжимаетъ ему грудь. Заглушая это ощущеніе, онъ встаетъ, прохаживается по комнатѣ, разглаживая свою грудь; слабо и пріятно раздается по горницѣ пѣніе любимой его пѣсни: «ночь не свѣтла невѣрнымъ, Христе, вѣрнымъ же просвѣщеніе въ сладости словесъ Твоихъ»... и опять садится за столъ. Но, наконецъ, время и истощенный организмъ даютъ себя чувствовать: Макарій отправляется въ другую комнату, гдѣ спать его сотрудники, будить ихъ, поетъ вмѣстѣ съ ними полунощницу и тогда уже предается сну. Но раннимъ утромъ мы опять видимъ его или ревизующимъ хижины новокрещенныхъ, или копающимся въ огородѣ, или проповѣдающимъ въ юртѣ язычника. И такъ проходили дни за днями, вечера за вечерами. Отъ усиленныхъ вечернихъ занятій зрѣніе его сильно ослабѣло, и онъ уже боялся ослѣпнуть.

При такой собственной хлопотливой миссіонерской дѣятельности, Макарій сильно озабочивался будущимъ своей миссіи. Какъ основатель алтайскаго миссіонерства, онъ пламенно

желалъ, чтобы начатое имъ дѣло пріобрѣло устойчивость и непрерывно возрастало. Изыскать тогда способы къ непрерывному росту миссіи было для Макарія чрезвычайно трудно—главнымъ образомъ по неимѣнію способныхъ людей, и затѣмъ по скудости миссіонерскихъ средствъ. До 1836 года, какъ извѣстно, архимандритъ миссіонерствовалъ одинъ съ дряхлымъ старцемъ Петромъ Лисицкимъ. Только съ 1837 года начали появляться у него сотрудники случайные и совершенно къ дѣлу неподготовленные.

Умѣя самъ содержать и пользоваться трудами пестраго братства для миссіонерскаго дѣла, Макарій сильно беспокоился мыслию — будетъ ли это братство держаться послѣ него и такъ же миссіонерствовать. Чтобы при жизни своей навсегда закрѣпить установленное имъ миссіонерское общезитіе, архимандритъ остановился на мысли—основать миссіонерскій монастырь на Алтаѣ.

На ряду съ мужскимъ монастыремъ Макарій хотѣлъ въ тѣхъ же видахъ основать на Алтаѣ и женскую миссіонерскую общину — «къ благопотребному содѣйствію церковной миссіи». Подробный проектъ объ этой общинѣ начальникъ миссіи официально въ 1836 году представилъ преосвященному Аванасію Тобольскому. Послѣдній сочувственно отнесся къ проекту, но хода дѣлу не далъ никакого. По необходимости пришлось архимандриту, безъ основанія общины, искать сотрудницъ нужныхъ для миссіонерствованія, ученія и заботъ о дѣвицахъ, вдовахъ и замужнихъ инородцахъ. Сотрудницами при немъ были: старица Прасковья Матвѣевна Ландышева съ 1838 г., мачеха С. В. Ландышева, и дѣвица Софія Густавовна де-Вильмонъ съ 1840 года, блистательно окончившая курсъ въ Смольномъ институтѣ. Для нихъ Макарій построилъ домики въ Маймѣ, отдалъ въ ихъ распоряженіе больницу-богачельню и отпускалъ необходимую сумму на ихъ содержаніе. Обѣ женщины, подъ руководствомъ архимандрита, служили весьма ревностно, оглашая язычницъ,

просвѣщая новокрещенныхъ, лѣча и ухаживая за больными женщинами. Софія Густавовна кромѣ сего открыла въ своемъ домикѣ дѣвичью школу, гдѣ обучала дѣвочекъ пѣнію, чтенію, ариѳметикѣ и рукодѣльямъ.

Безпокоймый неудачами въ заботахъ о прочной и обеспеченной организаціи алтайскаго миссіонерства, Макарій все-сторонне сталъ изыскивать средства упрочить его, если не вскорѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ отдаленномъ будущемъ. Помимо своего непосредственно благотворнаго вліянія на невѣрныхъ, христіански просвѣщенный русскій народъ, представлялось далѣе уместному взору архимандрита, самъ изъ себя создастъ Россійское Миссіонерское Общество, которое, состоя изъ лицъ всѣхъ званій и состояній, будетъ собирать средства для святаго дѣла миссіи, образовывать миссіонеровъ и издавать священныя и другія полезныя книги на языкахъ инородческихъ.

Всецѣло проникнутый этими мыслями, Макарій изложилъ ихъ со всевозможными, даже мелочными, подробностями въ своемъ обширномъ сочиненіи «мысли о способахъ къ успѣшнѣйшему распространенію христіанства между евреями, магометанами и язычниками въ Россійской державѣ», которое въ 1838 году онъ представилъ въ Святѣйшій Синодъ. Какъ знатокъ еврейскаго языка, Макарій самъ же съ 1834 года началъ и переводъ Библии съ еврейскаго на русскій языкъ.

Въ 1843 году организмъ его былъ настолько расшатанъ, что онъ не могъ уже продолжать миссіонерской службы. Разбитая грудь болѣзненно сжималась при подъемахъ на горы. Архимандритъ не могъ уже всходить на гору пѣшкомъ, вѣзжалъ на лошади и то поминутно хватался за грудь, ожидая или разрыва сердца, или кровоистеченія изъ горла. Особенно ослабѣло зрѣніе:—по вечерамъ онъ не могъ уже ни читать, ни писать. Поэтому, съ 1843 года Макарій сталъ проситься объ увольненіи изъ миссіи и о разрѣшеніи отправиться въ Іерусалимъ, гдѣ предполагалъ про-

вести остатокъ жизни. 8 мая 1844 года Святѣйшій Синодъ уволилъ его отъ миссіонерской должности и назначилъ настоятелемъ Троицкаго Болховскаго монастыря (Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда), не давъ разрѣшенія отправиться во Іерусалимъ.

Но не покой ждалъ его здѣсь, а продолженіе той же просвѣтительной дѣятельности среди... хотя крещеныхъ, но почти язычниковъ, только безъ утомительныхъ разѣздовъ и безъ гнетущихъ заботъ о перемѣнѣ ихъ вѣшняго благосостоянія. Заняться просвѣщеніемъ Болховскихъ гражданъ, несмотря на разстроенное здоровье, побудило его замѣченное имъ глубокое невѣжество.

Съ свойственнымъ ему жаромъ и любовью принялся онъ проповѣдывать въ церкви, растолковывать народу слово Божіе и молитвы, назидать богомольцевъ у себя въ келліяхъ, раздавать пособія нищимъ и калѣкамъ, утѣшать скорбящихъ, мирить враждующихъ и особенно, какъ и на Алтаѣ, учить дѣтей. Молва о новомъ, необыкновенномъ настоятелѣ быстро разнеслась по городу и окрестностямъ, и со всѣхъ сторонъ послѣдовалъ громадный наплывъ народа въ Болховскій монастырь ежедневно. Шли туда и старые, и молодые, мужи и жены, дѣвицы и дѣти, священники, чиновники и простые. Съ утра и до вечера толпился въ монастырѣ народъ: тотъ приходилъ за совѣтомъ, другой за утѣшеніемъ, третій за наставленіемъ къ о. архимандриту Макарію. И всѣхъ онъ принималъ одинаково радушно, со всѣми бесѣдовалъ, всѣмъ проливалъ отрадный миръ въ душу.

Любилъ о. Макарій благотворить нищимъ и калѣкамъ. Нерѣдко въ воскресные и праздничные дни, выходя изъ церкви, онъ приглашалъ къ себѣ въ келлію какого-нибудь нищаго, увѣчнаго слѣпца и дряхлаго старца, сажалъ на переднее мѣсто, угощалъ чаемъ, предлагалъ ѣсть и служилъ нищему самъ. Да и любимымъ предметомъ его поученій была любовь къ бѣднымъ и увѣчнымъ. Не скупясь, разда-

валъ онъ нищимъ все, что изъ дохода доставалось ему, какъ настоятелю.

Дѣти, какъ и на Алтаѣ, пользовались преимущественнымъ вниманіемъ: для нихъ о. Макарій превратилъ келліи свои въ настоящую школу, гдѣ не мыслимы и не желательны были для дѣтей никакіе каникулы.

Приказывая, подъ своимъ надзоромъ, учить дѣтей своимъ послушникамъ, Макарій по временамъ самъ занимался съ дѣтьми по цѣлымъ днямъ. Усерднымъ часто дарилъ книжечки, которыхъ у него постоянно было множество въ запасѣ.

Естественно ожидать, что при столь высокой духовной жизни, при такихъ истинно пастырскихъ отношеніяхъ къ людямъ, о. Макарій сдѣлался весьма популяренъ и невольно приобрѣлъ громадное вліяніе на народъ. Обаянію его личности всецѣло поддавались всѣ тѣ, которые встрѣчались и говорили съ нимъ. Этотъ сутуловатый старичекъ средняго роста въ черной дешевой суконной ряскѣ, въ черной скуфейкѣ, съ сѣдыми волосами, прядями лежавшими по его плечамъ, съ сухощавымъ чистымъ и очень пріятнымъ лицомъ, окаймленнымъ густой бородой, возбуждали какое то благоговѣніе къ себѣ всюду, гдѣ бы онъ ни появлялся. Наперывъ слѣшили къ нему подъ благословеніе, съ возгласами: «батюшка родимый, благослови!» Женщины хватали полы его ряски и цѣловали ихъ. Полученными отъ него образками, крестиками, ленточками, книжками—дорожили, какъ святыней. Вліяніе его неотразимо дѣйствовало, когда онъ обращался кому-нибудь съ словомъ вразумленія. Никакое слово его не пропадало даромъ, рѣдкое не отдавалось въ слушателяхъ слезами умиленія и неудержимымъ вздохомъ.

Вліянію незабвеннаго архимандрита Болховитяне обязаны искорененіемъ грубаго обычая, существовавшего въ городѣ. По изстари наслѣдованному обычаю, Болховскія дѣвушки, до своего замужества, считали за стыдъ ходить въ церковь.

Вмѣсто того, чтобы идти въ храмъ, онѣ выносили предъ ворота скамьи и садились въ полномъ нарядѣ, тутъ же являлись молодые люди и «невѣстились». Такими скамьями во время всеобщаго богослуженія устанавливались всѣ улицы города. Архимандрить Макарій съ посохомъ въ рукѣ обходилъ въ это время улицы города и своими убѣжденіями, а также и пастырскими поученіями съ церковной кафедрой, успѣлъ искоренить этотъ обычай.

Незамѣтно для себя самого, Макарій обладалъ удивительнымъ даромъ—располагать къ обнаруженію и исцѣлять застарѣвшія тайныя раны грѣховной души.

Въ частной своей жизни Макарій до кончины остался тѣмъ же строгимъ аскетомъ и кабинетнымъ труженикомъ. Спалъ онъ очень мало, да и то на простомъ диванѣ, или голой кровати безъ подушки,—ручка дивана, или же боковая дощечка кровати были вмѣсто возглавія, ложился спать онъ почти не раздѣваясь. Только за два дня до кончины, когда стали у него болѣть кости, друзья упросили его лечь въ постель. Кромѣ книгъ и тетрадокъ, чернилъ и пера, ничего не было у него въ комнатѣ и послѣ него не осталось. Отъ него наслѣдовала Православная Русь только одно сокровище, да и то мало оцѣненное,—сокровище, которое онъ неустанно и терпѣливо копилъ и оберегалъ въ теченіе почти половины своей жизни, выжидая удобнаго времени подѣлиться этимъ сокровищемъ со всѣми жаждущими его. Это сокровище—плодъ его удивительно настойчиваго, несмотря на всѣ препятствія, непріятности и огорченія, труда—русскій переводъ Библии. Въ Болховскомъ монастырѣ о. Макарій по ночамъ просматривалъ и провѣрялъ свой переводъ ветхозавѣтныхъ книгъ съ еврейскаго, сдѣланный еще на Алтаѣ. Пріѣзжая по временамъ въ Москву, онъ въ покоехъ митрополита Филарета, тайно отъ другихъ, съ однимъ знакомымъ молодымъ чиновникомъ свѣрялъ свой переводъ съ англійскимъ, нѣмецкимъ и французскимъ переводами,

рылся въ разныхъ лексигонахъ и комментаріяхъ, сличалъ его съ рукописнымъ переводомъ Г. П. Павскаго, каковой онъ досталъ въ 1840 году въ Петербургѣ.

Друзья совѣтовали ему напечатать свой переводъ за границей при помощи Англійскаго Библейскаго общества, которое за неимѣніемъ хорошаго русскаго перевода довольствуется изданіемъ плохого. Макарій подъ конецъ жизни и самъ почти склонился къ этой мысли: въ 1846 году испросилъ себѣ у Святѣйшаго Сѹнода позволеніе отправиться въ Іерусалимъ, гдѣ предполагалъ въ Виолеемской пещерѣ блаженнаго Іеронима, или въ другомъ какомъ-нибудь Іерусалимскомъ мѣстѣ заняться на свободѣ пересмотромъ своего перевода ветхаго завѣта съ еврейскаго языка на русскій и, можетъ быть, даже издать его. Но предъ самымъ отъѣздомъ, когда всѣ сборы въ путь были кончены и Макарій распростился съ Болховитянами, онъ вдругъ простудился и смертельно заболѣлъ. Тотчасъ дали знать митрополиту Филарету, — онъ прислалъ своего доктора, пригласили и болховскихъ врачей, но всѣ медицинскія пособія были напрасны. Совершенно истощенный трудами организмъ разомъ поддался недугу: болѣзнь началась воспаленіемъ легкихъ, печени и желудка и перешла въ состояніе тифозное. Спинныя кости сильно ныли, но Макарій съ удивительнымъ смиреніемъ переносилъ жестокія страданія. Съ благоговѣйнымъ настроеніемъ готовился онъ къ смерти. За день до кончины въ келлію его принесли Святые Дары, чтобы причастить его. Въ самый день кончины Макарій молча и неподвижно лежалъ на кровати. Смерти его ожидали ежеминутно. Вдругъ онъ какою-то внутренней, таинственной силой быстро поднялся съ возглавія, сѣлъ, и словно яркій лучъ озарилъ его. Онъ громко и твердо сказалъ: «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ» и тотчасъ склонилъ голову; его бросились поддерживать, положили на подушку, и онъ тихо отошелъ къ Богу 18 мая 1847 года, 55 лѣтъ отъ роду.

Когда тѣло покойнаго понадобилось положить на столъ, то не нашлось у него и другой простыни, кромѣ одной толстой, узенькой и коротенькой. Одѣли его въ старое платье, потому что лучшаго и не было, епитрахиль положили тоже старую и даже ветхую, ту самую, которую онъ когда-то получилъ отъ своего духовнаго отца, старца Ливерія. Гробъ по завѣщанію о. Макарія былъ приготовленъ для него необитый и некрашенный, похоронили его въ монастырскомъ соборномъ храмѣ, на правой сторонѣ трапезы, въ склепѣ, приготовленномъ бывшимъ настоятелемъ монастыря архимандритомъ Иринеемъ.

Александра Авдѣвна.

(Память 18 мая).

Александра Авдѣвна жила въ 20 годахъ XIX столѣтія и большую часть жизни провела въ селѣ Тумботинѣ (Горбатовскаго уѣзда), гдѣ и скончалась.

Странна и загадочна была жизнь Александры Авдѣвны. Жила она часто въ баняхъ и другихъ нежилыхъ мѣстахъ: такъ, напримѣръ, она долго жила въ саду священника Аврамія Черновскаго, — въ густой чащѣ малинника; валялась нагая въ крапивѣ, говорила безсвязныя рѣчи, среди дня вбѣгала на приходскую колокольню и звонила въ колокола, по временамъ была слишкомъ безпокойною и кричала до охриплости голоса. Ходила во всякое время года — зимой и лѣтомъ, въ худой бараньей шубѣ. Ее считали обыкновенно за сумасшедшую и полагали, что она сошла съ ума отъ жестокихъ побоевъ, которые она терпѣла отъ мужа. Она была дочь нижегородскаго Покровской церкви діакона Авдѣя, который за нетрезвое поведеніе лишенъ былъ діаконскаго сана. Лишившись своего мужа, который былъ діакonomъ въ городѣ Семеновѣ, она вступила во второй бракъ, вышла за

крестьянина села Тумботина, Василя Иванова Глазунова. Это былъ человекъ въ высшей степени грубый и суровый, имѣвшій отъ первой своей жены большое семейство (человѣкъ до 9-ти). Онъ поступалъ съ нею слишкомъ безчеловѣчно: нерѣдко, обнаживъ ее, привязывалъ за волосы къ дворному столбу и беспощадно билъ ременнымъ кнутомъ, — за то, что она будто-бы не помогала ему въ крестьянскихъ работахъ; и дѣйствительно, Александра Авдѣвна, родившись въ городѣ и всю жизнь проведши также въ городѣ, неспособна была къ тяжелымъ крестьянскимъ работамъ. Эта-то тяжелая жизнь, говорили тогда, и была причиною ея сумасшествія. Какъ бы то ни было, только Александра Авдѣвна въ теченіе 20 лѣтъ проводила странный образъ жизни, и во все это время никто не могъ заставить ее ѣсть скоромную пищу. Случалось, что въ первый день св. Пасхи, сестра ея, діаконица, усиленно просила ее разговѣться, но она всегда отвѣчала: «полно, матушка сестрица, какой нынѣ свѣтлый день? Нынѣ великая пятница». Такія великія пятницы продолжались для ней во всю ея жизнь. Она никакой другой пищи не употребляла, кромѣ сухарей и черного хлѣба съ водой. Если ей предлагали какую-нибудь пищу по-лучше, — она отказывалась, ссылаясь на то, что эта пища смѣшана съ мышьякомъ.

При строгомъ постѣ, въ Александрѣ Авдѣвнѣ проявлялась иногда прозорливость. Вотъ нѣкоторые случаи ея прозорливости.

Вдова мѣстнаго священника жила у зятя своего, села Тумботина священника Василя Фіалковскаго. Онъ въ 1839 году перешелъ въ другой приходъ; съ нимъ должна была выбыть на жительство изъ Тумботина и старушка. Но еще задолго до сего событія, когда о немъ никто не думалъ и не гадалъ, всякій разъ, когда старица посѣщала Александру Авдѣвну, послѣдняя называла ее Анной выболовской.

Когда зять Александры Авдѣвны, діаконъ Шпаковъ умеръ,

и сестра ея съ семействомъ вынуждены были крайнею бѣдностію принимать милостыню, разъ въ сѣни ея дома нѣкоторые благотворители тайно положили 4 мѣры свѣжихъ огурцовъ. Никто изъ домашнихъ не зналъ объ этомъ. Но Александра Авдѣвна, до этого времени, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, никуда не слѣзавшая съ печи, на которой имѣла обыкновеніе сидѣть, обратившись лицомъ къ углу стѣны, вдругъ, не перемѣняя своего положенія, говорить сестрѣ своей: «Аннушка, посмотри-ка, сколько Марынушка принесла намъ огурцовъ!» Дѣйствительно, по указанію Александры Авдѣвны, въ сѣняхъ найденъ былъ цѣлый мѣшокъ съ огурцами.

Одинъ крестьянинъ деревни Завалищъ, ради Бога, взялъ Александру Авдѣвну на жительство къ себѣ, и съ тѣхъ поръ всѣ его предпріятія по хозяйству вдругъ начали сопровождаться неожиданнымъ успѣхомъ, во всемъ ему было подспорье. Этотъ крестьянинъ самъ заявлялъ объ этомъ всѣмъ своимъ сосѣдямъ и знакомымъ, и несомнѣнно полагалъ, что эта милость Божія посѣтила его ради того, что у него живетъ Александра Авдѣвна. Когда же она, проживъ у крестьянина около 3-хъ лѣтъ, перешла потомъ въ домъ сестры своей, діаконицы села Тумботина, терпѣвшей крайнюю нужду съ семействомъ,—то съ приходомъ Авдѣвны въ домъ своей сестры, скудость ея въ средствахъ пропитанія какъ-бы рукой сняло: изъ особеннаго уваженія прихожанъ села Тумботина къ Авдѣвнѣ, къ ея сестрѣ со всѣхъ сторонъ пошла обильная милостыня, и давали не ломтями хлѣба, а цѣлыми пудами муки.

Вдову священника Неаполитанскую, бывшую очень несчастною въ супружеской жизни, такъ-какъ мужъ ея до излишества употреблялъ крѣпкіе напитки,—въ то время, когда она была еще дѣвицей, Александра Авдѣвна называла шестимѣрною, десятиимѣрною мученицею.

Александру Авдѣвну посѣщало много народу, не только

изъ Тумботинскихъ прихожанъ, но и изъ окрестныхъ сель и деревень. Нѣкоторыхъ изъ сихъ посѣтителей она нерѣдко либо прямо, либо намеками обличала, если они имѣли за собою тяжкіе, но тайные пороки. Особенно терпѣть не могла людей, состоявшихъ въ незаконной связи. О такихъ людяхъ говорила, что вокругъ ихъ шеи обвивается 12-ти головый вавилонскій змѣй, и отъ нихъ не только не принимала никакихъ приношеній, но часто кидала имъ принесенное въ лицо.

Замѣчательна была и кончина ея. Будучи въ состояніи обыкновеннаго здоровья, она въ день своей смерти сама вымыла полъ въ домѣ сестры своей — діаконицы, у которой жила, сказавъ домашнимъ, что къ ней сегодня будутъ рѣдкіе, дорогіе гости; потомъ скинула съ себя изношенную до нельзя, грязную сорочку, надѣла бѣлую, чистую, и, приготовивъ все необходимое для елеосвященія, объявила, что она въ этотъ день умретъ, и просила своихъ племянницъ-дѣвицъ Синглитикію и Марію сходить за священникомъ для напутствованія ея св. Тайнами и соборованія. Когда старшая племянница наотрѣзъ отказалась исполнить ея желаніе, считая оное за пустую выдумку безумной (сестра же Авдѣвны старушка-діаконица въ то время была въ Павловѣ на базарѣ), тогда она сказала младшей: «Машенька попадья (впослѣдствіи это и сбылось; она вышла въ замужество за студента семинаріи, поступившаго во священники въ богатый приходъ, Кюстромской епархіи), да сходи же за о. Михаиломъ». Она пошла. О. Михаилъ въ это время обѣдалъ и велѣлъ дѣвушкамъ, пока онъ пообѣдаетъ, подождать его у него въ домѣ. Вскорѣ послѣ обѣда, взявъ дароносицу и требникъ, онъ вмѣстѣ съ нею отправился къ Александрѣ Авдѣвицѣ. На предложеніе его послѣдней выслушать молитвы къ исповѣди, она отвѣчала ему земнымъ поклономъ, съ сими словами: «благодарю покорно, батюшка, ты меня уже сейчасъ исповѣдывалъ, и масломъ особоровалъ. Прощу прочитатъ отходную.» Но о.

Михаилъ, не обративъ вниманія на эти ея слова, все-таки сталъ читать положенныя молитвы къ исповѣди. Въ это время Александра Авдѣевна легла на лавку, оградила себя крестнымъ знаменіемъ, и въ одинъ моментъ душа ея перешла въ вѣчность.

Это было въ 1842 году. Александра Авдѣевна была лицомъ очень блѣдна и тѣломъ суха отъ чрезвычайнаго воздержанія *).

Подвижницы Абабковскаго Николаевскаго монастыря Лампадія и Палладія **).

(Память 18 мая).

Въ 1818 году, въ одинъ изъ весеннихъ дней, когда солнце ярко освѣщало окрестность, двѣ странницы тихо спускались съ Акуловской горы, такъ называемой по деревнѣ. Черный цвѣтъ одежды доказывалъ ихъ иноческій образъ жизни; исхудалыя лица доказывали, что спутницы не напрасно носили на себѣ званіе инокинь; вся наружность показывала въ нихъ глубокое смиреніе. Одна изъ этихъ путницъ, заинтересованная мѣстоположеніемъ, остановилась на полгорѣ. Отсюда ея глазамъ представилась широкая Ока, въ лѣвой ея сторонѣ—зеркальное озеро, на берегу коего красовался уединенный храмъ. Природа въ этомъ мѣстѣ представляла привлекательную картину пустынной настроенности. Долго въ раздумьи смотрѣла старица на эти уединенныя прекрасныя мѣста, какъ вдругъ звонъ благовѣста къ литургіи прервалъ ея размышленіе. «Сестра Наталья!—сказала она своей спутницѣ,—я думаю, мы нашли то, что такъ долго искали! «Что такое, матушка?»—отвѣчала послѣдняя. Видишь ты тотъ

*) По статьѣ стр. 110—113 т. III, изъ „Странника“ 1874 г.

***) Изъ брош. свящ. А. Виноградова: „Краткая исторія Аб. Ник. женскаго 3 кл. монастыря.“

уединенный храмъ?—Я нигдѣ не видала лучше сего мѣста. Какъ хотѣлось-бы мнѣ остаться здѣсь доживать вѣкъ при этомъ храмѣ. Пойдемъ же скорѣе, помолимся Господу Богу; быть можетъ, Онъ услышитъ молитву грѣшной Лукіи и исполнитъ наше жаланіе».

Усердно онѣ молились въ храмѣ Великомученика Георгія, и когда окончилось Богослуженіе, помѣщица села Абабкова, маіорша Наталья Яковлевна Прокофьева, по благочестивому русскому обычаю угощать странныхъ, пригласила ихъ раздѣлить съ собой трапезу. На радушное угощеніе и ласковое гостепріимство благочестивыя путницы платили доброй хозяйкѣ откровенною и благочестивою бесѣдой. Лукія (имя старшей) улучила минуту открыть хозяйкѣ свое намѣреніе. «У обѣихъ насъ, сказала она, одно желаніе и одна цѣль странствованія, найти по сердцу уединенный безмятежный уголокъ, гдѣ бы въ тишинѣ и безмолвіи заняться дѣломъ спасенія. И Богъ внялъ наконецъ нашей молитвѣ и указываетъ чрезъ Ангела путеводаителя вотъ это самое мѣсто при здѣшней кладбищенской церкви Великомученика Георгія. Если бы вы были столько милостивы, что позволили бы намъ поставить тамъ келлійку, то наша благодарность вамъ была бы вѣчная и безпредѣльная». Прокофьева, всѣмъ извѣстная своимъ милосердіемъ, не только не отказала исполнить просьбу странницъ, но обѣщала на свой счетъ устроить для нихъ богадѣльню и доставлять имъ все необходимое для жизни. Госпожа не замедлила осуществить свое обѣщаніе. Въ скоромъ времени она выстроила уютную богадѣльню, которая и послужила началомъ Абабковского монастыря.

Городъ Молога (Ярославской губерніи) былъ родиной первоначальницы Лукіи. Отецъ ея Евдокимъ Андреевъ Масленниковъ и Улита Федоровна принадлежали къ сословію мѣщанъ. Съ раннихъ лѣтъ юная дочь ихъ чувствовала сильное желаніе оставить міръ и посвятить себя иноческому житію. Но сильная любовь отца была большимъ къ тому препятствіемъ

и она рѣшилась тайно оставить домъ родительскій и скрыться гдѣ-либо въ отдаленномъ монастырѣ. Она впередъ знала, что родитель ея предприметь всевозможныя мѣры, чтобы отыскать любимую дочь; поэтому, вмѣсто женской одежды, она надѣла мужскую,—вмѣсто Лукіи назвала себя Лукіанъ, и мужской Валаамскій монастырь Новгородскій избрала себѣ мѣстомъ первыхъ иноческихъ подвиговъ. Не одинъ годъ Лукія съ новымъ именемъ служила Богу въ обители, оставивъ кровь отеческій. Въ это время отыскивалъ ее повсюду отецъ. И вотъ, наконецъ, онъ находитъ ее, только не въ тихомъ убѣжищѣ святой обители, а въ темничномъ заключеніи города С.-Петербурга. Въ Валаамовомъ монастырѣ благочестивую Лукію постигло самое сильное испытаніе. Злонамѣренные люди, оклеветавъ ее, какъ бѣглую, засадили въ тюремный замокъ. Здѣсь она томилась цѣлый годъ, не открывая своего имени, пока случай не указалъ ее родителю. Но и тогда, противъ воли возвращенная въ домъ родителей, она не могла жить съ ними, и въ сердцѣ своемъ таила мысль снова оставить отца, мать и міръ. Съ тѣмъ вмѣстѣ она желала подчинить себя подвигамъ болѣе уединеннымъ, отшельническимъ. Чтобы должнымъ образомъ приготовить себя къ этому, она приняла на себя трудный искусь: рѣшилась идти въ услуженіе къ женщинѣ, благородной по роду, но характера жестокаго, неуживчиваго, раздражительнаго, которая, принявъ ее къ себѣ, за неусыпные труды и безусловное повиновеніе платила ей часто бранью, нерѣдко жестокими побоями. Но она безропотно переносила всѣ огорченія и не оставляла своей госпожи до самой ея смерти.

По кончинѣ этой госпожи Лукія предприняла путешествіе по святымъ мѣстамъ Россіи. Когда она достигла Саровской пустыни, то старцы о. Иларіонъ и о. Назарій, лично знавшіе ея благочестивую жизнь съ того времени, когда одновременно съ нею жили въ Валаамскомъ монастырѣ, совѣтовали Лукіи перейти въ какой-либо монастырь близъ Саров-

ской пустыни. Но она, найдя уединенное мѣсто при храмѣ святаго великомученика Георгія, усомнилась лишь въ одномъ, угодно-ли Богу ея намѣреніе? И отправилась къ преподобному о. Серафиму и своему духовнику о. Иларіону, у коихъ и просила наставленій для своей жизни и благословенія на избранное мѣстопребываніе. Саровскіе старцы единогласно одобрили благочестивое намѣреніе Лукіи. Возвратясь въ Абабково къ маіоршѣ, Лукія, вмѣстѣ съ сестрою Наталією, перешла въ выстроенную для нихъ богадѣльню, посвятивъ себя строгой подвижнической жизни. Вскорѣ послѣ этого она была увѣрена въ святости избраннаго ею мѣста явленіемъ ей во снѣ великомученика Георгія, который повелѣлъ написать съ него икону. Лукія не замедлила исполнить повелѣніе своего Святаго Покровителя. Вскорѣ заказала написать икону въ видѣ юноши, которая въ настоящее время помѣщена въ иконостасѣ храмоваго его придѣла.

Благоговѣя къ высокимъ трудамъ и желая быть подражательницею богоугодной жизни Лукіи, нѣкоторыя изъ посѣщающихъ ее пожелали оставаться при ней. Вслѣдствіе сего число сестеръ понемногу увеличивалось, составивъ собою первоначальный разсадникъ, который въ нынѣшнее время процвѣтаетъ и увеличивается во славу Божию и въ прославленіе Его Угодника.

Къ сожалѣнію, Богоугодная и дѣятельная жизнь сей первоначальницы скоро прекратилась. Въ 1823 г. 18 мая Лукія предала духъ свой Богу. Несмотря на кратковременное четырехлѣтнее пребываніе въ Георгіевской богадѣльнѣ, слава святой и подвижнической жизни Лукіи далеко распространилась по окрестностямъ. Ея скромная могила находится противъ главнаго алтаря храма великомученика Георгія и часто посѣщается окрестными жителями. Сестры же Абабковскія, какъ о своей первоначальницѣ неусыпно молятся о упокоеніи Лукіи, да сотворитъ ей Господь «вѣчную память». Февраля 12 дня 1889 года, по ходатайству сестеръ обители и окрест-

ныхъ жителей, чтущихъ память первоначальницы Лукіи, останки ея перенесены, съ разрѣшенія Св. Синода, въ обитель и положены противъ главнаго алтаря Покровскаго храма.

Блаженная Лампадія, по преданію, была нравомъ тихая, кроткая, характера общительнаго, ласковаго, но малоразговорчива. Одѣвалась въ крестьянскій черный чапанъ, подпоясавшись ремнемъ, на голову надѣвала не платокъ, а монашескую шапочку, и волоса носила длинныя, какъ послушникъ. Къ довершенію всего носила довольно чувствительныя вериги, которыя въ цѣлости сохранились до сихъ поръ, какъ нѣмыя свидѣтели тайныхъ великихъ подвиговъ блаженной подвижницы. Къ прискорбію, время уничтожило еще одно вещественное доказательство подвиговъ блаженной, это ту пещерку, въ которую она удалялась для молитвы въ ненастные и зимніе дни и ночи. Пещерку эту хорошо помнили долгое время не только поселяне села Абабкова, но и многія сестры обители. За 1823 годъ метрическая запись о умершихъ приходской церкви села Абабкова такъ гласитъ.

№ 11 Мая 18 дня. Живущая въ Егорьевской богадѣльнѣ города Мологи купеческая дочь—дѣвица Лукія Евдокимовна, 42 лѣтъ—горячкою. Погребена была сія подвижница на общественномъ кладбищѣ села Абабкова за алтаремъ кладбищенской церкви.

Въ то посѣщеніе Сарова, когда она ходила за совѣтомъ объ Абабковѣ, Лукія и была пострижена своимъ прежнимъ духовнымъ отцемъ—Иларіономъ тайно, закеллейно въ ангельскій монашескій образъ подъ именемъ Лампадіи, подъ которымъ она и значится не только въ монастырскихъ синодикахъ, но и въ помянникѣ ея благодѣтельница, помѣщицы села Абабкова Натальи Яковлевны. О духовныхъ подвигахъ блаженной Лампадіи мало сохранилось преданій. И это естественно: въ продолженіе 4 лѣтъ она не могла заявить себя вполне свѣтлыникомъ, горящимъ для всѣхъ видимо. Всѣ подобныя ей, работающіе Господу, трудятся въ тишинѣ, скромно, до времени

подъ спудомъ. Одно достовѣрно, что блаженная Лампадія, на новомъ благословенномъ саровскими старцами мѣстѣ, вела жизнь самую строгую и по ночамъ уходила въ чашу лѣса на молитву.

Въ преемницы покойной Лукіи была избрана Ксенія Николаевна, вызванная маіоршею Прокофьевой изъ Зеленогорской общины. На ея долю досталось много заботъ. А въ 1837 году, 18 декабря, скончалась и ихъ единственная благодѣтельница, и богадѣльня должна была довольствоваться процентами незначительнаго билета (въ 5 т. руб. ассигн.), положеннаго Прокофьевой въ Нижегородскій приказъ общественнаго призрѣнія.

Но Господь не лишилъ Ксенію Николаевну Своей помощи. Нашлись добродѣтельные люди, кои помогли ей выстроить новый домикъ для келлій. А для собственнаго пропитанія сестры ревностно обратились къ трудамъ: сами пряли ленъ, ткали холстъ, ухаживали за огородомъ, жали хлѣбъ у поселянь. Наконецъ, силы престарѣлой Ксеніи ослабѣли. Трудная обязанность имѣть на своемъ попеченіи 12 человекъ сестеръ, при скудныхъ средствахъ, стала превышать ея ослабѣвшія силы. Поэтому въ 1846 году, съ согласія сестеръ, она рѣшилась сдать начальство надъ богадѣльнею, ими избранной и нарочно изъ Арзамасскаго Николаевскаго монастыря вызванной, Евдокіи Титовой, въ монашествѣ Палладіи.

Евдокія Титова родомъ была изъ города Мологи, дочь крестьянь Тита и Акилины Кругловыхъ. Съ раннихъ лѣтъ въ ней было сильное отвращеніе къ міру и напротивъ обнаружилась горячая, пламенная любовь къ жизни иноческой. Зная рѣдкія добродѣтели первоначальницы Абабковской Лукіи, какъ близкой себѣ родственницы, Евдокія рѣшилась оставить домъ родительскій и идти къ ней въ богадѣльню, дабы вручить себя ея руководству на пути спасенія. Къ прискорбію, Евдокія не застала въ живыхъ доброй родственницы Лукіи. Про-

живъ здѣсь пять лѣтъ и раздѣляя въ это время различными послушаніями и трудами сестеръ богадѣльни, Евдокія, для пріученія себя къ болѣе строгому иноческому образу жизни, въ 1831 году перешла въ Арзамасскій Николаевскій монастырь, гдѣ, съ именемъ Палладіи, приняла монашество.

И вотъ, когда престарѣлая Ксенія изнемогла въ трудахъ правленія, Абабковскія сестры неотступно стали просить Палладію перейти изъ Николаевскаго монастыря къ нимъ въ Абабково и принять начальство надъ богадѣльнею. Всѣ сестры знали ее какъ монахиню въ строгомъ смыслѣ слова; всѣ надѣялись найти въ ней столь же полезную и распорядительную начальницу, какою была ея родственница Лукія. Палладія съ своей стороны ясно видѣла будущіе труды и заботы, но покорность волѣ Божіей, ревностное желаніе быть подражательницей трудолюбивой своей родственницѣ Лукіи, и особенно прозорливые слова Саровскаго затворника, старца Серафима, произвели въ ней рѣшимость возвратиться въ 1846 году на прежнее мѣстожителство, въ Абабковскую богадѣльню. Посѣтивъ однажды пустынь Саровскую, Палладія пришла къ покойному о. Серафиму на благословеніе. — «Миръ тебѣ, раба Божія, сказалъ онъ, встрѣчая ее;—молись больше Богу, и у тебя будутъ дѣтки,—да, будетъ, и много будетъ дѣтей, а когда будутъ дѣти, ты должна быть Саррою». — Слова сіи до того устрашили Евдокію, что она не устояла на мѣстѣ. Быть матерью, понимая буквально сказанное, значитъ снова быть въ міру; мысль такая и прежде пугала ее; но теперь, проживъ столько лѣтъ въ монашествѣ съ твердой волею остаться таковою навсегда, и опять возвратиться въ міръ, да еще быть матерью,—мысль такая привела Палладію въ отчаяніе. Зачѣмъ и жить миѣ, подумала она, если мое будущее вопреки моимъ желаніямъ и на вредъ моему спасенію. Въ порывѣ смутныхъ чувствъ Палладія мысленно рѣшилась на самоубійство. «Нѣтъ, матушка, и ножа въ руки не возьмешь, и дѣти у тебя будутъ». — Прозорливый старецъ

Серафимъ отечески утѣшалъ ее не тужить и отпустилъ съ благословеніемъ. Теперь, припоминая слова отца Серафима, Палладія видѣла въ своемъ дѣлѣ избраніе Божіе. (Устный разсказъ Палладіи). Съ нею вмѣстѣ, плѣняясь пустыннымъ мѣстомъ и имѣя особенную любовь къ духовной матери Палладіи, изъ Николаевскаго монастыря перешли еще пять сестеръ, изъ коихъ одна впоследствии избрана въ казначеи.

Такимъ образомъ, принявъ начальство надъ богадѣльнею и бывъ утверждена указомъ Консисторіи, Палладія показывала собою примѣрные качества души, стараясь посильно подражать первоначальницѣ. Съ первыхъ же дней управленія, Палладія стала принимать къ себѣ всѣхъ, желающихъ подъ ея руководствомъ посвятить себя Богоугодной жизни. Вскорѣ собралось болѣе тридцати сестеръ, съ увеличеніемъ коихъ, разумѣется, стали прибавляться и нужды. Въ предотвращеніе крайней нужды она избрала самыя подручныя средства, къ прежнимъ руководѣніямъ прибавила новыя, именно при ней стали украшать иконы фольгою, вязать изъ разноцвѣтныхъ шерстей разныя вещи. Заботясь о житейскихъ нуждахъ, Палладія всего болѣе обратила вниманіе на жизнь духовную. Для этого ввела въ богадѣльнѣ строгія правила монастырей благоустроенныхъ и учредила чтеніе Псалтири, по уставу неусыпающихъ.

Благоустроая внѣшній и внутренній порядокъ въ богадѣльнѣ, начальница Палладія обратила особенное вниманіе на запустѣвшую Георгіевскую церковь. Ей вообразить было тяжело, что сестры могли выслушивать Богослуженіе только въ воскресные и праздничные дни и притомъ въ приходской церкви села Абабкова.

Посему дождавшись, когда, къ общей ихъ радости, онѣ въ 6 день іюня 1847 года встрѣтили у себя преосвященнѣйшаго Іакова, Палладія открыла ему свое желаніе поправить до крайности ветхій храмъ, неотложно требовавшій поправки внутри и снаружи, и выдать имъ на сей предметъ сборную

книгу. Преосвященнѣйшій Іаковъ отвѣчалъ: «я готовъ исполнить ваше желаніе, и книгу выдамъ, но только съ тѣмъ, чтобы вы сначала поправили иконостасъ, иконы и другіе предметы необходимые для священнодѣйствія. Божіе и мое благословеніе вамъ и на мѣстѣ семь. Живите по заповѣдямъ Божіимъ. Начальница да будетъ вамъ примѣромъ въ иноческой жизни; а вы послѣдуйте ей и повинуйтесь, какъ своей матери». Съ прїездомъ въ Нижній начальница Палладія выправила сборную книгу, съ помощію которой и отдѣлала ветхую Георгіевскую церковь, подвела каменный фундаментъ, перемѣнила полъ и, вмѣсто сгнившей и поросшей мхомъ деревянной кровли, покрыла церковь желѣзомъ. Внутри церкви перемѣнила иконостасы, какъ въ настоящей, такъ и въ придѣлѣ святителя Николая, поправила нѣкоторыя иконы, другія написала вновь; всю трапезу оштукатурила и сдѣлала теплою. Устроивъ, такимъ образомъ, Георгіевскую церковь, Палладія, къ общему утѣшенію, завела въ храмъ ежедневную службу.

Въ томъ же 1847 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, состоялся заговоръ злонамѣренныхъ людей, въ числѣ 20 человѣкъ, ограбить богадѣльню. Но угодникъ Божій, великомученикъ Георгій, невидимо охранялъ молящихся ему, и предотвратилъ предстоящее бѣдствіе. Изъ числа заговорщиковъ, крестьянъ села Абабкова, нѣкто Кожинъ раскаялся священнику Михаилу Цедринскому и открылъ заговоръ. Злодѣи переловлены и преданы суду.

Избавясь отъ предстоящаго страшнаго бѣдствія, начальница Палладія всецѣло ввѣрила себя и сестеръ своихъ Побѣдоносцу Георгію.

Къ этому же времени относятся два замѣчательные случая.

Получивъ съ архипастырскаго благословенія сборную книгу, начальница Палладія, будучи наслышана о любви къ украшенію храмовъ нижегородскаго почетнаго гражданина Николая Алексѣевича Акифьева, обратилась къ нему первому

съ христіанской просьбою о пожертвованіи на поправку храма великомученика Георгія. Акифьевъ самъ встрѣтилъ просительницу и, услышавъ, что у него просятъ на поправку Георгіева храма, обращаясь къ своей супругѣ, воскликнулъ:— «слышишь ли, Анна Васильевна, св. Георгій-то самъ пришелъ къ намъ! А гдѣ же такая бѣдная церковь?»—Просительница отвѣчала, что недалеко отъ села Павлова. «Да еще онъ на нашей родинѣ! продолжалъ Акифьевъ. Странное дѣло, почему прежде намъ не припомнился этотъ храмъ».— «Такъ пособи же имъ, отвѣчала добрая супруга, помоги имъ поправить храмъ великомученика Георгія». Николай Алексѣевичъ принялъ самое дѣятельное участіе въ благоустройствѣ обветшавшаго Георгіевскаго храма: сдѣлалъ значительное пожертваніе и во всѣхъ нуждахъ позволилъ обращаться къ нему за помощію.

Дѣло въ томъ, что Анна Васильевна незадолго передъ тѣмъ читала житіе великомученика Георгія. Въ ряду его чудесъ, подъ 23 число апрѣля, есть слѣдующее чудо: «Въ нѣкоей Пафлагонской веси была церковь во имя великомученика Георгія, которая отъ ветхости стояла въ совершенномъ запустѣніи. Около церкви юноши часто производили игры. Одинъ изъ нихъ, всегда обижаемый прочими, однажды обратился къ церкви, помолился Великому мученику Георгію, чтобы онъ укрѣпилъ его, обѣщаясь за это принести ему мягкій хлѣбъ.

Въ самомъ дѣлѣ, юноша, къ удивленію прочихъ, вдругъ сдѣлался сильнѣе и постоянно сталъ одолевать товарищей.

За то онъ не замедлил упросить мать, чтобы она испекла мягкій обѣщанный хлѣбъ, получа который, отнесъ и положилъ предъ алтаремъ. Въ тотъ же день четверо купцовъ, проѣзжая мимо, зашли въ церковь и, когда увидѣли хлѣбъ, подумали между собою: для чего этотъ хлѣбъ лежитъ предъ алтаремъ? Вѣдь угодникъ Божій (Георгій) не имѣетъ нужды въ немъ, съѣдимъ же его, а вмѣсто хлѣба положимъ ѻміамъ.

Съѣли. Но когда стали выходить изъ церкви, вдругъ очи ихъ помрачились; ходя около стѣнъ, они никакъ не могли найти двери. Усилія ихъ были тщетны. Купцы положили на мѣсто хлѣба по серебрянику, но лучше не было; положили златникъ,—тоже, положили всѣ по златнику, и, послѣ молитвы, очи ихъ отверзлись, и они безвредно вышли изъ храма. Такъ угодникъ Божій наказалъ купцовъ за святотатство. Жители же, видя, сколь очевидно Побѣдоносецъ печется о своемъ храмѣ, на оставленные четыре златника исправили и украсили ветхій храмъ. Анна Васильевна, войдя въ кабинетъ къ супругу, прочитала ему о такомъ чудѣ. «Какъ мнѣ желательно поправить храмъ такому великому угоднику Божію», прибавила она. «Нынѣ, отвѣчалъ Николай Алексѣевичъ, храмы Божіи вездѣ благолѣпно украшены; но если бы нашелся такой храмъ,—я согласенъ». И вотъ, когда пришла къ нимъ Палладія съ просьбою на поправку Георгіевскаго храма, Акифьевъ, обрадованный случаемъ, приписалъ это событіе волѣ Великомученика и сталъ помогать Абабковскимъ. Вскорѣ послѣ этого Николай Алексѣевичъ Акифьевъ нечаянно упалъ и сильно повредилъ себѣ голову. Врачи нашли жизнь его въ опасности. Долго лѣчили его, а болѣзнь все болѣе усиливалась. Слухъ объ этомъ дошелъ до Палладіи. Имѣя вѣру въ мощное ходатайство Великомученика Георгія предъ Богомъ и неоднократно сама испытавъ его благодатную помощь, Палладія, помолившись Богу о здравіи и спасеніи ихъ благотворителя, взяла немного елея изъ лампы великомученика Георгія, отправилась въ Нижній и предложила Акифьеву съ вѣрою принять елея. Больной согласился, и когда хлопчатая бумага, напитанная елеемъ, была приложена къ ранамъ, онъ почувствовалъ тутъ же нѣкоторое облегченіе, а послѣ непродолжительнаго, но крѣпкаго сна, Николай Алексѣевичъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Послѣ такого чудеснаго исцѣленія до самой смерти своей Николай Алексѣевичъ Акифьевъ питалъ теплую

любовь и сильную вѣру къ св. Побѣдоносцу Георгію и, въ благодарность, далъ обѣщаніе: исполнить первую просьбу Палладіи, какова бы она ни была. Между тѣмъ Палладія, заботясь о благоустройствѣ сестеръ, особенно старалась сдѣлать изъ богадѣльни общину. Однажды она пришла къ преосвященному Іакову и просила его помощи.

«Достигнуть цѣли тебѣ тогда возможность будетъ, сказалъ владыка, когда ты приобрѣтешь необходимую для этого землю; безъ этого же мнѣ нельзя пособить тебѣ ничѣмъ». Палладіи это въ умъ не приходило прежде, но и приобрѣсти гдѣ-либо въ свое владѣніе значительный участокъ земли ей не предвидѣлось никакой возможности. Въ грустныхъ мысляхъ, по выходѣ отъ владыки, Палладія пошла прямо къ своему благодѣтелю Николаю Алексѣевичу Акифьеву. «Что тебѣ нужно?» — спросить Акифьевъ. Палладія молчала. «Что тебѣ нужно?» вторично спросилъ онъ. — «Тяжелъ вашъ вопросъ, Николай Алексѣевичъ, отвѣчала та, — могу-ли я сказать, что мнѣ нужно. Я сейчасъ объясняла наши нужды преосвященному, что желаемъ переименовать богадѣльню въ общину, а онъ велѣлъ добиться земли. Но земли добиться для меня до того невозможно, что я затрудняюсь повторить сіи слова».

«Такъ что же тебѣ нужно?» — спросилъ снова Николай Алексѣевичъ. «Сдѣлать общину», отвѣчала Палладія: «но владыка сказалъ, что земля нужна». — «Итакъ я вѣренъ слову», сказалъ Акифьевъ. «Близъ Павлова, въ Прилуцкой слободѣ, недалеко отъ вашей богадѣльни, я имѣю участокъ. Иди и доложи преосвященному, что у тебя есть 50 десятинъ земли». Благодѣяніе невыразимо велико. Горячія слезы были очевиднѣе благодарныхъ словъ.

Вслѣдствіе столь неожиданнаго приобрѣтенія, Палладіей по благословенію преосв. Іакова, въ 1848 году была подана въ Святѣйшій Сѹнодъ просьба о переименованіи богадѣльни въ общину, и 19 декабря того же года указомъ Св. Сѹнода

предписано: Абабковской богадѣльнѣ именоваться—Абабковской Николаевской общиною.

Со времени учрежденія общины Палладія неутомимо заботилась о созиданіи и украшеніи церквей и другихъ построекъ. Для лучшаго удобства своей новоучрежденной общины, Палладія выстроила новую трапезу, пекарню, просфорню и устроила колодезь. Къ двумъ десятинамъ земли подъ богадѣльнею, пожертвованной Прокофьевой, присоединила еще полторы пожертвованной по просьбѣ ея графомъ Шереметьевымъ. Былъ построенъ 2-хъэтажный домъ, на каменномъ фундаментѣ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1849 года начальница Палладія обратилась къ своему благодѣтелю Николаю Алексѣевичу Акифьеву съ просьбою помочь ей выстроить храмъ въ честь Покрова Божіей Матери, на что онъ изъявилъ полное согласіе, присовокупивъ, что желаетъ, чтобы въ семь храмъ были еще два придѣла: одинъ во имя своего безмезднаго врача великомученика Георгія, а другой въ честь своего Ангела, праведнаго Николая, единаго отъ воинъ. Разрѣшеніе на построение въ новоначальной Николаевской общинѣ каменнаго храма съ двумя придѣлами скоро послѣдовало и, 22 іюня того же 1849 г. преосвященный Іаковъ самъ заложилъ этотъ храмъ. Въ это время Палладія, съ дозволенія Епархіальнаго Начальства, путешествовала въ Москву и С.-Петербургъ для сбора пожертвованій. Тамъ она приобрѣла часть древа животворящаго Креста Господня, часть мощей великомученика Георгія и часть ризы Пресвятыя Богородицы, часть мощей священномученика Харалампія, свящ. сосуды и всю нужную для храма утварь.

Созиданіе храма окончено въ 1851 году.

Въ 1852 году построенъ каменный двухъэтажный корпусъ, на пространствѣ 12 сажень и покрытъ желѣзомъ. Внизу помѣщается трапеза и пекарня съ келліями для трапезницъ и кладовая. Вверху чистыя келліи для помѣщенія сестеръ руко-

дѣльныхъ. Въ томъ же году устроены другой двухъэтажный корпусъ на каменномъ фундаментѣ и покрытъ желѣзомъ, для помѣщенія казначеи и другихъ сестеръ, а внизу для псалтирни, церковницъ и просфорни.

Въ этомъ же 1852 году вокругъ общины заложена каменная ограда въ вышину 4 1/2 аршина, съ башнями на четырехъ углахъ, которая окончена уже въ 1855 году. При постройкѣ ограды весьма много помогаль Николай Алексѣевичъ Акифьевъ.

Говоря вообще, въ первые годы учрежденія Абабковской общины производились въ ней весьма многія постройки и, если когда, то въ это особенно время сестры положили много своихъ трудовъ, соединенныхъ съ великими лишеніями. Нужно замѣтить, что мѣсто, гдѣ стоитъ Абабковская община, было чрезвычайно неровно: тамъ были ямы, бугры и котловины, поросшія лѣсомъ и кустарникомъ;—на долю сестеръ падало и вычищать лѣсъ, и заравнивать ямы. А когда производились постройки, сестры сами приготавливали матеріаль мастеровымъ, также возили лѣсъ и пилили дрова на отопленіе всей общины. И все это производилось безъ ропота, единодушно, ибо Палладія, при всѣхъ послушаніяхъ, находилась первою.

1853 года, ноября 22 дня, по просьбѣ Палладіи и благословенію преосвящ. Іереміи, было совершено освященіе придѣльнаго храма святого великомученика Георгія строителемъ Островоезерскаго монастыря іеромонахомъ Арсеніемъ.

1854 года 25 дня іюля освященъ былъ храмъ — Покрова Божіей Матери преосв. Іереміею, а 26 числа и второй придѣлъ св. праведнаго Николая — протоіереемъ Лебединскимъ, въ присутствіи преосв. Іереміи.

Вскорѣ потомъ Николай Алексѣевичъ Акифьевъ въ 1854 г. выстроилъ за оградю деревянный двухъэтажный домъ для священнослужителей, съ принадлежащими къ нему службами, и обнесъ деревяннымъ заборомъ.

Имъ же, Акифьевымъ, выстроень второй двухъэтажный домъ на каменномъ фундаментѣ для принятія богомольцевъ.

27 февраля 1855 г. скончался незабвенный благодѣтель общины Николай Алексѣевичъ Акифьевъ. Горько оплакивали его сестры.

Но, умирая, Николай Алексѣевичъ позаботился и о будущемъ обеспеченіи общины и въ завѣщаніи назначилъ 10 тысячъ рублей серебромъ на священнослужителей, 2-хъ священниковъ и діакона, — и 20 тысячъ рублей на содержаніе общины.

Преосв. Антоній, епископъ Нижегородскій и Арзамасскій, въ 1858 году обозрѣвая епархію, посѣтилъ и Абабковскую Николаевскую общину. Осмотрѣвши всю обитель, преосвященный обратился къ начальницѣ съ слѣдующими словами: «прости меня, матушка, — я не думалъ встрѣтить у васъ того, что теперь вижу. Я полагалъ видѣть бѣдный храмъ и убогія хижины, а теперь напротивъ вижу во всемъ благолѣпное устройство и украшеніе, вижу распорядительность и неусыпные труды, увѣнчанные, сверхъ всякаго чаянія, вожделѣнными плодами. Теперь я понялъ ваши труды, за которые желаю возблагодарить и вмѣстѣ поощрить на дальнѣйшіе. Даю вамъ свое святительское слово, что буду ходатайствовать предъ правительствомъ о возведеніи вашей общины на степень монастыря», и вскорѣ же исполнилъ свое обѣщаніе. Въ январѣ мѣсяцѣ 1859 года чрезъ Нижегородскую Консисторію послѣдовало Высочайшее утвержденіе: Николаевскую Абабковскую общину именовать Абабковскимъ Николаевскимъ третьекласснымъ общежительнымъ монастыремъ. Съ открытіемъ монастыря необходимо должно было открыться постриженіе манатейное и рясофорное, которое и было совершенно надъ многими сестрами 2 августа того же 1859 г.. Въ числѣ постригаемыхъ, конечно, первую была удостоена Ангельскаго образа—постриженія въ мантию—сама Палладія, съ именемъ Евпраксіи. Затѣмъ мать Евпраксія вызвана

была въ Нижній, гдѣ 26 сентября того же года преосв. Антоніемъ и возведена въ санъ игуменіи. Преосвященный Антоній благословилъ игуменію на закладку новаго двухъэтажнаго каменнаго корпуса, съ храмомъ въ честь иконы Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ Радости. Когда окончено было зданіе, игуменіей было найдено болѣе удобнымъ это зданіе обратить подъ свою келлію и трапезы, а храмъ устроить въ другомъ каменномъ зданіи. А при храмѣ предполагалось устроить келлію для больныхъ.

За средствами же съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, игуменія отправилась въ С.-Петербургъ. Господь въ эту поѣздку ея благословилъ ее приобрести: святую икону Тихвинской Божіей Матери въ серебряной ризѣ и Животворящій Крестъ Господень, съ 32-мя частицами святыхъ мощей отъ угодниковъ Божіихъ. Въ эту же поѣздку приобретено много церковныхъ одеждъ и необходимой церковной утвари. И къ 1861 году все необходимое для устройства храма было приготовлено.

Въ 1861 году Абабковская обитель встрѣтила въ своихъ стѣнахъ новаго архипастыря преосвящ. Нектарія, и игуменія не замедлила воспользоваться случаемъ, — просить владыку освятить новоустроенный храмъ, въ честь Скорбящей Божіей Матери. Владыка на другой же день самъ совершилъ освященіе и литургію.

По приѣздѣ въ Нижній, архипастырь сдѣлалъ представленіе Святѣйшему Синоду о заслугѣ игуменіи Абабковскаго Николаевскаго монастыря, и въ 1861 году ей объявлено благословеніе Святѣйшаго Синода. Въ слѣдующемъ 1862 г., по представленію преосвященнаго, игуменія награждена наперснымъ золотымъ крестомъ.

Черезъ годъ заботливая игуменія явилась къ преосвященному для полученія благословенія уже на закладку новаго болѣе обширнаго трехпрестольнаго храма: 1-й—во имя Святой Троицы, 2—въ честь Тихвинской Божіей Матери и 3 — въ честь

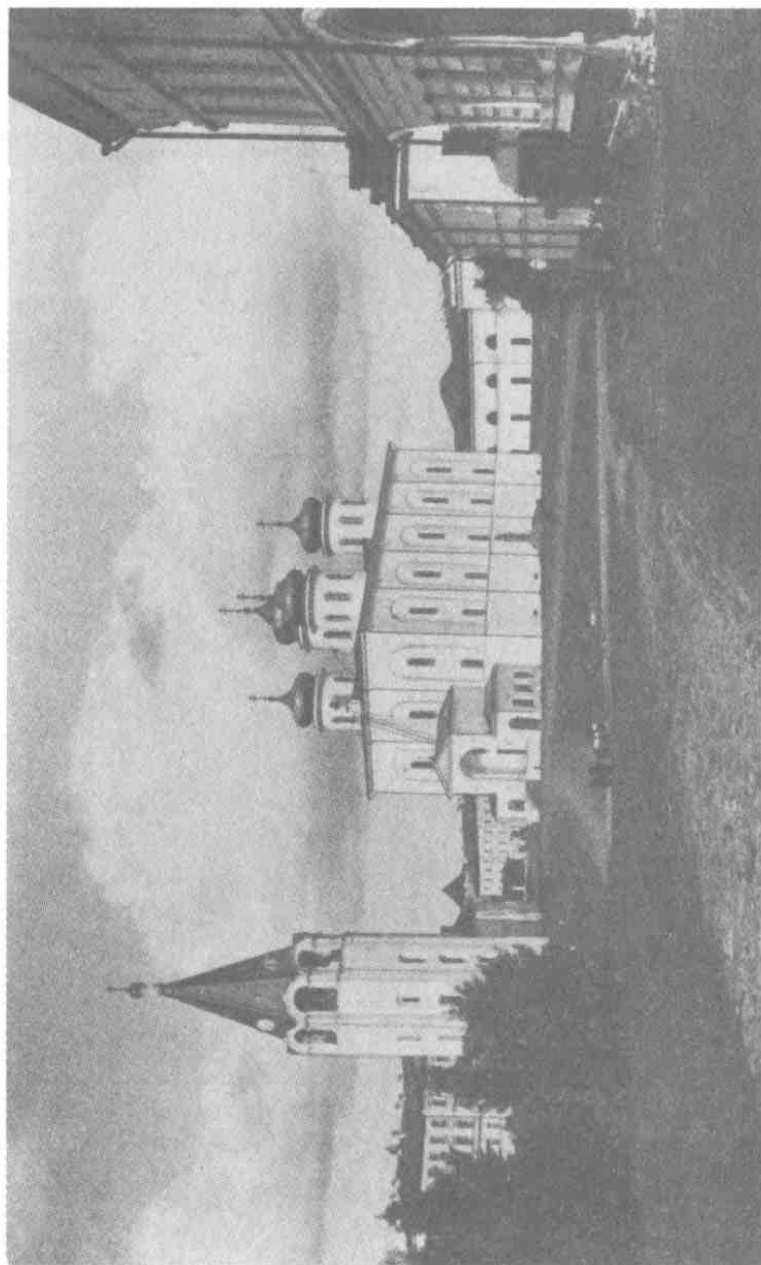
святителя и чудотворца Николая. 11 іюля 1865 года, совершено было освященіе мѣста и закладка новаго храма.

Кладка пошла довольно быстро. Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ стѣна храма на сажень показалаь изъ земли. Но наступившій 1866 годъ остановилъ работу. Причиною сего былъ недостатокъ средствъ. Къ тому же и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Николаевскую обитель постигло большое несчастіе. Отъ неизвѣстной причины на верху гостиннаго дома вспыхнулъ пожаръ, жертвою котораго сдѣлался гостинный двухъ-этажный домъ, конный и скотный дворы, домъ рабочихъ, — однимъ словомъ, всѣ принадлежащія монастырю службы. Сестры, служащія при гостиницѣ, лишились своихъ малыхъ имуществъ, потому что при началѣ пожара всѣ сидѣли за трапезою послѣ воскресной литургіи. Когда же вбѣжавшая въ трапезу сестра объявила о несчастіи, то пламя быстро уже разлилось по верхнему этажу дома, — такъ что не было никакой возможности подойти къ дому.

Несчастіе, постигшее обитель въ апрѣлѣ, сильно огорчило игуменію, но она не упала духомъ. Два года потребовалось на устройство сгорѣвшихъ зданій, а чрезъ два года она снова могла уже продолжать постройку храма. Несмотря на преклонныя лѣта, она какъ будто обновилась и укрѣпилась. На всѣхъ трудахъ и работахъ, попрежнему, являлась первою, вездѣ досматривала лично, всѣмъ распоряжалась сама, не оставляя въ то же время службъ церковныхъ и монашескаго правила. Въ послѣднее время, когда храмъ приходилъ уже къ концу постройкою, она какъ бы предчувствовала кончину своей жизни. Въ 1883 году внѣшнею постройкою храмъ былъ законченъ. Въ послѣдній 1884 годъ она успѣла заготовить нѣкоторые матеріалы и церковныя принадлежности для окончательной отдѣлки и украшенія храма. Но до освященія храма ей не суждено было дожить; въ началѣ января 1885 года игуменія почувствовала упадокъ силъ и перестала выходить изъ келліи. За 3 дня до

кончины приняла таинство елеосвященія и болѣе не вставала съ одра болѣзни, собирая въ эти дни около себя сестеръ для преподанія имъ послѣднихъ назиданій и увѣщаній. Въ послѣдній разъ собрала она сестеръ 16 января, взяла въ руки святой крестъ, всѣхъ благословила имъ и мирно и безболѣзненно отошла къ Господу съ молитвою на устахъ: «Господи помилуй». Такъ погасла многотрудная и многоплодная жизнь игуменіи Евпраксіи на 73 году отъ рожденія. Да упокоить Господь Богъ душу ея со всѣми святыми въ вѣчныхъ обителяхъ!

Такимъ образомъ Промыслomъ Божиимъ суждено было Лампадіи основать богадѣльню, а ея родственницѣ игуменіи Евпраксіи преобразовать богадѣльню сію въ общину, а изъ общины въ монастырь. На долю той и другой досталось много трудовъ, еще болѣе заботъ. Первая во всю свою жизнь достигала спасительной цѣли, преодолевая такія препятствія, которыя иной на ея мѣстѣ казались бы неудобноисполнимыми. Послѣдняя, получа въ собственное управление богадѣльню, какъ нѣкое драгоцѣнное наслѣдіе, предположила себѣ распространить, украсить и преобразовать ее, не щадя своихъ силъ, и кровавыми, можно сказать, трудами достигаетъ своей цѣли. Сколько нужно было ума, терпѣнія и труда, чтобы привести въ обители все въ порядокъ, представляющійся глазамъ благочестиваго посѣтителя нынѣ. Теперь, окинувъ взглядомъ святыя храмы и 6 большихъ братскихъ зданій, и зная, что все это сооружено въ непродолжительное время силою безграничной вѣры въ Божию помощь, невольно благоговѣешь предъ всемогущею десницею Божіею, невольно удивишься тому соображенію, подъ руководствомъ котораго возникло все вышеозначенное. На этомъ мѣстѣ очевиднымъ образомъ благодать Божія ущедрила дары свои, по ходатайству покровителя сей обители великомученика Георгія. Теперь невольно съ благоговѣніемъ приходится вѣрить пророческимъ словамъ преп. Серафима, который за

Нижегородский кафедральный соборъ

Яковъ Архиепископъ
Витегорудскій и Арзамасскій

нѣскольکو лѣтъ предсказывалъ игуменіи Евпраксіи важное и знаменательное будущее.

Память подвижниковъ Аванасьево-Сяндемской пустыни *).

(Память 19 мая).

Въ Сяндемской пустыни, Олонецкой губерніи, подвизались и погребены во 2-й половинѣ XIX в. схимонахъ Теофанъ 115 лѣтъ и іеродіаконъ Діонисій 100 лѣтъ; и недалеко отъ обители переселился изъ Валаама схимонахъ Ілія, могила котораго весьма чтима народомъ.

Преосвященный Іаковъ, архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій.

(Память 20 мая).

Въ С.-Петербургской Александро-Невской лаврѣ, въ храмѣ святаго благовѣрнаго князя Θεодора Ярославича, покоится одинъ изъ достойнѣйшихъ святителей Россійской церкви, преосвященный Іаковъ, бывшій архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій, скончавшійся 20 мая 1850 года.

Родился онъ 4-го апрѣля 1792 года въ селѣ Серебрянкѣ, Курской губерніи, Новооскольскаго уѣзда, сынъ діакона Іоанна Аванасьевича Вечеркова; и при святомъ крещеніи нареченъ Іосифомъ. Воспитаніе получилъ въ Бѣлгородской семинаріи и, по открывшейся нуждѣ въ занятіи учительской должности, какъ отличный студентъ, былъ опредѣленъ въ 1814 году въ родную же семинарію учителемъ математики и нѣмецкаго языка, потомъ риторики и поэзіи. Чувствуя жажду къ приобрѣтенію высшихъ познаній, Іосифъ Вечерковъ въ 1816 году оставилъ должность учителя семинаріи и поступилъ въ С.-Пе-

---

*) Кратк. очеркъ жизни Пр. Ав. Сянд. 1889 г.

тербургскую духовную Академію. Здѣсь, съ расширеніемъ научныхъ познаній и съ развитіемъ высшихъ способностей, развились въ немъ и сѣмена духовной жизни. Незадолго до поступленія въ Академію молодой наставникъ Вечерковъ собирался вступить на путь сельскаго пастырства и былъ обрученъ съ одною прекрасно-скромною, богобоязненною дѣвушкою священническаго рода. Однажды подъ вечеръ гулялъ онъ съ невѣстою въ садикѣ ея родителя, ведя тихую бесѣду. Вдругъ поднялась гроза и—ударъ грома—и его невѣста лежала у его ногъ бездыханною. Онъ поѣхалъ въ Академію.

По окончаніи академическаго курса въ 1819 году, Іосифъ Вечерковъ принялъ иноческое постриженіе съ именемъ Іакова и въ санѣ іеромонаха назначенъ былъ инспекторомъ Орловской семинаріи, находившейся въ Сѣвскѣ, и ректоромъ Сѣвскихъ духовныхъ училищъ. Въ Сѣвскѣ явнымъ образомъ начала развиваться въ о. Іаковѣ склонность въ духовно-созерцательной жизни. Любилъ онъ наслаждаться красотою природы, ночью тишиною, звѣзднымъ небомъ, утренней и вечерней зарей. Къ этому располагало его и самое пустынное мѣстоположеніе Сѣвской семинаріи, окруженное тѣнистыми рощами. Отъ созерцанія красоты видимаго міра молодой впечатлительный инокъ возносился умомъ и сердцемъ къ созерцанію красоты небесной и часто бесѣдовалъ о томъ со своими сослуживцами, въ числѣ коихъ первымъ сотрудникомъ и помощникомъ его былъ инспекторъ училищъ Иродіонъ Соловьевъ, впослѣдствіи епископъ Іеремія, его непосредственный преемникъ по Нижегородской каедрѣ.

Въ 1823 г. іеромонахъ Іаковъ переведенъ былъ въ Екатеринославъ на должность ректора семинаріи и профессора богословскихъ наукъ, а въ 1827 году возведенъ въ санъ архимандрита.

Послѣ девятилѣтняго управленія семинаріей архимандритъ Іаковъ поставляется сначала епископомъ Саратовскимъ (1832 г.), потомъ Нижегородскимъ (1847 г.). Посвященіе

его во епископа совершенно было 27 марта въ С.-Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ, митрополитами Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ Серафимомъ, Московскимъ Филаретомъ и другими іерархами, присутствовавшими въ Святѣйшемъ Синодѣ.

Пламенѣя ревностью о славѣ Божіей и о спасеніи заблуждающихся, преосвященный Іаковъ главное вниманіе обращалъ на искорененіе раскола, сильно распрастранившагося въ управляемыхъ имъ епархіяхъ, какъ Саратовской, такъ и Нижегородской. Съ этою цѣлью онъ выписывалъ и собиралъ древнія старопечатныя и рукописныя книги, различныя записи и снимки съ древнихъ вещей, и тщательно изучалъ ихъ, чтобы поражать ревнителей мнимой старины собственнымъ ихъ оружіемъ; приказывалъ духовенству собирать свѣдѣнія о мѣстныхъ раскольничьихъ толкахъ и описывать ихъ со всею подробностью. Часто обзрѣвая епархіи, преосвященный не разъ посѣщалъ всѣ укрывавшіеся въ глухихъ мѣстахъ раскольничьи скиты и часовни, ласково и любовительно убѣждая живущихъ здѣсь старцевъ и старицъ возвратиться въ лоно оплакивающей ихъ матери—святой Церкви, посылалъ къ нимъ даже письменныя трогательныя увѣщанія. Своими архипастырскими убѣжденіями и увѣщаніями, своею аскетическою жизнью святитель, въ періодъ своего пятнадцатилѣтняго служенія въ Саратовской епархіи, возвратилъ въ лоно православія 18,300 раскольниковъ, а въ Нижегородской епархіи, въ продолженіе трехлѣтняго управленія ею, просвѣтилъ истиннымъ свѣтомъ Христовымъ цѣлые скиты—мужской Благовѣщенскій на рѣкѣ Керженцѣ и женскій Осиновскій, издавна блуждавшіе во тьмѣ религіознаго невѣдѣнія, а находившіяся въ этихъ скитахъ часовни обратилъ въ святыя храмы съ пристройкою алтарей для принесенія въ нихъ безкровной жертвы. Въ селѣ Кетроси въ одинъ день Господь далъ ему продолжительною бесѣдою присоединить къ православію на правилахъ единовѣрія 2,500 человекъ. Раскольники глубоко уважали святителя за его кротость и любовь,

за его строгое благочестіе, и не разъ говорили ему, когда онъ посѣщаль ихъ молебни и отечески бесѣдовалъ съ ними: «владыко святой! вотъ если бы такими, какъ ты, были всѣ священники, то мы бы чтили и уважали ихъ». — Съ подобною же апостольскою ревностью архипастырь занимался и обращеніемъ ко Христу инородцевъ, во множествѣ населявшихъ Саратовскую губернію. Въ его святительство было крещено здѣсь около тысячи калмыковъ и столько же евреевъ. Много разъ случалось, что крещеніе ихъ совершаемо было въ присутствіи владыки, причащавшаго ихъ Святыми Тайнами.

Преосвященный Іаковъ былъ замѣчательный проповѣдникъ.

Предметомъ особенныхъ заботъ и попеченій владыки были воспитанники семинаріи, какъ будущіе пастыри и учителя Христовой Церкви. Святитель внушалъ имъ съ особеннымъ усердіемъ изучать Священное Писаніе. Желая заранѣе приготовить воспитанниковъ къ обращенію сектантовъ, владыка приказывалъ имъ писать, подъ руководствомъ наставниковъ, бесѣды священника съ молоканиномъ.

Немало заботился преосвященный Іаковъ и о сооруженіи храмовъ Божіихъ. Такъ, подъ его непосредственнымъ при-смотромъ устроена въ Саратовѣ подъ каѳедральнымъ соборомъ церковь съ тремя престолами, подобная древнимъ подземнымъ христіанскимъ мѣстамъ богослуженія. Такая же трехпрестольная церковь устроена, по его ходатайству, и подъ Нижегородскимъ каѳедральнымъ соборомъ, гдѣ находятся священные гробницы Нижегородскихъ князей и святителей и доблестнаго гражданина — патріота Косьмы Минина. Принявъ въ управленіе Нижегородскій Печерскій монастырь, святитель приложилъ все стараніе къ его лучшему устройству, проводилъ здѣсь по нѣскольку недѣль, часто совершалъ заупокойныя литургіи, а въ святую Четырдесятницу, когда въ названной обители читается Псалтирь и поминаются всѣ вписанные въ синодики монастырскіе, читалъ Псалтирь на ряду съ прочими монашествующими лицами.

Любвеобильное и сердечное участіе принималъ преосвященный Іаковъ въ положеніи бѣдныхъ, больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ. Бѣднымъ онъ помогалъ милостынею явную и тайною; и особенно щедрую милостыню раздавалъ по субботамъ, а также предъ праздниками Рождества Христова, святой Пасхи и Пятидесятницы. Благотворительность его была такъ велика, что онъ иногда раздавалъ деньги до послѣдней копейки. Движимый тѣмъ же чувствомъ состраданія къ несчастнымъ, онъ посѣщалъ больницы, а также тюремный замокъ. Въ послѣднемъ не разъ въ дни святой Пасхи совершалъ богослуженіе и потомъ, съ крестомъ въ рукахъ и при пѣніи «Христось воскресе», обходилъ камеры заключенныхъ, а въ концѣ всего пастырски и отечески бесѣдовалъ съ заключенными и одѣлялъ ихъ милостыней, убѣждая искать себѣ утѣшенія и подкрѣпленія силъ въ храмѣ Божіемъ, въ молитвѣ и богомысліи.

Преосвященный Іаковъ любилъ воздержаніе и постъ. Онъ отказался навсегда отъ употребленія чаю, вмѣсто котораго употреблялъ иногда по чашкѣ и по двѣ малины. Вечернюю жажду утолялъ яблоками какъ въ лѣтнее, такъ и въ зимнее время. Пищу употреблялъ самую простую и скудную, преимущественно растительную; во время обѣда келейникъ читалъ ему житія святыхъ угодниковъ Божіихъ. По средамъ и пятницамъ владыка довольствовался сухояденіемъ, а въ первую и страстную седмицы Великаго поста и въ одну изъ седмиць Успенскаго поста ничего не вкушалъ, за исключеніемъ просфоры.

Постоянно охраняя свой духъ отъ нечистыхъ помысловъ, преосвященный Іаковъ имѣлъ непрестанно въ сердцѣ и на устахъ сладчайшее имя Іисуса Христа. Кому случалось хоть малое время бесѣдовать съ нимъ, идти или ѣхать, тотъ слышалъ, какъ часто святитель повторялъ молитвенныя воззванія: «Господи помилуй..., Господи Іисусе Христе! даждь

ми духъ молитвы..., Господи Иисусе Христе! буди милостивъ мнѣ грѣшному».

Особенное смиреніе и благоговѣніе обнимало святителя во время литургисанія.

Какъ въ Саратовѣ, такъ и въ Нижнемъ-Новгородѣ всѣ, отъ мала до велика, любили и почитали добраго архипастыря и приходили къ нему за совѣтомъ, утѣшеніемъ и благословеніемъ. Самая благолѣпная наружность святителя, съ видимымъ отпечаткомъ поста и молитва на блѣдно — смугломъ лицѣ, окаймленномъ длинными прядями волосъ, сильно выражала его архипастырское достоинство и внушала къ нему глубокое уваженіе. Въ Саратовѣ рассказывали немало примѣровъ, которые свидѣтельствовали, что Богъ слышитъ молитвы владыки. Такъ, однажды лѣтомъ, во время сильныхъ и продолжительныхъ жаровъ, преосвященный съ духовенствомъ и гражданами совершилъ крестный ходъ изъ Саратовскаго кафедральнаго собора къ колодцу близъ мужскаго монастыря. Началось подъ открытымъ небомъ колѣнопреклоненное молебствіе, и вотъ поразительное чудо: въ то время, когда владыка, стоя на колѣняхъ, читалъ молитву о ниспосланіи дождя, вдругъ надвигается съ необыкновенною быстротою, но безъ грома и молніи, черная туча, и полился буквально проливной дождь; крестный ходъ обратно шелъ въ соборъ подъ дождемъ, который лился, какъ изъ ведра, и ни на комъ нитки не осталось сухой. Въ слѣдующіе дни продолжались дожди, все ожило, и поля дали въ томъ году обильную жатву.

Возведенный въ апрѣлѣ 1849 года въ санъ архіепископа, преосвященный Іаковъ въ ноябрѣ того же года вызванъ былъ въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Усиленные труды надломили его здоровье. По пріѣздѣ въ столицу, преосвященный Іаковъ, частью отъ дороги, а частью отъ переменъ климата, совершенно изнемогъ. Укрѣплялъ онъ себя частымъ причащеніемъ Тѣла и Крови Христовыхъ

и молитвою. Молитва святителя была всегда усердная и сокрушенная. Не имѣя силъ стоять на ногахъ, онъ молился на колѣняхъ, или ницъ лежалъ на коврѣ, изъ глубины души воздыхая передъ Богомъ. На предсмертную болѣзнь онъ смотрѣлъ, какъ на милость Божию, и съ благодарностью и смиреніемъ славилъ за нее Бога.

Чувствуя приближеніе своей кончины, преосвященный Іаковъ еще разъ причастился Святыхъ Таинъ Христовыхъ и былъ особорованъ елеемъ. Послѣ сего онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и слезами просилъ прощенія у всѣхъ близкихъ и дальнихъ. Молитва Іисусова постоянно имъ была повторяема. Съ очами, обращенными на крестъ съ распятымъ Господомъ, висѣвшій на стѣнѣ противъ кровати, и со словами: «Господи, помилуй», онъ испустилъ духъ на 59 году отъ рожденія. Это было 20 мая 1850 года въ два часа пополудни. Отпѣваніе его совершалъ въ Александро-Невской лаврѣ преосвященный Никаноръ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. Тѣло почившаго архипастыря положено въ лаврской Θεодоровской церкви подъ солею, на лѣвой сторонѣ царскихъ вратъ, противъ мѣстной иконы Богоматери. Могила святителя обозначена мраморною плитою съ соответствующей надписью *).

Раба Божія Елена — страдальца.

(Память 21 мая).

Самое рожденіе страдальцы было многострадално для ея матери, которая, будучи ею непраздна, оступилась и упала съ крыльца, и преждевременно ее родила на седьмомъ мѣсяцѣ своей беременности. Всѣ полагали, что преждевременный ребенокъ не проживетъ долго; однако, наперекоръ общему мнѣнію, Елена жила цѣлыхъ 90 лѣтъ и далеко пережила всѣхъ своихъ

---

*) „Церк. Вѣд.“ 1901 г. № 21.

братьевъ и сестру. Какъ меньшая, Елена Ивановна была любимица своихъ родителей, людей благочестивыхъ, искренно православныхъ, усердныхъ къ Церкви Божіей, сумѣвшихъ всѣ эти качества передать и своимъ дѣтямъ. Елена Ивановна часто вспоминала, какъ ея родитель, бывший долгое время предводителемъ дворянства своего уѣзда, ревностно исполнялъ обязанность псаломщика на клиросѣ своей приходской церкви, пѣлъ, читалъ Апостолъ на литургіи, каноны и Псалтирь на утреняхъ, и такъ хорошо зналъ уставъ церковный, что могъ указать всякую ошибку неопытнымъ его исполнителямъ. Сыновьямъ своимъ онъ тоже передалъ это свое знаніе и усердіе къ св. Церкви: когда они молодыми офицерами пріѣзжали къ нему на побывку изъ своихъ полковъ, онъ заставлялъ ихъ пѣть и читать въ приходской церкви, возбуждалъ въ нихъ соревнованіе въ этомъ, и даже умирая, завѣщалъ имъ не оставлять пѣніемъ и чтеніемъ служить св. Церкви. Въ своемъ имѣніи построилъ онъ на собственные средства каменную церковь, о благолѣпіи которой всячески заботился, и завѣщалъ заботиться о ней и своимъ дѣтямъ. За это Господь видимо благословлялъ его достаткомъ: нивы его приносили всегда лучшій урожай противъ сосѣднихъ, сады его всегда бывали съ плодами изобильными, и богатство текло къ нему широкою струей.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ Елена Ивановна обучалась родителемъ своимъ чтенію Псалтири и грамотѣ русской, чѣмъ и кончалось тогда даже въ высшихъ классахъ образованіе женское. Мать ея и старшая сестра, опытные руководѣльницы, научили ее руководѣльямъ женскимъ и хозяйству сельскому и домашнему. Хлѣбосоольство было отличительнымъ качествомъ ея родителей, братьевъ и сестры, усвоено было и ею съ ранней юности и сохранилось въ ней до глубокой старости. Не отличавшаяся особой красотой, Елена Ивановна въ молодости своей нравилась однако многимъ женихамъ, видѣвшимъ въ ней невѣсту богатую. Сестра ея Анна Ивановна, десятью

годами бывшая старше нея, выйдя заму́жъ по любви, скоро овдовѣла и, несмотря на молодые свои годы, посвятила себя всегдашнему вдовству и оплакиванію нѣжно любимаго супруга. Эта была вдовица истинная, въ Богѣ единомъ находившая себѣ утѣшеніе и отраду. Вліяніе ея на сестру свою Елену Ивановну было самое благотворное. Выйдя въ заму́жество за г. Двигубскаго, богатаго помѣщика Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, и получивъ въ приданое отъ родителей своихъ не малое имѣніе въ томъ же уѣздѣ, Анна Ивановна, послѣ смерти мужа, поселилась при его могилѣ, въ родовомъ его селѣ Чепелѣ и стала жить тихо, посвящая время свое молитвѣ, сельскому хозяйству и благотворительности. Церковь, бывшая въ томъ же селѣ, близъ которой погребенъ былъ ея супругъ, да семьи его брата и сестры, въ томъ же селѣ жившія, только и были ею посѣщаемы, ибо, разъ навсегда отказавшись отъ вступленія во второй бракъ, она всячески избѣгала общества веселаго, вдовствовала чисто и непорочно до самой своей кончины. Часто гостила она у своихъ родителей, и подрастающая сестра стала для нея предметомъ самой нѣжной любви. Испытавъ непрочность счастья земнаго, старалась она оберегать сестру свою отъ опрометчивыхъ увлеченій пылкой молодости, и Елена Ивановна всегда потомъ съ признательностію вспоминала совѣты и внушенія своей сестры, которые однако не уберегли ея отъ плачевной участи, ожидавшей ее въ заму́жествѣ. Достигнувъ 17 лѣтъ, Елена Ивановна приглянулась сосѣду своихъ родителей по имѣнію, молодому поручику Павлову, красавцу собою, столичному щеголю, пріѣхавшему въ побывку къ своей матери изъ полка и здѣсь плѣнившему собою молодую, неопытную Елену Ивановну, которая полюбила его со всѣмъ пыломъ молодости. Родители Елены Ивановны не противились этому браку, одна сестра ея Анна Ивановна сильно ему противилась, ибо какъ бы предчувствовала ту горькую участь, которую готовилъ сестрѣ ея этотъ бракъ.

Сколько ни уговаривала она Елену Ивановну не увлекаться красотою молодого поручика, лучше присмотрѣться къ его нраву, все было напрасно, помочь дѣлу не могла, ибо родители держали сторону Елены Ивановны. Павловъ сумѣлъ и имъ понравиться, и они считали его выгоднымъ женихомъ для своей дочери. 8 ноября 1812 года состоялся сговоръ молодыхъ людей. Весной 1813 года совершился и бракъ Елены Ивановны съ Максимомъ Максимовичемъ Павловымъ. Родители дали ей особое хорошее имѣніе, богатое приданое вещами, и молодые по началу зажили повидимому очень счастливо. Павловъ, по настоянію своей матери, вышелъ въ отставку и сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ на обширныхъ своихъ земляхъ, которыми владѣлъ въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ. Но вскорѣ занятіе хозяйствомъ ему надоѣло,—онъ сталъ служить по выборамъ дворянскимъ въ своемъ уѣздѣ, занялъ мѣсто исправника и зажилъ широко попрежнему. Молодая жена все болѣе и болѣе стала ему надоѣдать, онъ старался порѣже бывать дома, и подъ предлогомъ службы разѣзжалъ по гостямъ, пьянствовалъ, игралъ въ карты и вполнѣ жилъ разгульно. Сколько ни старалась Елена Ивановна уговорить его остепениться, пожалѣть ее, готовившуюся стать матерью, не срамить себя безобразными попойками, все было напрасно,—онъ совсѣмъ озлился на жену и сталъ наносить ей жестокіе побои. Отъ этихъ побоевъ и отъ разочарованія своего въ нѣжно любимомъ мужѣ, Елена Ивановна несчастно родила перваго своего ребенка—дочь, которая вскорѣ по рожденіи скончалась. Долго скрывала она свое несчастіе семейное отъ своихъ родителей и сестры, но оно наконецъ открылось имъ во всей своей ужасающей неприглядности. Отношенія родителей ея къ ея безпутному мужу стали самыя непріязненныя, что еще болѣе ухудшило ея семейное положеніе. Мужъ упрекалъ ее постоянно, что она жалуется и клеветаетъ на него своимъ родителямъ, и что тѣ дѣлаютъ ему выговоры.

Волей-неволей пришлось ей отказаться и отъ послѣдняго своего утѣшенія — бывать у своихъ родителей и сестры, противъ которой былъ особенно вооруженъ Павловъ, ибо умная и энергичная Анна Ивановна всегда преслѣдовала его упреками, что загубилъ онъ жизнь ея сестры. Время шло, но не приносило облегченія горькой участи Елены Ивановны: постоянно оскорбляемая, побиваемая разгульнымъ мужемъ, еще двухъ дочерей — младенцевъ родила она несчастно, похоронила вслѣдъ за ихъ рожденіемъ и наконецъ сама подверглась нервнымъ припадкамъ, похожимъ на эпилепсію. Кромѣ того, отъ постоянныхъ слезъ заболѣли у нея глаза, повредилось зрѣніе ея, и изъ молодой, здоровой женщины стала она больною, слабою и полуслѣпою, которую малѣйшій шумъ приводилъ въ трепеть, причинялъ ей нервныя припадки съ сильными конвульсіями. Мужъ не спѣшилъ ее лѣчить, себя и другихъ увѣрялъ, что она притворяется, и продолжалъ свою разгульную жизнь, рѣдко бывая дома, а когда и бывалъ, то это было самымъ мучительнымъ временемъ для Елены Ивановны, къ которой не имѣлъ онъ никакого состраданія. Десять лѣтъ прошло въ подобной жизни для Елены Ивановны, и она состарѣлась не по годамъ. Въ теченіе ихъ похоронила она своихъ родителей, лишилась вещественной отъ нихъ помощи, стала терпѣть лишенія и нищету, ибо мужъ ея мало что давалъ ей изъ доходовъ своего и ея имѣнія, ихъ недоставало и ему для разгула, онъ все болѣе и болѣе входилъ въ долги, сорилъ деньгами на сторонѣ, а для жены жалѣлъ ихъ на самое необходимое, такъ что нерѣдко сестра ея Анна Ивановна тайкомъ снабжала ее бѣльемъ, одеждой и обувью. Нѣсколько разъ предлагала она ей бросить безпутнаго мужа и поселиться съ ней въ ея усадьбѣ. Но Елена Ивановна, помня завѣтъ своего отца, приказавшаго передъ смертію все терпѣть и мужа не покидать, все еще привязанная къ нему любовію, не смотря на всѣ его безпутства, продолжала съ нимъ жить,

пила чашу горя до конца. Наконецъ Господь сжалился надъ нею бѣдной женщиной: мужъ ея, совершенно уже запутавшійся въ долгахъ, поѣхалъ въ имѣніе матери своей, чтобы выпросить у ней еще средства для своихъ кутежей, подъ благовиднымъ предлогомъ улучшения своего хозяйства, тамъ заболѣлъ и скончался. Со смертію его всѣ кредиторы приступили ко взысканію его долговъ, которые превысили цѣнность его имѣній: всѣ они были проданы, пошло въ продажу и собственное имѣніе Елены Ивановны, полученное ею въ приданое отъ родителей, ибо супругъ ея, заручившись ея довѣренностію, успѣлъ и отъ ея имени надѣлать долговъ, и послѣ этой продажи ей осталась только небольшая сумма денегъ, нѣсколько мебели и домашней утвари; сама же она, сильно потрясенная смертію мужа и лишеніемъ своего состоянія, лежала больная, мало даже сознавая, что вокругъ нея совершается. Ея нервныя припадки такъ усилились, что она почти ежедневно имъ подвергалась, пребывая въ бреду и безпамятствѣ. Перевезенная по сосѣдству въ имѣніе своего брата, здѣсь она прожила нѣкоторое время, пока не пріѣхала сестра ея Анна Ивановна. Эта энергичная женщина съ живымъ сочувствіемъ взошла въ жалкое положеніе страдальцы: она взяла ее къ себѣ, выхлопотала ей все, что было возможно только выхлопотать и сохранить ей изъ остальныхъ крупицъ погибшаго ея состоянія, и съ примѣрнымъ усердіемъ стала присматривать за нею — больною и поконть ее въ своемъ имѣніи селѣ Чепелѣ. По началу состояніе здоровья Елены Ивановны было такъ плохо, что никто не думалъ, что она останется въ живыхъ. Но вотъ въ одинъ изъ сильныхъ припадковъ увидѣла Елена Ивановна предъ собою трехъ свѣтлыхъ мужей, которые сказали ей, что они—цѣлители Косьма, Даміанъ и Пантелеимонъ, велѣли ей соорудить совѣстную икону ихъ, поставить ее надъ своимъ одромъ и почитать молитвенно дни ихъ памяти, обѣщая, что за это ей даровано будетъ нѣкоторое облегченіе

въ недугѣ. «Но совершенно отъ него ты не освободишься, ибо твой удѣлъ земной—страданія», сказали они ей въ заключеніе, и стали ею невидимы. Очнувшись, она пересказала это видѣніе сестрѣ своей Аннѣ Ивановнѣ, которая, какъ женщина благочестивая, отнеслась къ нему съ большою вѣрою. Былъ приглашенъ въ домъ ихъ священникъ, и при одрѣ болящей былъ отслуженъ водосвятный молебенъ святымъ цѣлителямъ Космѣ, Даміану и Пантелеимону; была сооружена и святая икона ихъ и поставлена надъ изголовьемъ болящей. Елена Ивановна дала обѣтъ ежегодно молитвенно праздновать 1 ноября и 27 іюля, въ которые совершается память святыхъ цѣлителей Космы, Даміана и Пантелеимона. Съ тѣхъ поръ недугъ ея видимо сталъ ослабѣвать: нервныя припадки стали съ ней рѣже бывать, сама она успокоилась душевно, стала свыкаться съ своимъ положеніемъ убогой вдовы и, подражая сестрѣ своей Аннѣ Ивановнѣ, всецѣло посвятила себя Богу, молилась усердно и въ молитвѣ находила единственное утѣшеніе въ своихъ скорбяхъ. Но совершенно здоровою никогда она уже не была: это была слабая, нервная, полуслѣпая женщина, которая требовала за собой самага бдительнаго присмотра; малѣйшее потрясеніе или безпокойство повергали ее опять въ припадочное состояніе, почему съ ней приходилось имѣть Аннѣ Ивановнѣ большія предосторожности, ухаживать за ней, какъ за малымъ ребенкомъ. Кроткая, молчаливая и покорная своей судьбѣ, Елена Ивановна хорошо видѣла, какъ много причиняла она заботъ и безпокойства своей сестрѣ, и была къ ней искренно благодарна за это, любила ее безпредѣльно и все молила Бога, чтобы поскорѣ послалъ ей кончину и тѣмъ избавилъ ея сестру отъ причиняемаго ею безпокойства. Давнее желаніе имѣли обѣ сестры побывать въ Воронежѣ и поклониться святымъ мощамъ новоявленнаго тогда святителя и чудотворца Митрофана. Одно затрудняло Анну Ивановну, какъ двинуться въ столь дальній путь съ такою слабою больною,

какова была ея сестра; оставить же ее дома, это значило еще болѣе разстроить и огорчить. Богъ облегчилъ однако исполненіе общаго ихъ желанія: два брата ихъ семейные тоже собирались ѣхать на богомолье въ Воронежъ и уговорились ѣхать съ ними вмѣстѣ, такъ что большую была полная возможность оберегать и поконить съ удобствами въ пути. Въ маѣ 1832 года двинулись въ путь. Прибывъ въ Воронежъ, путешественники были очень утѣшены благодатнымъ чувствомъ, осяннвшимъ ихъ при первомъ поклоненіи святымъ мощамъ святителя и чудотворца Митрофана. Особенно болящая Елена Ивановна чувствовала при этомъ, что точно нѣкая свинцовая тяжесть свалилась у нея съ головы. Она усердно молилась, много плакала у раки угодника Божія, и когда Анна Ивановна стала ее унимать отъ слезъ, опасаясь, чтобы вслѣдъ за ними, какъ бывало прежде, не сдѣлался съ нею нервный припадокъ, то гробовой старецъ-іеромонахъ сказалъ ей: «Не мѣшайте ей плакать, матушка, она все горе свое тутъ выплачетъ и оставитъ, и эти слезы ей не повредятъ, а напротивъ облегченіе и здоровье принесутъ». И дѣйствительно, хотя и много плакала тогда Елена Ивановна, но припадка съ ней во все время пребыванія въ Воронежѣ не было, она чувствовала себя легко и хорошо, говѣла, причастилась Святыхъ Таинъ, ежедневно бывала у святыхъ мощей угодника Божія, и даже разъ въ тонкомъ снѣ сподобилась его самого видѣть въ образѣ сѣдого старца-схимника, который кротко ей сказалъ: «твой удѣлъ земной—страданія; неси твой крестъ съ терпѣніемъ и не ропщи, что не получишь совершеннаго исцѣленія». Пожелали благочестивые богомольцы сподобиться благословенія и наставленія тогдашняго богоугоднаго архипастыря Воронежскаго, архіепископа Антонія, молва о которомъ, какъ о мужѣ святомъ и прозорливомъ, давно была имъ извѣстна. Когда пришли они въ пріемную владыки, то первое, что поразило Елену Ивановну, это было большое изображеніе святителя

и чудотворца Митрофана, въ чертахъ котораго она сейчасъ узнала обликъ старца-схимника, видѣннаго ею во снѣ. Архіепископъ Антоній вышелъ къ посѣтителямъ и очень обладалъ ихъ: всѣхъ благословилъ иконами святителя и чудотворца Митрофана, каждому далъ по просфорѣ и книгъ душеполезной, и сумѣлъ каждому сказать именно то, что особенно требовалось его душѣ. Но Елена Ивановна обратила на себя особое его вниманіе. Взявъ ее за руку, усадилъ онъ ее подлѣ себя на диванѣ, ласково говоря: «ну-ка, слѣпенькая, сядь здѣсь поближе ко мнѣ, мнѣ съ тобой особенно поговорить нужно, ты — человѣкъ Божій». Прозорливо сталъ онъ затѣмъ описывать всю ея жизнь, точно вся она предъ его глазами прошла, совѣтовалъ не унывать въ болѣзни, не ждать въ ней исцѣленія, не роптать на Бога и не завидовать здоровымъ. «Твоя болѣзнь лучше здоровья для души твоей, говорилъ богомудрый святитель, твой удѣлъ будетъ блаженство нескончаемое. Не ропщи, только и благодари Бога за страданія тѣла, которыя очищаютъ твою душу». Затѣмъ сказалъ святитель и Аннѣ Ивановнѣ нѣсколько наставительныхъ словъ о томъ, чтобы не тяготилась больною сестрой, любвеобильно носила ея немощи и не огорчала ея упреками о потерянномъ ея состояніи, — точно былъ онъ самъ при этихъ упрекахъ, такъ ясно и прямо о нихъ говорилъ. «Вѣдь потеряннаго, матушка, упреками не вернете, говорилъ святитель; такъ Богу угодно было взыскать сію подобницу Іова многострадальнаго; къ чему же вы ее, точно какъ жена Іова, упреками своими огорчаете». На прощанье святитель вынесъ обѣимъ сестрамъ вмѣстѣ на благословеніе свертокъ холста, и на немъ большое изображеніе поясное святителя и чудотворца Митрофана, списокъ съ того его изображенія, которое стояло въ его пріемной и такъ поразило Елену Ивановну, при чемъ сказалъ имъ: «вотъ вамъ, рабы Божіи, вдовицы уединенныя, отъ меня благословеніе дому вашему; поставьте

сію икону въ вашей пріемной комнатѣ, и да будетъ вамъ угодникъ Божій Митрофанъ заступникъ и покровитель неотступный». Елена Ивановна стала при этомъ объяснять святителю, какъ сподобилась она видѣть во снѣ угодника Божія Митрофана, и какъ онъ схожъ съ этимъ его изображеніемъ. «Знаю, знаю, отвѣчалъ владыка,—знаю, что ты его видѣла; помни же, что онъ тебѣ сказалъ, не унывай и не ропщи, что уходишь отъ него неисцѣленною, что опять будешь болѣть и болѣть до конца твоей жизни». Дѣйствительно, совершивъ вполне благополучно путешествіе въ Воронежъ и ни разу не подвергаясь тамъ нервнымъ припадкамъ, Елена Ивановна, по возвращеніи домой, опять стала имъ подвергаться попрежнему. Тѣмъ не менѣе чрезъ нѣсколько лѣтъ она опять пожелала совершить богомольную поѣздку въ Кіевъ. Анна Ивановна очень неохотно на это согласилась, сама не могла съ ней поѣхать и отпустила ее съ невѣсткой, женой своего брата, которой и поручила ее подъ бдительное охраненіе и надзоръ. Время было тогда смутное по причинѣ начинавшейся холеры, что еще болѣе смущало Анну Ивановну, но ей пришлось уступить сильному стремленію Елены Ивановны поклониться кіевскимъ святынямъ. По пути къ Кіеву заѣхали путешественницы сначала въ г. Ахтырку, гдѣ находится чудотворно-явленный образъ Пресвятыя Богородицы Ахтырскія; въ четырехъ верстахъ отъ этого города стоитъ Свято-Троицкій Ахтырскій мужской монастырь, тогдашній настоятель котораго, благочестивый старецъ архимандритъ Сергій былъ давній знакомый и другъ ихъ семейства. У него съ недѣлю погостили путешественницы, и о. Сергій посовѣтовалъ имъ поговѣть и причаститься св. Таинъ на дорогу на всякій случай, такъ какъ слухи о холерѣ вездѣ уже ходили. Спутница Елены Ивановны уже стала малодушно опасаться предстоящаго имъ дальняго пути въ такое смутное время и просила благословенія у о. Сергія отложить путешествіе въ Кіевъ на другое время и воро-

тяться домой. Но старецъ не благословилъ имъ того, говоря, что отъ смерти, если назначена она Богомъ, нигдѣ убѣжать нельзя. Тутъ прожили онѣ около десяти дней, ибо Елена Ивановнѣ все какъ-то не хотѣлось оттуда уѣзжать и все просила она свою спутницу еще денекъ-другой тамъ пожить. Въ Кіевъ путешественницы прибыли въ самый разгаръ тамъ холеры, такъ что всѣ удивлялись, какъ это онѣ рѣшились въ такое время туда пріѣхать. И цѣлый мѣсяць прожили онѣ тамъ, и ни онѣ сами, ни ихъ прислуги не подверглись холерѣ, что приписывали онѣ именно благословенію и святымъ молитвамъ, которыми напутствовалъ ихъ богоугодный старецъ, ахтырскій архимандритъ Сергій. Усердно поклонялась Елена Ивановна кіевскимъ благодатнымъ святынямъ, и въ одно изъ посѣщеній своихъ Кіево-Златоверхова Михайловскаго монастыря, гдѣ почиваютъ святые мощи великомученицы Варвары, прикладываясь къ нимъ, старалась коснуться къ нимъ своими большими глазами, въ чаяніи исцѣленія. Замѣтивъ это, гробовой іеромонахъ грубо ее оттолкнулъ, такъ что она упала бы, не поддержи ея слѣдовавшая за ней невѣстка. Въ это время Елена Ивановна почувствовала сильный зудъ въ лѣвомъ своемъ глазѣ, который давно у ней былъ покрытъ бѣлою пленой и которымъ она ничего не видѣла. Она почесала его и почувствовала, точно что лопнуло у нея на яблокѣ глаза, послѣ чего стала она имъ видѣть свѣтъ Божій, не ясно и тускло, но все-таки видѣла, о чемъ и поспѣшила сообщить своей невѣсткѣ. Совершивъ свою богомольную поѣздку вполне благополучно, путешественницы въ добромъ здоровьѣ воротились домой, благодаря Господа Бога за дарованное имъ утѣшеніе духовное. Живя при сестрѣ своей, Елена Ивановна продолжала болѣзновать попрежнему своими нервными припадками, которые то усиливались, то уменьшались, но все ея не покидали. Хилая, слабая, полуслѣбная пережила она сверхъ чаянія свою сестру Анну Ивановну, крѣпкую и здоровую тѣломъ, которую въ одну недѣлю силь-

ная горячка уложила въ гробъ. Къ счастью, она озаботилась обезпечить свою больную сестру, завѣщавъ ей въ пожизненное владѣніе свое Чепельское имѣніе. Оплакивая горько свою сестру-благодѣтельницу, стала жить Елена Ивановна въ ея Чепельской усадьбѣ, приняла къ себѣ старушку-дворянку, дѣвицу Раевскую, которая стала присматривать за нею больною и за ея хозяйствомъ и, прилѣпившись къ ней сердечною любовію, вполне замѣнила ей въ этомъ отношеніи умершую сестру. Обѣ эти старушки—Елена Ивановна и Александра Васильевна, были именно какъ двѣ сестры родныя по своему благочестію, хлѣбосольству и добротѣ. Нельзя было и подумать стороннему наблюдателю, что Александра Васильевна не болѣе, какъ чужая приживалка въ домѣ Елены Ивановны,—такъ сумѣла Елена Ивановна поставить ее въ отношеніи къ себѣ и къ своимъ сосѣдямъ, и нужно отдать справедливость и приживалкѣ, что вполне оправдывала она къ себѣ довѣріе и любовь Елены Ивановны, ходила за ней больною съ примѣрнымъ усердіемъ, радѣла о ея хозяйствѣ, какъ о своемъ собственномъ, и вообще очень была полезна для Елены Ивановны. Страданія ея все продолжались, а послѣ смерти сестры даже усилились. Не годъ или два, а цѣлые сорокъ лѣтъ провела она въ подобныхъ страданіяхъ, и рѣдко выпадали день или недѣля, что свободна была она отъ припадковъ, но зато уже она знала, что если начнутся они опять, то съ новою силою, какъ бы въ отплату за данный отдыхъ. Одно время цѣлый годъ была она свободна отъ своихъ припадковъ, и случилось это съ ней дивнымъ образомъ. Въ 1860 году, во время сильнаго припадка, съ ней бывшаго, увидѣла она предъ собою святителя Іоасафа Горленко, епископа Бѣлгородскаго, нетлѣнныя мощи котораго открыто почиваютъ въ Троицкомъ монастырѣ въ г. Бѣлгородѣ, Курской губерніи, и который приходился сродни покойной матери Елены Ивановны, почему и Елена Ивановна всегда очень чтила его и нерѣдко уѣзжала въ Бѣлгородъ на покло-

неніе его мощамъ. Угодника Божія увидѣла она въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, совершенно такимъ, какимъ онъ на современныхъ своихъ портретахъ изображается. Онъ подалъ ей часть просфоры, говоря: «скушай, тебѣ отдохнуть нужно; поѣзжай ко мнѣ въ Бѣлгородъ, тамъ я тебѣ на время отдохнѣ дамъ». Скушавъ данную ей святителемъ просфору, она очнулась, почувствовала себя укрѣпленною, и вслѣдъ затѣмъ, несмотря на продолжавшіеся припадки, собралась и поѣхала въ Бѣлгородъ, гдѣ усердно молилась у мощей святителя Іоасафа, служила по немъ панихиду, поговѣла, приобщилась Святыхъ Таинъ и возвратилась домой покойною духомъ и бодрою тѣломъ. Съ тѣхъ поръ цѣлый годъ не имѣла она припадковъ, пополнѣла, посвѣжѣла и стала выглядывать вполне здоровою старушкой. По истеченіи года почувствовала она непреодолимое влеченіе опять ѣхать въ Бѣлгородъ, поблагодарить святителя Іоасафа, за дарованное ей исцѣленіе, и сколько сожительница ея Александра Васильевна ни уговаривала ее не ѣхать туда и благодарить угодника Божія дома, она настояла на своемъ, поѣхала въ Бѣлгородъ, помолилась тамъ усердно, точно отдала долгъ свой угоднику Божію, какъ потомъ сама она говорила, и, пріѣхавъ домой, опять подверглась прежнимъ припадкамъ въ очень сильной степени. Съ тѣхъ поръ страдала она уже непрерывно до самаго конца своей жизни, длившейся очень долго. Пережила она всѣхъ своихъ братьевъ и родныхъ, пережила и многолюбимую ею сожительницу свою Раевскую, скончавшуюся на ея рукахъ въ 1870 году и погребенную ею съ почетомъ, какъ родную сестру, которую потомъ поминала и о которой всегда она молилась съ особою любовію; она же сама все продолжала жить, жила и страдала непрерывно, ежедневно, такъ что приводила всѣхъ знавшихъ ее въ великое удивленіе. Дивно было видѣть эту девяностолѣтнюю старицу-страдалицу, маленькую, худенькую, съ тусклыми глазами; она лежала на своемъ одрѣ, какъ святая, всѣхъ принимала ла-

сково, всѣмъ умѣла сказать доброе слово, утѣшить въ скорби, посовѣтовать въ бѣдѣ, постоянно молилась и никогда не роптала на Бога, ни на людей. Нервные припадки ея такъ усилились, что рѣдко когда была она отъ нихъ свободна; кромѣ того у нея открылась на спинѣ зіяющая рана раковиднаго свойства, которая то заживала, то снова вскрывалась и причиняла ей нестерпимыя страданія. Лежала она на боку, мало видѣла, мало слышала; одинъ духъ крѣпко держался въ этомъ немощномъ тѣлѣ, какъ бы въ подтвержденіе той святой истины, что сила Божія въ немощи совершается. Въ послѣдніе годы жизни своей старица стала проявлять въ себѣ дивную прозорливость: бывало, лежитъ себѣ въ своей темной комнатѣ съ опущенными шторами, звонкомъ вызоветъ прислугу и посылаетъ во дворъ, говоря: «иди, оборони отъ собакъ такого-то; вотъ онъ пришелъ, и онъ на него напали». Всѣ знали, что это недаромъ говорилось, обычно шли и находили въ точности то, о чемъ имъ сказано было старухой. Или скажетъ своей сожительницѣ: «приготовьте сегодня къ обѣду побольше кушанья, у насъ будутъ въ гостяхъ такіе-то», и названныя ею лица дѣйствительно къ обѣду являлись. Бывали случаи, что она сосѣдей своихъ оберегала своими словами отъ разныхъ готовящихся имъ непріятностей и убытковъ, и всегда ея слова оправдывались на дѣлѣ. Не видя тѣлесными глазами, зорко видѣла она очами душевными, созерцала на землѣ невидимый другимъ міръ духовный. Въ началѣ 1885 года крайне она ослабѣла, пожелала причаститься Святыхъ Таинъ и освятиться елеемъ и сдѣлала распоряженіе о своемъ имуществѣ; все имущество она завѣщала своей сожительницѣ, жившимъ при ней въ услуженіи людямъ и приходской своей церкви, въ притворѣ которой издавна приготовила она себѣ склепъ. Нужно сказать, что все нужное къ погребенію: парча, холстъ, свѣчи, бархатъ и гасы для гроба и самый гробъ издавна были у ней приготовлены и хранились въ кладовой, при чемъ старица въ

шутку называла эти вещи своимъ приданымъ, и до мелочей распорядилась относительно своего погребенія. 13 января причастилась она св. Таинъ еще разъ, а въ ночь съ 16 на 17 января, почувствовавъ приближеніе своей кончины, позвала къ себѣ свою сожительницу, благословила ее и простилась съ ней, и на ея рукахъ тихо предала душу свою Богу, во 2 часу ночи, проживъ на свѣтѣ безъ малаго 90 лѣтъ, большую часть которыхъ провела въ скорбяхъ и страданіяхъ тѣлесныхъ. 19 января совершено было ея погребеніе въ Покровской церкви села Чепеля, отличавшееся торжественностію и многолюдствомъ: всѣ сосѣди, всѣ крестьяне села долгомъ своимъ почли проводить до могилы достопочтенную старицу, старожилку села, всѣмъ извѣстную своимъ благочестіемъ и хлѣбосольствомъ. У восточной стѣны лѣваго притвора Покровской Чепелевской церкви, въ каменномъ склепѣ погребено тѣло приснопамятной рабы Божіей Елены, и надъ ея могилой икона Казанскія Богоматери съ лампадой предъ ней осѣняетъ посмертный ея покой. (См. «Душ. Чт.» 1886 г., 3 ч.).

Преосвященный епископъ Евлампій.

(Память 22 мая).

Преосвященный Евлампій скончался епископомъ Калужскимъ и Боровскимъ. На эту кафедру онъ былъ переведенъ послѣ преосвященнаго Теофилакта, по Высочайшему указу 16 апрѣля 1809 года, изъ епископовъ Архангельскихъ. Онъ въ санѣ іеромонаха былъ съ 1788—1792 г. префектомъ а съ 1792—1795 г. ректоромъ Троицкой семинаріи; съ 1795—1798 г. въ санѣ архимандрита былъ ректоромъ Московской академіи и настоятелемъ Заиконоспасскаго монастыря, а въ 1798 г. переведенъ настоятелемъ въ Московскій Донской монастырь; въ 1801 г. іюня 29 дня хиротонисанъ во епископа въ Архангельскъ. Въ 1806 г. января 18 пожалованъ орденъ св. Анны 1-й степени; 1809 г. апрѣля 16 переведенъ

въ Калугу. Это былъ архипастырь извѣстный своимъ благочестіемъ и постоянною болѣзненностію, единственное облегченіе отъ коей или отраду онъ обрѣталъ лишь въ частомъ Богослуженіи, какъ самъ однажды сказалъ о томъ. На обычный вопросъ ключаря, сдѣланный ему наканунѣ одного изъ праздничныхъ дней: будетъ-ли онъ служить завтра? Преосвященный, подъ вліяніемъ своего болѣзненного состоянія, съ видомъ неудовольствія отвѣчалъ: «я, сударь (обычная его поговорка), тогда только чувствую себя здоровымъ, когда служу. Буду служить», прибавилъ онъ рѣшительно. И точно, это были не пустыя слова,—во время служенія преосвященный какъ бы перерождался. Несмотря на его худобу и явное истощеніе силъ, голосъ у него былъ превосходный, чувство глубокаго умиленія отражалось на лицѣ и въ слезахъ, особенно во время призванія на Дары всеосвящающей благодати Св. Духа. Едва только преосвященный Евлампій приступилъ къ довершенію начатаго его предмѣстникомъ дѣла—устройства новой епархіи, какъ насталъ грозный 1812 годъ. Промыслу Божию угодно было, чтобы въ предѣлахъ Калужской губерніи повторились событія дней древнихъ, совершилось избавленіе Россіи отъ новаго нашествія уже не одного, а двадцати языковъ. Архипастырь преосвященный Евлампій, отечески сердобольно и пастырски мужественно дѣлилъ съ паствою труды, скорби и опасности, и окончилъ свою божественную стражу не прежде, какъ когда миновалось общественное бѣдствіе. Слабый тѣломъ, но сильный духомъ и вѣрою, преосвященный Евлампій очевидно принадлежалъ къ числу мужей промыслительно посылаемыхъ народу въ знаменіе къ нему милости Божіей, въ години общественныхъ бѣдствій.

Вотъ почему, говоря о преосвященномъ Евлампіи, мы не можемъ не коснуться и общихъ событій 1812 года по отношенію ихъ къ Калужской губерніи; ибо въ нихъ всего болѣе оказалось главное призваніе преосвященнаго—быть утѣ-

шителемъ народа въ минуту его испытанія, бодрымъ молитвенникомъ за него предъ престоломъ Господнимъ.

Среди всеобщей тревоги духовенство своимъ примѣромъ и увѣщаніями неослабно ободряло смущенную паству. Преосвященный Евлампій, по соглашенію съ гражданскимъ начальствомъ, учредилъ крестный ходъ изъ города въ село Калужку, отстоящее на 8 верстѣ отъ города, гдѣ пребывала и нынѣ пребываетъ чудотворная икона Матери Божіей Калужская, и перенесъ ее торжественно, съ подобающею честію, въ Калужскій соборъ, при многочисленномъ стеченіи народа. Съ сего времени повседневно совершаемы были, по предписанію преосвященнаго, по всей епархіи молебствія съ колѣнопреклоненіемъ предъ Господомъ силъ «о избавленіи отъ нашествія иноплеменныхъ» и производились вокругъ городовъ и селеній крестные ходы. Разосланы были по церквамъ пастырскія наставленія, коими внушалось народу, «что безъ поущенія Божія ничто не возможно върагъ нашъ, что только требуется единое послушаніе властямъ и ревностное споспѣшествованіе общему благу». По благоразумному внушенію и личному примѣру архипастыря духовенство приняло дѣятельное участіе въ общихъ пожертвованіяхъ на военные издержки; всего пожертвовано деньгами 9204 руб. и разныя золотыя и серебряныя вещи. Когда Калужское ополченіе было готово къ выходу въ поле на защиту отечества, преосвященный Евлампій, призвавъ въ помощь сильнаго во бранѣхъ Господа, совершилъ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, привелъ воиновъ къ присягѣ, съ цѣлованіемъ Креста и Евангелія, увѣщевая ихъ, чтобы они безстрашно и безропотно шли на благое дѣло, окропилъ ряды ратниковъ св. водою и вручилъ начальнику ополченія генераль-лейтенанту Шепелеву хоругвь, на которой были изображены съ одной стороны чудотворный образъ Калужской Богоматери, съ другой ликъ праведнаго Лаврентія, Калужскаго чудотворца, произнесъ при семъ трогательное и исполненное твердаго упованія на Бога слово.

Драгоценныя церковныя утвари и дѣла присутственныхъ мѣстъ отправлены были въ Орель, гимназія и пансіонъ въ Рязань. Въмѣсто всѣхъ присутственныхъ мѣстъ учрежденъ временный военный комитетъ, зависѣвшій непосредственно отъ командовавшаго русскою арміею фельдмаршала Кутузова, начальника ополченія и губернскаго предводителя; на границахъ Жидринскаго, Мещовскаго, Мосальскаго, Медынскаго и Боровскаго уѣздовъ учреждены кордоны.

Когда граждане увидѣли, что казенныя вещи или увезены, или уложены, то, несмотря на увѣщанія начальства, пришли въ нѣкоторое безпокойство; но его породило не злонамѣренность, а боязнь. Они были въ недоумѣніи, не зайдетъ ли непріятель въ Калугу, идя въ Москву. Всѣ стали укладываться и выѣзжать изъ города. Многолюдныя улицы и дворы опустѣли. Ворота, двери, окна въ домахъ были открыты и поломаны. Скотъ ревѣлъ на улицахъ у опустѣлыхъ домовъ, ища своихъ хозяевъ; нѣшіе бѣжали опретью, кто куда могъ, достаточные выѣзжали въ другія губерніи. Купцы приготовили барки, чтобы отправить на нихъ товаръ внизъ по Окѣ. Всѣ эти сборы и приготовленія умножали лишь всеобщій страхъ и уныніе.

Но благочестивый архипастыръ бодрствовалъ на своей божественной стражѣ, со ввѣреннымъ ему духовенствомъ; храмы стояли отворенными, Богослуженіе въ нихъ не прекращалось, и попрежнему ежедневно совершалось въ городѣ соборное молебствіе, при крестномъ ходѣ изъ всѣхъ церквей, «о избавленіи отъ всякія скорби и обстоянія». Надобно было видѣть, рассказывали очевидцы, съ какимъ умиленіемъ молился тогда преосвященный Евлампій: слезы градомъ лились по исхудалымъ и блѣднымъ его ланитамъ; звучный голосъ дрожалъ отъ внутренняго волненія и проникалъ до сердца, плакали навзрыдъ и всѣ присутствовавшіе, чая Бога спасающаго отъ малодушія и бури. Предъ иконою Божіей Матери день и ночь пѣты были молебны, курился өміамъ, пылали

свѣчи, возженные усердіемъ чающихъ отъ Нея избавленія въ скорбяхъ своихъ; оставлявшіе городъ приходили просить Ея напутственнаго благословенія, остававшіеся—защиты и вразумленія, что предпринять; всѣ съ трепетомъ ожидали рѣшенія своей участи. Нарочные вѣстовые быстро приносили вѣсти съ большой дороги, по которой двигалось непріятельское войско. Пикеты сторожили его по селамъ и деревнямъ. Въ ту ночь, какъ слѣдовало непріятелю быть въ Калугѣ, если бы онъ обратился на нее, преосвященный выѣхалъ въ село Ромоданово, и со свитою свою ночевалъ въ домѣ тамошняго владѣльца Олонкина. Поутру, когда стало извѣстно, что вся армія Наполеона прошла въ Москву, не сворачивая на Калугу, преосвященный опять прибылъ въ свой домъ и молился еще усердѣе. Періодъ времени, въ который Калуга, по выраженію современника, лежала на краю отчаянія, продолжался ровно 40 дней, со 2 сентября (со дня вступленія Наполеона въ Москву) по 12 октября—день сраженія при Малоярославцѣ, въ которомъ непріятель потерпѣлъ пораженіе, и вскорѣ послѣ сего былъ изгнанъ изъ предѣловъ Калужской губерніи.

Но дѣйствія преосвященнаго Евлампія, по его любви къ Церкви, не ограничились въ это время лишь одною ввѣренною ему епархією.

Когда Наполеонъ изгнанъ былъ изъ предѣловъ Смоленской губерніи, оставивъ по себѣ вѣрные слѣды нечестія въ разрушеніи храмовъ Божіихъ, а служители ихъ, спасая жизнь и семейства, были разбѣяны по разнымъ мѣстамъ; тогда преосвященный Евлампій, видя, что Смоленская епархія осталась безъ пастыря и не ожидая на сіе особаго предписанія, принялъ усердное попеченіе о собраніи ея духовенства, а равно и о возобновленіи и освященіи оскверненныхъ церквей, снабжая ихъ по возможности ризницею, сосудами, антиминсами и другими принадлежностями, чтобы скорѣе возстановить Богослуженіе. Его пастырское увѣщаніе къ протоіерею

г. Вязмы возымѣло желаемое дѣйствіе, и вскорѣ въ городѣ и его окрестностяхъ начала возноситься безкровная жертва.

Недолго послѣ этихъ подвиговъ оставался на Божественной стражѣ преосвященный Евлампій; здоровье его и всегда слабое, безъ сомнѣнія, еще болѣе разстроилось въ тяжкую годину испытанія; ибо скорби своей паствы онъ, какъ мы видѣли, принималъ къ сердцу, какъ свои собственные. Между тѣмъ какъ онъ помышлялъ проситься на покой и просилъ себѣ помѣщеніе въ извѣстной и тогда своимъ благоустройствомъ Оптиной пустынѣ, незамѣтно приблизился часъ смертный.

Вотъ что говорили старожилы о частномъ бытѣ и свойствахъ этого преосвященнаго. Онъ любилъ заниматься хозяйствомъ. При вступленіи его въ правленіе Калужской епархіей, при Лаврентьевомъ монастырѣ еще не было сада, и кругомъ подмонастырской слободы Подзавалья росъ густой лѣсъ, остатки котораго существуютъ и понынѣ. Преосвященному вздумалось развести садъ. Размѣривъ пространство, онъ самъ назначилъ направленіе дорожекъ и мѣсто бесѣдокъ. Приближалась весна, оставалось дѣло за людьми. Особой суммы на этотъ предметъ не было. Приближенные недоумѣвали, какъ поступить владыка. А онъ между тѣмъ тайно приказываетъ кузнецу купить, или вновь надѣлать нѣсколько сотъ лопать, кирокъ, топоровъ и другихъ огородныхъ и садовыхъ инструментовъ, и въ одинъ весенній погожій день приглашаетъ къ себѣ въ Лаврентьевъ монастырь на рекреацію о. ректора со всѣми сослужащими и учениками. Остановки не было ни за однимъ. Утро началось весело; закусили, походили, а дѣлать словно и нечего. Преосвященный мало-помалу открываетъ забаву, беретъ топоръ, и давай рубить негодный лѣсъ; затѣмъ подаетъ лопату о. ректору и предлагаетъ покопать земли для сада. Учителя догадались въ чемъ дѣло, попросили лопать и топоровъ, ихъ принесли нѣсколько сотенъ. Смотря на старшихъ, и рассыпавшіеся по

лѣсу ученики кинулись наподхватъ брать топоры, лопаты, заступы, и работа закипѣла. Къ полудню лѣсъ былъ очищенъ, а послѣ полудника проведены дорожки, насадили любимыхъ преосвященнымъ деревьевъ, набили столбы для бесѣдокъ и устроили все, что угодно было архипастырю, который съ о. ректоромъ самъ руководилъ работами и, переходя отъ одной группы къ другой, шутилъ, поощрялъ и хвалилъ трудившихся. Ученикамъ приготовлена была обильная закуска, которую составляли калачи, гречневики и т. п., а къ вечеру были приглашены почетные гости изъ города и гуляли въ саду, который выросъ въ одинъ день.

По рассказамъ старожиловъ архипастырь любилъ ходить чисто, опрятно, въ дорогомъ платьѣ. Онъ ввелъ здѣсь обычай носить монахамъ камилавки широкія вверхъ; а прежде носили покроя святогорскаго, низкія, къ верху нѣсколько суженыя. Рясы и полукафтаныя любилъ шить часа въ три и четыре, отнюдь не болѣе, и при себѣ лично. За трудъ платилъ всегда самъ и по рублю мѣди, одинаково: и за шитье всей рясы вновь рубль, и за починку рубль, хотя бы то за вставку пуговицы рубль; за все—по рублю; что бы ни сдѣлалъ для него портной, одна плата рубль. Однажды прибылъ къ нему въ Лаврентіевъ монастырь губернаторъ и засталъ преосвященнаго занимавшимся съ мастерами портныхъ дѣломъ. Гость послѣ привѣтствія хотѣлъ было идти съ архіереемъ въ другіе покои, говоря, что онъ имѣетъ до него нужду по нѣкоторому дѣлу. А преосвященный, зная, что гость говорить это лишь потому, что считаетъ неприличнымъ для себя бесѣдовать съ нимъ при простыхъ людяхъ, показалъ видъ, что не намѣренъ отправиться отъ занимающаго его дѣла, и сказалъ: «говорите здѣсь: мастера не судья»; и такъ бесѣдовали въ мастерской.

Когда члены Консисторіи или секретарь, по неимѣнію прямого указанія въ законахъ для рѣшенія того или другого дѣла, обращались къ преосвященному съ вопросами, или

просили его совѣта, то онъ обычно отвѣчалъ, а иногда и безъ предварительнаго вопроса въ такихъ случаяхъ приказывалъ: «вершите по св. закону Евангелія».

Въ пищѣ былъ весьма воздержень, къ чему побуждала его и постоянная болѣзнь: когда обѣдалъ дома и въ гостяхъ въ скоромные дни, прежде всего подавали ему на столъ горшечекъ съ горькими травами, вареными въ молокѣ, единственное его лѣварство, которое иногда составляло и единственную пищу. Онъ имѣлъ какую-то внутреннюю хроническую болѣзнь, и оттого нерѣдко замѣчали его въ необыкновенномъ расстройствѣ духа. Иногда не давался даже дотронуться до своихъ рукъ; когда кто хотѣлъ поцѣловать ихъ, вырывалъ и строго оговаривалъ діаконовъ и иподіаконовъ въ ихъ неосторожности. Но эти невольныя проявленія болѣзненности сугубо вознаграждались умиленнымъ смиреніемъ предъ обиженными, въ подобномъ состояніи духа.

Разсказываютъ, что, вскорѣ послѣ изгнанія непріятеля изъ предѣловъ Калужской губерніи, пришелъ къ нему въ числѣ просителей чловѣкъ, одѣтый въ нагольный тулупъ, въ лаптяхъ и какой-то крестьянской шапкѣ. На вопросъ преосвященнаго: «кто ты такой»? проситель отвѣтилъ: «діаконъ, ваше преосвященство!»— «Какъ? Діаконъ, и въ такомъ безобразномъ видѣ»,—крикнулъ разгнѣванный архипастырь и, взявъ его за руку, самъ вывелъ его за дверь, прежде чѣмъ испуганный діаконъ успѣлъ что-нибудь отвѣтить въ объясненіе своего положенія. Горько заплакавъ, онъ сошелъ съ лѣстницы и присѣлъ у воротъ, не зная, что ему предпринять. Но вотъ бѣжить Василій Евдокимовичъ (келейникъ преосвященнаго) и ласково просить діакона возвратиться ко владыкѣ. Едва онъ вошелъ въ двери, робко озираясь вокругъ, какъ преосвященный вышелъ къ нему навстрѣчу и прежде всякаго разговора, съ пояснымъ поклономъ просилъ у него прощенія, говоря: «прости меня, Бога ради, я чловѣкъ больной, погорячился!» Вдвойнѣ растроганный и чувствомъ

своего горя, съ которымъ пришелъ, и видомъ архипастырскаго смиренія, діаконъ упалъ въ ноги преосвященному, заливаясь слезами. Онъ ласково поднялъ его, успокоилъ и спросилъ: «объясни же мнѣ теперь, сударь, зачѣмъ ты явился ко мнѣ въ такой неприличной тебѣ одеждѣ?» — «Да что же мнѣ дѣлать, ваше преосвященство, отвѣчалъ, ободряясь, діаконъ, когда насъ въ конецъ ограбили и разорили французы; иные лишь потому не являются къ вамъ, что и этого-то не имѣютъ?» Отчески вникнулъ въ нужды просителя преосвященный, далъ ему посильное пособіе и тутъ же предложилъ занять вакантное мѣсто при соборѣ одного изъ уѣздныхъ городовъ. Такъ назидательно подвижникъ архипастырь умѣлъ заглаждать проявленія въ себѣ человѣческой немощи, не считая унижительнымъ для своего высокаго сана сознаться въ ней предъ обиженнымъ, и, конечно, Ангелы радовались такому смиренію, сплетая ему вѣнецъ небесной славы. Сей благочестивый архипастырь мирно отошелъ ко Господу 22 мая 1813 года.

Самая кончина его была знаменательна: она послѣдовала въ день Вознесенія Господня (въ храмовой праздникъ Лаврентьева монастыря, куда по этому случаю въ сей день бываетъ и крестный ходъ изъ Калуги), во время литургіи, какъ бы въ знакъ того, что въ сей день Боголюбивая и многозаботливая душа сего добраго пастыря, въ награду за труды свои, вознеслась со Христомъ на небо.

Хотя преосвященный Евлампій, умирая, и завѣщалъ похоронить себя въ Лаврентьевомъ монастырѣ, близъ праведнаго Лаврентія, но, по особому желанію и усердному прошенію Калужскихъ гражданъ, погребенъ въ Калужскомъ кафедральномъ соборѣ, близъ южной стороны. Нестыжательность его ясно сказалась при смерти: у него не нашлось суммы достаточной для приличнаго архіерейскому сану погребенія; ибо все, что имѣлъ, было раздано нуждающимся и разореннымъ во время непріятельскаго нашествія. Калужское дворянство и

граждане, узнавъ о сѣмъ, похоронили любимаго архипастыря на свой счетъ. Тульскій преосвященный Амвросій Протасовъ, съ многочисленнымъ калужскимъ духовенствомъ, отпѣвалъ усопшаго въ 9-й день по смерти и сказалъ краснорѣчивое слово. Вся епархія единодушно скорбѣла о потерѣ архипастыря добраго, просвѣщеннаго и многопопечительнаго. Даровитые и искусные въ сочиненіи изъ духовныхъ по усердію писали на погребеніе рѣчи, стихи и надгробія *).

Спиридонъ, схимонахъ Задонскаго монастыря **).

(Память 23 мая).

Схимонахъ Спиридонъ былъ сподвижникомъ іеросхимонаха Тихона изъ Тихонова скита, близъ Задонскаго монастыря. Былъ онъ также изъ военныхъ; въ 1850 г. поступилъ въ Задонскій монастырь, постриженъ въ монашество съ именемъ Сосипатра, въ схиму посвященъ въ 1870 г. съ прежнимъ именемъ Спиридона, скончался 23 мая 1871 года.

Благочинный іеромонахъ Дамаскинъ Валаамскій *).**

(Память 23 мая).

Іеромонахъ Дамаскинъ происходилъ изъ дворовыхъ людей князя Куракина; отецъ его былъ управляющимъ имѣніемъ князя. Поступилъ онъ въ Валаамскій монастырь при о. игуменѣ Назаріи; въ 1789 г. постриженъ здѣсь въ монашество; въ томъ же году посвященъ въ іеродіакона и въ 1793 г. въ іеромонаха. Въ 1800 г. опредѣленъ строителемъ въ Коневскій монастырь и, по желанію, снова возвращенъ

*) „См. Исторія Церкви въ предѣлахъ Калужской губ“... І. Л. 1876 г.

**) Мѣсяц., св. Т. 1902 г.

***) Валаамскіе подвижники.

на Валаамъ. Съ 1806 г. до самой кончины исправлялъ должность благочиннаго надъ монастырями Валаамскимъ, Коновскимъ и Введенско-Островскимъ и Ондрусовской пустынею; кромѣ того проходилъ должности: ризничаго и письмоводителя. Одно исчисленіе должностей, лежавшихъ на о. Дамаскинѣ, показываетъ его неутомимую дѣятельность; — и въ самомъ дѣлѣ онъ не зналъ праздности, этого корня всѣхъ пороковъ: уже въ глубокой старости, цѣлый день трудился онъ то по письменной части, то занимаясь шитьемъ пеленъ изъ маленькихъ шелковыхъ лоскуточковъ, не пропуская при томъ ни одной церковной службы. Онъ былъ первымъ помощникомъ настоятеля по всѣмъ частямъ, и его ревностному усердію много обязана была святая обитель своимъ внутреннимъ спокойствіемъ. Въ долговременной тяжелой болѣзни онъ не изнемогалъ духомъ; сердце его было постоянно исполнено глубокаго благодаренія за все предъ Господомъ. Причастившись св. Христовыхъ Таинъ, мирно преставился о. Дамаскинъ къ невозмущаемому покою 23 мая 1825 года, 70 лѣтъ отъ рожденія.

Подвижницы Серпуховскаго монастыря Евфросинія и Еликонида.

(Память 23 мая).

Въ Серпуховскомъ женскомъ монастырѣ изъ старицъ особенную память оставили:

Евфросинія юродивая, проводившая сокровенную жизнь во Христѣ. По разсказамъ, она была знатнаго происхожденія, воспитана въ Смольномъ монастырѣ, и была фрейлиной Императрицы Екатерины II. Но желая уневѣститъ себя Небесному Жениху душъ, тайно скрылась изъ дворца (вмѣстѣ съ другими 2 фрейлинами), пришла въ Москву, открыла тайну свою митрополиту Платону и просила скрыть ее отъ преслѣдованій міра, подъ покровомъ всегдашней неизвѣстно-

сти. Мудрый архипастырь, убѣдившись въ твердости произволенія Евфросиніи, отослалъ ее съ напутственнымъ благословіемъ и собственноручной запиской въ преобразованный имъ монастырь Владычній, къ игуменіи Діонисіи. Здѣсь она начала подвигъ юродства Христа ради, который и продолжала до самой кончины своей. Ея уединенная келлія была на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ погреба. Послѣ многихъ искушеній, которыя съ христіанскимъ самоотверженіемъ претерпѣла въ монастырѣ блаженная Евфросинія, она, оставивъ монастырь, поселилась внѣ его, у ограды, въ особой тѣсной хижинѣ. Это заключеніе раздѣляли съ ней кошки, собаки и воронъ, а въ сѣняхъ ея келліи были—корова, теленокъ и пѣтухи. Келлія ея никогда не очищалась, духота въ ней была страшная. Ходила она въ суконной рубахѣ сѣраго цвѣта, босая даже и въ зимнее время, голова у ней была стриженная, на шеѣ—желѣзная цѣпь. Пищи не готовила,—вкусала одинъ хлѣбъ съ квасомъ и чай. Пребывала въ постоянной молитвѣ, вкушая лишь краткій сонъ на голыхъ доскахъ, безъ постели, приклоняя голову на локоть. Въ церковь ходила не всегда: въ раннюю обѣдню она имѣла обыкновеніе молиться въ своей келліи, и въ это время никого къ себѣ не впускала. Ночью имѣла обыкновеніе ходить вокругъ монастыря и пѣть,—иногда забывалась и кричала. Имѣла также особенное усердіе къ часовнѣ, въ которой, по преданію, погребены 7 отроческихъ головокъ, часто ходила туда, убирала иконы цвѣтами и молилась въ ней въ уединеніи. Въ день Богоявленія имѣла обыкновеніе купаться въ «Іордани». —Подвижническая жизнь Евфросиніи сдѣлалась извѣстна всему городу. Но зависть исконнаго врага воздвигла и на нее гоненіе,—и блаж. Евфросинія, по приглашенію владѣлицы Тульской губерніи Новосильскаго уѣзда, сельца Колюпанова, Н. А. П.—ой, переселилась на жительство въ ея домъ: это случилось въ началѣ сороковыхъ годовъ. Обладая даромъ прозорливости, она хотя и прикрывала этотъ даръ юродства Христа ради,

но по разсужденію мѣста, времени и лицъ употребляла его на служеніе ближнимъ. Въ 1850 г. она возвращалась въ обитель и пробыла въ ней мѣсяца два,—сначала въ самой обители, потомъ опять внѣ оной, за оградой. 3-го іюня 1855 года раба Божія Евфросинія мирно и безболѣзненно отошла ко Господу, имѣя болѣе 100 лѣтъ отъ роду. По благословенію епархіальнаго начальства, она погребена въ придѣлѣ церкви села Колюпанова. На могилѣ ея положена чугунная плита съ надписью: «Невѣдомая Евфросинія. Уничижженная и буяя міра избра Бога, да премудрыя посрамитъ». Г. П. во время отпѣванія блаж. Евфросиніи получила исцѣленіе,—и потомъ многіе видѣли ее въ сновидѣніяхъ и получали исцѣленія. (См. Домашн. Бесѣду. С.П.Б. 1862 г. вып. 28).

Около того-же времени, подвизалась въ обители другая старица—монахиня Еликонида, оставившая живую по себѣ память въ обители. Около 20 лѣтъ жила она въ келліи, удаленной отъ прочихъ,—во второмъ ярусѣ монастырской колокольни, мѣрою въ 3¹/₂ кв. аршира. Она, какъ говоритъ преданіе, подвергалась многимъ страхованіямъ отъ врага, но мужественно боролась съ нимъ. По примѣру Евфросиніи, она вела также жизнь блаженную; особенно чтילה ту же монастырскую часовню, и до конца жизни ходила въ нее молиться и убирала ее цвѣтами. Въ предсмертныя минуты, прощаясь съ сестрами обители, утѣшала ихъ словомъ назиданія, и отошла мирно ко Господу въ 1854 году.

Старица Евфросинія.

(Память 23 мая).

С—ской губерніи, Кр—скаго уѣзда, прихода села Т—въ, въ деревнѣ Пав—хъ, у г. П—скаго были крестьяне—Іосифъ Емельяновъ и жена его Прасковья Захарова. Въ 1787 году 25 сентября у нихъ родилась дочь. 26 сентября, на праздникъ св. Іоанна Богослова, совершенно было надъ новоро-

жденною св. крещеніе, и младенецъ названъ Евфросинією. Рожденіе младенца было самое трудное, опасное для матери и младенца: набрались страха и скорбей всѣ, особливо отецъ новорожденной, не знавшій и не видавшій дотолѣ, какія муки должна была испытать его любимая жена при разрѣшеніи отъ бремени.

По жизни своей родители старицы Евфросиніи были крестьяне честные и справедливые. Они трудились и работали усердно, по праздникамъ ходили въ церковь Божию неопустительно, любили молиться Богу прилежно, не любили ссориться съ

Благочестивая старица Евфросинія

сосѣдями, не за-
видовали чужому
добрѣ, не ссори-
лись между собою,
исполняли свой
долгъ вѣрно и
честно и, что осо-
бенно замѣчатель-
но, тогда какъ
большая часть, и
едва ли не всѣ
крестьяне служи-
ли владѣльцамъ
своимъ всегда съ
принужденіемъ

душевному — Иосифъ и Прасковья работали на барщинѣ усердно, какъ у себя въ домѣ. Особенно они любили смотрѣть за своимъ любимымъ дѣтищемъ; они сохраняли его въ благочестіи и цѣломудріи: безъ матери оно нигде не ходило; на такъ называемыя игрища дочери никогда не позволяли ходить, да и сама Евфросинія не имѣла къ нимъ охоты; при господскихъ работахъ они поручали ее лицамъ благонадежнымъ по поведенію. За такую добрую жизнь Господь Богъ и награждалъ ихъ: на труды ихъ Онъ

ниспосылалъ благословеніе Свое; они пользовались довольнымъ крестьянскимъ бытомъ.

Въ домѣ своихъ родителей Евфросинія росла и воспитывалась до 19 лѣтъ. Она обладала здоровьемъ и красотою. Въ это время, не спрашивая у нея согласія, по распоряженію помѣщика, отецъ и мать выдали ее замужъ въ другой уѣздъ за одновотчинскаго крестьянина Софронія Севастьянова, —отъ родины ея болѣе, нежели за 150 верстъ, и таинство брака было надъ ними совершено въ церкви села М—на. Жениха до брака она никогда не видала. Таинство брака совершалось, по словамъ ея, за двѣнадцать лѣтъ до 1812 г. Замужества она почти не желала, а болѣе желала остаться навсегда въ дѣвствѣ. «Вѣнчать меня везли, говорила она, все равно какъ умирать принуждали». Господь Богъ хранилъ ее и далъ ей мужа добраго; о своемъ мужѣ и замужествѣ она сама говорила: «мы съ мужемъ двѣнадцать лѣтъ жили любовно; мы были оба здоровы и работали много». Между ними было положено за правило, которое свято соблюдалось: кто нарушитъ честность, тотъ не долженъ носить званіе мужа и жены, или, какъ они говорили: «ты мнѣ не жена, а я тебѣ не мужъ», и наоборотъ.

Въ тяжелый для Россіи 1812 годъ, Евфросинія, будучи здорова и красива, нерѣдко подвергалась искушенію со стороны безчестныхъ враговъ нашего отечества; но простое и невинное сердце умѣло побѣждать искушенія и избрѣтало различныя невинныя средства избѣжать всякаго грѣха. Она нарочито надѣвалась на себя рубище, хотя на самомъ дѣлѣ и не имѣла нужды носить его; намазывала лице свое сажено и не разлучалась съ своими двумя малолѣтними дѣтьми, проводя дні и ночи въ болотахъ и густахъ, такъ какъ домъ ихъ былъ разоренъ непріятелемъ. Вскорѣ за этимъ горемъ послѣдовало другое—большее. Во время войны мужъ ея поступилъ въ солдаты. Прослуживши 22 года, Софроній Севастьяновъ былъ уволенъ инвалидомъ въ городъ К—сний;

съ собою онъ принесъ 150 рублей денегъ, нажитыхъ честными и частыми трудами, купилъ въ городѣ домикъ, при чемъ сказалъ Евфросиніи: «эта копѣйка кровавая: я день и ночь въ потѣ лица собиралъ ее честными трудами въ теченіе всей моей службы, чтобы при старости тебя и дѣтей нашихъ успокоить». Севастьяновъ жилъ въ домѣ не болѣе полугода и умеръ на рукахъ своей подруги въ градской больницѣ.

Оставшись вдовою и сдѣлавшись болѣе свободною отъ занятій житейскихъ, такъ какъ сыновья ея, послѣ воспитанія, жили отдѣльно въ крѣпостномъ состояніи, она всю жизнь свою посвятила подвигамъ благочестія. Однажды отъ благочестиваго отца духовнаго она услышала объясненіе словъ Спасителя: иже не приметъ креста своего и вслѣдъ Мене грядеть, нѣсть Мене достоинъ (Матѹ. 10, 38)—услышала и приняла сіи слова глубоко къ сердцу своему. Они запали въ ея душу; долго и много она думала объ этомъ и, —несмотря на то, что она жила честно, трудилась добросовѣстно, хлѣбъ себѣ доставала трудомъ, потомъ и кровію, въ церковь Божію ходила постоянно, любила молиться усердно и служить нищимъ братіямъ, —она чувствовала, что дѣлаетъ для Господа Бога немного, что ей нужно сдѣлать больше. Но какъ ей сдѣлать это? Она рѣшилась принять подвигъ странничества, просить милости у Бога молитвами св. отцевъ, — нашихъ отечественныхъ угодниковъ Божіихъ. Къ нимъ она обратилась первѣе всего и имъ желала принести свои усердныя молитвы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они молились сами, и гдѣ святые тѣла ихъ остаются нетлѣнными. Она сперва отправилась въ Кіево-Печерскую лавру и ея пещеры, гдѣ почиваютъ св. Антоній и Феодосій и другіе святые, и имъ первымъ принесла свои молитвы, прошедши отъ своей родины болѣе 700 верстъ. Также любила она слушать слово Божіе, любила поучаться у своихъ духовныхъ отцевъ и пастырей и глубоко прилагала къ сердцу слова Бо-

жи и наставленія пастырскія. Благочестивая Евфросинія, будучи бѣдна и добывая себѣ хлѣбъ насущный работою, потомъ и кровію, пропитывая себя и удѣляя своимъ дѣтямъ, стала также принимать въ свой домъ безпріютныхъ сиротъ и съ ними раздѣляла послѣдній кусокъ своего хлѣба. Исполняя долгъ христіанской любви, она любила принимать въ свой домъ странныхъ и нищихъ. Живя временно въ городѣ, она мыла арестантамъ бѣлье безмездно; служила больнымъ въ больницѣ, дома и въ другихъ семействахъ, особливо при рожденіи младенцевъ. По смерти мужа, когда домъ ея продали ея сыновья, она навсегда приняла на себя подвигъ странствованія по святымъ мѣстамъ. Начала она съ отечественныхъ св. мѣстъ и помолилась во всѣхъ монастыряхъ своей губерніи. Не перечисляя всѣхъ Русскихъ священныхъ мѣстъ, посѣщенныхъ ею, слѣдуетъ упомянуть, что она не разъ посѣтила Кіевъ, Почаевскую лавру, Лубны, Воронежъ, Москву, Новгородъ, С.-Петербургъ, Коневецъ и Валаамъ, Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь и десять разъ Соловецкую обитель. Въ послѣдній разъ была она въ этой обители въ то время, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что ее намѣрены осаждать и разрушать враги нашего отечества, т. е. въ 1853—1856 г.; а потому она и была, почти въ виду вражескихъ судовъ, съ другими пассажирами отправлена въ Архангельскъ. Большую часть зимы она проводила въ С.-Петербургѣ и Царскомъ селѣ, а иногда въ Смоленскѣ. Промыслъ Божій во всѣхъ ея путяхъ хранилъ ее отъ злыхъ людей и звѣрей. Были ей испытанія въ благочестивыхъ подвигахъ; но Господь Богъ хранилъ ее. Во время плаванія къ Соловецкому монастырю, однажды судно, на которомъ она была съ пятьюстами другихъ пассажировъ, заперто было льдомъ; чувствуя опасность, богомольцы обратились съ молитвою къ Богу и—Господь Богъ услышалъ ихъ,—судно спаслось и прибилося къ необитаемому островку. Здѣсь старица Евфросинія оставалась 12 дней безъ хлѣба, питаясь въ эти тяжелые дни

какою-то травою, которую она называла верескомъ. И не одинъ разъ она подвергалась этимъ несчастіямъ; но среди всѣхъ ихъ благодушествовала и оставалась невредимою и здоровою. Посѣтивъ почти всѣ св. мѣста Русскія,—и даже нѣсколько разъ, старица Евфросинія сильно желала посѣтить Іерусалимъ и другія мѣста, въ которыхъ Искупитель Господь нашъ Іисусъ Христосъ пролилъ Свою кровь за наши грѣхи и которыя освятилъ Онъ Своими стопами. Но ей не доставало средствъ для путешествія. На Руси она могла добыть немного денегъ. Съ этимъ немногимъ отправляясь здѣсь странствовать, она всегда путешествовала безбѣдно, довольствуясь самою скудною пищею. Но съ подобными средствами нельзя было отправиться въ Іерусалимъ; ибо нужно было дорогою платить за проѣзды и за проводы. Когда же многіе благочестивые люди въ обѣихъ столицахъ узнали о благочестивыхъ подвигахъ и намѣреніяхъ старицы Евфросиніи, они дали ей средства для долговременнаго и дальняго путешествія. Душа старушки сильно возрадовалась, когда сдѣлалось возможнымъ посѣтить Іерусалимъ, чего она давно и сильно желала, и — старица отправилась во Святую Землю. На пути она посѣтила Константинополь, помолилась въ обители Живоноснаго Источника предъ иконою Одигитріи, пила цѣлебную воду и обмывалась ею; была въ патріахіи и поклонялась ея святыни; заходила, наконецъ, въ церковь нашего посольства. Изъ Константинополя отправилась водою чрезъ Александрію, Каиръ, Суезъ, въ Синайскій монастырь. Невозможно представить, сколько трудностей нужно было перенести въ сихъ странахъ 70-лѣтней старицѣ! Наприм., проѣзжая по Аравійской пустынѣ на верблюдѣ, однажды она упала съ этого высокорослаго животнаго и едва не лишилась жизни. Но Господь Богъ сохранилъ ее. Послѣ кратковременной болѣзни она снова оправилась и продолжала путешествовать.

На старости лѣтъ она съ удивительною твердостію пере-

носила всё переменны воздушныя—холодъ и жаръ; по словамъ ея, солнце въ пустынь послѣ полудня палить съ необыкновенною силою, и тамъ бываетъ такъ жарко, какъ въ иной крестьянской банѣ. Она была подлѣ Краснаго моря и привезла оттуда камней и раковинъ, говоря: «это изъ того мѣста, гдѣ Моисей провелъ по морю Израиля». Въ Синайской обители какъ всѣхъ поклонниковъ — и ее втаскивали въ монастырь на веревкахъ. На Синаѣ она молилась безъ обуви въ придѣлѣ Неопалимой Купины и у раки св. великомучен. Екатерины; на Синайской горѣ, куда по словамъ ея, «она не восходила, а карабкалась руками и ногами», она бесѣдовала съ однимъ замѣчательнымъ Русскимъ подвижникомъ Аркадіемъ, о которомъ рассказывала, что онъ живетъ и ходитъ безъ всякой одежды, какъ невинный Адамъ въ раю. Съ нимъ она много бесѣдовала, и онъ передалъ ей наставленіе, чтобы она, въ тяжкой скорби и злополучіи, какъ можно болѣе прочитывала молитву «Отче нашъ», послѣ чего будетъ помилована отъ горя. Старушка съ полною вѣрою приняла этотъ совѣтъ. Во святыи градъ Іерусалимъ обратнымъ путемъ она прибыла среди Великаго поста, была на Іорданѣ, купалась въ немъ и принесла оттуда изъ камыша и терновника нѣсколько тростей, ходила въ Вифлеемъ и другія св. мѣста: Преображенія, Страданія, Смерти, Воскресенія и Вознесенія Господа нашего Іисуса Христа, — въ Іерусалимѣ-же она пожелала совершить надъ собою таинство Елеосвященія. Здѣсь также патріарху и митрополиту она поднесла въ даръ по кожаному поясу изъ Соловецкаго монастыря. Святители благосклонно приняли ея подарокъ. Изъ сихъ св. мѣстъ она привезла въ Россію небольшой сундукъ кипариснаго дерева съ разными священными вещами, которыя раздавала и бѣднымъ, и знатымъ, не ища никакого вознагражденія. Воспользовавшись новою помощію Русскихъ благочестивыхъ людей, старица Евфросинія въ 1857 году во второй разъ отправилась во святыя мѣста Востока. Жизне-

описатель ея г. Богдановскій далѣе сообщил слѣдующее. Одесскаго Михайловскаго женскаго монастыря мать игуменія Тавифа, на имя которой я посылалъ 229 руб. серебромъ, уведомила меня, «что почтенная бабушка (такъ, подобно многимъ другимъ, она называла старицу Евфросинію), имѣющая крѣпкую память, получа отъ меня свои деньги, 30 іюня въ 7 часовъ вечера 1857 года, сѣла на пароходъ и отправилась во Іерусалимъ».

Благочестивой старицѣ Евфросиніи два раза я имѣлъ счастье дать временный покой въ своей квартирѣ, среди моей семьи; въ продолженіе двухъ лѣтъ она жила съ октября по май мѣсяць, т. е. проживала у меня такое время года, когда ненастье и холодное время не позволяли глубокой старицѣ совершать своихъ любимыхъ подвиговъ благочестиваго странствованія. Съ наступленіемъ благопріятнаго времени года, она снова отправлялась въ дальній путь и возвращалась въ глубокую осень. Здѣсь то, среди моей семьи, я имѣлъ случай узнать многое изъ ея благочестивой жизни. Видѣлъ я ея жизнь домашнюю и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на ея подвиги христіанскіе. Въ это время она каждый день ходила ко храму Божію, и не было ни одного дня, чтобы она опустила утреню, обѣдню или вечерню. Не успѣвъ раздасться звонъ соборнаго колокола, призывающаго вѣрныхъ къ утреннему Богослуженію, «бабушка» уже встаетъ съ своей убогой, почти голой, постели, умывается, одѣвается въ свою простую чернаго цвѣта одежду и, помолвившись предварительно дома, слѣзаетъ ко храму Божію. Пришедши изъ храма, она занимается свойственными ей дѣлами житейскими. Зазвонять къ обѣднѣ, и она снова слѣзаетъ ко храму Божію. Болѣе 70 лѣтъ ей отъ роду; труды въ благочестіи, ежедневно тяжелые, занятія постоянныя утомляютъ и молодого человѣка: но старица не знаетъ еще утомленія и ни однажды я не замѣчалъ, чтобы она хоть немного жаловалась на усталость, хотя никогда она не бывала безъ дѣла. Часто среди обыкно-

венныхъ занятій женскихъ она пѣла, нерѣдко со слезами, св. пѣсни, сдѣлавшіяся народными, наприм. «Исусе... сердцу сладосте», «Кому повѣмъ печаль мою...», «О, горе мнѣ, грѣшнику сушу» и друг. и въ ея пѣніи выражалось глубокое сочувствіе къ содержанію св. пѣсней. Случалось замѣчать, что она вставала въ полночь, подходила къ иконѣ Божіей Матери нашей Одигитріи и при свѣтѣ лампы пламенно молилась Господу Богу. Любимымъ чтеніемъ ея въ это время было чтеніе тропаря: Се женихъ грядетъ въ полунощи, и блаженъ рабъ, егоже обрящетъ бдяща. Въ семьѣ моей она была мирнымъ ангеломъ; всѣ къ ней обращались съ своими бесѣдами,—со всѣми она охотно говорила; даже дѣтскія ссоры вокругъ нея исчезали по ея совѣтамъ и распоряженію. Замѣчательны и назидательны ея отношенія къ ближнимъ. Одни, особенно дѣти, любили ее и привязывались къ ней, какъ къ родной, рѣдко отходили отъ нея, любили съ нею пѣть и слушать ея путешествія. На другихъ она производила чувство какого-то невольнаго уваженія и страха:—съ ней никто не могъ не согласиться въ совѣтахъ, всѣ ея слушались и никогда не рѣшались ей противорѣчить. Всѣ питали къ ней уваженіе и смотрѣли на нее, можно сказать, съ благоговѣніемъ; многія лица, любившія благочестіе, заводили съ нею часто разговоръ о св. мѣстахъ, которыя она посѣщала, объ образѣ жизни и обителяхъ иноковъ,—и она всегда съ радостію передавала свои знанія и мысли другимъ. Кто-бы съ нею ни говорилъ, ко всѣмъ обращалась она на ты: объ вы не имѣла и понятія. Она была увѣрена, что ея простымъ и естественнымъ обращеніемъ никто не обидится; и точно, никто не обижался простой ея рѣчью: можно было сказать, что ея устами говорила сама правда, что для нея всѣ—родные, всѣ—знакомые, со всѣми она душею живетъ мирно, всѣхъ она любить и всѣ ее любили.

Пищу всегда употребляла она постную и нерѣдко самую грубую; въ пути и за границую питалась сухарями; вина

почти вовсе не употребляла и была всегда здоровою и на здоровье никогда не жаловалась, обладая крѣпостію силъ даже въ старости. Память у нея сохранилась необыкновенно твердая; она помнила все, что случалось ей видѣть или слышать въ своей разнообразной и тяжело-трудной жизни.

Изъ денегъ, собранныхъ на путешествіе, даже родному сыну, оставшемуся еще въ живыхъ, и бѣднымъ внукамъ она страшилась удѣлить даже малую часть, убѣждая ихъ: «это не мое, а Божіе; Богъ васъ и безъ этого не оставитъ». Дѣйствительно г. П—скій далъ нѣкоторую льготу ея сыну. Послѣднія слова ея были: «хочу въ Іерусалимѣ похоронить свои кости»!

Гдѣ и когда она скончалась, свѣдѣній не имѣется *).

Іеросхимонахъ Амфилохій Ростовскій.

(Память 24 мая).

Жизнь гробоваго у мощей святителя Димитрія Ростовскаго іеромонаха Амфилохія представляетъ много назидательнаго.

О. Амфилохій назывался въ міру Андрей Яковлевичъ и родился въ Ростовѣ, въ семьѣ приходскаго священника, 9 октября 1748 г. Въ домѣ отца онъ получилъ первоначальное обученіе. Очень рано, съ шести лѣтъ, отецъ сталъ обучать его, такъ какъ замѣтилъ его хорошія способности. Мальчикъ могъ пѣть и читать уже на седьмомъ году. Съ тѣхъ же поръ онъ выказалъ склонность къ духовному чтенію. Въ характерѣ его было много кротости, послушанія, услужливости всѣмъ старшимъ. Благочестіе его проявлялось уже тогда. Почти ежедневно ходилъ онъ въ церковь къ утрени, обѣднѣ и вечернѣ. На клиросѣ онъ пѣлъ и читалъ. По малому своему росту онъ не могъ достать до книгъ на аналоѣ: его отецъ подставлялъ ему подъ ноги скамеечку, съ этой ска-

---

*) По кн. „Старица Евфросинія“—П. Богдановскаго. Спб. 1858 г.

Иеросхимонахъ Амфилохій Ростовскій

мечки онъ пѣлъ и читалъ. Всѣ прихожане были очень довольны видѣть маленькаго чтеца. Онъ справлялся лучше многихъ взрослыхъ причетниковъ не только со Псалтирю и Часословомъ, но и съ другими богослужебными книгами. Уже съ тѣхъ поръ, слѣдя за собою строго, Андрей чуждался дѣтскихъ игръ и забавъ, сквернословія, безчиннаго смѣха; никогда не былъ празденъ. Отецъ Андрея былъ бѣденъ и не могъ дать ему семинарскаго образованія. 16-ти лѣтъ Андрей былъ опредѣленъ причетникомъ въ одну Ростовскую церковь. Онъ казался по разуму и поведенію взрослымъ — во всемъ воздержный, смиренный, исполнительный. Но это все ему давалось не безъ борьбы. Его старались свести съ добраго пути такъ называемые пріатели. Но, съ помощью Божіею, онъ не уступалъ дурнымъ ихъ уговорамъ: юность его не была ничѣмъ запятнана. Отъ искушеній онъ предохранялъ себя главнымъ образомъ трудомъ. Кромѣ своей обязанности по храму, онъ нашелъ себѣ новое занятіе: иконопись по дереву и на финифти. Этотъ трудъ соотвѣтствовалъ его благочестивымъ чувствамъ. Онъ какъ бы находился въ духовномъ общеніи съ тѣми подвижниками, которыхъ изображалъ, точно видѣлъ предъ собою тѣ спасительныя событія, которыя представляла его кисть. Въ этомъ дѣлѣ онъ достигъ большого искусства. Иконы, имъ писанныя, очень цѣнились. Архіерей Ростовскій, въ уваженіе къ его трудамъ и доброму поведенію, назначилъ его въ Ярославль діакономъ. Когда въ Москвѣ стали обновлять Кремлевскіе соборы, то вызвали для этого дѣла художниковъ преимущественно изъ духовенства. Въ числѣ ихъ много потрудился и Андрей. По возвращеніи въ Ярославль онъ, послѣ пятилѣтняго супружества, потерялъ жену. Тогда онъ поручилъ воспитаніе единственной дочери своему брату, и въ 1777 году поступилъ въ Ростовскій Яковлевскій монастырь, гдѣ черезъ два года постриженъ въ иночество. Въ монастырѣ первымъ послушаніемъ назначили ему хорошо извѣстное ему дѣло: поручили расписывать стѣны

въ соборной монастырской церкви. Однажды, когда, стоя на подмосткахъ, онъ занимался этимъ дѣломъ, — во время совершенія молебна святителю Димитрію, онъ услыхалъ пѣніе стиха: «Житейское море воздвигаемое зря напастей бурю, къ тихому пристанищу Твоему притекъ, воію Ти: возведи отъ тли животъ мой, Многомилостиве!» Ему казалось, что то ангелы поютъ небесныя слова, и онъ не могъ удержать слезъ. Тутъ почувствовалъ онъ омерзѣніе ко благамъ этого міра, и его благочестивыя чувства перешли въ постоянный пламенный порывъ къ Богу. Любовь къ Нему точно унесла его отъ земли: онъ жаждалъ одного только: всегда быть съ Богомъ. Вскорѣ, рукоположенный во іеромонаха, онъ получилъ разомъ нѣсколько послушаній: ризничаго, благочиннаго, гробового и уставщика. Нужно было напрягать всѣ силы, чтобъ успѣть сдѣлать все требуемое. А его время было еще почти все занято молитвой. Отдыху давалъ онъ себѣ не болѣе пяти часовъ, да и то много урѣзывалъ изъ этого. Первому нужно было войти въ церковь и выйти послѣднему. Иногда только что возвращался онъ въ келлію, — его требовали ужъ къ мощамъ. Въ первыя двѣ недѣли Великаго поста во время Ростовской ярмарки онъ болѣе 12 часовъ безъ отдыха, стоя на ногахъ, проводилъ въ церкви. Онъ соблюдалъ чрезвычайно строгій постъ, хотя и былъ хилымъ, слабымъ, и въ Великомъ посту не ѣдалъ по нѣскольку дней. 43 года не пропускалъ онъ ни одной службы, и дома постоянно молился. Въ полночь онъ стоялъ на колѣняхъ предъ Распятіемъ, и со слезами, сокрушеніемъ и раскаяніемъ повторялъ слова молитвъ. Съ особенною силою молился онъ предъ принятіемъ Божественныхъ Таинъ. Тогда слезы неудержимо лились изъ его глазъ. Много времени уходило у него на чтеніе Священнаго Писанія. Хотя онъ не прошелъ чрезъ духовное учебное заведеніе, онъ имѣлъ рѣдкое знаніе Священнаго Писанія. Наизусть онъ зналъ множество мѣстъ и приводилъ ихъ на память, объясняя людямъ ихъ духовное состояніе. Когда кто

избиралъ его духовникомъ и совѣтникомъ: какъ бы само слово Божіе руководило тогда ввѣрившимся ему человѣкомъ. Знанія его, пріобрѣтенныя имъ чтеніемъ, были вообще такъ велики, что люди образованные, бесѣдовавшіе съ нимъ, поражались ими. Имѣя глубокую любовь къ святымъ Божиимъ, изъ коихъ столькихъ онъ изобразилъ въ картинахъ жизнь и чудеса—особенно нѣжную привязанность питалъ онъ къ памяти великаго во святителяхъ Димитрія Ростовскаго. Возможность служить при его мощахъ была ему такъ дорога, что изъ-за нея онъ упорно отказывался отъ настоятельскихъ мѣстъ, которыя ему предлагали.

На немъ лежала обязанность и духовника братіи. Онъ принималъ братію, кромѣ исповѣди, и съ откровеніемъ постоянныхъ происходившихъ съ ними искушеній и скорбей. Тутъ, чтобъ поддержать инока въ минуту искушенія, унынія, онъ не жалѣлъ времени и силъ. Въ немъ не было ни безмѣрной строгости, ни излишней снисходительности. Всякому онъ назначалъ то, что было по силамъ человѣка. Прямодушный и ревностный въ обличеніи, если того требовала польза лица, онъ былъ глубоко смирененъ, если сознавалъ свою ошибку. Разъ, узнавъ, что онъ напрасно сдѣлалъ выговоръ иноку, онъ при всѣхъ въ церкви бросился ему въ ноги, умоляя его простить. За иноками множество мірянъ стало обращаться къ старцу. Уже одинъ видъ его дѣйствовалъ хорошо на душу. Совѣты свои онъ предлагалъ скорѣе какъ другъ, чѣмъ какъ наставникъ. Съ перваго взгляда онъ понималъ человѣка, и часто его слова сбывались съ точностью изумительною. Ему всѣхъ хотѣлось видѣть счастливыми. О. Амфилохія чтилъ и бывалъ у него Императоръ Александръ I и его мать, Императрица Марія Ѳеодоровна, подолгу бесѣдуя съ нимъ.

24 мая 1824 г. старецъ уснулъ сномъ вѣчности. При кончинѣ его и послѣ нея были нѣкоторыя знаменія. Множество народа съѣхалось и сошлось со всѣхъ сторонъ къ похоронамъ *).

*) Изъ Тр. л. № 111 дополн. счета.

Іеросхимонахъ Алексій, подвижникъ Александро-Невской лавры.

(Память его 25 мая).

Блаженной памяти іеросхимонахъ Алексій, въ мѣръ Алексѣй Константиновичъ Шестаковъ, происходилъ изъ крѣпостного состоянія; онъ былъ дворовымъ человѣкомъ госпожи Прасковьи Васильевны, жены тайнаго совѣтника, дѣйствительнаго камергера Ивана Матвѣевича Муравьева. Но, служа господамъ своимъ, онъ не забывалъ о другомъ высшемъ служеніи—Тому, Кого и господа и рабы одинаково почитаютъ своимъ Господомъ. Обученный грамотѣ, Алексѣй часы досуга проводилъ въ посѣщеніи храма Божія и въ чтеніи книгъ, преимущественно церковныхъ. Отпущенный на волю помѣщицею, онъ въ 1814 году іюля 13-го дня, на 60 году своей жизни, поступилъ въ число братства Саввина Сторожевскаго монастыря, въ настоятельство преосвященнаго Августина, бывшаго въ то время викаріемъ Московской епархіи. Этотъ монастырь, управляемый викаріями московскими, находится въ 50 верстахъ отъ Москвы къ западу, и въ верстѣ съ половиною отъ Звенигорода. Въ 1815 году послушникъ Алексѣй исправлялъ должность пономаря и чтеца въ домовой церкви московскихъ викаріевъ, на Саввинскомъ подворьѣ (въ Москвѣ). Въ слѣдующемъ году іюля 31-го, по собственному прошенію, Алексѣй перемѣщенъ былъ въ Троицкую Сергіеву лавру. Здѣсь постригся въ монашество съ именемъ Антонія въ 1818 году, 17-го января; 11-го марта произведенъ во іеродіакона и потомъ вскорѣ, въ томъ же мѣсяцѣ, въ іеромонаха. Тогда-же о. Антоній перемѣщенъ былъ въ Москву, на Троицкое Сухаревское подворье, гдѣ отправлялъ священнослуженіе въ домовой архіерейской церкви во имя преподобнаго Сергія. Преосвященный Августинъ бывший въ это время архіепископомъ Московскимъ и въ качествѣ настоятеля Тро-

ицкой лавры имѣвшій пребываніе на Троицкомъ подворьѣ, благоволилъ къ о. Антонію; а преемникъ Августина (съ 1819 года 15 марта) на Московской каедрѣ, митрополитъ Серафимъ, какъ говорятъ, избралъ іеромонаха Антонія въ духовники себѣ. Въ 1821 году 19 іюня высокопреосвященный Серафимъ переведенъ былъ въ С.-Петербургъ на митрополию. За нимъ послѣдовалъ туда и Антоній, уволенный изъ Московской епархіи 1-го августа того же года. Принятый 23-го сентября въ число братства Александро-Невской лавры, онъ совершалъ священнослуженіе въ крестовой Его высокопреосвященства церкви и былъ духовникомъ ставленниковъ. Въ 1823 году октября 2-го дня, лаврскимъ намѣстникомъ архимандритомъ Товіей 70-тилѣтній старецъ постриженъ въ схиму и переименованъ Алексіемъ. Послѣ того за слабостью здоровья, онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности крестоваго іеромонаха и духовника ставленниковъ, и остальные годы своей жизни проводилъ въ молитвенномъ покоѣ. Схимника старца посѣтилъ въ его келліи государь императоръ Александръ Павловичъ. Это было въ 1825 году 1-го сентября, предъ отъѣздомъ его въ Таганрогъ. Въ этотъ день, въ началѣ 5-го часа утра, государь пріѣхалъ въ Невскую лавру, на этотъ разъ совершенно одинъ. Онъ отслушалъ напутственное молебствіе у раки св. Александра Невскаго, принесъ въ даръ угоднику, коего онъ былъ соименникомъ, жертву своего усердія (масло, ладанъ и свѣчи), и прямо изъ собора соизволилъ посѣтить митрополита Серафима. Въ гостинной комнатѣ, разговаривая съ монархомъ, митрополитъ сказалъ между прочимъ: «Ваше Величество! я знаю, что Вы вездѣ жалуете схимниковъ. Въ нашей лаврѣ есть нынѣ схимникъ: не прикажете-ли позвать его?»

— «Хорошо, позовите», отвѣчалъ государь. Какъ скоро схимникъ явился, государь, по принятіи отъ него благословенія, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и изъявилъ согласіе на просьбу схимника — посѣтить и его смиренную келлію.

Поразительная и мрачная картина открылась предъ взоромъ вѣнценоснаго Александра, когда онъ съ митрополитомъ вошелъ въ келлію схимника. Прямо противъ двери — большое Распятіе съ предстоящими Богоматерью и евангелистомъ Иоанномъ. Лампада тускло освѣщала комнату; полъ и стѣны (до половины) были обиты чернымъ кускомъ; длинная скамейка такого же цвѣта стояла по правую сторону стола; на столѣ утверждено Распятіе и лежалъ крестъ, на подобіе престольнаго, и раскрытое Евангеліе. Таково было жилище схимника, не забывавашаго, что у инока все должно быть иное, чѣмъ у мірянь, и что путь къ радости о Бозѣ, есть печаль яже по Бозѣ (2 Кор. 7, 10)! Государь остановился, схимникъ пальницъ предъ Распятіемъ съ молитвою въ устахъ, и, оборотясь къ высокому гостю, сказалъ: «государь, молись!» Императоръ положилъ три земныхъ поклона; схимникъ, взявши крестъ, прочелъ отпустить и крестомъ осѣнилъ его. Затѣмъ, монархъ сѣлъ съ митрополитомъ на скамейку, а схимникъ отказывался сѣсть съ ними, наконецъ, по приказанію государя, занялъ мѣсто поодаль отъ нихъ. «Все-ли здѣсь имущество схимника?» спросилъ императоръ, въ полголоса, митрополита. «Гдѣ онъ спитъ? Я не вижу постели». Пресвященный отвѣчалъ: «спитъ онъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ и молится, — на полу предъ Распятіемъ». Послышавъ эти слова, схимникъ всталъ и сказалъ: «нѣтъ, государь! И у меня есть постель: пойдѣмъ, я покажу ее». Онъ ввелъ императора за перегородку своей келліи. Что-же увидѣлъ Александръ Благословенный?

На столѣ — черный гробъ, а въ немъ лежали схи́ма, свѣчи, ладанъ и все потребное къ погребенію! Жилище схимника, поистинѣ, казалось жилищемъ смерти. «Смотри, сказалъ схимникъ, указывая на гробъ, — вотъ постель моя, и не моя только, а всѣхъ насъ; въ ней всѣ мы, государь, ляжемъ и будемъ спать». Монархъ погрузился въ размышленіе и молчалъ нѣсколько минутъ. Когда онъ отошелъ отъ гроба, схим-

никъ сказалъ ему: «государь! я человѣкъ старый и много видѣлъ на свѣтѣ. Благоволи выслушать мои слова. До великой чумы въ Москвѣ (1771 года) нравы были чище, народъ набожнѣе; но послѣ чумы нравы испортились. Въ 1812 году настало время исправленія и набожности; но послѣ войны (французской) нравы еще болѣе испортились. Ты — государь нашъ и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты — сынъ Православной Церкви, и долженъ любить и охранять ее. Такъ хочеть Господь Богъ нашъ». Императоръ Александръ благосклонно выслушалъ схимника, и потомъ замѣтилъ преосвященному: «Многія длинныя и красныя рѣчи слышалъ я, но ни одна такъ не понравилась мнѣ, какъ эти краткія слова старца». Государь вышелъ изъ келліи схимника; проходя мимо братіи лаврской, просилъ молитвъ ихъ; потомъ принялъ благословеніе митрополита. Садясь въ коляску, онъ поднятъ къ небу глаза, орошенные слезами, и еще обратясь къ митрополиту и братіи, сказалъ трогательнымъ голосомъ: «помолитесь обо мнѣ и о женѣ моей». До самыхъ воротъ лавры царь ѣхалъ съ открытой головой; часто оборачивался, кланялся и крестился, смотря на соборъ.

Итакъ, мрачная келлія, похожая на могилу, открытый гробъ со всѣми принадлежностями для похоронъ, были послѣдними предметами, представившимися въ Бозѣ почивающему государю, при выѣздѣ изъ С.-Петербурга! Казалось, онъ самъ имѣлъ предчувствіе о своей близкой кончинѣ, послѣдовавшей въ Таганрогъ 1825 года, ноября 19-го.

По дошедшимъ до насъ картинамъ этого посѣщенія государя императора Александромъ Невской лавры, можно видѣть, что схимникъ Алексій былъ высокаго роста и пріятной наружности. Онъ скончался въ 1826 году 25-го мая и погребенъ въ Невской лаврѣ, на новомъ Лазаревскомъ кладбищѣ *).

---

*) „Душеполезное Чтеніе“ 1868 г.

Послушникъ Іоаннъ Сорокинъ.

(Память 25-го мая).

Иванъ Васильевичъ Сорокинъ, государственный крестьянинъ Калужской губерніи, былъ рожденъ и воспитанъ въ расколѣ. Вѣжавъ изъ отечества, онъ большую половину жизни провелъ за границу, въ Бѣлокриницкомъ раскольниковскомъ убѣжищѣ, гдѣ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Ираклія. Когда онъ прибылъ на родину для свиданія съ своими, его арестовали и препроводили въ Соловецкій монастырь, подъ строжайшій надзоръ, для увѣщаній и вразумленій въ его заблужденіяхъ. Десять лѣтъ онъ прожилъ въ Соловецкомъ острогѣ, не трогаясь никакими убѣжденіями и, повидимому, желая кончить жизнь въ нераскаяніи. Но всеблагій Богъ, не хотящій смерти грѣшника, взыскалъ и это заблудшее овца и привелъ въ ограду св. Церкви. Долго отказываясь отъ чтенія книгъ, писанныхъ въ обличеніе раскола, онъ какъ то прочиталъ описаніе путешествія инока Пареевнѣи обратившагося изъ раскола, и это чтеніе возбудило въ немъ нѣкоторое сомнѣніе въ истинности своихъ убѣжденій. Онъ началъ молиться Богу о вразумленіи его. «Въ одно утро», такъ разсказывалъ онъ самъ: «послѣ келейной молитвы, въ которой со слезами просилъ Бога: скажи мнѣ, Господи, путь, въ онъже пойду, я заснулъ и увидѣлъ во снѣ, будто нахожусь въ какомъ то великолѣпномъ чертогѣ, и слышу надъ собою голосъ: иди въ Церковь, потому что внѣ Церкви спастись нельзя. Я отвѣчалъ: въ Церкви находится много плевелъ и соблазновъ. Голосъ говорилъ: что тебѣ до этого? Ты будешь избраннѣе пшеницы. Я еще сказалъ: есть въ Австріи церковь съ епископомъ и священствомъ. Голосъ отвѣчалъ: Австрійская церковь — не церковь, потому что она отдѣлилась отъ Восточной Церкви и нѣтъ въ ней спасенія». Этимъ окончился знаменательный сонъ, и вотъ Иванъ, отъ самаго

рожденія ни разу не переступавшій порога церковнаго, пришелъ въ храмъ 5-го января, въ навечеріи Богоявленія Господня.

Торжественность великой вечерни и литургіи св. Василя Великаго, величественный обрядъ освященія воды, съ велегласнымъ многолѣтствованіемъ Императора, Синода и всѣхъ православныхъ христіанъ, свѣтлое освѣщеніе, множество благоговѣйныхъ священнослужителей и стройное иноческое пѣніе,—все это сильно подѣйствовало на душу заблуждавшагося, и тутъ же онъ утвердился въ мысли, что въ Православной Церкви обитаетъ истинная благодать, которой ослѣпленные напрасно ищутъ въ Бѣлокриницкой лжеіерархіи. Съ этого времени, Иванъ ежедневно началъ ходить въ церковь, со слезами раскаяваясь въ своихъ заблужденіяхъ, и 17-го апрѣля 1860 года, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, былъ присоединенъ къ Православной Церкви и включенъ въ разрядъ старшихъ послушниковъ, съ ношеніемъ рясы. Но и по присоединеніи къ Церкви онъ не оставлялъ еще двоеперстія. Постоянно слыша объ этомъ напоминанія отъ воспріемнаго отца, онъ съ искреннею вѣрою и упованіемъ началъ молить Бога, чтобы Онъ самъ подалъ ему извѣщеніе объ истинности и древности употребляемаго въ Церкви троеперстія. И вотъ въ одну ночь, стоя на молитвѣ, Иванъ явственно услышалъ голосъ: «вѣрь всему глаголемому тебѣ; тебѣ говорятъ правду». Съ неизреченною радостію, въ то же время, онъ сложилъ три перста и назнаменовалъ на себѣ крестное знаменіе. Теперь онъ сдѣлался истиннымъ сыномъ Церкви, и какъ будто этого ожидала благодать Божія, потому что чрезъ нѣсколько дней Иванъ почилъ съ миромъ (25-го мая), пребывъ въ числѣ братства и въ чину послушниковъ 38 дней. Въ послѣднія минуты жизни, сидѣвшій у его одра воспріемный его отецъ, опасаясь, чтобы врагъ не поколебалъ вѣры его въ св. Церковь, тихо спросилъ: «не смущаютъ ли тебя какіе-нибудь помыслы?» и услышалъ отвѣтъ: «нѣтъ, ба-

тюшка, я спокоенъ духомъ и благодарю Бога». Надобно замѣтить, что Иванъ, и въ расколѣ пребывая, проводилъ жизнь сосредоточенную и дѣвственную, и отъ другихъ раскольниковъ отличался особенною кротостію и снисходительностію ко всѣмъ, не соглашавшимся съ его мнѣніями; увѣщанія, предлагаемыя ему, онъ выслушивалъ съ полнымъ вниманіемъ, за что, конечно, удостоился познать свои заблужденія и умереть въ нѣдрахъ Православной Церкви *).

Георгій, Задонскій затворникъ.

(Память 25 мая).

Георгій, затворникъ Задонскаго Богородицкаго монастыря, родился въ 1789 году въ Вологдѣ, въ дворянской семьѣ Машуриныхъ, у вдовы, только что передъ тѣмъ потерявшей супруга; онъ былъ убитъ возвращаясь вечеромъ домой злодѣями, которые поджидали другого, а по ошибкѣ ранили его. Почти бездыханнаго Машурина принесли домой, и онъ скончался на рукахъ супруги, напутствованный въ жизнь вѣчную. Черезъ годъ по его смерти родные стали склонять вдову къ новому супружеству, но она отвѣчала имъ: «вы видите, что Промыслу Божию угодно было взять у меня мужа, и дать сына. Всѣ мои заботы должны быть обращены на него». — Купивъ близъ кладбища домикъ, вдова занялась воспитаніемъ сына и дочери, которая была на 2 года старше его. Она водила ихъ въ церковь, приучала къ молитвѣ. Когда 12-ти лѣтъ дѣвочка умерла, мать еще чаще стала ходить съ Георгіемъ въ церковь. Она приучала его стоять благоговѣйно, и, вернувшись домой, спрашивала, что было на литургіи читано изъ Евангелія и Апостола. Если изъ его отвѣта выходило, что онъ былъ невнимателенъ, она въ наказаніе заставляла класть его земные поклоны.

Вотъ какъ воспоминаетъ онъ о порѣ своего дѣтства въ од-

*) Соловецкій Патерикъ.

Георгій, Задонскій затворникъ

номъ изъ своихъ писемъ: «Любилъ я и тогда уклоняться отъ шума людской молвы. Меня увлекала и плѣняла глубокая тишина. Пріятно занимали меня виды татарскихъ горъ и долинъ (въ Вологдѣ) и по нимъ быстро струящіеся ручьи. Сладко бесѣдовала со мной природа и питала всѣ мои чувства. И что только я видѣлъ плѣняющаго меня, то всегда снималъ на бумагу карандашемъ.

Когда пришло время учиться, и къ мальчику приглашены были наставники, мать неотступно наблюдала за ученіемъ, сознавая передъ Богомъ, какъ велика отвѣтственность за него. Учился онъ хорошо. Умъ его зрѣлъ, качества души развивались. Какъ и мать его, онъ не любилъ шумнаго общества, предпочиталъ уединеніе; избѣгая игръ и забавъ съ товарищами, онъ читалъ священныя и духовныя книги. Вернувшись изъ храма, онъ любилъ размышлять о Богѣ.

18 лѣтъ отъ роду Георгій поступилъ юнкеромъ въ полкъ. Въ первый разъ его отпускала отъ себя мать и точно чувствовала, что на землѣ его больше не увидитъ: дѣйствительно, она вскорѣ затѣмъ умерла. Произведенный въ офицерскій чинъ, Георгій среди веселой молодежи товарищей, преданныхъ веселости и развлеченіямъ, оставался такимъ же чистымъ, скромнымъ по жизни, какимъ былъ въ домѣ матери. Начальники и товарищи любили и уважали его. Онъ усердно исполнялъ долгъ службы, а въ свободное время любилъ удаляться для молитвы и духовныхъ размышленій. Уже онъ былъ произведенъ въ поручики, но не думалъ о дальнѣйшемъ служебномъ возвышеніи... У него было относительно службы одно затаенное и не сбывшееся желаніе. «Желалъ я (писалъ онъ изъ затвора въ одномъ изъ своихъ писемъ къ одной женщинѣ, братъ которой сраженъ на войнѣ) въ полѣ сраженія за вѣру, государя и отечество окончить мою временную жизнь. Но провидящій Создатель мой еще блюдетъ меня здѣсь... Я горю любовію къ жертвамъ, свидѣтельствованнымъ на полѣ битвы за вѣру. Счастливы вашъ

братъ, князь Николай, что не между своими, праздно и гуляя, умеръ, но въ дѣйствующемъ противъ непріятеля отрядѣ». Но такому подвигу случая не представлялось, а душа подвига жаждала.

Онъ ходилъ на кладбища, размышляя тамъ о суетности временной жизни... Не вдругъ, но глубокое созрѣло въ немъ рѣшеніе: онъ вышелъ въ отставку 29 лѣтъ отъ роду, 7 сентября 1818 года, пріѣхалъ въ Задонскій монастырь и поступилъ въ него послушникомъ... Тѣмъ славнѣе было это рѣшеніе Георгія, что многіе ли въ его годы и съ его положеніемъ бросаютъ все, чтобъ спасти свою душу? Сразу приступилъ Георгій къ тяжкимъ подвигамъ. Онъ изнурялъ тѣло свое постомъ, все молчалъ, рѣдко говоря съ кѣмъ даже о нужномъ, а въ храмѣ и не отвѣчалъ даже, если кто его о чемъ-нибудь спрашивалъ... Примѣромъ послушанія его можетъ послужить слѣдующее. Однажды, не узнавъ Георгія, настоятель спросилъ его, можетъ ли онъ нарубить ему дровъ. Георгій принялся за дѣло, но по непривычкѣ оно шло плохо. Старецъ слышалъ звукъ топора, а дровъ все не было. Выйдя наружу, онъ сказалъ: «да, ты, знать, изъ дворянъ, что не умѣешь съ топоромъ сладить? Что-жь ты не сказалъ прежде? Время только ушло». И Георгій смиренно поклонился въ поясъ и отошелъ.

Спустя годъ по прибытіи въ монастырь, по особому указанію Божію, Георгій затворился въ каменной келліи, самой худшей въ монастырѣ. Тѣсная, сырая и лѣтомъ, со спертымъ воздухомъ, она зимою промерзала. Онъ рѣдко топилъ ее, все стараясь, чтобъ ему было похуже. Многіе осуждали его, предполагая, что къ затвору побудила его лѣность или нежеланіе нести послушаніе. И какъ несправедливы были эти обвиненія!

Суровость къ себѣ Георгій доводилъ до того, что для отдыха онъ рѣдко ложился, а лишь дремалъ, сидя на стулѣ.

Но даже бывало, что онъ по нѣскольку сутокъ лишалъ себя и сна, и дремоты.

Келейное его правило, то-есть порядокъ молитвъ его, былъ чрезвычайно сложенъ и обширенъ. Кромѣ множества молитвъ, онъ прочитывалъ ежедневно помногу изъ святоотеческихъ твореній. Пищу принималъ затворникъ только вечеромъ, и то не каждый день. Вся она состояла изъ пятикопѣчной булки и кружки воды съ прибавленіемъ уксуса. Это шло ему на два дня. Одежду онъ носилъ одну до полного обветшанія.

Въ первой каменной келліи Георгій прожилъ пять лѣтъ, и, наконецъ, уступая настоятельнымъ уговорамъ архимандрита, который мучился, что та келлія такъ тѣсна и вредна для здоровья—Георгій перешелъ въ другую, деревянную, попросторнѣй. Окруженная палисадникомъ, она состояла изъ пяти комнатъ; онъ себѣ взялъ три. Въ одной принималъ посѣтителей, въ другой уединялся для размышлений, въ третьей оставался обыкновенно. Предъ входомъ, у дверей коридора стоялъ отъ полу до потолка гробъ безъ крыши. Это говорило входящимъ, что они увидятъ человѣка заживо погребеннаго, и также напоминало и о собственномъ ихъ неизбежномъ концѣ. Изъ этой двери входили въ среднюю комнату къ затворнику, предварительно сотворивъ краткую молитву, на которую онъ отвѣчалъ словомъ «аминь». Въ комнатѣ его прежде всего бросалась въ глаза крышка гроба съ надписями изъ книгъ пророческихъ. На стѣнѣ висѣлъ образъ св. Троицы съ теплящейся лампадой, вдоль стѣнъ тянулись скамейки раздѣленные столиками. Лежавшая на полу рогожка служила ему постелью, которою онъ почти не пользовался. Великимъ утѣшеніемъ для затворника бывали тѣ дни, когда въ его келлію приносили изъ церкви чудотворную Владимірскую икону Богоматери. При этомъ служили молебень съ акаѳистомъ.—Георгій принималъ не всѣхъ посѣтителей и принималъ вообще рѣдко. Чудный даръ про-

зорливости открывалъ ему, кто именно имѣеть въ немъ дѣйствительную надобность, кого привела къ нему нужда или горе. Нищелюбіе Георгія было безгранично: онъ одѣлялъ деньгами бѣдныхъ, выкупалъ должниковъ.

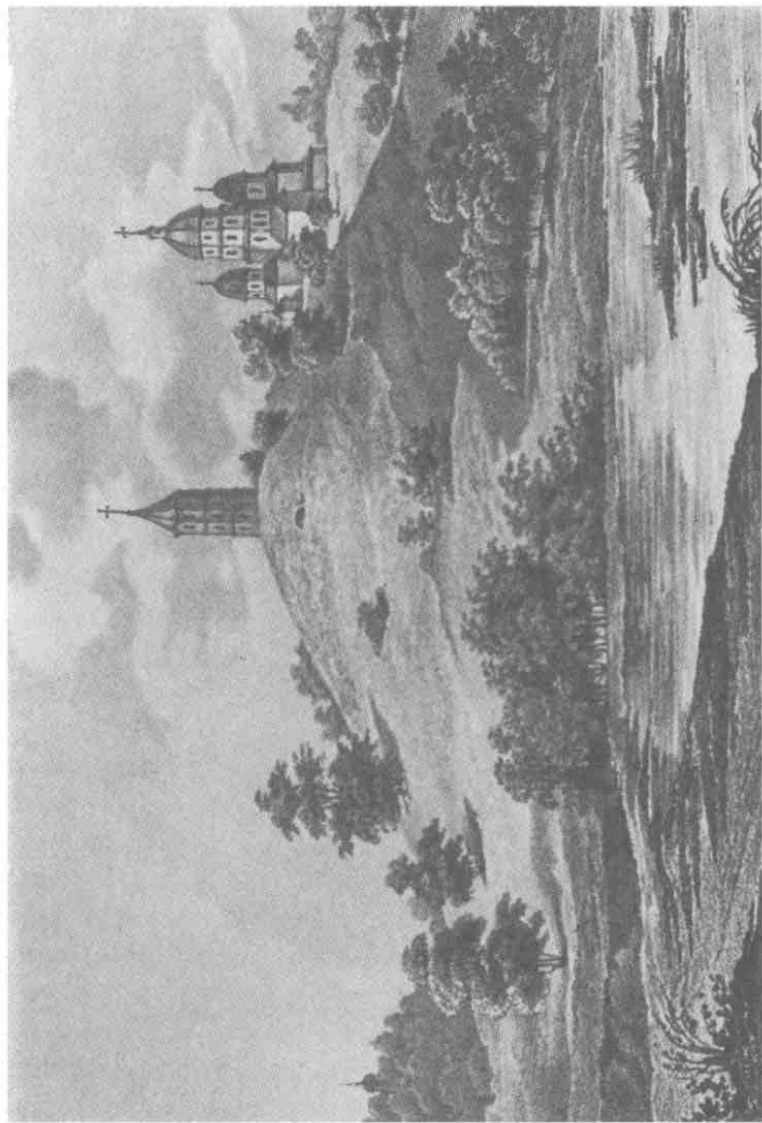
Недолга была жизнь затворника. О времени кончины своей Георгій получилъ заранѣе извѣщеніе отъ Бога въ знаменитомъ сновидѣніи. Онъ прямо говорилъ о своей смерти въ краснорѣчивомъ новогоднемъ поздравленіи славному своимъ благочестіемъ архіепископу Воронежскому Антонію. «Десять разъ солнце кругъ свой совершило со времени вступленія вашего на Воронежскую епархію, и десять лѣтъ минуло какъ вчерашній день, какъ минутный сонъ. Дѣлъ же и словъ свидѣтель одинъ Богъ. Последнее уже поздравленіе вашему Высокопреосвященству приносить послѣдній и непотребный рабъ, прося святыхъ молитвъ и благословенія, достойный осужденія и вѣчной муки, грѣшный Георгій».

Въ концѣ января 1836 года затворникъ опасно занемогъ. Страданія были тяжкія, и все усиливались, но онъ продолжалъ принимать и не ослаблять своихъ молитвъ. Въ концѣ мая онъ окончательно изнемогъ; наканунѣ смерти вечеромъ легъ на рогожу въ средней комнатѣ; но вскорѣ снова всталъ для совершенія молитвъ. Окончивъ свое длинное правило, онъ прилегъ. Ударили къ заутренѣ, и келейники его пошли въ церковь; когда они вернулись—въ седьмомъ часу утра, 25-го мая, затворникъ Георгій лежалъ колѣнопреклоннымъ и бездыханнымъ предъ образомъ всѣхъ святыхъ и страшнаго суда Христова. Такъ достойно увѣнчалась его жизнь, изъ которой онъ предпочелъ сдѣлать одно сплошное и неустанное несеніе ига Христова.

Затворникъ Георгій погребенъ въ пещерной усыпальницѣ Задонскаго монастыря вмѣстѣ съ прочими славными задонскими подвижниками *).

---

*) Троицкіе листки.

Ахтырский Свято-Троицкий монастырь

Иннокентій, архієпископъ Херсонскій

Преосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

(Память 26 мая).

15-го декабря 1800 года въ городѣ Ельцѣ, Орловской губерніи, у священника Успенской церкви Алексія Борисова и жены его Акилины Гавриловны родился сынъ, нареченный при святомъ крещеніи Іоанномъ.

Родители преосвященнаго Иннокентія были люди простые, доброй жизни. О. Алексій Борисовъ былъ домашняго образованія. Когда онъ изъ низшихъ степеней клира дослужился до священника, то не проходило ни одного воскреснаго и и праздничнаго дня безъ того, чтобы храмъ его не оглашался словомъ кого-либо изъ отцевъ и учителей Церкви. Любимыми проповѣдниками о. Алексія были: святой Димитрій, митрополитъ Ростовскій, митрополитъ Платонъ и епископы Гедeonъ Кривовскій и Ілія Минятій. Онъ выступалъ предъ слушателями съ такою только проповѣдію, которою трогался самъ и которую усваивалъ до того, что слушатели, внимая словамъ его, совершенно теряли изъ виду лежавшую предъ нимъ книгу и вѣрили, что онъ произноситъ свое живое, а не чужое печатное слово.

Мать преосвященнаго Иннокентія была женщина не грамотная, но умная и набожная. Крестъ и молитва были главнымъ основаніемъ всей ея жизни, всѣхъ ея мыслей, дѣйствій и поступковъ. У нея была своя домашняя аптека, состоявшая изъ разныхъ травъ и цвѣтовъ, роснаго ладона, благословенныхъ хлѣбовъ, елеевъ отъ чудотворныхъ иконъ, богородичныхъ просфоръ и подобныхъ симъ священныхъ предметовъ. Ими она врачевала себя и своихъ дѣтей.

Въ родительскомъ домѣ Іоаннъ Борисовъ изучилъ славянскую азбуку, часословъ и псалтирь и научился письму. Даль-

нѣйшее образованіе онъ получилъ въ Воронежскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ въ Орловской семинаріи, находившейся въ Сѣвскѣ. Товарищемъ и другомъ его въ семинаріи былъ Иродіонъ Соловьевъ, впослѣдствіи преосвященный Іеремія, епископъ Нижегородскій, строгій подвижникъ и аскетъ. Въ богословскомъ классѣ они постоянно сидѣли за партою рядомъ и были неразлучны.

Въ 1819 году Іоаннъ Борисовъ окончилъ курсъ семинарскаго ученія съ отличнымъ успѣхомъ и поступилъ въ Кіевскую духовную академію, преобразованную въ томъ году. Здѣсь онъ предался наукамъ съ такимъ жаромъ, что иногда цѣлыя ночи проводилъ за книгой. Повинуясь внутреннему призванію, болѣе всего занимался онъ составленіемъ и обработкой проповѣдей. На послѣднемъ публичномъ экзаменѣ Іоаннъ Борисовъ прочелъ часть своего курсоваго сочиненія: «О нравственномъ характерѣ Господа нашего Іисуса Христа», которое вызвало одобреніе автору со стороны присутствовавшего на экзаменѣ Кіевского митрополита Евгенія.

Въ 1823 году 23-лѣтній Борисовъ окончилъ полный курсъ академическаго ученія первымъ магистромъ и былъ определенъ въ С.-Петербургскую духовную семинарію инспекторомъ и профессоромъ церковной исторіи, но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ занялъ вмѣстѣ должность ректора С.-Петербургскаго Александро-Невскаго духовнаго училища. Здѣсь принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Иннокентія и рукоположенъ въ іеромонаха.

Въ декабрѣ 1824 г. о. Иннокентій назначенъ былъ бакалавромъ богословскихъ наукъ въ С.-Петербургской духовной академіи, чрезъ семь мѣсяцевъ инспекторомъ той же академіи, чрезъ четыре экстраординарнымъ профессоромъ, а еще чрезъ два съ небольшимъ возведенъ въ санъ архимандрита (16 марта 1826 г.). Съ необыкновеннымъ рвеніемъ принялся молодой профессоръ за трудъ и скоро своими лекціями увлекъ студентовъ. Лекціи эти онъ обыкновенно преподавалъ наизусть,

съ одушевленіемъ, чистымъ и звучнымъ голосомъ, рѣчью живою, всегда изящною. Знатокъ новѣйшихъ языковъ и внимательно наблюдавшій за развитіемъ богословской науки на Западѣ, онъ сдѣлалъ первыя попытки къ сближенію съ нею православнаго богословія. Въ то же время старался сблизить богословскую науку съ другими отраслями знанія. Онъ очень любилъ естественныя науки, за современнымъ состояніемъ и успѣхами которыхъ слѣдилъ всегда зорко, и въ его возрѣніяхъ онѣ не только не противорѣчили, но наилучшимъ образомъ служили богословію.

Съ 1826 года о. Иннокентій началъ печатать въ «Христіанскомъ Читеніи» свои лекціи о религіи и мало-по-малу помѣстилъ въ немъ три обширныхъ сочиненія: 1. «Жизнь святаго апостола Павла», 2. «Жизнь священномученика Кипріяна, епископа Карѳагенскаго» и 3. «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», изъ которыхъ особенно послѣднее обратило на себя общее вниманіе и всѣми читалось съ наслажденіемъ. За эти труды авторъ былъ удостоенъ степени доктора богословія.

Въ 1830 году архимандритъ Иннокентій былъ опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Кіевскую духовную академію и настоятелемъ Кіево-братскаго монастыря. Десять лѣтъ начальствованія о. Иннокентія въ академіи справедливо могутъ быть названы блестящимъ періодомъ ея исторіи.

На первыхъ же порахъ своего ректорства о. Иннокентій замѣнилъ въ дѣлѣ преподаванія латинскій языкъ живымъ русскимъ, простымъ и общепонятнымъ словомъ, которое при немъ получило въ Кіевѣ права гражданства на каѳедрѣ богословскихъ и философскихъ наукъ.

Трудясь съ неустанною ревностію самъ, онъ умѣлъ возбуждать всегда къ трудамъ и прочимъ профессоровъ, и подъ его благотворнымъ вліяніемъ, при его нерѣдко ближайшемъ руководствѣ, явилось въ Кіевѣ нѣсколько достойныхъ тружен-

никовъ науки. Изъ числа ихъ должно поименовать протоіереевъ И. М. Скворцова, Я. К. Амфитеатрова, В. Н. Карпова, О. М. Новицкаго, С. С. Гогоцкаго, о. Димитрія Муретова, впоследствии архіепископа Херсонскаго.

Изъ названныхъ профессоровъ академіи особенною любовью о. ректора пользовался знаменитый профессоръ по кафедрѣ теоріи церковнаго проповѣдничества (гомилетики) Яковъ Космичъ Амфитеатровъ, человекъ безпримѣрно доброй души и сердца, родной дядя приснопам. архіепископа Казанскаго Антонія. Наукѣ этой Я. К. далъ, при посредствѣ и теплою участію о. Иннокентія, совершенно новый, вполне самостоятельный характеръ.

О. ректоръ былъ не только лучшимъ руководителемъ, но и лучшимъ помощникомъ Амфитеатрова въ дѣлѣ проповѣдничества. Проповѣди студентовъ, послѣ рецензіи профессорской, непременно перечитывалъ самъ, иногда призывалъ проповѣдника къ себѣ и цѣлые часы проводилъ съ нимъ въ бесѣдѣ, какъ объ его проповѣди, такъ и вообще о дѣлѣ проповѣдничества.

Въ свойствахъ своей любвеобильной души архимандритъ Иннокентій почерпалъ искусство скрѣплять въ средѣ профессоровъ товарищескую общительность и повсюду вносилъ жизнь и успокоеніе. Въ ректорство о. Иннокентія академическая корпорація думала съ нимъ одну думу, жила съ нимъ одною жизнію. Лучше сказать—это была не корпорація, а скорѣе одна родственная семья, у которой были однѣ цѣли, одни стремленія, однѣ заботы, однѣ и тѣ же радости, одни и тѣ же желанія... Мѣсто отца въ этой семьѣ занималъ любимый всѣми членами ея о. ректоръ.

Но ближе всѣхъ стоялъ къ сердцу о. ректора его сверстникъ, землякъ и товарищъ по семинаріи, архимандритъ Іеремія (Соловьевъ), служившій одновременно съ нимъ инспекторомъ академіи, а затѣмъ бывший ректоромъ Кіевской семинаріи и преемникомъ его по академіи. Находясь вмѣстѣ,

они восполняли другъ друга и были другъ другу необходимы. Друзья съ дѣтства, дѣлили другъ съ другомъ радость и горе, другъ другу повѣряли думы и чувства, намѣренія и желанія; обращались одинъ къ другому за совѣтомъ и оба единодушно и совокупно любили прибѣгать къ горячей молитвѣ. О. Иннокентій высоко цѣнилъ критическій умъ, зрѣлость сужденій и благочестивое чувство своего друга о. Іеремія и всякое почти свое сочиненіе отдавалъ ему на предварительный просмотръ и оцѣнку. Съ своей стороны и о. Іеремія не только цѣнилъ, но и благоговѣлъ предъ высокими талантами своего даровитаго друга, вдохновеннаго творца многихъ религіозно-нравственныхъ сочиненій, и считалъ за счастье быть для него сколько-нибудь полезнымъ.

Со студентами академіи о. ректоръ всегда обходился ласково и благородно. Особенно добрымъ и внимательнымъ бывалъ онъ къ нимъ тогда, когда ихъ постигало какое-либо горе, напримѣръ, серьезная болѣзнь. Помочь въ этой бѣдѣ несчастному—составляло тогда для ректора всю его главную заботу. Онъ жертвовалъ въ этомъ случаѣ не только своими средствами, но иногда даже и своими жизненными удобствами.

Въ первые курсы свои въ академіи архимандритъ Иннокентій преподавалъ богословіе основное и догматическое, потомъ богословіе нравственное.

Главную славу о. Иннокентія составляетъ необыкновенный проповѣдническій талантъ. Кромѣ образцовыхъ, съ величайшимъ стараніемъ и искусствомъ составленныхъ проповѣдей, которыя произносилъ онъ на дни высокаторжественные и праздничные въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіево-Печерской лаврѣ, онъ написалъ въ это время, съ такою же тщательностію и искусствомъ, много и другихъ проповѣдей, которыя большею частію любилъ говорить въ своемъ Кіево-братскомъ монастырѣ. По мѣрѣ того, какъ слова писались и произносились онъ не медлилъ издавать ихъ въ печати, и вскорѣ

одни за другими явились его собраніе словъ и бесѣдъ въ двухъ томахъ, его «Страстная седмица», «Свѣтлая седмица» и «Первая седмица Великаго поста». «Тѣ, которые были современниками изданія этихъ словъ и особенно «седмиць», говоритъ преосвященный митр. Московскій Макарій, помнятъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, восторгомъ читались и перечитывались они людьми всѣхъ сословій, и имя Иннокентія огласилось во всѣхъ концахъ неизмѣримой Россіи».

Какъ проповѣдникъ, о. Иннокентій отличался тѣмъ, что дѣйствовалъ по преимуществу на сердца слушателей и увлекалъ ихъ ясностію и простотою слова, художественною картинностію представленій и образовъ, тонкими и остроумными сближеніями предметовъ, искусствомъ открывать въ нихъ новыя и занимательныя стороны и умѣніемъ примѣнять, какъ можно ближе, свои поученія къ различнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. Ко всему этому о. Иннокентій былъ знаменитый импровизаторъ и всегда говорилъ безъ помощи тетрадокъ: строго обдуманная слова его изливались сами собой изъ души его, какъ бы объятаго вдохновеніемъ. И какъ ни прекрасны его проповѣди, онѣ все-таки, по отзывамъ слушателей, не могутъ увлекать читателей такъ, какъ увлекало вдохновенное слово. Постоянный и обильный источникъ ораторскаго вдохновенія о. Иннокентій имѣлъ въ своемъ сердцѣ, полномъ высокой искренней любви ко Христу и ближнимъ, къ истинѣ, ко всему доброму и прекрасному.

Внѣшняя природа для о. Иннокентія была второю библіею, свидѣтельствующею о божественномъ величіи Творца. Этотъ взглядъ на природу ясно проводилъ онъ и въ своихъ проповѣдяхъ. «Посмотрите, говорилъ онъ на кипящее волнами море, или на тучу, разсѣкаемую молніями и громами: не образъ ли это всемогущества Божія? Посмотрите на сводъ небесный, усѣянный звѣздами, на восходящее солнце: не образъ ли это премудрости Божіей? Посмотрите на весну, украшенную цвѣтами, ведущую за собою хоры пернатыхъ:

не образъ ли это благодѣи Божіей? Что мѣшаетъ тебѣ, смотря на всѣ сіи картины, восходить мыслию къ совершенствамъ Творца твоего»? При такомъ взглядѣ о. Иннокентія на природу понятна и особенная любовь его къ ней и къ естественнымъ наукамъ. Императорская академія наукъ и разныя ученые общества почтили литературныя заслуги проповѣдника принятіемъ его въ свои члены. Проповѣди его были переведены въ свое время на греческій, нѣмецкій, французскій и польскій языки.

Церковное служеніе архимандрита Иннокентія было благоговѣйно. По словамъ преосвященнаго Іереми: «Иннокентій по часту любилъ читать шестопсалміе среди церкви, а въ первую недѣлю Великаго поста всегда самъ читалъ на утрени всѣ три каѳизмы съ сѣдальными. Чтеніе его было необыкновенное, звонкое, ясное, умное, умиляющее сердце. Въ Великую Субботу всѣ три статьи исходныхъ пѣсней предъ плащаницею онъ читалъ всегда въ облаченіи». Ревностно заботился онъ о томъ, чтобы и всѣ священнослужители читали въ церкви разумно и благоговѣйно. Впослѣдствіи одному новопоставленному діакону онъ говорилъ: «у тебя грудь хорошая, голосъ свѣжій, пріятный, не кури и не пей, и онъ надолго тебѣ послужитъ и будетъ служить знакомъ свѣжести и чистоты души твоей. Ты читалъ нынѣ о блаженствахъ—самую благуя вѣсть, возвѣщаемую Евангеліемъ всему міру; читалъ, понимая глубокое значеніе словъ нашего Спасителя. Я не могъ не замѣтить, что ты приготовился къ чтенію. И впредь положи себѣ за неизмѣнное правило: какъ бы твердо ни зналъ положеннаго евангелія, но прочитай его разъ и два, а мало тебѣ знакомое и того болѣе, пока божественныя слова не проникнутъ во всю глубину твоего сердца, до мозговъ костей твоихъ. А чтобы читать тебѣ съ должнымъ благоговѣніемъ и въ назиданіе предстоящимъ, во спасеніе душъ ихъ, помни и помни твердо, что ты читаешь предъ Богомъ, и устами твоими грѣшными говоритъ Самъ Богъ.

Прошу тебя именемъ Бога: запечатлѣй въ памяти послѣднія слова мои: благовѣстникъ святаго Евангелія въ храмѣ читаетъ предъ Богомъ и устами Самого Бога».

Въ 1836 году архимандриту Иннокентію Высочайше повелѣно быть викаріемъ Кіевской епархіи, епископомъ Чигиринскимъ. Для рукоположенія въ епископскій санъ онъ путешествовалъ въ С.-Петербургъ. 21-го ноября, въ день Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, онъ былъ рукоположенъ во епископа въ Казанскомъ соборѣ. По возвращеніи въ Кіевъ, преосвященный Иннокентій хотя оставался ректоромъ академіи, но при новыхъ епархіальныхъ занятіяхъ долженъ былъ сложить съ себя званіе профессора богословскихъ наукъ, и даже переселился изъ академіи въ Кіево-Михайловскій монастырь, отданный теперь ему въ управленіе. Впрочемъ, его литературные труды не прекращались. Съ 1837 года онъ сталъ издавать журналъ «Воскресное Чтеніе». Основывая этотъ журналъ, онъ имѣлъ въ виду ту цѣль, чтобы сдѣлать его органомъ общенія академіи съ духовными писателями, и въ особенности православными пастырями. Своею редакціею, своими проповѣдями и искуснымъ выборомъ прочихъ статей преосвященный Иннокентій умѣлъ поставить журналъ съ перваго раза на высокую степень совершенства и приобрѣсти ему многочисленныхъ читателей.

1 марта 1840 года преосвященный назначенъ на кафедру епископа Вологодской епархіи. Здѣсь онъ оставался всего девять мѣсяцевъ и въ это короткое время успѣлъ заняться составленіемъ своихъ словъ къ Вологодской паствѣ, изданныхъ впослѣдствіи.

31 декабря того же года владыка перемѣщенъ въ епархію Харьковскую. Тутъ служеніе его продолжалось около семи лѣтъ и ознаменовалось весьма важными дѣлами и событіями; таковы въ особенности: возстановленіе двухъ древнихъ мужскихъ обителей—Ахтырской и Святогорской, открытіе одной новой женской обители—Никольской и учрежденіе торжествен-

наго крестнаго хода въ Харьковѣ по случаю перенесенія въ городъ изъ Куряжскаго монастыря чудотворной иконы Божіей Матери.

Торжественное открытіе Свято-Троицкаго Ахтырскаго монастыря, закрытаго гражданскою властью въ 1786 г., совершено было 3 іюля 1843 года.

Святогорскій монастырь занимаетъ мѣстоположеніе столь чудесное, что едва-ли въ силахъ представить его самое живое поэтическое воображеніе. «По правому берегу Донца идутъ высокія горы, покрытыя вѣковыми дубами, изрѣдка соснами или кленовыми и ясеновыми деревьями. Изъ кряжа этихъ горъ возстаетъ предъ вами живой великанъ, весь бѣлый. Величаво оперся онъ на горы и покойно смотрится въ струи Донца непокойнаго. Это мѣловая скала Донецкая съ пятью конусами. Смотрите на нее съ Донца десять, двадцать разъ въ день—и не скажете: довольно». Такое впечатлѣніе въ послѣдствіи отъ Святыхъ Горъ вынесъ Филаретъ, архіепископъ Харьковскій (въ послѣдствіи Черниговскій).

Съ незапамятныхъ временъ существовалъ Святогорскій монастырь и перестоялъ всѣ ужасы временъ Батыя и Тамерлана. Первые подвижники его, по образцу Кіевскихъ, жили въ пещерахъ, вырытыхъ въ мѣловой скалѣ, гдѣ и дониндѣ существуетъ пещерная церковь. Закрытіе Святогорскаго монастыря послѣдовало одновременно съ Ахтырскимъ монастыремъ въ 1786 г. Монастырская земля обращена была въ государственную собственность, а затѣмъ отдана во владѣніе князю Потемкину. Народъ глубоко скорбѣлъ о раззореніи и запустѣніи святаго мѣста.

Открытіе обители совершилось 15-го августа 1844 года. Къ этому торжеству Кіевскій митрополитъ Филаретъ прислалъ на благословеніе новооткрываемой пустыни икону Успенія Божіей Матери съ мощами Кіево-Печерскихъ угодниковъ. И вотъ 14 августа преосвященный Иннокентій, во главѣ многочисленнаго и торжественнаго крестнаго хода, вышелъ

для встрѣчи святой иконы. Привѣтствовавъ прибытіе святыни прекрасной рѣчью, преосвященный палъ ницъ и облобызалъ святую икону. Возстановленіе этихъ обителей имѣло громадное благотворное вліяніе на жителей всего этого края.

Въ Харьковѣ преосвященнымъ Иннокентіемъ были изданы слѣдующіе сборники его проповѣдей: 1) О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ, 2) Молитва Ефрема Сирина, 3) Великій постъ, 4) Паденіе Адамово, 5) Слова и рѣчи къ Харьковской паствѣ и 6) Три слова о зимѣ.

Въ то же время владыка началъ заниматься составленіемъ и изданіемъ акаѳистовъ: Живоначальной Троицѣ, Страстямъ Господнимъ, Живоносному гробу, предъ причащеніемъ Святыхъ Таинъ, Покрову Пресвятыя Богородицы и Архистратигу Михаилу.

Кромѣ этого преосвященный Иннокентій работалъ очень много въ области научныхъ изслѣдованій. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ изъ современныхъ и близкихъ къ архипастырю харьковскихъ протоіереевъ: «Помнить всякъ, кто бывалъ въ комнатахъ покойнаго преосвященнаго, сколько у него было книгъ. И въ кабинетѣ, и въ гостиной, и въ залѣ, и въ спальнѣ—вездѣ были книги,—книги на столахъ, книги на стульяхъ, на окнахъ и на полахъ. Онъ не только ходилъ и сидѣлъ съ книгою, но и засыпалъ не съ книгою только, а и на книгахъ. Онъ говорилъ: «я никогда не сплю такъ мирно, какъ съ книгою въ рукахъ и въ головахъ».

Какъ въ Вологдѣ, такъ и въ Харьковѣ преосвященный Иннокентій любилъ устраивать въ своихъ покояхъ «вечера духовной литературы», имѣвшіе цѣлю сблизить служителей духовной науки съ благонамѣренными свѣтскими дѣятелями: здѣсь читались лекціи и проповѣди, велась оживленная бесѣда о религіозныхъ вопросахъ: «Никогда того въ полгода не вычитать изъ всѣхъ возможныхъ журналовъ, говорить одинъ изъ участниковъ этихъ литературныхъ бесѣдъ, что, бывало, въ одинъ вечеръ узнаешь и узнаешь легко».

Въ 1845 году преосвященный Иннокентій возведенъ въ санъ архіепископа, въ 1847 году вызванъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, а въ 1848 году назначенъ на епархію Херсоно-Таврическую, гдѣ разноплеменная православная паства непрестанно подвергалась тлетворному вліянію татаръ, евреевъ и нѣмецкихъ колонистовъ.

Возстановить въ Крыму древніе христіанскіе памятники, разрушенные татарами, и основать свой «русскій Аѳонъ», — вотъ главное, чего хотѣлъ достигнуть архипастырь во время своего управленія Херсоно-Таврическою епархією.

Въ намѣреніи устроить въ Крыму «русскій Аѳонъ», преосвященный Иннокентій обновилъ находящійся въ горномъ ущельѣ близъ Бахчисарая скитъ Успенскій, въ которомъ уцѣлѣла еще издревле высѣченная въ скалѣ церковь съ изображенною на стѣнѣ чудотворною иконою Божіей Матери. Этому скиту владыка предназначилъ быть начальною лаврою всѣхъ будущихъ крымскихъ скитовъ.

Съ великимъ усердіемъ заботился владыка объ устроеніи Успенскаго скита и помѣщеніи въ немъ истинныхъ подвижниковъ. Такъ, однажды, услышавъ, что уже много лѣтъ спасается невѣдомый странникъ въ тяжелыхъ веригахъ на одномъ пустынномъ днѣпровскомъ островѣ, посреди тростниковъ днѣпровскихъ, святитель самъ лично поплылъ туда и убѣдилъ его переселиться въ Успенскій скитъ.

Желая сохранить развалины древняго Херсонеса, прославленнаго крещеніемъ великаго князя русскаго Владиміра, преосвященный Иннокентій испросилъ себѣ у намѣстника Кавказскаго эти развалины и постарался устроить тамъ, посреди пустыни, вблизи остатковъ бывшаго соборнаго храма, небольшую церковь во имя святой княгини Ольги съ небольшимъ помѣщеніемъ для иноковъ. Затѣмъ онъ обновилъ изсѣченный руками святаго Климента въ Инкерманской скалѣ древній храмъ, освятилъ его въ память двухъ священномучениковъ Климента и Мартина, пострадавшихъ въ Херсонесѣ,

куда они посланы были на каменоломныя работы, и устроилъ въ этой же скалѣ небольшой скитъ. Не мало стараній п заботъ посвятилъ владыка возобновленію и другихъ скитовъ и киновій крымскихъ, «нынѣ процвѣтающихъ красою, яко кринь сельный, и сіяющихъ вѣрою и благочестіемъ, яко Аѳонъ славный».

Въ Одессѣ преосвященный Иннокентій учредилъ два торжественныхъ крестныхъ хода: одинъ въ день основанія Одессы, другой—въ день ежегоднаго перенесенія въ Одессу Касперовской иконы Божіей Матери. Устроилъ на берегу моря церковь во имя всѣхъ російскихъ святыхъ, въ которой помѣстилъ копии со всѣхъ чудотворныхъ иконъ, какія только есть въ Россіи. Освящая эту церковь, онъ, по обычаю, произнесъ прекрасное слово, которое заключилъ восторженнымъ обращеніемъ къ морю: «Море Черное! ты принесло намъ нѣкогда на хребтѣ своемъ крестъ и евангеліе съ вѣрою православною. Зри и радуйся! Се питомцы сея вѣры, достигшіе въ мужа совершенна, въ мѣру возраста Христова, приходятъ въ ликахъ своихъ цѣлымъ соборомъ вселитися на брегѣ твоемъ, да разумѣешь, что сѣмя вѣры, тобою принесенное, не осталось безъ плода сторичнаго».

Въ послѣдніе годы своего святительства преосвященный Иннокентій прославился самымъ живымъ архипастырскимъ участіемъ въ бѣдствіяхъ Крымской войны и въ высшей степени благотворнымъ вліяніемъ на воиновъ.

Въ 1853 г. былъ объявленъ манифестъ о войнѣ съ Турціей. 8 апрѣля 1854 года непріятельскій англо-французскій флотъ стоялъ уже предъ Одессою во всемъ страшномъ своемъ вооруженіи. Это было на Страстной недѣлѣ въ Великій Четвергъ. Преосвященный совершалъ литургію въ кафедральномъ соборѣ. Молившійся народъ находился въ невольномъ страхѣ въ виду угрожающей опасности. Архипастырь вышелъ предъ своихъ слушателей съ словомъ Евангельскаго утѣшенія: «Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Мя

вѣруйте. Держайте, яко Азь побѣдихъ міръ» (Іоан. 14, 1; 16, 33).

На другой день, въ Великій Пятокъ, непріятельскій флотъ тѣснѣе обложилъ берегъ и усилилъ себя новыми орудіями. Преосвященный Иннокентій не переставалъ утѣшать одесскихъ гражданъ своимъ теплымъ словомъ.

10 апрѣля, въ Великую Субботу, англо-французскій флотъ началъ правильную бомбардировку Одессы. По разсказамъ свидѣтелей-очевидцевъ, рано утромъ раздался со стороны непріятельскаго флота первый выстрѣлъ, за нимъ второй, третій, четвертый... и въ нѣсколько минутъ воздухъ огласился страшнымъ громомъ кровавой брани: дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ, и солнце скрылось въ тучахъ порохового дыма... Три часа дня... Частые удары соборнаго колокола вторили неумолаемому треску и гулу разрушительныхъ смертоносныхъ выстрѣловъ... Среди величественнаго Одесскаго кафедральнаго собора возвышается изящной работы балдахинъ, драпированный чернымъ бархатомъ, а подъ нимъ, на мраморномъ ложѣ, лежитъ святая плащаница. Видны группы колѣнопреклоненнаго народа, со слезами молящагося и благоговѣйно лобызавшаго язвы почивающаго въ гробѣ Живодавца. Архипастырь съ обычною торжественностію безстрашно совершаетъ божественную литургію. Она близилась уже къ концу; пѣли причастный стихъ; вдругъ раздался оглушительный трескъ отъ лопнувшей вблизи непріятельской бомбы; осколокъ попадаетъ въ куполь собора; все потрясается; стекла сыпятся изъ верхнихъ оконъ. Всѣмъ казалось, что массивный куполь сейчасъ разрушится. Пѣснопѣнія прекратились, и народъ, пораженный паническимъ страхомъ, опустился на церковный полъ. Послышались истерическія рыданія и вопли. И въ эти минуты едва ли не одинъ архипастырь сохранилъ полное присутствіе духа. Царскія врата немедленно растворились. Владыка вышелъ изъ алтаря со свѣтильниками, благословилъ всѣхъ и, опираясь на свой

пастырскій жезлъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ произнесъ успокоительное слово, въ которомъ восхвалялъ слушателей за то, что они не рѣшились оставить гроба Спасителя своего даже въ такія грозныя минуты, въ которыя смерть и пагуба носились надъ ихъ собственными головами. При этомъ онъ высказалъ свою увѣренность какъ въ безуспѣшность осады Одессы, такъ и въ скорое ея окончаніе. «Облобызавъ снова язвы Спасителя, говоритъ онъ въ концѣ проповѣди, идите съ миромъ, братіе мои, въ дома свои и ждите спасенія отъ Господа, всегда и вездѣ спасающаго правыя сердцемъ. За Великою Субботою всегда слѣдуетъ Свѣтлый день Воскресенія: не замедлитъ и за настоящею, сугубо-великое Воскресеніе, т.-е. вмѣстѣ съ Воскресеніемъ Господа и наше избавленіе отъ обышедшихъ насъ золь». Предсказаніе святителя сбылось. 11 апрѣля непріятель прекратилъ огонь, а 14, въ среду на Святой, и совѣмъ оставилъ Одессу, направивъ всѣ свои силы къ Севастополю.

Послѣ бѣдственнаго пораженія нашей арміи при рѣкѣ Альмѣ жители г. Симферополя пришли въ ужась и смятеніе. Внезапно, безъ зова, безъ свиты явился среди нихъ архипастырь, совершилъ въ Александро-Невскомъ соборѣ молебствіе и произнесъ слово на текстъ: миръ вамъ. Въ этомъ словѣ онъ обличалъ малодушіе симферопольцевъ и утѣшалъ ихъ надеждою на всемогущее заступничество Божіе. Слово его было такъ сильно, что всѣ бывшіе въ храмѣ отъ стыда горѣли и плакали. Изъ Симферополя преосвященный Иннокентій отправился въ «окровавленный и опаленный» Севастополь, служилъ въ храмахъ и на площадяхъ, говорилъ проповѣди и рѣчи, окроплялъ войска святой водой, раздавалъ имъ иконы, воодушевлялъ, ободрялъ и убѣждалъ постоять за вѣру и отечество, и все это совершалъ при непрерывной пальбѣ изъ непріятельскихъ орудій съ моря и суши. Бомбы, ядра и гранаты падали вблизи, неся смерть и разрушеніе.

Покойный Московскій митрополитъ Макарій такъ рисуетъ

образъ преосвященнаго Иннокентія въ эту грозную, кровавую эпоху: «Его геройское истинно-христіанское мужество и присутствіе духа во время обложенія и бомбардированія Одессы непріятельскимъ флотомъ; его торжественныя службы и вдохновенныя рѣчи къ жителямъ Одессы въ эти страшные дни; его путешествіе въ Крымъ, гдѣ старался онъ словомъ вѣры и упованія успокоить и подкрѣпить злосчастныхъ обитателей страны; его священнослуженія и рѣчи въ самомъ Севастополѣ среди громовъ войны,—все это озарило имя Иннокентія славою высокаго патріота и великаго пастыря Церкви, исполненнаго самоотверженія и любви, готоваго положить за свою наставу, или вмѣстѣ съ нею, собственную душу». Величіе духа святителя Иннокентія обнаружилось и въ посѣщеніи имъ страдалцевъ-воиновъ въ лазаретахъ, гдѣ свирѣпствовалъ заразительный тифъ и гдѣ можно было видѣть всю тяжкую скорбь, всѣ страданія, порождаемыя войною. И здѣсь-то мужественный, истинно-человѣколюбивый пастырь-отецъ являлся ангеломъ-утѣшителемъ страждущихъ, не боясь заразы и не отвращаясь отъ картинъ, способныхъ потрясти сердце человѣческое до самой глубины его.

Но и послѣ заключенія мира съ западно-европейскими державами и Турціей, 8-го апрѣля 1856 года, трудовъ у преосвященнаго Иннокентія нисколько не уменьшилось. Явилось множество заботъ о возстановленіи и исправленіи разрушеннаго войной. Работа кипѣла повсюду: церкви, поврежденныя непріателемъ, поправлялись, на мѣстахъ знаменитыхъ битвъ строились часовни, кладбища обносились рвами и оградами. Къ сожалѣнію, все это іерархомъ было только начато, но довести дѣло до конца уже не суждено ему было.

Въ коронацію Императора Александра II, архіепископъ Иннокентій назначенъ былъ членомъ Святѣйшаго Синода.

Усиленные труды и тревоги надломили здоровье славнаго архипастыря. Предсмертная болѣзнь его — боль въ лѣвомъ боку и груди—началась 26-го апрѣля 1857 г. и продолжа-

лась ровно мѣсяць. 3-го мая владыка причастился Святыхъ Таинъ. Во все время болѣзни онъ сохранялъ свѣтлый умъ и свѣжую память, говорилъ мало, съ колѣнопреклоненіемъ молился, слушалъ чтеніе проповѣдей митрополита Филарета; назначилъ въ духовномъ завѣщаніи всѣ деньги свои сиротамъ, воспитывавшимся въ Михаило-Архангельскомъ женскомъ монастырѣ, также основаннымъ имъ въ Крыму обителямъ, роднымъ своимъ и служившимъ у него.

24-го мая преосвященный Иннокентій призывалъ къ себѣ своихъ пѣвчихъ, обласкалъ ихъ и велѣлъ спѣть: «Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ»..., «Благообразный Іосифъ»... и другія церковныя пѣсни. 25 мая, въ субботу, наканунѣ Троицына дня принималъ графа Строганова, бесѣдовалъ съ нимъ около часу и, между прочимъ, о высокомъ значеніи наступающаго праздника Пресвятой Троицы — любимѣйшій предметъ его. «Это вѣнецъ христіанскихъ торжествъ, — повторялъ онъ не разъ, — то же, что свѣтлый куполь въ величественномъ зданіи. Полна душа моя симъ высочайшимъ торжествомъ христіанства: говоришь, бывало, о немъ, сколько угодно, не готовясь; говоришь, и потокъ неудержимой рѣчи самъ собою льется; говоришь и не наговоришься». Объ этомъ же бесѣдовалъ онъ и съ княгинею Е. К. Воронцовой, посѣщавшей его въ болѣзни. Въ этотъ день онъ приказалъ одному изъ келейниковъ читать канонъ и всю службу съ акаѳистомъ Пресвятой Троицѣ.

Къ вечеру ему стало хуже. Онъ велѣлъ выпустить изъ кѣтокъ всѣхъ птичекъ. Ночь на 26 мая провелъ безпокойно, но, какъ и прежде, въ полномъ умѣ и молитвенномъ настроеніи духа. Къ утру приказалъ келейникамъ приготовить себѣ постель изъ свѣжаго сѣна на полу въ гостиной. Былъ пятый часъ утра. Онъ привсталъ съ постели, нѣсколько разъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, прошелся тихо по комнатамъ при помощи келейниковъ и сказалъ: «Господи, какой день! Потомъ велѣлъ положить себя на сѣно, нѣ-

сколько разъ перемѣнялъ свое положеніе, наконецъ, склонивъ голову на грудь, два раза повторилъ «а, вотъ этакъ хорошо», но сряду же послѣ того сказалъ: «скорѣе, скорѣе поднимите меня», и начавъ молиться, на рукахъ двухъ келейниковъ, колѣнопреклоненный, тихо скончался въ свѣтлый праздникъ Живоначальной Троицы *).

Схимонахъ Іоаннъ Соловецкій.

(Память 26 мая).

Схимонахъ Іоаннъ изъ вольноотпущенныхъ поселенъ Псковской губерніи. Честно и усердно служилъ онъ земному своему господину и сопутствовалъ ему всюду въ трудную эпоху войнъ Россіи съ Наполеономъ I. Получивъ свободу, какъ должную дань вѣрной и усердной службы, онъ всецѣло посвятилъ себя на служеніе Богу въ подвигахъ иноческихъ. Въ 1827 году онъ поступилъ въ Соловецкій монастырь, имѣя отъ роду 52 года, и, какъ искусный портной, долгое время несъ послушаніе закройщика, а потомъ рухольнаго. Въ 1842 году онъ принялъ постриженіе въ схиму, и съ этого времени болѣе 20 лѣтъ жилъ въ Филипповой пустынѣ въ строгомъ воздержаніи, безмолвіи и молитвѣ. Всю дневную службу онъ исправлялъ по чину церковному, съ приложеніемъ иноческаго правила, состоящаго изъ трехъ каѳизмъ Псалтири и 300 земныхъ поклоновъ; никогда не оставлялъ и занятія иглою для пользы братской; въ монастырь приходилъ въ нѣкоторые праздники для приобщенія Святымъ Тайнамъ. Многія и различныя испытывалъ онъ отъ бѣсовъ въ ночныхъ молитвахъ мечты и страхованія. Былъ искреннимъ другомъ пустынножителя Никодима, и нерѣдко посѣщали они другъ друга для взаимнаго подкрѣпленія въ подвигахъ. Послѣдніе годы жизни онъ жилъ въ монастырской больницѣ,

*) „Церк. Вѣд.“ 1900 г. № 31.

но и въ пустыни онъ не оставилъ пустыннаго образа жизни, такъ что не только гдѣ-либо на монастырѣ, но и въ своемъ корридорѣ между собратіями рѣдко его можно было встрѣтить; къ церковному же богослуженію, несмотря на преклонную старость, ходилъ неопустительно почти до самой кончины. Спокойно и почти безболѣзненно онъ приближался къ своему скончанію, постепенно и едва замѣтно угасая, какъ угасаетъ лампада, въ коей истощился до тла горючій матеріаль. Схи-монахъ Іоаннъ скончался о Господѣ 1870 года, 26 мая, имѣя 95 лѣтъ отъ рожденія *).

Симоновскій подвижникъ, монахъ Евсевій.

(Память 27 мая).

Въ Симоновомъ монастырѣ въ г. Москвѣ подъ алтаремъ Сергіевской церкви погребенъ монахъ Евсевій, скончавшійся въ 1836 г. 27 мая, на 69 г. отъ рожденія. Этотъ старецъ многимъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ по своей нестяжательной и Христа ради юродивой жизни и особенно по великому терпѣнію разныхъ поношеній и біеній отъ непонимавшихъ его сокровенной духовной жизни. Смерть его была воистину чиста и честна. При отпѣваніи и несеніи тѣла его отъ Страстнаго монастыря до Симонова многія тысячи гражданъ окружали и сопровождали гробъ его **).

Іеросхимонахъ Псково-Печерскаго монастыря Лазарь.

(Память 27 мая).

Старецъ Псково-Печерскаго монастыря іеросхимонахъ о. Лазарь, отличавшійся строго-подвижническою жизнію въ послѣд-

---

*) Соловецкій Патерикъ.

**) Истор. опис. М. Симон. монастыря. М. 1843 г.

ней половинѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія, родомъ былъ великороссъ, сынъ дьячка. Родился онъ въ 1733 году.

Еще въ санѣ священника въ уѣздномъ городѣ Опочкѣ, Псковской губерніи, о. Лазарь своимъ примѣрнымъ благочестіемъ обратилъ на себя общее вниманіе и заслужилъ любовь не только своихъ добрыхъ прихожанъ и гражданъ, но и окрестныхъ жителей, коихъ привлекала къ нему слава его молитвенныхъ подвиговъ, его кротость и любовь ко всѣмъ. Съ кончиною жены своей о. Лазарь совершенно разорвалъ связь съ міромъ, усилилъ молитвенные подвиги и для совершеннѣйшаго, безпрепятственнаго служенія единому Богу рѣшился принять иночество. Поступивъ въ Псково-Печерскій монастырь, онъ подвизался въ немъ безвыходно до самой своей кончины,—постригся въ монашество въ 1785 году и проходилъ монастырское послушаніе въ должности казначея по 1800 годъ.

Уединенная жизнь о. Лазаря въ Псково-Печерскомъ монастырѣ походила на жизнь древнихъ, благочестивыхъ пустынножителей. Въ келлію его, представлявшую видъ пещеры, мало проникалъ дневной свѣтъ, потому что окна ея застроены были палатками для продажи свѣчъ. Внутри она освѣщается была лампадою, постоянно теплившеюся предъ мѣдной иконой—Распятіемъ Спасителя. Смиренный подвижникъ самъ изъ себя представлялъ чистый свѣтильникъ, горѣвшій любовію къ Богу. Для всегдашняго памятованія о смерти о. Лазарь имѣлъ гробъ, въ которомъ и положенъ былъ по смерти. Ложе его составляла досчатая кровать, покрытая рогожей, а изголовьемъ служилъ камень.

Строго-подвижническая жизнь старца, подъ покровомъ смиренія, вполне известна единому Богу. Напримѣръ, въ продолженіе цѣлой Страстной седмицы о. Лазарь только однажды вкушалъ пищу—въ Великій Четвертокъ, и то, какъ и всегда, очень мало—одну просфору съ водой. Для живой, молитвенной бесѣды съ Богомъ, каждую ночь удалялся любитель без-

молвія въ Успенскую соборную церковь и запералъ за собою изнутри двери; къ утреннему же Богослуженію всегда являлся первый, по первому удару колокола, и каждодневно служилъ раннюю обѣдню.

Для глубоко-благочестиваго старца мало казалось сораспятию Христу подвигами самоумерщвленія—бдѣніемъ, постомъ и молитвою. Съ этимъ внутреннимъ крестомъ онъ соединялъ внѣшній: вскорѣ по вступленіи въ монастырь возложилъ онъ на себя желѣзныя вериги, сначала въ 17-ть, потомъ въ 25-ть фунтовъ; сверхъ того носилъ всегда власяницу.

Съ богомысліемъ, постомъ и молитвою о. Лазарь соединялъ и полезный трудъ—шилъ ризы и вырученныя за работу деньги, вмѣстѣ съ приношеніями отъ различныхъ лицъ, раздавалъ нищимъ и посѣтителямъ, приходившимъ къ нему за благословеніемъ и наставленіемъ, отдѣляя часть денегъ на содержаніе устроенной имъ богадѣльни. Также на свой счетъ сдѣлалъ онъ серебряную ризу на икону сорока мучениковъ въ приходскую церковь во имя великомученицы Варвары. А на иконы монастырскія: 1) сорока мучениковъ, 2) великомученицы Варвары, 3) Параскевы, нареченныя Пятницы, 4) Антонія и Феодосія Печерскихъ чудотворцевъ, 5) Скорбящей Божіей Матери и 6) Живоноснаго Источника, устроилъ вѣнцы съ цатами всѣ серебряно-вызолоченныя.

Однажды настоятель монастыря, о. архимандритъ Венедиктъ, впалъ въ искушеніе касательно употребленія о. Лазаремъ приносимыхъ ему денегъ усердствующими и, тайно обыскавъ его келлію, ничего не нашелъ въ ней.

Въ жизни о. Лазаря было замѣчательнѣйшее, рѣдкое явленіе, о которомъ нельзя умолчать: трое сутокъ онъ находился какъ бы совершенно мертвый, уже положенъ былъ въ гробъ, совершалось надъ нимъ, какъ надъ покойникомъ, чтеніе по чиноположенію Церкви,—все приготовлено было къ погребенію тѣла его; была приготовлена и плита для закрытія гроба его въ пещерѣ—общей усыпальницѣ во 2-й улицѣ, по избра-

нію мѣста самимъ о. Лазаремъ. Это случилось въ 1808 году 1-го января, какъ показано въ надписи на самой плитѣ полууставными буквами: «на семь мѣстѣ погребенъ іеросхимонахъ Лазарь; прежде сего онъ былъ священникомъ въ городѣ Опочкѣ не малое время, а потомъ постриженъ былъ въ монашескій чинъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ; въ томъ и жизнь свою скончалъ въ 1808 году мѣсяца генваря 1-го дня (плита сія хранится въ Богозданной пещерѣ). Но, къ общему изумленію и радости, старецъ ожилъ. Никто не могъ съ точностью опредѣлить сего чуднаго явленія. Самъ старецъ, по чувству, конечно, глубокаго смиренія, никому не открывалъ этой тайны до смерти. По нѣкоторымъ даннымъ, съ вѣроятностію можно полагать, что это явленіе не было естественное; въ немъ замѣтны слѣды особеннаго Промысла Божія. Послѣ своего оживленія о. Лазарь еще увеличилъ свои подвиги—ношеніемъ веригъ болѣе тяжелыхъ, чѣмъ прежде, и посвятилъ себя строжайшему безмолвію.

О. Лазарь прозрѣвалъ въ мысли посѣтителей, коихъ прежде никогда не видалъ и не зналъ; въ бесѣдѣ иногда прикровенно, а иногда явно открывалъ прошедшее и будущее изъ жизни нѣкоторыхъ, и дѣлалъ приличныя при этомъ наставленія. Одинъ молодой человѣкъ—купеческій приказчикъ явился на богомолье въ Печерскій монастырь и, подошедши въ церкви подѣ благословеніе къ о. Лазарю, просилъ его отслужить молебенъ предъ чудотворною иконою Богоматери. Старецъ съ любовію исполнилъ его просьбу и, когда тотъ въ благодарность за молебенъ давалъ весьма значительную сумму, пять рублей (ассигн.), строго сказалъ ему: «клади все, что у тебя есть». Этимъ прикровенно обличалъ онъ его въ похищеніи у своего хозяина трехсотъ рублей (ассигн.). Приказчикъ смутился, упалъ въ ноги прозорливцу, покаялся въ своемъ грѣхѣ; но съ недоумѣніемъ спросилъ: «съ чѣмъ же я, батюшка, пойду домой?» «Съ хлѣбомъ монастырскимъ, который дамъ тебѣ», отвѣчалъ о. Лазарь: «съ нимъ», при-

бавиль, «ты дойдешь до дому безопасно, а съ деньгами не дойти тебѣ». Раскаившійся отдалъ все деньги о. Лазарю, который положилъ ихъ въ церкви отдѣльно отъ монастырскихъ суммъ. Получивъ отъ старца благословеніе и хлѣбъ, обличенный отправился въ путь, съ сожалѣніемъ о своемъ поступкѣ и съ недоумѣніемъ объ оставшихся въ монастырѣ похищенныхъ имъ деньгахъ. Но едва 10-ть верстъ отошелъ отъ монастыря, какъ вышли ему навстрѣчу два разбойника, скрывавшіеся въ оврагѣ, подлѣ озера Утцы, по старой Рижской дорогѣ. Разбойники остановили его и требовали денегъ; но, обыскавъ, ничего не нашли. Одинъ изъ злодѣевъ, въ досадѣ на неудачный поискъ, приступилъ съ ножомъ къ путешественнику. «Когда нѣтъ у него денегъ, возразилъ другой, за что же и убивать его; не стоитъ грѣха на душу братъ». «Для того, отвѣчалъ первый, чтобы достать языкъ. Иначе освобожденный можетъ рассказать о насъ». Несчастный, видя себя въ столь ужасномъ положеніи, съ тайною молитвою обратился къ Божіей Матери — спасенію отчаянныхъ, призывалъ имя о. Лазаря и, безъ сомнѣнія, по его молитвамъ, освобожденный злодѣями, возвратился домой благополучно. Дома хозяину своему молодой человекъ признался въ покражѣ у него денегъ, рассказалъ о случившемся съ нимъ со всею подробностью; не скрылъ и того, что деньги похищенные истребованы старцемъ о. Лазаремъ, вѣрно, для сохраненія. Тронутый рассказомъ о дивномъ старцѣ, набожный купецъ самъ съ своимъ семействомъ рѣшился посѣтить Псково-Печерскую обитель, для поклоненія чудотворной иконѣ Царицы Небесной и для свиданія съ о. Лазаремъ. Послѣ говѣнія въ ней и бесѣды съ дивнымъ старцемъ, онъ не только не принялъ похищенныхъ у него денегъ, которыя возвращалъ ему старецъ, но, по чувству признательности къ о. Лазарю, еще пожертвовалъ до 300 рублей на украшеніе св. обители.

Въ 1822 году смиренный старецъ о. Лазарь, незадолго до своей кончины, послѣдовавшей въ 1824 году, удостоенъ

былъ посѣщенія Государемъ Императоромъ Александромъ I-мъ, въ бытность Его Величества въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, на пути изъ Пскова въ Ригу. Узнавъ отъ настоятеля монастыря, архимандрита Венедикта, о строгой, подвижнической жизни о. Лазаря, Государь пожелалъ лично видѣть старца въ убогой его келліи и, въ сопровожденіи настоятеля, отправился къ нему за благословеніемъ и для келейной бесѣды. Смиранный старецъ, изнемогшій уже тѣломъ, но бодрый духомъ, съ дѣтскою простотою, святою любовію и радостію принялъ дорогого Гостя—Царя. На прощаніи старецъ палъ въ ноги Государю, и Помазанникъ Божій, съ своей стороны, почтилъ его земнымъ поклономъ. Слѣды трогательно-назидательной бесѣды о. Лазаря видны были въ струившихся изъ царственныхъ очей слезахъ, по выходѣ Его Величества изъ старческой келліи.

Самый наружный видъ о. Лазаря обращалъ на себя вниманіе: онъ былъ малаго роста и ходилъ всегда согбеннымъ, съ закрытымъ лицомъ. Въ служеніи видъ лица его крайне казался блѣднымъ, восковаго цвѣта, или точнѣе походилъ на мертвеца. Тѣло его чрезвычайно было истощено, кожа какъ будто приросла къ костямъ. Но при крайнемъ изможденіи тѣла, подвижникъ былъ крѣпокъ духомъ, силенъ обитавшею въ немъ благодатію, дожилъ до глубокой старости, ибо преставился на 91-мъ году отъ рожденія.

Иеросхимонахъ Лазарь, по крайнему изнеможенію оставилъ служеніе ранней обѣдни только за три дня до смерти; нѣсколько разъ былъ онъ соборованъ настоятелемъ вмѣстѣ съ братією въ соборной Успенской церкви, а въ послѣдній разъ—въ келліи за трое сутокъ до кончины и сохранилъ полное сознаніе до послѣдняго вздоха.

Слава Божія выражалась во всей жизни о. Лазаря; потому-то и его кончина была достойна его подвиговъ. Напутствованный всѣми таинствами вѣры, онъ тихо, какъ свѣча догорѣвшая, угасъ въ концѣ пути земнаго странствованія.

Слава о жизни подвижника о. Лазаря сдѣлала имя его далеко извѣстнымъ. Многіе посѣщали Печерскую обитель съ намѣреніемъ увидѣть старца и испросить его благословенія. Нерѣдко помѣщики и купцы, изъ глубокаго уваженія къ о. Лазарю, жертвовали въ монастырь цѣлыми возами разнаго хлѣба. Но особенная всеобщая къ нему признательность выразилась по его смерти. Къ погребенію о. Лазаря, какъ будто по призыву свыше, стеклось столько народу, что совершенно наполнены были имъ церкви и покрыты всѣ площади монастырскія. Цѣлыя груды свѣчъ—большихъ и малыхъ нанесены были къ дорогимъ останкамъ подвижника. Самыя окна церковныя снаружи уставлены были множествомъ свѣчъ; по чрезвычайной тѣснотѣ не было возможности многимъ желающимъ приблизиться къ дорогому гробу. Въ церкви во время погребенія даже негдѣ было ставить свѣчъ.

По кончинѣ о. Лазаря имѣнія у него найдено 10 рублей (ассигн.), съ надписью: «на угощеніе братіи». Строгій къ себѣ о. Лазарь и въ послѣднія минуты жизни, изъ любви къ ближнимъ, почтилъ гостепріимство. Въ день своего Ангела онъ всегда приглашалъ на пирогъ и угощалъ братію. Найдены были также желѣзныя вериги, кои на память подвиговъ его хранятся въ монастырской ризницѣ.

Тѣло о. Лазаря покоится въ особой гробницѣ, подъ каменнымъ сводомъ, въ Богозданной пещерѣ вмѣстѣ съ мощами первыхъ подвижниковъ обители—Марка и Іоны. Изъ благоговѣйной памяти къ о. Лазарю, по усердію нѣкоторыхъ помѣщиковъ, сдѣлана надъ гробницей его мѣдная вызолоченная по краямъ съ вылитыми изъ того же металла херувимами доска, съ надписью: «на семь мѣстѣ погребено тѣло Псково-Печерскаго монастыря іеросхимонаха Лазаря, пріявшаго схиму послѣ 15-ти лѣтняго монашества въ 1800 году и скончавшагося въ 1824 году мая 27-го дня, на 91-мъ году отъ рожденія».

«Помяни, Господи, раба Твоего Лазаря,
здѣ лежащаго и всѣхъ чтущихъ память
его во царствіи Твоемъ».

«По Р. X. въ 1835 году».

Уваженіе и любовь къ благочестивому старцу о. Лазарю простирается далеко за предѣлы его временной жизни. Вначалѣ почти каждый богомолецъ считалъ долгомъ поклониться гробу его. И донинѣ надъ его усыпальницей по усердію служатъ панихиды. Кромѣ общаго синодика монастырскаго почти въ каждомъ частномъ поминаньѣ можно встрѣтить приснопамятное имя схимонаха Лазаря, дорогое сердцу православныхъ, не только окружныхъ жителей Печерскаго монастыря, но и прочихъ уѣздовъ Псковской губерніи, особенно Опочецкаго и Островскаго. Даже въ Ригѣ и Дерптѣ ине лично, а многіе по преданію знаютъ о. Лазаря, благочестіемъ соорудившаго себѣ памятникъ вѣчной славы въ сердцахъ и на небесахъ *).

Иеромонахъ Вассіанъ.

(Память 28 мая).

Въ 1859-мъ году 28-го мая въ половинѣ 12-го часа дня, скончался Оптина Предтечева скита иеромонахъ Вассіанъ на 54-мъ году отъ рожденія; родомъ былъ изъ экономическихъ крестьянъ одного изъ селеній, близкихъ къ Московскому Пѣшношскому монастырю. Еще въ юношескихъ лѣтахъ, часто посѣщая сію обитель и научившись въ ней грамотѣ, чтенію и пѣнію, онъ получилъ вмѣстѣ и первыя сѣмена стремленія къ жизни иноческой; обителью же Пѣшношскою тогда управлялъ опытный старецъ Максимъ (1819—1836), о которомъ о. Вассіанъ сохранилъ самыя свѣтлыя воспоминанія. Вступленіе въ монашество соединено было для

---

*) „Странникъ“ 1862 годъ.

него со многими препятствіями со стороны родителей, но, при помощи Божіей, они всё устранились. Начало полагалъ на Пѣшношѣ, но постриженъ въ Троицкой Сергіевой лаврѣ въ 1826 году, и перешелъ впоследствии въ Московскій Даниловъ монастырь. Но, повлеченію къ пустынной жизни, не могъ удовлетвориться пребываніемъ въ штатной обители, и, приѣхавъ однажды на богомолье въ сію пустынь, плѣнился ея мѣстоположеніемъ, чиномъ и любовью, съ которою былъ принять; съ тѣхъ поръ почти ежегодно сталъ навѣщать ее, гостя по нѣскольку недѣль; а въ 1853 году декабря 4-го перемѣстился въ здѣшній скитъ на постоянное жительство. Скончался отъ рака послѣ трудной 9-ти мѣсячной болѣзни, которую переносилъ съ христіанскимъ благодушіемъ, часто укрѣпляясь въ духѣ приобщеніемъ Св. Таинъ, коего сподобился наканунѣ мирной кончины. Нрава былъ миролюбиваго, характеръ имѣлъ прямой и горячій къ добру; любилъ природу, видя въ ней открытую книгу къ познанію премудрости и благодати Божіей. Будучи человѣкомъ неученымъ, основательностью своихъ сужденій и взглядовъ на вещи могъ служить примѣромъ, какъ вырабатываются люди въ монашеской жизни, если получаютъ правильное направленіе при самомъ вступленіи въ оную.

Архимандритъ Агапиль.

(Память 28 мая).

1877 г. 28-го мая въ половинѣ 8-го часа утра, послѣ продолжительной болѣзни, на 78 году отъ рожденія, тихо, христіански скончался настоятель Ставропигіальнаго, Московскаго Новоспасскаго первокласснаго монастыря, архимандритъ Агапиль, бывший членомъ конторы Святѣйшаго Синода и благочиннымъ ставропигіальныхъ монастырей. Родомъ онъ Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда, сынъ священника бѣднаго села Козлятьева, въ мѣрѣ Петръ Ивановичъ Введен-

скій. Въ 1828 году онъ кончилъ курсъ въ Московской духовной академіи со степенью магистра и затѣмъ проходилъ начальническія должности въ семинаріяхъ и монастыряхъ.

По смерти покойнаго оказались въ келліи его желѣзныя вериги 14-ти фунтовъ. Говорятъ, въ лѣтахъ мужества Агапить, смиряя плоть свою, носилъ ихъ тайно и долго до того, что онѣ вросли въ тѣло его. Этому вѣрить можно несомнѣнно. Покойный, какъ настоятель богатыхъ монастырей: Боголюбскаго, Волоколамскаго и Новоспасскаго, располагалъ обильными средствами, и потому могъ и въ келліи имѣть блистательную обстановку, и одежду носить вполне соответствующую его высокому положенію, и пищу употреблять питательную и приготовленную искусными поварами. Но покойный всю жизнь былъ чистый аскетъ и врагъ всякой изиѣженности и роскоши. Ни чаю, ни бѣлаго хлѣба онъ почти никогда не употреблялъ. Чай у него замѣнялся простой горячей водой съ кусочкомъ сахару, лимономъ и черствымъ чернымъ хлѣбомъ. Обѣдалъ онъ всегда вмѣстѣ съ братією, которая никогда безъ него не начинала своей суровой трапезы, да и то разъ въ сутки (ужинъ въ Новоспасскомъ для іеромонаховъ и іеродіаконовъ не положенъ. Ужиномъ, или правильнѣе скромными послѣ обѣда остатками пользуются лишь послушники). Въ первую же и Страстную седмицы Великаго поста совсѣмъ не являлся въ трапезу, да и въ келліи лишь вечеромъ позволялъ себѣ подкѣрпиться кускомъ хлѣба съ водою, да и то не каждый день. И для себя, и для гостей чайныя чашки у него подавались старинныя, купленныя еще въ 1832 году, когда онъ настоятельствовалъ въ Боголюбовѣ. Въ кабинетѣ его двойныя рамы никогда не выставлялись; диванъ, на которомъ онъ спалъ всегда въ худомъ подрясникѣ и сапогахъ, безъ всякой подстилки, когда то обтянутый дешевымъ ситцемъ, былъ самый жесткій и ветхій. Разныхъ наскѣкомыхъ въ этомъ допотопномъ диванѣ и на полу спальни, который

и къ большимъ праздникамъ рѣдко мыли, было безчисленное множество. О. Агапить не только не заботился о чистотѣ спальни и половъ ея, но и самъ цѣлый вѣкъ не мылся въ банѣ, изрѣдка перемѣняя бѣлье въ спальнѣ. Шелковой рясы или подрясника цѣннаго не видывали на немъ; онъ и лѣтомъ, и зимой ходилъ въ одномъ холодномъ, дешевомъ подрясникѣ и лѣтней убогой, камлотовой ряскѣ. Лѣтомъ ходилъ въ простыхъ крестьянскихъ сапогахъ, а зимою въ валеныхъ. Уѣзжая въ контору Святѣйшаго Синода для присутствія или въ Успенскій соборъ для служенія одѣвался въ ряску получше, да и то не дороже 10 рублей. Въ праздничныя службы тоже любилъ облачаться въ скромныя и не очень дорогія ризы, несмотря на богатство Новоспасской ризницы. Службу любилъ чинную и неспѣшную. Горе было тому чтецу или священнослужителю, который вздумалъ бы читать и божественную службу совершать безъ вниманія и благоговѣннѣя. Послѣ двухъ-трехъ замѣчаній послушникъ безцеремонно изъ обители былъ высылаемъ, а нерадивый по службѣ іеромонахъ былъ штрафованъ при полученіи жалованья. Съ Илинной ревностью преслѣдовалъ Агапить пороки въ подчиненныхъ. Эта ревность не давала ему покоя и по ночамъ. Бывало нерѣдко позднимъ вечеромъ посѣщалъ онъ келліи братскія и слѣдилъ тщательно, кто чѣмъ занимается внѣ храма. Боже упаси, кого найдетъ въ нетрезвомъ видѣ или за чтеніемъ свѣтскихъ книгъ легкаго содержанія. Подобныя книги тутъ же предавались огню, а остатки хмѣльнаго напитка выливались на полъ и самая посуда разбивалась вдребезги. Это судъ на первый разъ, а вторично замѣченный въ винопитіи и разсѣянности не могъ долѣе оставаться въ обители. Бывши инспекторомъ Владимірской семинаріи, по той же ревности къ благочестію и нравственному порядку онъ въ ночное время, несмотря ни на грязь, ни на дождь, ни на темноту осеннюю ходилъ со старшимъ по квартирамъ семинарскимъ и строго наблюдалъ

за нравственностью воспитанниковъ. Шалуновъ и лѣнивцевъ терпѣть не могъ, а благонравныхъ и прилежныхъ любилъ, какъ дѣтей родныхъ, и не жалѣлъ для нихъ ничего. Рожденный подъ соломенной кровлей въ суровой бѣдности и зная по опыту всю горечь и трудность бѣдности, онъ въ дѣлахъ благотворенія доходилъ до рѣдкаго самоотверженія. Состоявшій подъ его управленіемъ Боголюбовъ монастырь доставлялъ ему доходу до 4.000 руб. асс. въ годъ. Онъ, какъ благо-разумный приставникъ Евангельскій, не прилагая сердца къ такому богатству по тогдашнему времени, все безъ остатка употребилъ это богатство на покупку во Владимірѣ за Лыбедью огромнаго дома съ обширнымъ садомъ и устроилъ тамъ первоначальную бурсу для духовныхъ сиротъ, обучавшихся въ семинаріи, со всѣми для нихъ удобствами. Значительное жалованье по должности инспекторской и профессорской все безъ остатка употреблялось имъ на тотъ же предметъ милосердія, такъ что, когда назначили его ректоромъ Виѣанской семинаріи, ему не съ чѣмъ было добраться туда, и онъ принужденъ былъ занять необходимую сумму на дорогу и 25 р. въ подарокъ бѣднымъ своимъ родителямъ. По смерти его, несмотря на то, что 24 года управлялъ онъ Новоспаскою обителью, осталось послѣ него лишь огромное количество разныхъ духовныхъ книгъ и журналовъ, а денегъ не оказалось, кромѣ доходу изъ братской кружки, удержаннаго за послѣдній годъ его болѣзненнаго состоянія. Значительный капиталъ его израсходованъ на богоугодныя дѣла: на выписку книгъ, на благотвореніе миссіямъ, на построеніе и улучшеніе церквей въ западныхъ губерніяхъ, а частію и на поддержку бѣдныхъ сродниковъ, коихъ у него многое множество. Не мало, иногда до ста и полутора ста рублей, ему достававшихся при раздѣлѣ братской кружки, любилъ онъ раздавать монахамъ въ награду за исправное и усердное прохожденіе возложенныхъ на нихъ послушаній, а равно и бѣднымъ послушникамъ вдобавокъ къ малому ихъ жалованью.

Въ лѣтахъ своей юности привыкну у бѣдныхъ родителей жать, косить, молотить, дрова рубить, Агапиту и въ санѣ архимандрита, живя въ Юсифо-Волоколамскомъ монастырѣ, почасту занимался черными работами. Въ грубомъ одѣяніи, въ простыхъ рукавицахъ, какъ Серафимъ Саровскій, съ топоромъ въ рукахъ отправлялся онъ въ монастырскій дремучій лѣсъ и, благодаря отъ природы крѣпкому своему сложенію, цѣлые дни проводилъ тамъ въ трудахъ. Тяжелыя лѣсныя работы не прошли даромъ: онѣ наградили Агапиту грыжею, которая періодически страшно мучила его до гробовой доски. Пособить горю трудно было: ни бандажей не носилъ, и никакихъ другихъ медицинскихъ пособій при этомъ случаѣ онъ не принималъ почти вовсе, но какъ добровольный мученикъ, мужественно терпѣлъ мучительную боль, смотря на нее, какъ на наказаніе Божіе за вольныя и невольныя прегрѣшенія свои. Въ Новоспасскомъ обширномъ саду его видали на покосѣ съ граблями въ рукахъ, а въ келліи съ иголкою и сапожнымъ шиломъ. Одежду и сапоги, а равно поношенныя ризы и стихари, онъ всегда починалъ самъ. Ризницу монастырскую берегъ и хранилъ, какъ самый вѣрный и неподкупный стражъ. Покойный жилъ подвижнически и умеръ чистымъ аскетомъ. Свѣтскихъ посѣтителей, хотя бы это были знаменитые владчики Новоспасской обители, онъ рѣдко принималъ на чашку чая и большею частію уклонялся отъ бесѣдъ съ ними. Отъ лицъ сомнительнаго поведенія и пожертвованія въ монастырь не всегда принималъ. За утреннимъ чаемъ съ однимъ изъ сельскихъ священниковъ, бывшимъ его воспитанникомъ по семинаріи, однажды доложили Агапиту, что его желаетъ видѣть Н. Н., полковникъ гвардіи. «Скажите ему, сказалъ архимандритъ, что у меня почтенный гость, я уже занятъ имъ и не имѣю времени принять новаго посѣтителя». Понятно, какъ удивился священникъ такому поступку своего бывшего наставника и пораженъ былъ такимъ неожиданнымъ предпочтеніемъ.

Разсказываютъ сверстники покойнаго, что когда онъ учился въ училищѣ и въ семинаріи, то, вопреки школьному обычаю до прихода наставника погулять по классу съ товарищами, прямо садился за парту, и чинно, молча готовился къ учебнымъ отвѣтамъ. Разсмѣшить его или пошутить съ нимъ было невозможно. Нѣкоторые веселаго характера товарищи, ударившись объ закладъ, брались чѣмъ-нибудь развлечь Петра Ивановича Введенскаго. Но при всемъ обиліи семинарскихъ остротъ и разныхъ анекдотовъ курьезныхъ отходили отъ него безъ успѣха. Петръ Ивановичъ, не обращая вниманія на молодыхъ искусителей, сидѣлъ надъ книгою или тетрадкою, и по скромности оставался всегда себѣ равень. Ни иѣсенъ свѣтскихъ, никакихъ бантъ семинарскихъ никто не слыхивалъ отъ него, да и голосомъ самымъ тихимъ природа одарила его.

За строго нравственную жизнь и ученость Агапитель пользовался особеннымъ благоволеніемъ Московскаго митрополита Филарета. Владыка не разъ предлагалъ Агапиту занять епископскую кафедру. Но Агапитель всегда смиренно уклонялся отъ такого сана. Всякое ходатайство, всякое прошеніе Агапитя митрополитъ милостиво уважалъ. Но Агапитель, неумолимый и неподкупный, ни подъ какимъ видомъ не позволялъ себѣ злоупотреблять такою благосклонностью архипастырскою. Разъ одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ Агапитя, вынужденный крайнею бѣдностію и многочисленнымъ семействомъ, явился къ нему просить ходатайства у митрополита о перемѣщеніи съ бѣднаго прихода на богатый. Агапитель, зная, что бѣдность просителя между прочимъ есть слѣдствіе его нетерпимыхъ въ духовенствѣ слабостей, сказалъ ему: «хорошо, я вотъ съѣзжу и попрошу владыку, а ты посиди здѣсь». Явившись къ митрополиту, нашъ ходатай удивилъ его своимъ прошеніемъ.

«Владыко святыи! мой сродникъ N. N. хочетъ безпокоить васъ просьбою о перемѣщеніи его на другое, болѣе выгодное

мѣсто. Пожалуйста, прогоните его: онъ по жизни своей не милости, а наказанія архипастырскаго достоинъ». Митрополитъ улыбнулся и отвѣчалъ.

— Ну, братъ, хорошъ ты ходатай... исполню прошеніе твое.

Агапить, возвратившись, сказалъ сроднику тому: «дѣло твое кончено. Завтра иди ко владыкѣ и получишь достойное». Обрадованный проситель, поклонившись архимандриту, утромъ въ 9-ть часовъ предсталъ съ прошеніемъ ко владыкѣ.

— Чего ты просишь? спросилъ владыка.

— Того же, владыко святой, о чемъ вчера утруждалъ ваше высокопреосвященство о. архимандритъ Агапить.

— Ну, такъ надобно отослать тебя подъ началъ: ты, говорятъ, живешь нетрезво.

Бѣдный проситель, до глубины души пораженный такою неожиданностью и грозною резолюціею словесною, едва на ногахъ устоялъ и затѣмъ слезно просилъ архипастыря помиловать его, обѣщая скоро исправиться. Помиланный, онъ къ Агапиту уже не показался. Года чрезъ два, когда онъ дѣйствительно исправился, Агапить и не ищущему его обрѣлся самъ, сжалился надъ многочисленнымъ бѣднымъ семействомъ и исходатайствовалъ отцу его лучшее мѣсто.

Многіе воспитанники его московскіе протоіереи, услыхавъ, что наставникъ ихъ скончался и 31-го мая имѣеть быть погребеніе его, съ полнымъ усердіемъ явились отдать послѣдній долгъ ему. Заупокойную литургію совершалъ преосв. Игнатій. Почившій положенъ во гробѣ, лѣтъ за 9-ть купленномъ еще имъ самимъ, и погребенъ въ могилѣ, тоже заранѣе приготовленной имъ подъ папертью холоднаго собора *).

---

*) „Душ. Чт.“ 1877 г.

Сухотинскаго Знаменскаго монастыря монахиня Дороея.

(Память 29 мая).

Монахиня Дороея, въ мѣрѣ Надежда Васильевна Шульгина, урожденная Высочинова, происходила изъ дворянской фамиліи Харьковской губерніи. Родилась она въ 1810 г. отъ отца Василія Матвѣевича и матери Анисьи Яковлевны Высочиновыхъ, помѣщиковъ средней руки, весьма небогатыхъ, обремененныхъ немалою семьею: у нихъ былъ одинъ сынъ Прохоръ и четыре дочери: Александра, Пелагея, Анна и Надежда, которая, какъ меньшая, особенно была любима и ласкаема своими родителями. Василій Матвѣевичъ рано умеръ, оставивъ дѣтей малолѣтними сиротами, на попеченіе вдовы матери ихъ и брата своего, стараго холостяка Федора Матвѣевича.

Надежда, младшая сестра ихъ, красавица собой, была взята на воспитаніе дальнею родственницею ихъ—Ольгою Ивановною Тарановскою. Ольга Ивановна, женщина добрая, весьма благочестивая отъ души полюбила хорошенькую Надю и воспитывала ее какъ родную дочь. Она отдала ее въ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ и тамъ содержала ее на свой счетъ до окончанія ею полнаго курса ученія. Анисья Яковлевна тѣмъ временемъ умерла; Надя стала круглою сиротой и еще болѣе прилѣпилась неліцемерною любовью ко второй своей матери, Ольгѣ Ивановнѣ. Еще будучи дѣвочкой полюбила она монашество. Ольга Ивановна, замѣтившая склонность Нади къ монашеству, всячески вооружалась противъ этой склонности, ибо жаль ей было отдавать молодую дѣвушку на суровые подвиги монастырскіе. Она прекратила приемъ къ себѣ монахинь, перестала ѣздить по монастырямъ и старалась познакомить дѣвушку съ удовольствіями мірскими, чтобы тѣмъ заглушить въ ней порывы къ аскетизму. Моло-

дая дѣвица волей-неволей должна была поступать по желанію своей благодѣтельница, на время заглушить боголюбивые порывы души своей и вступить въ свѣтъ. Вскорѣ нашелся желающій вступить съ нею въ супружество, капитанъ Шульгинъ, человѣкъ со средствами, обѣщавшій ей безбѣдное и привольное житье. Благодѣтельница ея Тарановская, братья и сестры ея очень желали этого брака, и съ ихъ благословенія онъ состоялся. Надежда Васильевна прилѣпилась къ мужу своему нелицемѣрною любовью, послѣдовала съ нимъ къ мѣсту его служенія, сдѣлалась примѣрной женой и хозяйкой; но Богъ не благословилъ ее семей, что было немалую скорбью для нея и ея мужа. Пребывая безчадною, Надежда Васильевна любила бывать въ церкви при богослуженіи, соблюдала посты, принимала странниковъ, благотворила нищимъ. Сама выросшая сиротой въ чужомъ домѣ, особенное участіе принимала она потомъ всегда въ сиротахъ-дѣвочкахъ, и какъ обладавшая хорошимъ институтскимъ образованіемъ, еще при мужѣ принимала къ себѣ и учила подобныхъ сиротокъ, что служило ей развлеченіемъ при ея безчадствѣ. Служба мужа ея была выгодная, жили они съ достаткомъ, дѣлали сбереженія и вообще пользовались полнымъ счастіемъ. Но оно бываетъ измѣнчиво: на мужа ея пошли невзгоды по службѣ, сдѣланъ былъ на него довольно значительный денежный начеть; онъ былъ отрѣшенъ отъ должности и хотя потомъ оправдался, но все-таки долженъ былъ выйти въ отставку. Надеждѣ Васильевнѣ послѣ отца и дяди достался по наслѣдству участокъ земли въ родномъ имѣніи Высочиновыхъ, селѣ Высочиновкѣ. Сюда переѣхала она съ мужемъ, устроила себѣ скромную сельскую усадьбу и начала заниматься сельскимъ хозяйствомъ. Шульгинъ, потрясенный неудачами служебными, недолго однако прожилъ тихую сельскую жизнь, захворалъ, долго болѣлъ и скончался, оставивъ Надежду Васильевну безутѣшною вдовою. Скорбь ея по началу была такъ сильна, что опасались даже, что

она лишится разсудка. Надежда Васильевна, нѣсколько оправившись послѣ поразившаго ее удара, поѣхала на богомолье въ Кіевъ, гдѣ прожила около мѣсяца, усердно молилась, поклонялась тамошнимъ святынямъ, говѣла и причастилась Св. Таинъ, послѣ чего почувствовала въ душѣ своей облегченіе жгучей скорби о потерѣ супруга. При мощахъ св. великомученицы Варвары въ Златоверхово-Михайловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ данъ ею въ душѣ обѣтъ болѣе замужъ не выходить и жизнь свою посвятить на благоугожденіе Богу, при чемъ сдѣлала св. Варвару поручницей своего обѣта.

Поселившись въ своей усадьбѣ съ двумя сестрами своими Александрой, тоже вдовой, и Пелагією, пожилою дѣвицею, стала она помогать имъ въ обученіи дѣвочекъ. У нихъ составилось нѣчто въ родѣ женской школы или пансіона, куда окрестные жители съ охотой стали отдавать своихъ дочерей. Это давало сестрамъ средства къ жизни, а Надеждѣ Васильевнѣ и немалое развлеченіе въ ея скорбномъ одиночествѣ. Къ скорби о потерѣ супруга присоединилась еще скорбь о неизлѣчимой тяжелой болѣзни, постигшей единственнаго нѣжно любимаго брата ея Прохора Васильевича. Намѣтилъ онъ другую жизнь въ семействѣ помѣщика одного съ нимъ уѣзда, сдѣлалъ предложеніе, получилъ согласіе дѣвушки. Назначенъ былъ самый день брака, но браку этому не суждено было совершиться, — онъ разстроился по наговорамъ людскимъ. Невѣста, горячо полюбившая Прохора Васильевича, глубоко огорченная его отказомъ, рѣшилась навсегда остаться въ дѣвствѣ и пребывала въ дѣвствѣ до самой своей кончины, а на него слезно жаловалась Богу и людямъ. Но Прохоръ Васильевичъ, по обычаю молодыхъ людей, мало обратилъ на это вниманія, нашелъ себѣ другую невѣсту и сочетался съ ней бракомъ, вскорѣ послѣ котораго его постигла жестокая падучая болѣзнь, которой дотолѣ онъ никогда не былъ подверженъ. Жизнь его стала самою страдальческою: изъ статнаго молодого человѣка превратился онъ въ согбеннаго, дро-

жащаго всѣми членами страдальца, съ которымъ припадки падучей случались почти ежедневно. Жена его и сестры ухаживали за нимъ съ примѣрною любовію, особенно послѣднія, которыя ясно сознавали, за что постигъ его этотъ недугъ и что въ его винѣ и онѣ не непричастны были. Съ болѣзнію брата жизнь и хозяйство сестеръ Высочиновыхъ очень разстроились; онѣ стали нуждаться въ средствахъ къ существованію самому незатѣйливому, и наконецъ должны были продать все свое наслѣдственное имѣніе въ селѣ Высочиновѣ, подѣлились деньгами и разошлись въ разные концы зарабатывать себѣ учительствомъ кусокъ насущнаго хлѣба.

Надежда Васильевна, меньшая изъ сестеръ Высочиновыхъ, послѣ продажи имѣнія пріютилась у одной своей институтской подруги, вышедшей замужъ за Н., богатаго помѣщика войска Донскаго. Надежда Васильевна была всегда пріятною для нея собесѣдницей, помогала ей въ домашнемъ хозяйствѣ и занималась съ ея дочерьми, замѣняя собою лучшую гувернантку. Дочери ея сильно полюбили Надежду Васильевну, которая въ свою очередь ихъ полюбила отъ души и усердно занялась ихъ воспитаніемъ. Сдѣлавшись членомъ семьи своей подруги, раздѣляя съ ней и радость и горе, въ роскоши и довольствѣ прожила съ ней Надежда Васильевна цѣлыхъ 25 лѣтъ и наконецъ стала думать, что эта роскошная и привольная мірская жизнь не соотвѣтствуетъ тому обѣту до смертнаго уединеннаго вдовства, который былъ ею данъ Богу подѣ поручительствомъ св. великомученицы Варвары въ Кіевѣ.

Семейство, въ коемъ она жила, собралось въ Кіевъ на богомолье; поѣхала съ ними и Надежда Васильевна. Пребывая въ лаврской гостиницѣ много слышали они о прозорливости старца подвижника Кіево-Печерской лавры іеросхимонаха Пароенія. Старецъ встрѣтилъ ихъ привѣтливо и сказалъ Надеждѣ Васильевнѣ: «ты скоро будешь въ монастырѣ». Слова

эти глубоко запали въ ея душу; она въ восторгѣ духовномъ вышла отъ старца и вскорѣ поступила въ Сухотинъ монастырь. Принятая съ любовью игуменьей Дорожеей, обласканная ею и водворенная въ игуменскихъ келліяхъ обители, Надежда Васильевна почувствовала себя вполне счастливою и благодарила Бога, что подъ старость лѣтъ указалъ Онъ ей этотъ тихій и мирный уголокъ, гдѣ сможетъ она богоугодно окончить свою скитальческую и многотревожную жизнь.

Надежда Васильевна поступила въ Сухотинскій Знаменскій монастырь въ 1864 г. 27 января и какъ благонадежная и высокообразованная особа, сряду же по волѣ настоятельницы заняла въ немъ послушаніе ризничей и письмоводительницы, которыя и проходила въ теченіе почти двадцати лѣтъ съ великимъ усердіемъ и трудолюбіемъ до самой своей кончины. Обладая изящнымъ вкусомъ, сама опытная рукодѣльница, привела она ризницу Сухотинскаго монастыря въ прекрасный порядокъ. Но еще болѣе трудовъ выпало на долю Надежды Васильевны въ другомъ ея послушаніи — письмоводительскомъ: обладая прекраснымъ четкимъ почеркомъ, образованная многосторонне, все письмоводство въ монастырѣ взяла она на себя, трудилась за всѣхъ, трудилась неутомимо. не давая себѣ покоя, ни отдыха, съ великою пользою для монастыря. Всѣ отчеты, счетныя книги и дѣловыя бумаги монастыря были ею составляемы и писаны. Кромѣ того отъ игуменьи Дорожеей вела Надежда Васильевна обширную переписку съ благотворителями Сухотинскаго монастыря въ разныхъ концахъ Россіи, умѣла писать письма увлекательно и душеназидательно, что было причиной увеличенія пожертвованій въ пользу обители Сухотинской.

Трудно было по началу Надеждѣ Васильевнѣ изнѣженной жизнью въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, свыкаться съ суровой пищей, одеждой и вообще бытомъ монастыря, гдѣ нужно было рано ночью вставать къ утренѣ, довольствоваться по большей части однѣми пустыми щами да убогою

кашицей, не имѣть покойной постели и очень мало свободного времени имѣть вообще для отдыха тѣлеснаго, но ревность и усердіе ея къ Богу превозмогли всѣ эти невзгоды жизни монастырской: со всѣмъ этимъ свыклась она, стерпѣлась, стала примѣрной подвижницей, въ которой духъ видимо властвовалъ надъ плотью. Очень много помогли ей въ этомъ совѣты и наставленія опытной старицы-игуменьи Дороеи, которая приняла ее подъ особое свое материнское попеченіе, руководила ею, какъ знакомая со всѣми искушеніями иноческими, оберегала ее въ опасныя минуты унынія и сомнѣнія, воодушевляла и утѣшала при скорбяхъ, неразлучныхъ въ подвигъ иночества и вообще содѣйствовала тщательно духовному ея преуспѣянію.

Въ 1867 г., 20 августа, пострижена она въ мантию, при чемъ наименована Дороеею, по желанію и особой любви къ ней игуменьи Дороеи, которая сама воспріяла ее при постригѣ отъ св. Евангелія и, какъ пріемная мать, до самой кончины своей отличала ее особымъ своимъ довѣріемъ и любовью. Съ постриженіемъ въ мантию, монахиня Дороея осталась при прежнихъ своихъ послушаніяхъ ризничей и письмоводительницы, съ начала и до конца иночества она проходила ихъ неизмѣнно. Она была нужна и незамѣнима въ этихъ послушаніяхъ Сухотинскому монастырю. При всѣхъ своихъ достоинствахъ мать Дороея отличалась еще крайнимъ смиреніемъ; ничего хорошаго она въ себѣ не замѣчала и не сознавала, одно худое только въ себѣ видѣла, искренне благоговѣла предъ своей пріемной матерью и настоятельницею игуменьею Дороеею и всѣхъ сестеръ обители считала выше себя, всѣмъ угождала, всѣхъ нелицемѣрно любила и любовію своею побуждала даже враждовавшихъ къ ней, какъ къ любимицѣ игуменской.

Въ 1870 г., 9 марта, игуменія Дороея скончалась о Господѣ. Кончина игуменьи Дороеи была невыразимо скорбнымъ ударомъ для монахини Дороеи. Преемница игуменьи

Дороеи въ настоятельствѣ Сухотинскаго Знаменскаго монастыря игуменія Агнія была спостница матери Дороеи и любила ее, что нѣсколько утѣшило мать Дороею въ понесенной горькой утратѣ. Обѣ онѣ были духовныя воспитанницы одной матери духовной, горячо ее любившія и горько оплакивавшія, потому любовь о Христѣ еще болѣе соединила ихъ въ самомъ этомъ чувствѣ общаго сиротства. И мать Дороея прилѣпилась всей душой къ новой настоятельницѣ, служила ей вѣрою и правдою въ послушаніяхъ, ей поручаемыхъ, была для нея правою рукою въ этомъ отношеніи, другомъ, совѣтницей во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ ко благу ихъ обители. Строгая постница, соблюдала она въ точности уставъ монастырскій, въ понедѣльникъ, среду и пятокъ никогда рыбы не кушала, а въ Великій и Успенскій посты и масла не употребляла, хотя видимо изнемогала отъ совершенно постной пищи. Подвигъ молитвенный проходила нелѣбно: кромѣ присутствія въ церкви за всѣми службами и правилами дневными и въ келліи молилась много, читала св. Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь и книги святоотеческія. Особенно любила мать Дороея дѣтей: сама отличавшаяся дѣтскимъ простодушіемъ и кротостію, къ дѣтямъ всегда относилась какъ къ равнымъ себѣ и говорила: «души-то у нихъ передъ Богомъ лучше нашихъ, ибо не запачканы грѣхомъ». Несмотря на недосуги своего послушанія, находила она время еще обучать дѣвочекъ-сиротокъ, родственницъ сухотинскихъ монахинь, у нихъ проживавшихъ по бѣдности и сиротству, которыя прилѣплялись къ ней особою любовью и учились у нея съ охотою и успѣхомъ. Если что получить лакомое изъ пищи, сама не скушаетъ, припрятетъ и сиротокъ этихъ потомъ покормитъ. Была также весьма гостепріимна: въ праздничные дни любила позвать къ себѣ любимыхъ сестеръ, человѣка два-три позоветъ и угоститъ, чѣмъ только можно изъ своихъ сбереженій, принаравливаясь притомъ ко вкусамъ каждой изъ сво-

ихъ гостей: кому яблочко, кому приникъ припасеть, кому кусочекъ рыбнаго жаркаго или самодѣльнаго пирожнаго, и все это съ неподдѣльною любовью. «Это у меня вечера любви», говоритъ она при подобныхъ приемахъ у себя и всячески экономничаетъ и стѣсняетъ себя во все, чтобы собрать малыя крохи для подобной вечера въ праздничный день.

Живо принимая къ сердцу все относившееся къ обители Сухотинской, мать Дороея радовалась ея радостями и скорбѣла ея скорбями; такъ въ 1880 г. ее радовало благодатное исцѣленіе, полученное отъ чудотворной иконы Богоматери Троеручицы, что въ Сухотинскомъ монастырѣ, однимъ сосѣднимъ помѣщикомъ, молодымъ человѣкомъ, до болѣзни зараженнымъ полнымъ безвѣріемъ: онъ заболѣлъ ногами въ такой сильной степени, что доктора отказались уже лѣчить его, объявили безнадежнымъ больнымъ, ибо ноги его уже посинѣли, и угрожала опасность развитія въ нихъ гангрены. Когда же по просьбѣ его была принесена къ нему св. икона Владычицы Сухотинскими инокинями, отслуженъ предъ нею молебенъ водосвятный, и ноги его были окроплены св. водою, чрезъ нѣсколько дней почувствовалъ онъ себя лучше, могъ уже ходить, сдѣлался вѣрующимъ христіаниномъ, пришелъ въ церковь Сухотинскаго монастыря, говѣлъ тамъ и причащался Св. Таинъ и потомъ, въ знакъ признательности своей къ Царицѣ Небесной, видимо его исцѣлившей, пожертвовалъ Сухотинскому монастырю свою сосѣднюю съ нимъ усадьбу и 40 десятинъ при ней земли, что для обители Сухотинской, стѣсненной пространственно и небогатой средствами къ содержанію, было великимъ благодѣніемъ, которому мать Дороея радовалась отъ души.

Въ другой разъ, когда недобрые люди украли лошадей Сухотинскаго монастыря, чѣмъ нанесли ему немалый убытокъ и великую скорбь его инокинямъ, мать Дороея горько оплакивала это горестное для нея событіе.

Съ 1873 г. стала она чувствовать ослабленіе въ силахъ

тѣлесныхъ, годы брали свое, и прежняя ея бодрость стала смѣняться старческою хилостию. У нея открылись болѣзни: то отекъ въ ногахъ, то удушье въ груди, сердцебіеніе и частыя головныя боли. Нерѣдко также жаловалась она на ослабленіе зрѣнія, болѣзнь глазъ, боли въ правой рукѣ, въ которой судороги болѣзненно сжимали ея пальцы и мѣшали ей попрежнему дѣятельно трудиться въ письмоводствѣ. Съ наступленіемъ 1884 г., 74 года жизни матери Дорожеи, стала она очень уже ослабѣвать въ силахъ. Подъ конецъ 1884 года стала нападать на нее усиленно тоска безотчетная и уныніе; сомнѣвалась она въ своемъ спасеніи, видѣла себя обреченною на муки адскія, какъ бы предвкушала эти муки въ томительной тоскѣ. Не скоро и не вдругъ даровано ей было это освобожденіе отъ «мрака мысленнаго», какъ называла она свое душевное состояніе въ минуты унынія.

Въ той келліи, въ которой жила въ Сухотинскомъ монастырѣ мать Дорожея, жила нѣкогда уважаемая въ томъ монастырѣ за святую подвижническую жизнь монахиня Миропія. Эта Миропія еще особенно извѣстна стала тѣмъ, что имѣла въ келліи своей благодати причастную икону Богоматери Казанскую, которую по особому повелѣнію свыше принесла она въ Вышинскую пустынь Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда, гдѣ впоследствии икона эта прославилась многими чудотворными дѣйствіями и стала главною святынею той пустыни, привлекающею туда много богомольцевъ. По смерти Миропіи, память ея очень стала читаться въ Сухотинскомъ монастырѣ; чтила ее и мать Дорожея, имѣла въ келліи своей портретъ Миропіи и считала себя счастливою, что сподобилась жить именно въ той келліи, гдѣ подвизалась эта раба Христова. Въ одинъ изъ приступовъ унынія и тоски, когда мрачныя мысли о томъ, что погибла она навѣки, что по грѣхамъ ея нѣтъ надежды на спасеніе, какъ густой туманъ наполняли ея голову, сидѣла мать Дорожея въ своей келліи противъ портрета Миропіи и, глядя на него,

подумала: «хоть бы ради твоихъ молитвъ, праведница Божія, спастись мнѣ и хоть бы въ самомъ послѣднемъ уголкѣ царствія Божія обрѣстись по смерти». Только что подумала она объ этомъ, слышитъ тихій голосъ надъ самымъ ухомъ, который ясно ей проговорилъ: «скоро будешь со мной!» причемъ показалось ей, что портретъ Миропіи точно живой на нее глядитъ. Съ тѣхъ поръ уныніе отъ нея отступило, она стала покойнѣе, тоски болѣе не испытывала и готовилась къ смерти, такъ какъ ощущала въ себѣ ясное предчувствіе того, что недолго уже прожить. Осенью 1884 года постигла ее лихорадка, которой до того никогда не испытывала она, и въ теченіе всей почти зимы 1884—1885 г.г. временами все ее посѣщала.

Съ наступленіемъ 1885 года радость полученія печатнаго акаѳиста Богоматери Троеручицѣ нѣсколько воодушевила старицу: радостью святою радовалась она, славилла и благодарила Бога. Вскорѣ послѣ Пасхи, 6 апрѣля 1885 года сдѣлался съ нею легкій ударъ; нѣсколько времени провела она въ безпамятствѣ, потомъ пришла въ себя, но очень измѣнилась, ослабѣла и хотя продолжала ходить и бывать въ церкви, но видимо дѣлала это съ усиліемъ. Часто говѣла и причащалась Св. Тайнъ и когда нѣкоторыя изъ сестеръ замѣтили ей, что прежде этого она не дѣлала, то она отвѣтила: «время мое близъ дверей, нужно спѣшить напитать душу свою брашномъ негиблющимъ». Келейная ея, монахиня Клавдія замѣтила, что мать Дороея стала раздавать многія келейныя свои вещи, которыми прежде дорожила, и спросила ее: «а себѣ что же вы, матушка, ничего не оставляете, все раздаете?» — «Мнѣ скоро ничего не нужно будетъ», тихо отвѣтила ей мать Дороея.

Въ первую недѣлю Петрова поста и въ послѣднюю своей земной жизни, мать Дороея тоже говѣла, съ 20 по 25 мая, съ обычнымъ своимъ благоговѣніемъ готовилась и причастилась Св. Тайнъ въ церкви, въ полной монашеской одеждѣ:

мантіи и клобукѣ, и всю эту недѣлю неопустительно ходила въ церковь ко всѣмъ службамъ и правиламъ, хотя очень слаба уже была силами тѣлесными. За 4 дня до смерти видѣла она сонъ: будто пришла къ ней одна сухотинская монахиня (еще здравствующая) въ полномъ монашескомъ одѣяніи и стала ее гнать изъ келліи, говоря: «иди въ рай, иди въ рай». Въ испугѣ мать Дороея начала повторять во снѣ эти слова и такъ громко, что ими разбудила свою келейную. Было это ровно въ часъ ночи. Послѣ этого мать Дороея стала ходить по келліямъ монахинь ей близкихъ по духу, прощалась съ ними, просила себѣ ихъ молитвъ; встрѣтить кого изъ сестеръ въ монастырѣ, со всѣми прощается; пошла сама и выбрала себѣ мѣсто для могилы въ саду монастырскомъ, и все это такъ мирно и спокойно, точно дѣлала она свое обычное дѣло. 28 мая, въ 4 часа пополудни, заблаговѣстили въ Сухотинскомъ монастырѣ къ вечернѣ. Келейная ея, монахиня Клавдія, видя ея крайнюю слабость, говоритъ ей: «матушка, вы бы уже не ходили къ вечернѣ, а то на васъ лица нѣтъ, очень уже вы измѣнились, изнемогли!» А она ей отвѣчаетъ: «ахъ, какъ же я не пойду, можетъ быть это уже для меня послѣдняя вечерня въ этой жизни; нѣтъ, пойду, пойду!» и пошла, выстояла вечерню, выстояла и вечернее правило все до конца и очень веселая пришла изъ церкви въ свою келлію. Когда легла она на свое ложе, келейная ея не замѣтила, уснувши. Къ утрени она сама всегда будила свою келейную, но на утрени 29 мая этого не случилось. Келейная сама встала, подошла къ ней и говоритъ: «матушка, или вы не пойдете къ заутренѣ, что не встаете?» А она только смотритъ и молчитъ. Собрались къ ней монахини сосѣднихъ келлій, дали знать игуменіи Агніи; та пришла къ ней и спрашиваетъ ее: «что съ вами дорогая моя Дороея Васильевна?» Мать Дороея съ видимымъ усиліемъ повернула къ ней свою голову, пристально на нее поглядѣла, сомкнула глаза и уже болѣе ихъ не от-

крывала. Игуменія Агніа послала за монастырскими священниками, просила ихъ совершить надъ болящею таинство елеосвященія. Соборованіе кончилось, а умирающая все еще дышала. Духовникъ ея началъ читать отходную, клиросныя пѣли въ полголоса ирмосы канона; рыданія монахинь сдѣлались всеобщими и заглушали трогательное чтеніе. По окончаніи отходной, монахини попеременно стали читать у изголовья умирающей акаѣисты: Страстямъ Христовымъ, Успенію Богоматери, архистратигу Михаилу, св. великомученицѣ Варварѣ, св. ангелу Хранителю; и когда дочитывали послѣднюю молитву этого акаѣиста, мать Дороея перестала дышать, отошла ко Господу тихо и безболѣзненно. 30 мая совершенно соборнѣ честное ея погребеніе священниками Сухотинскаго монастыря. Руками инокинъ гробъ ея былъ вынесенъ изъ храма Божія и опущенъ въ тихую могилу, устроенную для нея усердіемъ игуменіи Агніи противъ алтаря Знаменской церкви Сухотинскаго монастыря, подъ развѣсистымъ деревомъ монастырскаго сада *).

Меѳодій, епископъ Астраханскій и Ставропольскій.

(Память 29 мая).

Епископъ Меѳодій былъ хорошо извѣстенъ астраханцамъ до своего епископствованія. Онъ прибылъ въ Астрахань съ Иларіономъ въ 1731 г., когда былъ посвященъ въ архимандриты Спасо-Преображенскаго монастыря. Отецъ его былъ священникъ Суздальской губерніи, слободы Холуйской. Вступивши 19 лѣтъ въ монашество въ Борковской пустыни, Меѳодій посвященъ въ іеромонахи Троицкаго монастыря г. Шуи, откуда ѣздилъ въ Москву съ епископомъ Суздальскимъ Іоакимомъ. Вѣроятно, дѣятельность его въ качествѣ управляю-

*) „Душ. Чт.“ 1886 г.

Меводій, єпископ Астраханський и Ставропольський

щаго Астраханскимъ Спасо-Преображенскимъ монастыремъ была очень видная. Между прочимъ извѣстно, что, будучи архимандритомъ Спасскаго монастыря, онъ обнесъ его каменною стѣною, выстроилъ двѣ церкви: во имя Всѣхъ Святыхъ и св. Зосимы и Савватія, устроилъ келліи и загородный домъ въ Ивановскомъ саду съ церковью во имя Аонасія Аѳонскаго, въ Чуркинской пустыни—храмъ во имя Николая Чудотворца. А потому въ 1758 г., по желанію всѣхъ астраханцевъ, онъ былъ хиротонисанъ въ Казани во епископа Астрахани.

Еп. Меодій былъ примѣрно милостивъ къ бѣднымъ. Почти каждое утро рабочій классъ народа, не исключая и иновѣрцевъ, идя на работу, заходилъ прежде въ архіерейскій домъ, гдѣ получалъ хлѣбъ и квасъ; а нѣкоторымъ давалась здѣсь и одежда, которою постоянно наполнены были двѣ палатки. Во дни же великихъ праздниковъ, особенно въ день Успенія Божіей Матери, было угощеніе обѣдомъ всѣхъ приходящихъ, безъ различія націй, при чемъ находился всегда и самъ преосвященный Меодій. Если обѣдавшіе брали съ собой и посуду, то сердобольный владыка не возбранялъ имъ. Естественно рождается вопросъ: откуда же этотъ гостепріимнѣйшій пастырь бралъ средства на такія большія милостыни? Конечно, онъ не былъ самъ богатъ, но умѣлъ обогащать другихъ. Когда доходила до него вѣсть о смерти кого-либо, то онъ, не разбирая званія и состоянія умершаго благочестно, посылалъ сказать, что онъ будетъ отпѣвать усопшаго. Послѣ сего, въ признательность къ трудамъ архипастыря и на поминъ души умершаго, приносили къ ногамъ епископа богатые—деньги, а бѣдные—разныя вещи: серьги, кольца, одежду и т. п. Когда потомъ увидѣли, что все это употребляется на пищу и одѣяніе бѣднымъ и на устройство и украшеніе Божіихъ храмовъ, то и здоровые и больные стали завѣщевать свои вещи и капиталы своему архипастырю. Изъ этой неоскудѣваемой сокровищницы преосв. Ме-

еодій взялъ средства на устроение въ Астраханской епархіи 19 церквей. Еп. Меодіемъ устроено еще 3 церкви въ Борковской пустыни, одна на мѣстѣ его рожденія, одна въ Бизлярѣ и въ Петровскѣ. Онъ украшалъ церкви разными дорогими сосудами церковными и другими предметами утвари. Такъ, между прочимъ, при немъ сдѣлана была въ два пуда серебряная водосвятная чаша, золотые сосуды, приобрѣтено Евангеліе, украшенное по золотой доскѣ финифтью, алмазами и др. драгоценными каменьями. Епископъ Меодій очень ревностно вооружался и за вѣру противъ упорства раскольническаго. Онъ, напр., прекратилъ зловредную дѣятельность раскольника Гаврилова, пойманнаго въ Дубовкѣ, который объявилъ, что онъ до послѣдняго издыханія желаетъ пребывать въ расколѣ и вышибъ изъ рукъ протопопа образъ св. Дмитрія, предъ которымъ ему предлагали помолиться. Во время бунта Пугачева еп. Меодій очень много способствовалъ къ сохраненію своей паствы отъ обмана, разумно утверждая народъ въ повиновеніи законной власти и обличая тѣхъ, кто отъ страха или неумышленно предавался измѣнѣ, а за нѣкоторыхъ онъ ходатайствовалъ. Преданіе говоритъ, что при приближеніи самозванца къ Черноярскому уѣзду, жители города Астрахани пришли въ смятеніе и нѣкоторые изъ нихъ намѣрены были для спасенія выгнать къ персидскимъ берегамъ или на острова, къ чему приглашали и кафедральнаго протоіерея Василя Памфилова. Изъявивши имъ свое согласіе, онъ обратился къ преосвященному, чтобы испросить у него на то дозволенія. Но еп. Меодій въ отвѣтъ на такую просьбу, улыбнулся и сказалъ: «не опасайся! Пугачевъ не только не будетъ въ Астрахани, но не увидитъ и Чернаго Яра». Такъ и сбылось. Когда Пугачевъ былъ пойманъ въ Черноярскомъ уѣздѣ, епископъ Меодій (по какому то тайному предвѣднію) отправилъ въ тотъ же день благодарственное Господу молебствіе объ избавленіи отъ этого злодѣя.

Епископъ Меодій почилъ о Господѣ страдальчески 29 мая

1776 года, въ Червленной станицѣ, недалеко отъ Кизляра, куда онъ отправился для обзрѣнія епархій. Близъ Шадринской станицы, за Тереконъ, находились горячія минеральныя воды. Желая попользоваться ими, преосвященный велѣлъ приготовить все необходимое для пользованія водами. Все было устроено, но подмостки надъ ключемъ по непрочности ихъ обрушились въ то время, когда находился на нихъ еп. Меодій, и онъ упалъ въ горячій ключъ воды, обварился весь и, покаявшись и причастившись Св. Таинъ, скончался елеопомазанный. Вѣсть о неожиданной и ужасной кончинѣ любимаго архипастыря поразила жителей Астрахани глубокою скорбію, которая со всею полнотою высказалась особенно тогда, когда смертныя останки его привезли къ Астрахани (14 іюня). Почти весь городъ двинулся навстрѣчу, и всѣ съ горькимъ плачемъ провожали до могилы останки своего милостиваго святителя. Тутъ были даже магометане и язычники, говорившіе: «кто насъ будетъ теперь питать и одѣвать? кто за насъ заступится?» Благоговѣвшіе предъ именемъ Меодія рассказывали, что по смерти этого святителя явлено было нѣкоторое свидѣтельство его благочестивой жизни чрезъ исцѣленія, бывшія отъ его останковъ, погребенныхъ 30 іюня въ нижнемъ соборномъ храмѣ. Такъ, напр., въ 1828 г. одинъ почтенный старецъ, астраханскій купецъ Дмитрій Петровъ Егуповъ рассказывалъ въ день погребенія жены своей слѣдующее. Когда тѣло еп. Меодія было привезено Астрахань и поставлено на приготовленное мѣсто въ архіерейскомъ домѣ, въ то время изъ гроба его (двойного) истекала жидкость на подобіе масла. Многіе изъ православныхъ омакивали въ эту жидкость платки. Замѣтя это, жена его, бывшая тогда еще въ отроческомъ возрастѣ, страдавшая зубною болью съ младенчества, подала брату своему платокъ, чтобы омочить его, потомъ она приложила намоченный платокъ къ зубамъ, и боль ея утихла, а вскорѣ и совѣтъ прекратилась, и она не болѣла зубами до самой кон-

10 ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПОДВИЖНИКИ 18 И 19 ВѢКОВЪ.

чины своей. Имя еп. Меѳодія, какъ челоѳка праведнаго, передается изъ рода въ родъ *)).

Верхо-Харьковская игуменія Емилія.

(Память 29 мая).

Игуменія Емилія, въ мѣрѣ Елисавета, родилась 2 сентября 1810 года, въ семьѣ благородныхъ и богатыхъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ Харьковской и другихъ губерній. Отецъ ея — маіоръ Иванъ Ивановичъ Степановъ былъ типъ помѣщика временъ Екатерины II. Смолоду охладѣвши къ христіанской религіи, онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ хотя сталъ по наружности христіаниномъ, но въ глубинѣ души сохранилъ еще много слѣдовъ вольнодумныхъ ученій западныхъ мыслителей. Къ счастью его, Господь послалъ ему въ супруги женщину — истинную христіанку, воспитанную въ строгихъ правилахъ православія. Надежда Мироновна Степанова, урожденная Времьева, была истинная раба Божія: при глубокомъ благочестіи и преданности къ Богу и вѣрѣ православной обладала она добрымъ и сострадательнымъ сердцемъ, отзывчивымъ на всякія нужды и страданія ближнихъ. Любила она принимать и упокоивать странниковъ, снабжать ихъ пищей, одеждою и обувью; нищихъ питала и открыто, и тайно, бѣднымъ дѣвушкамъ — безприданницамъ дѣлала приданое, пристраивала ихъ въ замужество; своимъ крестьянамъ была истинною матерью и благодѣтельницею, входила во всѣ ихъ нужды, защищала ихъ отъ всякихъ непріятностей со стороны своего мужа, подчасъ суроваго и взыскательнаго; часто устраивала обильныя у себя трапезы для неимущихъ бѣдняковъ, въ лицѣ которыхъ видѣла какъ бы Самого Христа, отыскивала бѣдныхъ, тайно благотворила, и все это дѣлала со смиреніемъ и скромностію. Благочестивая

---

*) По соч. „Краткая Исторія Астраханской епархіи“.

и набожная, выйдя въ замужество за Ивана Ивановича, она естественно озаботилась привести и его въ единомысліе съ собой, въ чемъ отчасти и успѣла. Угождая любимой женѣ, Иванъ Ивановичъ сталъ посѣщать вмѣстѣ съ нею церковь Божію, исполнять обязанности говѣнія и причащенія Св. Таинъ, снисходительно относился ко всѣмъ проявленіямъ благочестія жены своей въ домѣ и къ дѣламъ ея благотворительности, позволяя себѣ лишь иногда подсмѣиваться надъ нею, по поводу странниковъ, странницъ и разнаго неимущаго люда, которыми бывалъ переполненъ ихъ домъ.

Особенно чтила она и любила угодника Божія святителя и чудотворца Николая, и дни его святой памяти—6 декабря и 9 мая были для нея особенно дорогими праздниками. Любовь ея къ святителю Николаю была не безъ причины. Молодою еще дѣвушкою—невѣстою, сговоренная за Ивана Ивановича Степанова, она, какъ носились слухи, неохотно шла за него въ замужство, и въ скорби о семь, однимъ раннимъ утромъ, вышла въ родительскій садъ погулять. Здѣсь въ чащѣ деревьевъ увидѣла она святителя Николая въ небесномъ сіяніи, который кротко ей сказалъ, что воля Божія идти ей за избраннаго родителями жениха, и что ей нужно эту волю исполнить, за что Господь не оставитъ ее Своею милостію и помощію. «И я буду твоимъ помощникомъ», сказалъ святитель и сталъ невидимъ.

Любовь, усердіе и благоговѣніе Надежды Мироновны къ угоднику Божію святителю Николаю были безграничны. Въ одномъ изъ имѣній своихъ сельцѣ Стрѣлетчинѣ Надежда Мироновна построила прекрасный каменный храмъ во имя святителя Николая, въ которомъ поставила и свою домашнюю святыню—икону его, чтимую ею за чудотворную. Союзъ ея брачный съ Иваномъ Ивановичемъ Степановымъ Господь благословилъ рожденіемъ двухъ сыновей: Михайла и Павла, и двухъ дочерей: Елисаветы и Варвары. Всѣ эти дѣти ея унаслѣдовали добрыя качества и благочестивыя наклонности своей

матери. Это была именно рѣдкая семья по благочестію христіанскому. Старшій сынъ Надежды Мироновны, Михаилъ Ивановичъ, съ молодыхъ лѣтъ былъ постникъ и молитвенникъ, какихъ мало: любилъ посѣщать церковныя службы, любилъ и дома часто молиться, иногда цѣлыя ночи проводилъ на молитвѣ, ежедневно читалъ святое Евангеліе и Апостольскія посланія, строго соблюдалъ всѣ посты, среды и пятки, въ каковыя дни вкушалъ пищу однажды въ день, а въ дни первой и послѣдней седмиць св. Четыредесятницы, и въ дни своего говѣнія питался лишь просфорой; очень часто говѣлъ, и съ великимъ благоговѣніемъ и сосредоточенностью приступалъ къ причащенію св. Христовыхъ Таинъ. Молодость свою провелъ цѣломудренно и, поступивши въ военную службу, въ полку не измѣнилъ своихъ благочестивыхъ обычаевъ; чуждался попойекъ молодежи и разгульных товарищей, которые звали его монахомъ и немало насмѣхались надъ нимъ, когда онъ, вмѣсто участія въ ихъ разгулѣ, шелъ въ церковь къ ранней обѣднѣ или къ всенощному бдѣнію. По желанію отца своего Ивана Ивановича Михаилъ Ивановичъ вышелъ въ отставку и сталъ помогать отцу въ дѣлахъ хозяйства и управленія имѣніями. Впослѣдствіи женился, былъ добрымъ семьяниномъ, добрымъ помѣщикомъ—отцомъ своимъ крестьянамъ, и, до конца дней своихъ храня искреннее благочестіе, почилъ праведной кончиной, оставивъ послѣ себя благую память во всѣхъ, кто его зналъ. Другой сынъ Надежды Мироновны Павелъ Ивановичъ, тоже подражалъ матери въ благочестіи и подвигахъ молитвенныхъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ не чуждался и общества и увеселеній. Онъ мудро умѣлъ соединять духовное съ мірскимъ, такъ что міръ не вредилъ его духовному внутреннему устроенію, хотя и вращался онъ въ его средѣ. Служилъ онъ тоже въ военной службѣ, слылъ за добраго служаку, добраго товарища, хотя онъ казался имъ нѣсколько страннымъ по своимъ обычаямъ. А обычаи его были таковы: ничто въ мірѣ не могло от-

влечь его отъ исполненія долга христіанскаго: ежедневно онъ начиналъ день прочтеніемъ положенныхъ св. Церковью утреннихъ и оканчивалъ его прочтеніемъ молитвъ на сонъ грядущій; ежедневно находилъ онъ время читать также святое Евангеліе, и во всѣ воскресные и праздничные дни бывалъ въ церкви за всеюнощной и литургіей; часто говѣлъ, соблюдалъ посты, благоговѣлъ къ святынямъ, такъ что бывало идетъ по улицѣ, видитъ церковь, колѣнопреклоняется предъ нею и усердно молится, несмотря на пыль, на грязь. Все это въ изящномъ офицерѣ, разумѣется, не могло не казаться страннымъ его товарищамъ, но онъ не обращалъ вниманія на ихъ замѣчанія и насмѣшки по этому поводу, и продолжалъ неуклонно поступать, какъ поступалъ, такъ что поневолѣ привыкли къ этому товарищи, объясняя его поведение чудачествомъ, тогда какъ оно было выраженіемъ искренняго его благочестія. Скончался онъ холостымъ, оплакиваемый многими бѣдняками, которымъ благодѣтельствовалъ. Двѣ дочери благочестивой Надежды Мироновны, Елисавета и Варвара, превзошли своихъ братьевъ благочестіемъ и любовью къ Богу и всецѣло унаслѣдовали благочестіе своей матери. Старшая — Елисавета отличалась скромностью и сосредоточенностью, меньшая — Варвара, красавица собой, была пылкая и рѣшительная нравомъ; обѣ были дружны и единомысленны во всемъ и, наставляемая боголюбивою матерью, съ дѣтства полюбили постъ, молитву и дѣла благотворенія. Господь послалъ имъ еще наставницу въ лицѣ гувернантки, пожилой и благочестивой дѣвицы, которая возростила въ нихъ благія сѣмена благочестія, посѣянные матерью. Дѣвица эта познакомила ихъ съ Четвыми-Минейми святителя Димитрія Ростовскаго, съ свято-отеческими книгами — преп. Ефрема Сирина, Исаака Сирина, Іоанна Лѣствичника. Житія святыхъ, подвиги преподобныхъ, страданія мучениковъ живо дѣйствовали на души отроковицъ, воспламеняли въ нихъ любовь къ Христу и желаніе подражать святымъ. Приписы-

вая подобное направленіе дѣвушекъ благочестивой ихъ гувернанткѣ, Степановы удалили ее, и на ея мѣсто взяли другую, совсѣмъ противоположныхъ свойствъ,—особу нрава веселаго, любившую свѣтскія удовольствія. Но благія сѣмена благочестія и подвижничества были глубоко насажены въ душахъ юныхъ подвижницъ: онѣ украдкой читали житія святыхъ, Псалтирь, св. Евангеліе, постились, молились и ночью, когда наставница ихъ засыпала, тихонько будили одна другую, становились на молитву и въ тишинѣ ночной возносили усердныя и горячія молитвы.

Замѣчая, что и перемѣна гувернантки не измѣнила наклонностей ихъ дочерей, Степановы рѣшили разлучить сестеръ и тѣмъ думали ослабить ихъ ревность духовно-подвижническую. Елисавету, старшую свою дочь, какъ достигавшую уже совершеннаго возраста, оставили они при себѣ дома, а Варвару, меньшую свою дочь, необыкновенной красоты, отдали въ одинъ изъ лучшихъ Харьковскихъ пансіоновъ, для окончанія тамъ ея воспитанія, надѣясь, что общество многихъ сверстницъ и подругъ ослабитъ ея духовное настроеніе и пріохотитъ ее къ свѣту и его удовольствіямъ. Но ни шумъ города, ни говоръ многочисленныхъ подругъ въ пансіонѣ, не мѣшали ей въ клѣтѣ душевной проходить подвигъ молитвенный, вѣдомый единому Богу. Окончивъ курсъ воспитанія въ пансіонѣ, она воротилась въ домъ родителей совсѣмъ созрѣвшею и въ духовномъ отношеніи совсѣмъ готовою для переселенія въ вѣчность, къ возлюбленному ея Жениху-Христу. Недолго по выходѣ своемъ изъ пансіона прожила она въ домѣ родителей, заболѣла и скончалась, оставивъ по себѣ большое горе отцу и матери, братьямъ и сестрѣ, горячо ее любившимъ. Она по смерти не разъ являлась матери и сестрѣ своей въ свѣтломъ сіяніи и одеждѣ брачной, и увѣщевала ихъ не плакать и не горевать за нее, потому что ей хорошо въ странѣ загробной. Смерть любимой сестры разительно повліяла на юную Елисавету.

Родители ея, огорченные кончиной меньшей дочери, сосредоточили на ней свои надежды, окружали ее богатством и роскошью; но не лежала къ нимъ душа ея. Стала она просить мать свою, Надежду Мироновну, не тратиться на нее, не покупать ей дорогихъ нарядовъ и вещей, а лучше эти деньги употребить на благодѣянія неимущимъ во имя Христа. Живя въ мірѣ, окруженная роскошью и богатствомъ, всячески привлекаемая къ участию въ удовольствіяхъ мірскихъ, Елисавета Ивановна подчасъ стала ощущать въ себѣ упадокъ силъ духовныхъ. Но Господь ее укрѣпилъ дивнымъ образомъ. Видитъ она ночью, въ тонкомъ снѣ или таинственномъ видѣніи, страшный судъ Божій: Судія праведный Господь Иисусъ возсѣдаетъ на пламенно-образномъ престолѣ, обруженный Силами небесными: херувимами, серафимами; предъ Нимъ престолъ съ раскрытою книгою, и несмѣтное сонмище людей всякаго чина, пола и возраста, которыхъ Онъ судитъ, и кого оправдываетъ, кого осуждаетъ. Оправданные идутъ въ страну свѣта неизреченнаго съ правой стороны Судіи; осужденные, рыдая и трясясь, опускаются въ страшную, мрачную бездну, съ лѣвой стороны Судіи. Все это видитъ и наблюдаетъ Елисавета, ожидая, что вотъ, вотъ и до нея придетъ очередь суда и осужденія въ бездну. Видитъ она и красоты рая, и ужасы ада; видитъ ликующихъ въ раю святыхъ и мучащихся въ адѣ грѣшниковъ, страданія которыхъ такъ ее поразили, что она какъ бы окаменѣла отъ ужаса, не могла двигнуть ни однимъ членомъ. Но тутъ милостивый взоръ Судіи — Господа обратился на нее: Спаситель поманилъ ее къ Себѣ рукой, чтобы она подошла къ Нему; она идетъ къ Нему, простираетъ къ Нему руки, и Онъ взялъ ее, какъ малое дитя, къ Себѣ на руки и понесъ съ Собою. Куда — не помнила она, очнулась и ощутила въ душѣ своей неизъяснимую радость и восторгъ. Елисавета до конца жизни своей не могла вспомнить и говорить объ этомъ видѣніи безъ слезъ умиленія и благо-

дарности къ Господу. Она признавала его за указаніе ей на подвиги иноческіе, и твердо рѣшилась быть инокиней и служить единому Господу до послѣдняго своего вздоха. Вспоминая это видѣніе, она говорила, что видѣла Силы небесныя, ангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, именно въ тѣхъ образахъ и подобіяхъ, какими, по преданію св. Церкви, изображаются они на иконахъ. Ангелы имѣли лица, тѣло, всѣ члены его, но все это тонко—прозрачное, свѣтящееся, воздушное; были красоты необычайной, имѣли обличія не то юноши, не то дѣвицы, не похожія ни на то, ни на другое, особеннаго необычайнаго выраженія и красоты. Все земное казалось ничтожнымъ предъ этою дивною красотою. Одежды ихъ свѣтились, какъ пламень, тѣмъ не менѣе имѣли извѣстную форму, подобную той, какъ на иконахъ онѣ изображаются. Нѣкоторые имѣли крылья, свѣтящіяся и пламеннообразныя, другіе не имѣли ихъ, но свободно двигались по воздуху, подобно пару и дыму и безъ крыльевъ. Всѣ эти подробности запечатлѣлись въ памяти рабы Божіей. Она успокоилась, повеселѣла, не стала опасаться ни отца, ни матери, рѣшительно объявила имъ свое желаніе идти въ монастырь и быть инокиней. Иванъ Ивановичъ Степановъ былъ человѣкъ не такого свойства, чтобы сразу уступить дочери.

Степановы доставили ей полную возможность поближе узнать монастыри. Надежда Мироновна совершила съ дочерью рядъ богомольныхъ поѣздокъ въ Кіевъ, Воронежъ, Задонскъ, Глинскую, Софроніеву, Бѣлобережскую и Площанскую пустыни, славившіяся тогда духовно-опытными старцами—подвижниками. Она все надѣялась, что дочь ея разочаруется въ монастырскихъ увлеченіяхъ, видя монашество современное, далеко ушедшее отъ монашества древняго. Но бесѣды съ старцами, опытными въ жизни духовной, еще болѣе укрѣпили ее идти по избранному ею пути. Особенно святитель Антоній, архіепископъ Воронежскій и Задонскій, много по-

вліялъ на нее своими духовно-прозорливими словами. Видя ее впервые, онъ назвалъ ее прямо по имени и, удаливъ въ залу Надежду Мироновну, остался съ Елисаветой одинъ въ своей гостиной, много и прозорливо бесѣдуя съ нею въ полголоса о томъ, что полезно и нужно было ея душѣ. Потомъ святитель всталъ съ дивана, тайно помолился надъ ея главой, положивъ на нее крестообразно свои руки и затѣмъ благословилъ ее и, позвавъ Надежду Мироновну, строго началъ говорить, что не слѣдуетъ изъ любви плотской измѣнять любви къ Богу. Съ тѣхъ поръ стала она нѣсколько примиряться съ намѣреніемъ дочери поступить въ монастырь, и только все еще старалась не вдругъ ее туда отпустить. Вернувшись домой изъ богомольныхъ своихъ путешествій, мать и дочь Степановы встрѣчены были Иваномъ Ивановичемъ весьма сурово. Онъ опять сталъ требовать отъ дочери, чтобы навсегда отказалась она отъ мысли поступить въ монастырь. Надежда Мироновна тоже стала на его сторону, забывъ внушеніе святителя Антонія. По просьбѣ ея нашлись даже усердствовавшіе къ ней иноки и инокини, пользовавшіеся благодѣяніями Надежды Мироновны: желая ей угодить, они совѣтовали Елисаветѣ послушаться родителей, стращали скорбями монастырскими и проч. Это особенно тяжело было юной подвижницѣ. Видя, что ни просьбы ея, ни слезы не склоняютъ родителей къ исполненію ея желанія, Елисавета возложила на себя подвигъ поста и воздержанія необычайныхъ: она перестала вкушать хлѣбъ и всякую твердую пищу, и стала довольствоваться одними жидкостями для своего питанія, высасывая соки изъ пищи и выбрасывая твердые ея остатки. Она такъ усвоила себѣ этотъ образъ воздержанія, такъ привыкла къ нему потомъ, что сохранила его неизмѣнно до конца своей жизни.

Изъ довольно полной и здоровой дѣвушки стала она худа, блѣдна, болѣзненна, сократилась даже въ ростѣ, и вообще приняла наружность не соответствовавшую ея лѣтамъ. Эта

рѣзкая переменѣна не могла укрыться отъ взоровъ ея родителей. Наконецъ, видя крайне болѣзненный видъ дочери, повезли они ее въ Харьковъ, къ лучшимъ тамошнимъ докторамъ,—последніе лѣчили ее всевозможными средствами, но безъ успѣха.

Борьба любви родительской съ любовью дочери къ Богу, наконецъ, вызвала участіе къ ней небожителя, — св. мученика Ареы, празднуемаго св. Церковію 24 октября. Въ день памяти своей явился онъ Надеждѣ Мионовнѣ въ образѣ почтеннаго старца, озареннаго свѣтомъ небеснымъ, назвалъ себя и строго приказалъ не удерживать болѣе дочери въ мірѣ и поскорѣе отпустить ее въ монастырь. Явленіе это столь сильно потрясло Надежду Мионовну, что она даже захворала; но дѣлать было нечего, пришлось уступить велѣнію небеснаго посланника, и какъ ни скорбно было отцу и матери, но они рѣшились благословить и отпустить въ монастырь свою дочь. Для поступленія ея избрана была Тихвинская Борисовская женская пустынь, Курской губерніи, Грайворонскаго уѣзда, славившаяся строгостію и порядкомъ иноческой въ ней жизни и недалекая разстояніемъ отъ имѣній Степановыхъ, такъ что они имѣли полную возможность часто посѣщать дочь и наблюдать за нею въ стѣнахъ обители, ибо все еще лелѣяли они надежду, что труды и скорби жизни монастырской охладятъ къ ней ревность Елисаветы. 1-го іюля 1827 года, на 27 году жизни поступила Елисавета Степанова въ Борисовскій монастырь, при настоятельницѣ игуменіи Венедиктѣ. По просьбѣ родителей, настоятельница не позволила ей надѣть черное платье и велѣла ходить въ мірской цвѣтной одеждѣ. Елисавета съ восторгомъ относилась ко всему чину и порядку обители. Родитель ея Иванъ Ивановичъ Степановъ, въ непонятномъ ожесточеніи на дочь, просилъ игуменію отдать ее подъ начало къ самой строгой и строптивой монахинѣ, лишилъ ее всѣхъ средствъ къ жизни, желая видѣть ее въ нищетѣ и лишеніяхъ, несущую тяжести

послушанія и во всемъ зависимою отъ монастыря, наравнѣ съ послѣдними послушницами изъ престонародія. Кромѣ того онъ пригласилъ одну бѣдную дворянку пожилыхъ лѣтъ, Параскеву Алексѣевну Тимошевскую, поселиться въ монастырѣ близъ его дочери, строго наблюдать за нею и обо всемъ сообщать ему. Однимъ словомъ, Елисавета была стѣснена родителемъ своимъ въ монастырѣ такъ, что жила, какъ въ плѣну. Изрѣдка навѣщала ее Надежда Мироновна, и тайно отъ мужа привозила ей нужные припасы и деньги. Но все-таки жизнь Елисаветы по началу въ обители была преисполнена всякаго рода лишеній: она, какъ опальная, подвергалась оскорбленіямъ отъ другихъ послушницъ, выслушивала выговоры отъ старшихъ монахинь и игуменіи, и все это переносила съ смиреніемъ и терпѣніемъ. Бывало выбранить ее понапрасну какая старица-монахиня, а она ей за это въ ноги поклонится, точно получила отъ нея милость. Надежда Мироновна пріѣхала однажды въ Борисовскую обитель по дорогѣ въ Кіевъ и выпросила у игуменіи дочь свою ѣхать съ нею туда, тайкомъ отъ мужа. Изъ Кіева побывали онѣ въ Глинской пустыни, гдѣ въ то время подвизался старецъ Филаретъ. Мать и дочь были у него и получили отъ него много мудрыхъ наставленій духовныхъ, особенно дочь, которую слегка ударивъ своимъ посохомъ игуменскимъ, старецъ Филаретъ сказалъ: «привыкай къ этому,—когда сама будешь его носить, то будешь знать, какъ имъ пользоваться». Пріѣхавъ въ обитель свою, Елисавета, въ присутствіи матери своей, за самовольное яко бы отлученіе изъ монастыря, была поставлена въ церкви игуменію на поклоны и должна была въ виду всѣхъ на утренѣ и литургіи творить поклоны земные предъ мѣстною иконою Спасителя и затѣмъ испрашивать прощеніе у игуменіи и старшихъ монахинь. Было это сдѣлано по требованію Ивана Ивановича Степанова, который, узнавъ о томъ, что дочь его безъ вѣдома его отправилась съ матерью въ Кіевъ, требовалъ отъ игуменіи, чтобы она ее примѣрно за

это наказала. Игуменіи пришлось исполнить волю отца, а бѣдная Надежда Мироновна, обливаясь слезами, должна была при этомъ присутствовать, ибо такова была воля ея суроваго мужа. Елисавета безъ смущенія и ропота исполнила эту епитимію и утѣшала мать свою, говоря, что подобные уроки полезны и необходимы въ жизни духовной. Послѣ Киевской поѣздки игуменія назначила Елисавету въ послушницы къ одной схимонахинѣ, которая была въ высшей степени строга и къ себѣ и къ другимъ, такъ что рѣдкія послушницы долго съ ней уживались. Но строгость ея очень полюбилась Елисаветѣ, слово старицы стало для ней закономъ, и она предалась полному ей послушанію во всемъ, повѣдывая ей даже помыслы свои. Старица была жизни духовной и умѣла руководить ею спасительно. Кромѣ трудовъ, возлагаемыхъ на нее ея старицей, она еще тайкомъ отъ всѣхъ ночью порою трудилась: ходила къ колодцу монастырскому, набирала воды и наливала кади, такъ что послушницы, приходя утромъ къ колодцу за водой, находили ее уже готовою въ кадахъ. Иногда же ведрами ночью носила воду къ келліямъ старицъ инокинъ, не имѣвшихъ послушницъ, ставила ее у порога, а сама уходила. Зимой тоже ночью нашивала она имъ дрова къ келліямъ, прочищала дорожки отъ снѣга, мела дворики, и все это такъ скрытно, что нескоро уже узнали въ монастырѣ о подобныхъ ночныхъ трудахъ богатой дворянки - помѣщицы. При всемъ этомъ Елисавета продолжала свой удивительный подвигъ воздержанія, питалась въ монастырѣ лишь жидкостями. Старица Елисаветы, схимонахиня, выбыла изъ Борисовскаго монастыря, и она была назначена въ послушницы къ монахинѣ Ангелинѣ Толбизиной, которая оказалась еще болѣе требовательною. У нея всѣмъ занятіямъ келейнымъ были назначены часы, и всякое промедленіе въ нихъ строго ею наказывалось. Сама монахиня входила во всѣ подробности жизни своей послушницы и всячески совершенствовала ее въ терпѣніи.

Жизнь ея въ монастырѣ шла неизмѣннымъ порядкомъ между службами церковными, трудами и молитвами келейными, и сколько ни ждалъ родитель ея, что дочь его соскучится жизнию монастырскою и ея лишеніями и опять возвратится въ родительскій домъ, но сего не дождался. Ни разу не былъ онъ въ Борисовскомъ монастырѣ, а пріѣзжалъ обычно въ недалекій отъ монастыря свой хуторъ, и сюда вызывалъ для свиданія дочь. Но и то должна была она являться не въ черной, а въ цвѣтной мірской одеждѣ. Мать тоже скорбѣла о разлукѣ съ единственною дочерью и часто къ ней пріѣзжала въ обитель. Она поддерживала ее въ средствахъ къ жизни, но особенно помогали ей нѣжно любившіе ее братья, изъ коихъ старшій Михаилъ Ивановичъ, когда по требованію отца вышелъ въ отставку и помогаль отцу въ управленіи имѣніями, очень часто навѣщаль сестру въ обители и все нужное ей доставлялъ. Въ 1833 году Елисавета Степанова была пострижена въ рясофоръ архимандритомъ Елпидифоромъ, впоследствии умершимъ въ санѣ архіепископа Таврическаго, и наименована Емилией, въ честь преп. Емилиіи, матери св. Василя Великаго.

Въ 1837 году проѣздомъ въ Харьковъ, Великая Княгиня Елена Павловна, въ селѣ Веселомъ, Харьковскаго уѣзда, остановилась въ домѣ его владѣльцевъ, Степановыхъ. Иванъ Ивановичъ и Надежда Мионовна, удостоившіеся посѣщенія августѣйшей посѣтительницы, встрѣтили ее съ глубокимъ уваженіемъ и удостоились съ ней бесѣдовать. Великая Княгиня спросила ихъ: имѣютъ ли они дѣтей? Они отвѣчали, что имѣютъ двухъ сыновъ и дочь, и, сказавши, гдѣ служатъ сыновья, на вопросъ Великой Княгини о дочери оба горько зарыдали, что весьма тронуло Великую Княгиню. Она стала разспрашивать ихъ, гдѣ находится ихъ дочь и почему они такъ горько плачутъ, и Надежда Мионовна, еле сдерживая свои рыданія, сказала ей, что дочь ихъ находится въ Борисовскомъ монастырѣ и уже рясофор-

ная монахиня. Великая Княгиня приняла въ нихъ живое участіе и, милостиво ихъ утѣшая, сказала имъ: «не скорбите, а радуйтесь, что дочь ваша въ монастырѣ. Если бы земной царь потребовалъ ее къ себѣ, вы бы конечно порадовались счастливой ея участи; тѣмъ болѣе должны радоваться, что ее призвалъ къ себѣ Царь небесный». Это слово Великой Княгини много утѣшило скорбящихъ Степановыхъ, и посѣщеніе ея ихъ дома оставило въ нихъ самые благіе и отрадные слѣды. Иванъ Ивановичъ сталъ ласковѣе относиться къ своей дочери-инокинѣ, и, помня слова Великой Княгини, даже какъ бы гордился тѣмъ, что имѣетъ дочь инокиню. Такъ иногда одно благое слово лица высокопоставленнаго благотворно вліяетъ на самые упорные характеры.

16 мая 1839 года благотворительница всѣхъ неимущихъ, Надежда Мироновна, отправившись по обычаю своему въ богомольную поѣздку въ Бѣлгородъ ко дню памяти чтимаго ею святителя Николая, скончалась тамъ послѣ непродолжительной болѣзни.

25 сентября 1843 года скончался и Иванъ Ивановичъ Степановъ. Тогда оба сына его, Михаилъ и Павелъ Ивановичи Степановы, проникнутые духомъ истиннаго благочестія, пожелали почтить память родителей своихъ, а наипаче своей боголюбивой и ницелюбивой матери, въ имѣніи матери въ сельцѣ Стрѣлетчинѣ, при выстроенной ею церкви во имя святителя и чудотворца Николая, устроивъ во имя сего святителя женскій общежительный монастырь, гдѣ бы повсегда возносилась зауспокойная молитва за души ихъ почившихъ родителей, и гдѣ бы сестра ихъ инокиня могла дожить свой вѣкъ въ подвигахъ духовныхъ. Преосвященный Иннокентій Борисовъ, архіепископъ Харьковскій, которому братья Степановы сообщили свое желаніе, очень одобрилъ его.

Члены Святѣйшаго Синода были весьма благорасположены къ св. дѣлу, но Государю не угодно было утвердить монастырь. Братъ и сестра совсѣмъ потеряли всякую надежду

на благополучный исходъ ихъ дѣла и съ унылыми душами проживали въ Петербургѣ. 14 марта мать Емилія почувствовала необыкновенную грусть и тоску и, не зная, чѣмъ себя развлечь и успокоить, прибѣгла къ молитвѣ. Она начала молиться Пресвятой Богородицѣ, радости и утѣшительницѣ всѣхъ скорбящихъ, прочла молебный канонъ-пαραклисъ Богоматери, положенный для чтенія находящимся въ скорби и обстояніи, нѣсколько успокоилась, прилегла и забылась легкою дремотою. И вотъ, видитъ она, подходитъ къ ней съ лѣвой стороны покойный отецъ и спрашиваетъ ее: «что ваше дѣло?»—«Ахъ, наше дѣло все въ волѣ Государя Императора», отвѣчала она ему и, обратившись отъ него въ правую сторону, увидѣла стоящую въ ростъ Божию Матерь, Которая, взглянувши на нее, сказала: «Я строго приказала всѣмъ рѣшить это дѣло; ты знаешь, какъ близокъ мнѣ этотъ монастырь: какъ святитель Николай, такъ и монастырь». Сложивъ руки на персяхъ, съ глубокимъ смиреніемъ Емилія сказала: «Царица небесная! и въ Твое имя будетъ церковь». — «Принимаю монастырь, какъ собственно Свой», отвѣтила ей Богоматерь. Вслѣдъ затѣмъ послышался гулъ и трескъ, появились свѣтлыя облака, раздались громкія слова: «дѣло уже рѣшено, и вскорѣ дано будетъ вамъ извѣстіе». При этомъ явились два ангела, державшіе въ рукахъ разгнутую книгу, писанную золотыми буквами, стали съ ней предъ Богоматерью, Которая, перстомъ указывая на золотыя письма книги, сказала: «читай, здѣсь вписанъ монастырь». Емилія, пораженная благоговѣйнымъ ужасомъ, прочла въ книгѣ: «святителя чудотворца Николая монастырь дѣвичій принимаетъ Царица небесная подъ Свой покровъ!» Прочитавши, съ благодарнымъ чувствомъ обратила она взоры свои на милостивое лицо Царицы небесной и тутъ же увидѣла близъ нея стоящаго святителя Николая, въ святительскомъ облаченіи безъ митры, который такъ милостиво на нее смотрѣлъ, что вся душа ея вострепенала отъ духовнаго восторга.

Тутъ она проснулась и ощутила въ душѣ своей неизъяснимые словами миръ, радость и утѣшеніе. Не успѣла она передать брату своему Михаилу Ивановичу благодатное свое сновидѣніе, какъ является къ нимъ посланный отъ оберъ-прокурора, съ приглашеніемъ явиться къ нему въ домъ, по важному дѣлу. Братъ и сестра спѣшатъ идти, входятъ въ покои оберъ-прокурора, гдѣ самъ онъ ихъ встрѣтилъ и поздравилъ съ успѣхомъ ихъ дѣла, говоря: «Государь Императоръ утвердилъ вашъ монастырь; если пожелаете еще что-нибудь дополнить, то можете просить: Его Величеству угодно все исполнить». Такимъ образомъ, дѣло, казавшееся уже безнадежнымъ, вдругъ сверхъ ожиданія и чаянія просителей увѣнчалось успѣхомъ, который нельзя не приписать особому дѣйствию Промысла Божія и попеченію Богоматери и святи-теля Николая.

По совѣту и благословенію преосвященныхъ архипастырей Филарета, митрополита Московскаго, и Иннокентія, архіепископа Харьковскаго, которымъ она передала это событіе и свое чудное сновидѣніе, изобразила она на иконѣ всѣ подробности этого сновидѣнія, какъ сохранились онѣ въ ея памяти, и икона эта подъ наименованіемъ: «Соннаго видѣнія» сохраняется въ Верхо-Харьковскомъ Николаевскомъ монастырѣ въ теплой Казанской церкви, и предъ нею теплится неугасимая лампада, по заповѣди матери Емилиі, относившей событіе это къ явно благодатнымъ и глубоко знаменательнымъ для себя и своей нововозникшей обители. Кромѣ того, мать Емилиа, въ вѣчное воспоминаніе сего чуднаго событія, установила въ обители своей навсегда молитвенно праздновать день 14-го марта. Наканунѣ этого дня совершается соборная панихида о упокоеніи въ Бозѣ почившаго Императора Николая 1-го, затѣмъ на 14 марта совершается праздничное всенощное бдѣніе въ честь Пресвятыя Богородицы, и по шестой пѣсни канона читается соборнѣ акаѳистъ Пресвятой Богоро-

диць, предъ иконою «Сонное видѣніе», а послѣ литургіи бываетъ благодарственный молебенъ.

Степановы по дѣлу утвержденія своего монастыря, прожили въ сѣверной столицѣ почти всю зиму 1845 года. Въ это время, по рекомендаціи письменной преосвященнаго архіепископа Иннокентія Борисова, познакомились они съ боголюбивою Татіаной Борисовною Потемкиной. Единство цѣлей сблизило Татіану Борисовну съ матерью Емилиєю: онѣ коротко познакомились и подружились, и эту дружбу сохранили до гробовой доски.

Во дни пребыванія своего въ Петербургѣ въ 1845 году мать Емилия въ домѣ Потемкиной познакомилась съ нѣкоторыми замѣчательными духовными особами, въ томъ числѣ съ настоятелемъ Сергіевой пустыни, близъ Петербурга, архимандритомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ.

Возвращаясь съ братомъ своимъ изъ Петербурга, мать Емилия, снабженная отъ Потемкиной письмомъ къ Филарету, митрополиту Московскому, пробыла нѣсколько времени въ Москвѣ, была имъ милостиво принята и обласкана и навсегда сохранила къ нему величайшее уваженіе и благоговѣніе.

Мать Емилия посѣтила Троице-Сергіеву лавру и усердно молилась тамъ у св. мощей преп. Сергія, прося себѣ у него благословенія и помощи на свое трудное дѣло духовное. Намѣстникъ лавры архимандритъ Антоній принялъ въ ней также живое участіе.

На возвратномъ пути въ Харьковъ, заѣзжала мать Емилия въ Задонскъ, Воронежъ и Кіевъ, помолиться у св. мощей святителей Митрофана и Тихона и преподобныхъ печерскихъ. Въ Воронежѣ святитель Антоній принялъ ее, какъ старую знакомую, съ отеческою любовью, очень порадовался благополучному исходу ея хлопотъ въ Петербургѣ, благословилъ ее частицей мощей святителя Митрофана, въ основаніе и освященіе ея новой обители, и очень утѣшилъ ее своими

наставленіями. Въ Кіевѣ мать Емилія сподобилась благоеловенія и бесѣды Филарета, митрополита Кіевского; онъ тоже весьма милостиво ее принялъ. Была она и у старца-подвижника іеросхимонаха Пареенія. Принялъ онъ мать Емилію довольно неласково и строго, чѣмъ очень ее смутилъ. Упавши ему въ ноги, она просила его благословить ее и помолиться о томъ, чтобы трудное дѣло, ею предначатое, привлекло благословеніе Божіе и принесло благіе духовныя плоды. «Да, трудное дѣло тобою начато, задумчиво повторялъ какъ бы про себя старецъ Парееній, трудное дѣло! Ты-то справишься съ нимъ при помощи Божіей, а вотъ послѣ тебя плохо будетъ, пойдутъ въ обители твоей смуты, ровно въ сорочьемъ гнѣздѣ» *). Мать Емилія умоляла старца помолиться ко Господу, чтобы сего не случилось. «Молись сама, отвѣчалъ онъ ей, и я помолюсь; но знаю, что такъ будетъ тамъ послѣ тебя». Затѣмъ благословилъ ее, совѣтовалъ не унывать отъ его словъ, а принять ихъ какъ нужное ей предостереженіе и съ разборомъ принимать на жительство сестеръ въ новый свой монастырь.

Прибывъ въ имѣніе свое, братъ и сестра Степановы поспѣшили къ своему архипастырю, преосвященному архіепископу Иннокентію, съ подробнымъ отчетомъ обо всемъ. Владыка очень былъ радъ и въ свою очередь очень ихъ утѣшилъ своимъ отечески-ласковымъ обхожденіемъ и живымъ участіемъ въ ихъ дѣлѣ. Архипастырю нечего было искать игуменію въ новый монастырь: мать Емилія, 18 лѣтъ прожившая въ Борисовской Тихвинской пустыни, опытная въ жизни монашеской, давно уже предназначалась имъ на это мѣсто. Указомъ Курской духовной консисторіи отъ 17 іюля 1845 года, перемѣщена была она изъ Борисовской обители въ новую свою обитель, Верхо-Харьковскую Николаевскую, и такимъ образомъ стала первою ея сестрою. Къ ней при-

---

*) Эти слова старца Пареенія въ точности исполнились.

соединились нѣкоторые приверженныя къ ней инокини и послушницы Борисовской обители, и стали стекаться со всѣхъ сторонъ лица женскаго пола, желавшія посвятить себя подъ ея руководствомъ жизни монашеской. Къ началу осени 1845 года около 25 сестеръ собралось уже къ ней въ новый монастырь, и всѣ должности въ немъ могли быть распредѣлены, по указу Святѣйшаго Синода, межъ лицами ихъ достойными. 5-го октября 1845 года прибылъ въ село Стрѣлечье преосвященный Иннокентій и совершилъ освященіе теплой домовою церкви въ честь Казанской иконы Богоматери, временно устроенной въ одномъ изъ флигелей господской усадьбы въ Стрѣлечьемъ. 6-го октября назначено было имъ молитвенное торжество открытія монастыря.

Мать Емилія, съ благословенія архіепископа Иннокентія, положила навсегда праздновать въ обители своей 6-е октября, совершать наканунѣ его всенощное бдѣніе святителю и чудотворцу Николаю, а на утро божественную литургію и благодарственный молебень съ многолѣтіемъ.

29 декабря, 1845 года, снова прибылъ въ Верхо-Харьковскій Николаевскій монастырь преосвященный Иннокентій, и совершилъ тамъ первый иноческій постригъ въ лицѣ его настоятельницы матери Емиліи. Первая сестра своей обители по поступленію въ нее, первая пострижена она въ мантию, въ присутствіи всѣхъ сестеръ обители. Архипастырь не измѣнилъ ея монашескаго рясофорнаго имени, утвердилъ его за нею и въ постригъ въ мантию. Самъ принялъ ее отъ св. Евангелія подъ свое духовно-отеческое руководство. Съ тѣхъ поръ крѣпкая связь духовная образовалась между святителемъ и его духовною дочерью: мать Емилія ничего отъ него не скрывала, вся душа ея была всецѣло ему открыта, и съ великимъ послушаніемъ и любовью исполняла она всѣ его повелѣнія и желанія, понимала самыя его мысли, такъ что самъ архипастырь иногда удивлялся ей въ этомъ отношеніи. 24 февраля 1846 года, вызвавъ ее къ себѣ въ Харьковъ, а

съ нею вмѣстѣ 16 старшихъ сестеръ ея обители, онъ въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ, во время литургіи, посвятилъ ее во игуменію. Такимъ образомъ исполнились давнія пророчественныя о ней слова святителя Антонія Воронежскаго и старца Филарета игумена Глинскаго, — стала она настоятельницей, игуменіей, приняла жезлъ управленія, а съ нимъ великіе труды съ великою отвѣтственностью предъ Богомъ. Сознавала это всегда смиренная раба Божія и трепетала, видя себя въ таковомъ санѣ. Построеніе новой обители, новыхъ въ ней зданій, церквей, ограды и колокольни, требовало отъ нея многихъ и неусыпныхъ трудовъ. Братья ея раздѣляли съ нею эти труды и усердно помогали ей во всемъ, касающемся благосостоянія и благоустройства ея обители. Что же касается до устроенія чина иноческаго въ новомъ монастырѣ, руководства сестеръ, распредѣленія межъ ними послушаній монастырскихъ, то во всемъ этомъ она одна уже должна была трудиться, и братья ея въ этомъ ничѣмъ не могли ей помочь. Одинъ архипастырь, по силѣ-возможности облегчалъ ей труды настоятельскіе, своими совѣтами и отеческимъ участіемъ во всѣхъ дѣлахъ ея обители. Но и тутъ недолго пришлось ей пользоваться его святительскою помощью: чрезъ два года вызванъ былъ преосвященный Иннокентій въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, а потомъ переведенъ въ Одессу, что было тяжкимъ лишеніемъ для игуменіи Емилиі. Впрочемъ и въ Одессѣ продолжала она посѣщать архіепископа Иннокентія, вела съ нимъ откровенную переписку, находилась къ нему въ самыхъ близкихъ духовныхъ отношеніяхъ до самой его кончины, и даже проявляла въ отношеніи къ нему нѣкую особую поразительную прозорливость, о чемъ скажемъ далѣе. На мѣсто архіепископа Иннокентія былъ назначенъ въ Харьковъ епископъ Елпидифоръ, тоже близкій человѣкъ для игуменіи Емилиі по значенію духовному. Преосвященный Елпидифоръ, отличавшійся благочестіемъ и сосредоточенностью, на-

зидалъ ее словесно и письменно, не только въ бытность свою въ Харьковской епархіи, гдѣ пробылъ недолго, но и изъ другихъ мѣстъ своего архипастырства. Въ Харьковъ назначень былъ преосвященный Филаретъ Гумилевскій, епископъ Рижскій, архипастырь глубокой учености и рѣднаго благочестія, любитель и покровитель монашества, самъ великій подвижникъ. Преосвященный Филаретъ искренно полюбилъ игуменію Емилию и обоихъ ея братьевъ, Степановыхъ, и они въ свою очередь привязались къ нему крѣпкою нелицемѣрною любовію. Въ свое десятилѣтнее святительство въ Харьковѣ, былъ онъ для нихъ истиннымъ отцомъ, помощникомъ, совѣтникомъ, другомъ, и особенно для игуменіи Емилиі, нерѣдко прибѣгавшей къ нему за совѣтомъ и помощію въ трудныя для нея минуты управленія монастыремъ. При помощи Божіей и содѣйствіи своихъ братьевъ Степановыхъ, мать Емилиа, въ сравнительно короткое время, прилично обстроила и обезпечила свою юную обитель. Построены въ ней: большой каменный двухъэтажный корпусъ съ восточной стороны монастыря, съ двумя въ немъ церквами: верхняя въ честь Казанской иконы Божіей Матери, нижняя во имя св. архистратига Михаила и прочихъ Силъ безплотныхъ, обѣ теплыя благолѣпно украшенныя красивыми иконостасами; въ нижней церкви и трапеза монастырская была устроена; въ остальныхъ частяхъ корпуса устроены помѣщенія настоятельницы, старшихъ сестеръ, руководѣльная, спѣвочная и другія; еще четыре деревянныхъ корпуса, для помѣщенія тоже сестеръ; каменная красивой архитектуры колокольня вышиной въ 52 аршина, съ святыми подъ ней воротами и келліями по сторонамъ. Каменная ограда на протяженіи 700 сажень, съ восемью красивыми башнями, окружила всѣ зданія монастыря съ тремя воротами, кромѣ святыхъ—подъ колокольней. Среди ограды возвышался въ самой срединѣ соборный храмъ святителя и чудотворца Николая; тутъ же въ оградѣ устроенъ колодезь подъ желѣзною кры-

шей, снабжающій обитель водой; за оградой устроены три дома для двухъ священниковъ и діакона, двухъэтажная гостинница для прїѣзжающихъ и приходящихъ богомольцевъ, особыя зданія для больницы, просфорни, лавочки. Кромѣ того, пріобрѣтены обителью цѣнныя церковныя облаченія, сосуды, кресты, св. Евангелія, иконы, колокола, хорошая духовно-нравственная библіотека; пріобрѣтена и драгоцѣнная святыня, — части св. мощей и омофора святителя и чудотворца Николая, принесенныя въ даръ обители помѣщикомъ Московской губ. Головинымъ и еще части св. мощей разныхъ другихъ святыхъ, хранящіяся въ особой небольшой гробницѣ и серебряномъ крестѣ, пожертвованныя тѣмъ же Головинымъ, и другими лицами. Въ обезпеченіе своего содержанія, монастырь получилъ еще отъ г.г. Степановыхъ 43 тысячи рублей серебромъ, положенные на вѣчное время въ Опекунскій Совѣтъ, изъ которыхъ пользуется процентами, и земли 320 десятинъ, къ которымъ игуменія Емилія еще прикупила въ двухъ сосѣднихъ дачахъ 756 десятинъ, и завела прочное земледѣльческое на ней хозяйство, обезпечивающее полное пропитаніе сестеръ обители, и даже дающее остатки, которые шли въ продажу и восполняли нужды обители въ другихъ предметахъ. Разумною бережливостью и распорядительностью игуменія Емилія, при помощи единоправныхъ ей сестеръ, въ короткое время обстроила свой монастырь, украсила и обезпечила такъ, что онъ сталъ однимъ изъ лучшихъ въ южномъ краѣ женскихъ монастырей. Духовно-подвижническое направленіе, которымъ всегда отличалась сама мать Емилія, сообщилося и инокинямъ ея обители; среди нихъ нашлось немало постницъ и молитвенницъ, весьма ревностныхъ и усердныхъ къ Богу. Чинъ богослуженія, правила общевитія по трапезѣ и послушаніямъ, строго исполнялись въ Николаевскомъ монастырѣ съ самаго его начала, въ чемъ игуменія Емилія сама подавала примѣръ своимъ сестрамъ: ничего не имѣла она своего, ничего не называла своимъ, — все было

у нея общее, монастырское, хотя и могла имѣть свою собственность, какъ дочь богатыхъ родителей, имѣвшая богатыхъ горячо любившихъ и глубоко уважавшихъ ее братьевъ.

Любя отъ души благолѣпіе храма Божія, чинное богослуженіе и стройное пѣніе, мать Емилія употребляла всѣ усилія, чтобы все это сохранялось въ ея обители: всѣ храмы Божіи ея обители, усердіемъ ея и неусыпными попеченіями, имѣли самую благолѣпную внѣшность и внутренность, и служба Божія совершалась въ нихъ стройно и благочинно, не только въ праздничные дни, но и въ будни. Мать Емилія требовала отъ сестеръ своихъ неопустительнаго хожденія въ храмъ, ежедневно ко всѣмъ службамъ, въ чемъ, пока была въ силахъ, сама подавала имъ примѣръ. Ризница церковная, труды рукъ ея сестеръ, среди которыхъ развила она въ значительной степени искусство золотошвейное и другія рукодѣля, не отличаясь особеннымъ богатствомъ облачений, очень была обильна изящно исполненными церковными вещами, и мать Емилія даже въ будни не позволяла въ церкви никакого убожества или ветхости въ облаченіяхъ; не любила она даже огарковъ свѣчныхъ у св. иконъ въ церкви, и приказывала замѣнять ихъ цѣлыми свѣчами, особенно на св. престолѣ, за чѣмъ сама зорко всегда наблюдала; но особенно заботилась она о стройномъ церковномъ пѣніи въ своей обители, для чего не щадила ни издержекъ, ни трудовъ и, дѣйствительно, достигла въ этомъ большого успѣха. Вмѣстѣ съ внѣшними попеченіями о благоустройствѣ своей обители, мать Емилія заботилась и о внутреннемъ духовно-подвижническомъ ея преуспѣяніи: всякое благое подвижническое направленіе въ сердцѣ сестеръ своихъ она поддерживала, развивала и укрѣпляла своими совѣтами и духовно-материнскимъ участіемъ. Когда посѣщала обитель преосвященный Филаретъ, Харьковскій архипастырь, что довольно часто случалось, она всегда собирала сестеръ своихъ не только въ храмъ Божій, но и въ свои покои, чтобы онѣ

поболѣ могли послушать его духовно-назидательныхъ бесѣдъ. Также и тогдашній ректоръ Харьковской духовной семинаріи архимандритъ Герасимъ, скончавшійся потомъ въ санѣ епископа Астраханскаго, нерѣдко посѣщаль ея обитель и поучаль ея сестеръ. Отецъ Герасимъ, мужъ направленія духовно-подвижническаго, обладалъ въ значительной степени способностью поучать именно духовно-подвижническимъ словомъ, производившимъ сильное впечатлѣніе на лицъ, посвятившихъ себя подвигамъ духовнымъ.

Заботясь такимъ образомъ о духовномъ настроеніи своихъ сестеръ, игуменія Емилія достойныхъ изъ нихъ по своему житію любила отличать, удостоивала ихъ постриженія въ рясофоръ и мантію, въ чемъ была очень нескупа. Пользуясь расположеніемъ своихъ владыкъ, она успѣвала всегда испрашивать у нихъ подобныя утѣшенія своимъ сестрамъ.

Теплотою боголюбивой души своей игуменія Емилія согрѣвала духовно не только сестеръ обители своей, но и мірскихъ ея посѣтителей, которыхъ принимая ласково и гостеприимно, всегда умѣла съ угощеніемъ тѣлеснымъ доставить имъ и угощеніе духовное, поговорить съ ними душеполезно, вызвать въ нихъ добрыя христіанскія чувства. Принимая съ признательностью всякія пожертванія посѣтителей въ пользу обители, она никогда однако не руководилась корыстными разсчетами; со всѣми обращалась равно привѣтливо, и только съ тѣми казалась болѣе ласкова и внимательна, въ коихъ замѣчала благочестивое настроеніе души. Всякое проявленіе противоположное встрѣчало въ ней отвращеніе, и она умѣла своими простыми, но прочувствованными словами обезоружить тѣхъ лицъ, которыя при ней рѣшались высказываться неблагочестиво о предметахъ духовныхъ.—Духовное начальство достойно цѣнило труды доброй настоятельницы; еще въ 1848 году, 5 марта, игуменія Емилія за благоустройство обители своей удостоена благословенія Святѣйшаго Синода, а въ 1851 году, 21 апрѣля, по представленію преосвящен-

наго Филарета, архієпископа Харьковскаго, Всемиловивѣйше награждена золотымъ наперснымъ крестомъ.

Игуменія Емилія, какъ бы не довѣряя себѣ, любила бывать въ строгихъ обителяхъ Харьковской и сосѣднихъ епархій, и тамъ присматриваться къ дѣйствіямъ и управленіямъ настоятелей. Въ ея время въ Святогорской Успенской пустыни и Свято-Троицкомъ Ахтырскомъ монастырѣ, именитыхъ и строгихъ мужскихъ обителяхъ Харьковской епархіи настоятельствовавали богомудрые старцы—архимандриты Арсеній и Сергій.

Устроивъ корпусъ двухъэтажный съ двумя въ немъ церквами въ своей обители, она устроила при нихъ и келліи себѣ, изъ коихъ одна примыкала къ церкви Казанской, такъ что черезъ окно богослуженіе церковное могло быть въ ней вполне слышно, и даже внутренность церкви—иконостасъ и клиросы изъ окна этого можно было видѣть. Келлія эта, убранная святыми иконами во множествѣ, была молитвенною храминой для игуменіи Емиліи. Когда по слабости силъ своихъ не могла она стоять въ церкви на своемъ игуменскомъ мѣстѣ, на коемъ рѣдко позволяла себѣ садиться, служа примѣромъ сестрамъ своимъ въ благоговѣйномъ предстоянніи въ храмѣ, тогда слушала она службы церковныя въ этой моленной своей, никѣмъ не зримая, въ полномъ уединеніи возносясь духомъ въ усердной молитвѣ къ Богу. Келлія эта была свидѣтельницей ея подвиговъ молитвенныхъ, ея бдѣній, поклоновъ, вздоховъ и слезъ. Кромѣ службъ часто и днемъ удалялась она въ нее, нерѣдко цѣлыя ночи проводила въ ней на молитвѣ, и келейницы ея не разъ слышали ночью, какъ она всхлипывала и рыдала тамъ въ тиши ночной. Страданія Христа Спасителя живо дѣйствовали на впечатлительную душу матери Емиліи: страстныхъ Евангелій, послѣдованія акаѣиста страстямъ Христовымъ и всякихъ духовныхъ сочиненій о семъ предметѣ, не могла она читать и слушать безъ слезъ и рыданій. Къ таинству покаянія всегда приступала она съ искреннимъ чувствомъ раскаянія,

нерѣдко со слезами, и духовники ея говорили, что исповѣдь ея была для нихъ самихъ училищемъ благочестія и покаянія. Причастившись Св. Таинъ, мать Емилія, весь тотъ день проводила въ особой сосредоточенности и уединеніи, береглась лишнихъ бесѣдъ, лишней пищи, даже не любила, когда ей докладывали въ эти дни о дѣлахъ монастырскихъ ея подчиненные. Соблюдая прежній образъ принятія пищи, питаясь лишь жидкостями и соками пищи, она была весьма умѣренна и въ этомъ употребленіи пищи. Столъ ея былъ самый простой, общій съ прочими сестрами, съ которыми бывала она и въ трапезѣ монастырской, но не всегда, а лишь въ праздничные и другіе знаменательные для обители ея дни, ибо стѣснялась при сестрахъ обнаруживать обычный свой способъ вкушенія пищи.

Одежду носила она скромно-монашескую изъ шерстяной матеріи чернаго цвѣта, не терпя никакихъ въ ней цвѣтныхъ подкладокъ, что возбраняла и своимъ сестрамъ; камилавку имѣла низенькую безъ всякихъ обшивокъ, скромно покрытую флеромъ; не любила слишкомъ длинныхъ мантий; въ келліяхъ своихъ приѣмныхъ, такъ называемыхъ архіерейскихъ допускала она приличную и покойную мебель и другія принадлежности довольства житейскаго; собственно же въ своихъ келліяхъ все было у нея просто и скромно: твердая мебель, простая монашеская во всемъ обстановка, къ которой привыкла она въ Борисовской пустыни во дни своего новоначалія иноческаго. Проявленія роскоши въ одеждѣ и мебели не любила она видѣть и въ келліяхъ своихъ сестеръ, которымъ часто говорила, что то, что хорошо и удобно для мірянъ, не годится людямъ отрекшимся міра и его красотъ.—Мать Емилія ежегодно ѣздила куда-нибудь помолиться: то въ Кіевъ, то въ Воронежъ, Задонскъ, Троицко-Сергіеву лавру и другія св. мѣста и обители, обычно беря съ собой и нѣсколько своихъ сестеръ, чтобы дать и имъ возможность помолиться и поклониться святынямъ.

Любвеобильная и сострадательная отъ природы, игуменія Емилія особенно являла себя таковою въ отношеніи къ больнымъ и умирающимъ сестрамъ своимъ; она бывала для нихъ истинною матерью и ангеломъ утѣшителемъ въ ихъ тѣлесныхъ страданіяхъ; сама слабая и немощная, она тогда забывала свои немощи и вся отдавалась попеченіямъ о страждущихъ; утѣшала ихъ, ободряла къ терпѣнію, молилась съ ними и молитвами своими напутствовала ихъ къ переходу въ вѣчность. А когда отходили, заботилась о ихъ погребеніи и молитвенномъ поминовеніи по чину св. Церкви. Попеченія молитвенныя о душахъ усопшихъ были любимымъ дѣломъ игуменіи Емиліи. Любила она также часто проявлять свое усердіе къ разнымъ угодникамъ Божиимъ, особенно почему-либо ею чтимымъ; дни памяти ихъ она всегда почитала молебнами имъ, а иногда молебствовала одновременно многимъ святымъ.

Труды боголюбивой старицы, игуменіи Емиліи, ея подвиги молитвенные и пламенная любовь къ Богу и ближнимъ привлекли къ ней видимо осѣненіе Божіей благодати. Она сдѣлалась причастницей многихъ духовныхъ даровъ. По временамъ она, подъ вліяніемъ молитвы сердечной, приходила въ необычайное состояніе, изумляла приближенныхъ къ ней сестеръ необычайными проявленіями предвидѣнія и прозорливости. Мать Емилія сама сознавала, что съ ней тогда дѣлается нѣчто необъяснимое для нея самой: она называла это состояніе «дѣйствіемъ души». Въ это время глаза ея принимали особый какой то блескъ, все лицо просвѣтлялось, вся она всецѣло устремлялась въ горнія къ Богу.

Слова ея, предчувствія и предсказанія въ подобныя времена въ точности всегда сбывались. Подобныя состоянія бывали съ нею преимущественно тогда, когда усугубляла она свои подвиги молитвенные, послѣ ея говѣнія и причащенія Св. Таинъ, во дни великихъ праздниковъ, также когда бывала она озабочена или огорчена, и вообще довольно часто

Близкія къ ней лица уже знали признаки подобнаго ея состоянія и тогда особенно внимали ея словамъ и дѣйствіямъ. Особенныя духовныя отношенія имѣла она къ своему приемному въ иночествѣ отцу преосвященному архіепископу Херсонскому Иннокентію Борису. Она всегда живо ему сочувствовала во всемъ, и когда онъ уже далеко жилъ отъ нея въ Одессѣ, сочувствіе это не прекращалось: таинственнымъ образомъ она ощущала въ душѣ своей, если что-либо скорбное или радостное или какая опасность постигала архіепископа Иннокентія. Такъ во время Крымской войны и осады Севастополя, когда архіепископъ Иннокентій съ рѣдкимъ мужествомъ подвергалъ себя опасности отъ выстрѣловъ непріятельскихъ, ревностно исполняя свой долгъ архипастырскій, мать Емилія, пребывая въ своей обители, вдругъ смущалась, тревожилась, начинала усиленно молиться за него, просила сестеръ своихъ молиться, служила молебны въ церкви о здравіи и спасеніи архіепископа Иннокентія, и часто сидѣла задумчиво, устремивъ на одинъ предметъ свои взоры, какъ бы созерцая нѣкое зрѣлище. Потомъ опять вставала, начинала молиться, плакать. Затѣмъ вставала свѣтлая и радостная, крестилась, благодарила Бога, звала сестеръ своихъ, угощала ихъ чаемъ, точно случилось съ нею какое счастливое событіе. Когда сестры спрашивали ее, что все это значить, мать Емилія отмалчивалась, говорила имъ: «послѣ узнаете, въ газетахъ прочтете». Когда получено было описаніе подвиговъ архіепископа Иннокентія подъ выстрѣлами враговъ, сестры узнали, что даромъ ихъ настоятельница такъ поступала, и что это было именно то время, въ которое близкій ея душѣ архіепископъ Иннокентій подвергался смертной опасности.

Въ 1856 году мать Емилія собралась ѣхать въ Одессу, для свиданія съ архіепископомъ Иннокентіемъ и полѣчиться морскими ваннами. Уѣзжая изъ обители своей, говорила она одной близкой къ ней сестрѣ: «вотъ я ѣду въ Одессу, чтобы

видѣться съ владыкой Иннокентіемъ; душа моя переполнена скорбію, жаждетъ его видѣть, облегчиться его бесѣдой, его участіемъ, но я его не увижу».

Подъѣзжая къ Одессѣ, мать Емилія встрѣтилась съ однимъ одесскимъ священникомъ, который ей сказалъ, что преосвященный Иннокентій наканунѣ того дня выѣхалъ по экстренному предписанію Св. Синода въ Москву, для присутствованія при коронаціи Государя Императора Александра II-го. Но владыка въ скорости на возвратномъ пути изъ Москвы захалъ къ ней обитель. Встрѣченный съ великою радостью матерью Емиліей и всѣми ея сестрами, архіепископъ Иннокентій не узналъ ея обители, — такъ она обстроилась и украсилась безъ него. Съ отеческою любовію и участіемъ любовался онъ зданіями и храмами, утѣшаясь преуспѣяніемъ того, что самъ онъ основалъ и благословилъ. Но это было уже послѣднее свиданіе ея на землѣ съ дорогимъ душѣ ея архипастыремъ, и душа ея это предчувствовала: она слѣшила все показать архипастырю въ своей обители, на все получить его указаніе и совѣтъ; сообщила ему все то, что беспокоило и тревожило ея душу, какъ бы сознавая, что нужно ей пользоваться для этого временемъ. Самъ архипастырь намекнулъ отчасти пророчески, что время его исхода уже близко. Когда одна изъ близкихъ къ игуменіи Емиліи сестеръ ея во время ея отсутствія стала со скорбію говорить архіепископу Иннокентію о слабомъ здоровьи и немощи силъ игуменіи Емиліи, при чемъ выразила свое опасеніе, что она скоро умретъ, преосвященный сказалъ ей: «знаете что, — люди слабые и болѣзненные не такъ опасны, какъ люди крѣпкіе и здоровые; слабый, хотя и болѣетъ, а все живетъ и живетъ, а здоровый человѣкъ вдругъ повалится, и нѣтъ его на землѣ». Это въ точности сбылось надъ нимъ: въ очень непродолжительномъ послѣ того времени онъ быстро угасъ, отъ удара, а мать Емилія на долго еще его пережила. Кончина преосвященнаго Иннокентія глубоко ее потрясла. Съ

горькими слезами и усердными молитвами проводила мать Емилиа усопшаго святителя въ покой могильный, и отъ горя о его утратѣ сама сильно захворала въ Одессѣ. Возвратившись въ обитель свою слабая и огорченная, она долго безутѣшно горевала и плакала по архіепископѣ Иннокентіи и всегда молитвенно чтила его память, какъ память самаго близкаго и дорогаго ей духовнаго лица. Со смертію его начался для матери Емилии рядъ тяжелыхъ и многоскорбныхъ утратъ.—24 мая, 1858 года мать Емилиа пріобщилась Св. Таинъ и послѣ обѣда легла отдохнуть; проснувшись, она позвала къ себѣ приближенную къ ней сестру, монахиню Леониду, и со слезами ей сказала: «братъ мой Павелъ Ивановичъ скоро умереть». И—10-го іюня 1858 года, послѣ самой непродолжительной болѣзни, скончался Павелъ Ивановичъ Степановъ въ Харьковѣ.

Вскорѣ состоялся переводъ преосвященнаго Филарета на Черниговскую кафедру, а на мѣсто его былъ назначенъ въ Харьковъ преосвященный Макарій († митрополитъ Московскій). Какъ первая обитель иноческая съ сѣвернаго конца Харьковской епархіи, стоящая на пути въ Харьковъ изъ Тамбова, Верхо-Харьковскій Николаевскій монастырь первый удостоился принять у себя новаго архипастыря своего, преосвященнаго Макарія, которому очень понравилась его мѣстность, ровная и уединенная, стройность его зданій, и прекрасное пѣніе и порядокъ въ немъ во всемъ. Онъ сказалъ прекрасное слово въ Николаевской обители, обласкалъ мать Емилию своимъ милостивымъ обхожденіемъ и на всѣхъ сестеръ ея произвелъ самое отрадное впечатлѣніе. Игуменія Емилиа, потерявъ нѣжно любимаго брата, еще болѣе углубилась въ свои таинственные думы и созерцанія вѣчности загробной: тамъ много было уже у нея дорогихъ ей существъ, съ которыми душа ея жаждала соединиться. Дружные съ нею старцы-настоятели, архимандриты Арсеній Святогорскій, и Сергій Троицко-ахтырскій, тоже отошли въ вѣчность. Въ отношеніи къ отцу

Сергію она тоже проявила свой чудный даръ предвѣднія его кончины. Незадолго до кончины его мать Емилія видѣла въ тонкомъ видѣніи отдѣленіе души его отъ тѣла и, очнувшись, начала утвердительно говорить, что о. Сергій скоро умретъ. Поспѣшила видѣться съ нимъ и объ этомъ его предупредить. Благочестивый старецъ со вниманіемъ выслушалъ ея слова, подробно разспрашивалъ ее, что именно она про него видѣла, и началъ готовиться къ смерти, которая послѣ непродолжительной, но жестокой болѣзни дѣйствительно вскорѣ его постигла.

Таинственные и знаменательныя видѣнія мать Емилія всегда отличала отъ обычныхъ сновъ, которымъ не вѣрила. «Тутъ ощущается въ душѣ нѣчто необычайное, говорила она по этому поводу, такъ что сейчасъ можно узнать, какого свойства видѣніе». Всѣ эти видѣнія и благодатныя состоянія благочестивой старицы ясно свидѣтельствовали, что она созрѣла духовно и за свои подвиги молитвенные сподобилась осѣненія благодатнаго свыше. Она ревностно готовилась къ смерти и, чувствуя ослабленіе силъ тѣлесныхъ, часто болѣя, всякій разъ спѣшила приступать къ св. таинствамъ покаянія, приобщенія и освященія св. елеемъ. Она очень часто соборовалась; нѣкоторыя изъ сестеръ даже ее за это осуждали, но мать Емилія говорила, что таинство елеосвященія установлено для больныхъ, поѣтому всякій больной всегда можетъ къ нему приступать, какъ бы часто ни болѣлъ. И дѣйствительно, это таинство почти всегда цѣлительно на нее дѣйствовало: бывало заболитъ тяжело, сейчасъ исповѣдается, причастится Св. Таинъ, особоруется св. елеемъ, и почувствуетъ себя лучше; вскорѣ сдѣлается здоровою. Лѣчиться у докторовъ мать Емилія не любила, прибѣгала къ этому лѣченію въ крайнихъ случаяхъ, по настоянію своихъ сестеръ, а всегда лѣчилась таинствами св. Церкви, въ цѣлительную силу которыхъ глубоко вѣрила.

Въ 1862 году, 28 мая, на праздникъ Св. Духа, скончался

и второй братъ игуменіи Емилиі, главный устроитель и благодѣтель ея обители, Михаилъ Ивановичъ Степановъ, оставивъ молодую вдову и двухъ малолѣтнихъ дочерей. Вдова его Марія Михайловна Степанова подражала ему въ благорасположеніи и благотворительности къ Николаевской обители: по желанію мужа, она по смерти его отдала игуменіи Емилиі капиталъ въ 15.000 рублей и значительную долю земли пахатной и сѣнокосной въ пользу ея обители; пожертвовала также цѣнныя украшенія въ Казанскую церковь обители, дорогой напрестольный крестъ и много другихъ вещей, и до самой кончины своей питала искреннюю пріязнь къ Николаевской обители, къ матери Емилиі и всѣмъ ея сестрамъ. Она пережила мать Емилию, но и послѣ нея не измѣнила расположенія своего къ обители, гдѣ нашла себѣ и могильный покой подлѣ мужа. Со смертію Михаила Ивановича, игуменія Емилиія почувствовала себя совсѣмъ одинокою въ мірѣ; всѣ близкіе душѣ ея были уже въ странѣ загробной, куда и она стала стремиться всею душею. Но Господу угодно было еще удержать ее въ живыхъ для пользы ея обители. Большою поддержкою ей въ это время былъ второй настоятель Святогорскій, отецъ архимандритъ Германъ, бывшій въ то время и благочиннымъ монастырей Харьковской епархіи.

Преосвященный архіепископъ Макарій, при всей добротѣ своей и расположеніи къ матери Емилиі и ея обители, былъ довольно строгъ и требователенъ въ отчетности дѣловой. Мать Емилиія, не долюбивавшая эту отчетность, не всегда въ этомъ его удовлетворяла, и вотъ отцу Герману, какъ благочинному, приходилось выносить на себѣ ея неисправности и оберегать ее отъ гнѣва владыки. Мать Емилиія это сознавала и платила ему искреннею благодарностью: пріѣздъ въ ея обитель о. Германа былъ для нея всегда очень дорогъ, ибо всегда находила она въ немъ усерднаго помощника къ духовному благоустройству своего монастыря. Нерѣдко и сама ѣздила къ нему въ Святогорскую пустынь, особенно

во время пребыванія тамъ Татіаны Борисовны Потемкиной, издавна дружественно къ ней расположенной и ею искренно чтимой и любимой. По милости Татіаны Борисовны, мать Емилія, въ 1860 году, удостоилась быть представленною Государю Императору Александру II, въ г. Харьковѣ, въ домѣ Степановыхъ, гдѣ Татіана Борисовна всегда останавливалась и гдѣ посѣтилъ ее Государь. Черезъ ходатайство Татіаны Борисовны, въ 1864 году, игуменія Емилія получила для своей обители отъ щедротъ Государыни Императрицы Маріи Александровны церковныя облаченія: 2 ризы голубого атласа, съ серебряными глазетовыми оплечьями, 1 діаконскій стихарь, такого же атласа и съ такимъ же оплечьемъ, со всѣми принадлежностями къ нимъ, а также одежды на престолъ, жертвенникъ и аналой серебрянаго глазета. Въ 1865 году, игуменья Емилія удостоилась быть представленною Татіаню Борисовною Великою Бяжнѣ Маріи Александровнѣ, впоследствии Герцогинѣ Эдинбургской. Довольно и жертвовала въ пользу обители, такъ что мать Емилія всегда признавала ее истинною благодѣтельницею своего монастыря и когда Татіана Борисовна, въ 1868 году, скончалась за границую въ Берлинѣ, то искренно ее оплакивала и усердно молилась о упокоеніи ея души.

Преосвященный архіепископъ Макарій, незадолго до кончины Татіаны Борисовны, былъ переведенъ въ Вильну, а на его мѣсто назначенъ изъ Нижняго-Новгорода архіепископъ Нектарій Надеждинъ, мужъ строго подвижнической жизни, но слабый здоровьемъ. Въ то время и викаріемъ въ Харьковской епархіи былъ мужъ духовный, преосвященный Германъ, епископъ Сумскій, посл. епископъ Кавказскій и Екатеринодарскій. Оба преосвященные очень уважали игуменію Емилію, посѣщали ея обитель и въ этомъ отношеніи мать Емилія была весьма довольна. Особенно чтила и любила она преосвященнаго Германа, и когда его перевели на Кавказъ, очень о томъ сожалѣла. Но и преемникъ его преосвященный епископъ Веніаминъ до того бывший ректоромъ Харь-

11 ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПОДВИЖНИКИ 18 И 19 ВѢКОВЪ.

ковской духовной семинаріи въ санѣ архимандрита и давній знакомый матери Емилиі, тоже пользовался ея расположеніемъ и въ свою очередь ее уважалъ. По болѣзненному состоянію преосвященнаго архіепископа Нектарія, трудно бывало иногда игуменіи Емилиі имѣть съ нимъ свиданія и бесѣды, и она подчасъ объ этомъ скорбѣла, о чемъ дошло и до свѣдѣнія святителя, и онъ строго приказалъ своимъ приближеннымъ, чтобы игуменія Емилиія всегда имѣла доступъ въ его покои. Бывало, какъ ни боленъ бывалъ преосвященный Нектарій, выходилъ къ ней и, пересиливая себя, бесѣдовалъ съ нею, и потомъ говорилъ своимъ келейникамъ, что послѣ этого чувствовалъ себя лучше. Душа архіепископа Нектарія имѣла много сочувствія и сходства съ духовнымъ устроениемъ души матери Емилиі: имъ всегда было пріятно бесѣдовать о предметахъ, обоимъ имъ близкихъ и дорогихъ: о жизни загробной, о любви къ Богу Спасителю, такъ что, бывало, заговорившись, мать Емилиія и забудетъ поговорить о дѣлѣ съ архипастыремъ, ради котораго къ нему пріѣзжала, и снова должна была къ нему являться, что архипастырь всегда ей извинялъ и благодушно относился ко всѣмъ ея просьбамъ. Въ то же время проживалъ при Харьковскомъ архіерейскомъ домѣ старецъ жизни подвижнической, архимандритъ Іона (Фаворовъ), бывшій духовникъ архіепископа Нектарія и пользовавшійся его довѣріемъ и любовью. Этотъ старецъ, при горячей любви къ Богу, былъ начитанъ книгами святоотеческими, имѣлъ даръ поучать житію подвижническому весьма дѣйственно, за что особенно былъ любимъ и чтимъ игуменією Емилиіей.

Устроивъ у себя въ обители, на монастырскомъ кладбищѣ, небольшую церковь во имя своего ангела, преп. Емилиі, игуменія Емилиія любила въ ней молиться, среди тишины могилъ, почивающихъ вокругъ этой церкви усопшихъ своихъ сестеръ. Каменная эта церковка, съ траурнымъ своимъ иконостасомъ, въ глубокомъ уединеніи монастырскаго сада, была

вполнѣ подходящимъ мѣстомъ для молитвенной бесѣды старицы съ Богомъ. Тутъ все напоминало ей о смерти, о жизни загробной; тутъ могла она всецѣло углубляться въ свои думы объ этихъ предметахъ. О нихъ по большей части говорила она теперь и съ сестрами своими, стала видимо тяготиться должностію своею настоятельской, удаляться отъ почестей и заботъ, съ нею соединенныхъ. Когда ея подчиненныя являлись къ ней для отчетовъ и полученія приказаній по своимъ должностямъ, нерѣдко находили игуменію Емилию въ глубокой задумчивости и, вмѣсто прежняго дѣятельнаго участія ея въ дѣлахъ монастыря, получали отъ нея короткіе отвѣты: «дѣлайте по совѣсти; дѣлайте по своему усмотрѣнію». Чувство искренняго покаянія, всегда ей присущее, теперь развилось въ ней необыкновенно: приступая къ исповѣди, она высказывала столько раскаянія и умиленія, что трогала духовниковъ.

Въ 1872 году игуменію Емилию постигла опасная болѣзнь, воспаленіе легкихъ, отъ которой была она близка къ смерти, но выздоровѣла. Однако слѣды этой болѣзни остались въ ея и безъ того слабомъ организмѣ. Она стала еще слабѣе и хилѣе, начала ясно говорить сестрамъ своимъ, что близится ея конецъ, начала приводить въ порядокъ дѣла обители, чтобы тѣмъ не затруднить свою преемницу, написала и духовное завѣщаніе касательно своей воли посмертной. Съ наступленіемъ 1873 года игуменія Емилиа особенно стала слабѣвать въ силахъ тѣлесныхъ, провела св. постъ въ глубокомъ уединеніи, постилась, молилась, какъ бы готовилась къ важному для нея событію. Пасху праздновала по обычаю своему въ радости духовной; такъ же отпраздновала и 9 мая, день святителя Николая—престольный праздникъ своего монастыря. Спустя недѣлю, поѣхала въ Харьковъ, посѣтила Куряжскій монастырь близъ Харькова, гдѣ молилась предъ находящеюся тамъ чудотворною иконою Богоматери Озерянской, была и у настоятеля, епископа Сумскаго Веніамина. Посѣтила въ загородномъ архіерейскомъ домѣ и преосвященнаго

архіепископа Нектарія, сильно простудилась и захворала опять воспаленіемъ легкихъ. Невѣстка ея, Степанова, совѣтовала ей остаться въ Харьковѣ, въ ея домѣ, полѣчиться, но мать Емилиа ея не послушала, поспѣшила домой въ свою обитель. По пути заѣзжала въ родительское село Веселое, гдѣ въ домѣ невѣстки своей провела нѣсколько времени, какъ бы прощаясь съ роднымъ душѣ ея мѣстомъ. Переночевавъ въ селѣ Веселомъ, ночью почувствовала она себя хуже, и на другой день, 23-го мая, едва могла доѣхать до своего монастыря, гдѣ прямо слегла въ постель. 25-го мая исповѣдалась и причастилась Св. Таинъ; 27-го мая особоровалась св. елеемъ, благословила всѣхъ сестеръ Ахтырской иконой Богоматери, въ серебро-золоченой ризѣ, и со всѣми ими простилась; 28-го мая слушала, лежа въ свой моленной, позднюю литургію, такъ какъ это былъ любимый ею праздникъ Св. Духа, и когда запѣли Задостойный стихъ, ирмосъ 9 пѣсни канона Пятидесятницы «Радуйся, Царице», перекрестилась и тихо сказала: «въ послѣдній разъ я это слышу». Къ вечеру ей стало хуже; кончина видимо приближалась, она пожелала еще причаститься Св. Таинъ; но такъ какъ выпила въ тотъ день ложечку молока, то рѣшила ждать 12 часовъ ночи, чтобы потомъ уже причаститься. Такъ строго и при концѣ своемъ придерживалась старица правилъ и уставовъ св. Церкви. Сестры ея, видя, что врядъ ли доживетъ до полуночи, съ благословенія ея духовника, перевели часы на 12 часовъ, закрыли окна келліи ея, внесли свѣчу и убѣдили умирающую, что уже полночь. Она потребовала у нихъ часы и, увидѣвъ на нихъ стрѣлку на 12-ти, съ полнымъ сознаниемъ исповѣдалась, причастилась Св. Таинъ, и вслѣдъ затѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ тихо отошла въ вѣчность, точно уснула, безъ всякихъ предсмертныхъ страданій, ровно въ 11 часовъ ночи, 28-го мая 1873 года.

Въ Хорошевскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ Харьковской епархіи проживала въ то время юродивая старица,

діаконская вдова Екатерина Алексѣевна, родная сестра архіепископа Херсонскаго Иннокентія Борисова. Жила она въ келліи, купленной ей братомъ архіепископомъ на средства, имъ же оставленныя игуменіи монастыря, ибо сама Екатерина Алексѣевна все раздавала, и деньги у нея не могли никогда удержаться. Сама она ходила въ рубищѣ, нерѣдко юродствовала, не чужда была дара прозорливости, за что уважали ее Харьковскіе купцы и присылали ей подаваніе. Къ ней приставлена была послушница, которая смотрѣла за ней, какъ за малымъ ребенкомъ, кормила и поила ее, и распоряжалась присылаемымъ ей подаваніемъ. Юродствуя, Екатерина Алексѣевна говорила мало-понятно, а все больше загадками; но слова ея часто сбывались съ поразительною вѣрностью. Въ 3-й день Пятидесятницы 29-го мая 1873 года, послѣ обѣдни, ходила она вокругъ монастырскихъ церквей, и смотря къ небу, приговаривала: «уу! уу! хорошо! уу! уу! хорошо! невѣсту ко Христу повели!» Встрѣчавшіяся съ нею сестры, сколько ни спрашивали ее, что значать эти ея слова, ничего отъ нея не узнали. Она все свое имъ повторяла. Потомъ пошла въ келлію монахини Алевтины Димчинской, крайне болѣзненной, и изъ келліи своей никуда не выходившей; она прежде того жила въ Верхо-Харьковскомъ Николаевскомъ монастырѣ и пользовалась расположеніемъ игуменіи Емилиі. Прійдя къ ней въ келлію, Екатерина Алексѣевна ей сказала: «Богу молись! за упокой молись! твоя игуменья померла. Ко Христу ее повели. Уу! хорошо! уу! хорошо!» и, повторяя нѣсколько разъ эти слова, ушла, ничего болѣе ей не сказавъ и оставивъ Алевтину въ полномъ недоумѣніи, что все это значило. Впослѣдствіи, когда узнала она о кончинѣ игуменіи Емилиі, и что скончалась она въ ночь на 29 мая, поняла она смыслъ словъ Екатерины Алексѣевны, что недаромъ она ихъ тогда говорила *).

---

*) „Душ. Чт.“ 1880. г.

Игуменія Надежда.

(Память 29 мая).

Въ Чигиринскомъ, Свято-Троицкомъ пустынномъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ 1847 году 29 мая, скончалась схимонахиня Надежда, ста лѣтъ отъ роду, бывшая болѣе двадцати лѣтъ настоятельницею монастыря.

Къ сожалѣнію, въ монастырѣ не осталось никакихъ актовъ о времени рожденія и прежней ея жизни.

По устнымъ рассказамъ, слышаннымъ отчасти отъ самой покойной игуменіи Надежды, извѣстно, что она родилась въ Москвѣ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, 26 августа, а въ которомъ году, никто не знаетъ, происходила изъ фамиліи дворянъ Курбатовыхъ и въ мірѣ называлась Евгенією.

Оставшись послѣ родителей своихъ въ малолѣтствѣ, Евгенія вскорѣ потомъ посвятила себя на служеніе Богу и проводила подвижническую жизнь въ разныхъ женскихъ обителяхъ первопрестольной Москвы.

Въ началѣ прошедшаго столѣтія (въ 1800 г.), она съ богомольцами отправилась для поклоненія Гробу Господню и св. мѣстамъ въ Іерусалимъ, гдѣ и приняла иночество съ именемъ Надежды.

Предъ тѣмъ временемъ, какъ Россія объявила войну Турціи (должно полагать въ 1807 году), Надежда на обратномъ пути съ востока основала сначала свое пребываніе въ Кіево-Флоровскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, а потомъ, въ окрестныхъ лѣсахъ Кіева избравъ пустынное мѣсто, удалилась туда съ нѣсколькими женщинами, посвятившими жизнь свою уединенію и трудамъ подвижническимъ. Эти подвижницы, составивъ такимъ образомъ небольшую общину, построили тамъ маленькую часовню и проводжали время въ молитвѣ и трудахъ.

Въ 1825 же году, бывшій тогда митрополитъ Кіевскій Евгенийъ, узнавъ о благочестивой жизни старицы Надежды, назначилъ ее настоятельницею Чигиринскаго Свято-Троицкаго пустыннаго дѣвичьяго монастыря (пришедшаго въ то время въ крайнее запустѣніе), несмотря на то, что Надежда настоятельно просила владыку уволить ее отъ этой обязанности.

Въ то же время, для большаго благолѣпія святой обители и привлеченія поклонниковъ, высокопреосвященный Евгенийъ послалъ въ эту обитель нѣкоторыя частицы мощей святыхъ угодниковъ Божіихъ Кіево-Печерскихъ и святыхъ великомученицы Варвары.

Съ принятіемъ на себя новаго званія настоятельницы, Надежда, не взирая на преклонныя лѣта, всегда дѣятельная духомъ и неутомимая въ трудахъ, нашла въ себѣ довольно силъ еще усугубить свои подвиги, и этимъ подавала вмѣстѣ примѣръ подвѣдомымъ ей сестрамъ, въ числѣ которыхъ были и раздѣлявшія съ нею пустынную жизнь въ лѣсахъ Кіевскихъ.

Она нашла монастырь опустѣвшимъ, церковь обветшавшею, покрытою въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камышомъ; близки были къ разрушенію и прочія постройки. Все общество сестеръ Чигиринской обители состояло не болѣе, какъ изъ десяти лицъ; при управленіи же Надежды, чрезъ нѣсколько лѣтъ это число возросло до пятидесяти монахинь, кромѣ жившихъ на послушаніи.

Много сначала предстояло старицѣ Надеждѣ заботъ привести все въ стройный порядокъ, соотвѣтственно той высокой духовной цѣли, которую избрали отрекшіяся міра; не менѣе также нужно было употребить и для того, чтобы осушить топкія мѣста въ монастырѣ, и на болотистой почвѣ основать вновь разныя монастырскія зданія. Но твердое упованіе Надежды на помощь Божію превозмогло всѣ препятствія. При вступленіи Надежды въ управленіе обителью,

богослуженіе отправлялось не всегда, вѣроятно потому, что священникъ былъ только одинъ. Но, по вступленіи ея въ этотъ монастырь, по распоряженію высшаго начальства, положено быть въ немъ двумъ священникамъ. Тогда божественную литургію стали совершать ежедневно, а въ нѣкоторые дни отправляли и раннюю—въ церкви трапезной. вмѣстѣ съ тѣмъ умножилось и число богомольцевъ, притекавшихъ изъ разныхъ мѣстъ, а въ особенности изъ сосѣднихъ губерній: Херсонской, Полтавской и Екатеринославской, и предъ находящеюся въ обители издавна чтимую иконою Божіей Матери совершалось непрестанное поклоненіе. Во время настоятельства Надежды обитель улучшена во многихъ отношеніяхъ: обновлена Свято-Троицкая ея церковь, построена вновь колокольня, купленъ колоколъ вѣсомъ въ 50 пудовъ, и вновь сооружена деревянная, но весьма благолѣпная трапезная, теплая церковь, въ честь Преображенія Господня, съ придѣломъ во имя святителей Христовыхъ: Николая, архіепископа Мирликійскаго, и Митрофана, епископа Воронежскаго, освященная потомъ въ 1837 году.

Въ 1838 году настоятельница Надежда посвящена въ игуменію, и въ томъ же году, по представленію митрополита Кіевскаго Филарета, награждена отъ Святѣйшаго Сѣнода наперснымъ крестомъ, котораго, однакожь, по смиренію своему никогда не носила. Достигнувъ уже глубокой старости, Надежда, несмотря на изнеможеніе силъ, продолжала еще свое попеченіе о святой обители и благолѣпнн храма Божія, и начала устройство другого престола въ Свято-Троицкой церкви въ честь Успенія Божіей Матери, который оконченъ и освященъ былъ уже послѣ ея смерти. Наконецъ испросила она увольненіе себѣ отъ обязанности настоятельницы, и за годъ до блаженной своей кончины въ 1846 году приняла схиму, съ сохраненіемъ прежняго имени Надежды *).

---

*) Ж. „Странникъ“ 1865 г. кн. февр.

Схимонахъ Михаилъ Валаамскій.

(Память 29 мая).

Схимонахъ Михаилъ происходилъ изъ духовнаго званія; съ юныхъ лѣтъ стремясь къ монастырской жизни, онъ молодой поступилъ первоначально въ Соловецкій монастырь; тамъ съ именемъ Мелхиседека постриженъ въ монашество въ 1802 г.; въ 1820 г. поступилъ въ Валаамскую обитель въ число братства и здѣсь съ именемъ Михаила принялъ святую схиму. О. Михаилъ любилъ особенно уединенную жизнь; много лѣтъ жилъ въ пустынѣ; жизнь проводилъ жестокою; носилъ на себѣ ветхое рубище, пищу употреблялъ суровую; скудные его припасы загнивали и покрывались плѣсенью; употребляя ихъ въ пищу, старецъ говаривалъ: «ничего что попортились; все равно исполняютъ тѣлесную нужду». Изнемогши силами, о. Михаилъ перешелъ въ монастырскую больницу; келлію занялъ самую малую; никогда не давалъ ее мыть и самъ не обмывалъ никогда своего тѣла; въ келліи духота была нестерпимая. Несмотря на крайнюю слабость своего здоровья, о. Михаилъ съ великимъ вниманіемъ выстаивалъ всѣ церковныя службы. Много лѣтъ весьма страдая ломотою во всемъ тѣлѣ, онъ ничѣмъ не пользовался. За нѣсколько дней до кончины пришелъ къ нему келліархъ, монахъ Иринеи; узнавъ, что нездоровъ о. игумень, о. Михаилъ говорилъ келліарху: «потрудись отнести о. игумену лѣкарство,—прекрасное; мнѣ прислали его изъ Петербурга; сразу, говорятъ, отъ него легче бываетъ». «Да что же ты самъ не пользуешься имъ?»—возразилъ ему о. Иринеи. «Нѣтъ, отвѣчалъ старецъ, что мнѣ грѣшному пользоваться; лучше потерплю Бога ради». И келліархъ отнесъ лѣкарство къ о. игумену. До послѣдней минуты о. Михаилъ былъ въ памяти, со всѣми говорилъ, прощался и весьма тихо почилъ сномъ смерти на 81 году отъ рожденія,

29 мая 1854 года. Отдавая послѣдній долгъ усопшему въ началѣ отпѣванія, настоятель о. игуменъ Дамаскинъ съ удивленіемъ ощутилъ отъ гроба неизъяснимое благоуханіе. «Что это какое необыкновенное благоуханіе?» спросилъ онъ тогда протодіакона. «Я ничего не слышу, батюшка,—отвѣчалъ настоятелю протодіаконъ. Когда опускали гробъ въ могилу, то же благоуханіе разлилось въ воздухъ, и его ощутили тогда съ о. игуменомъ и нѣкоторые изъ братіи. Надпись на плитѣ, покрывающей могилу о. Михаила, изсѣчена за годъ до его кончины; онъ самъ сказалъ все ея содержаніе благотворителю монастыря, С.-Петербургскому купцу В. М. Никитину, усердствовавшему соорудить ему памятникъ. На плитѣ написано: «Схимонахъ Михаилъ почилъ мая 1854 г.»*).

Казначей Оптиной пустыни о. іеросхимонахъ Флавіанъ.

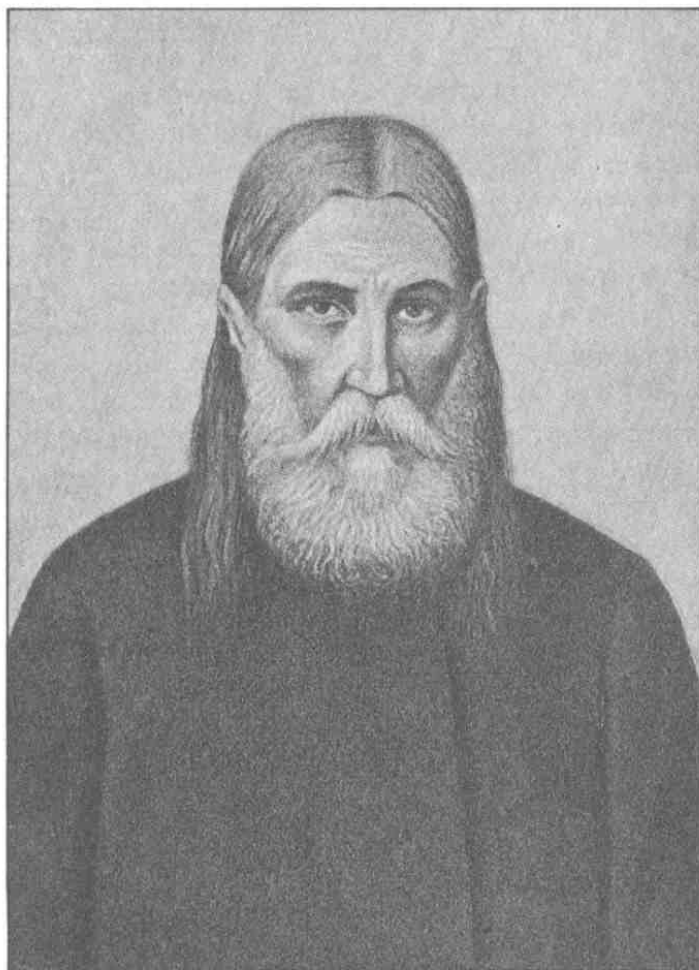
(Память 30-го мая).

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія жили въ г. Орлѣ шесть братьевъ, дѣти Матвѣя и Степаниды Маленьковыхъ. Всѣ они торговали рыбой съ Дону, воскомъ, медомъ, волошскими орѣхами и подобною мелочью. Жили они порознь, особыми семьями, но торговля была сначала общая. Третій изъ шести братьевъ—родитель о. Флавіана—Матвѣй Матвѣевичъ родился 17 февраля 1792 года.

Супруга Матвѣя Матвѣевича, Прасковья Александровна была изъ семейства Александра Ивановича и Мавры Ивановны Дьяконовыхъ. Кромѣ дѣтей, умиравшихъ въ раннемъ возрастѣ, у Матвѣя Матвѣевича было три сына: Николай, Иванъ и Θεодосій Матвѣевичи и двѣ дочери Любовь и Глафира.

Младшій сынъ Матвѣя Матвѣевича—Θеодосій Матвѣевичъ родился 24 марта 1823 года. «Моя матушка Прасковья

*) Валаамскіе подвижники.

Казначей Оптиной пустыни о. іеросхимонахъ Флавіанъ

Александровна, вспоминалъ о. Флавіанъ, была благочестивая и богобоязненная женщина; вставала рано и подолгу молилась, потомъ всѣхъ насъ, бывало, разбудить и заставить тоже молиться. Держала насъ строго, не допускала съ нашей стороны никакихъ шутокъ, шалостей и грубыхъ, неприличныхъ словъ.

Когда скончалась моя матушка, рассказывалъ о. Флавіанъ, мнѣ было лѣтъ 9—10, и я ходилъ въ школу. Вскорѣ батюшка мой Матвѣй Матвѣвичъ получилъ мѣсто управляющаго у Абазы и у Нарышкина, и мнѣ пришлось быть съ нимъ у Нарышкина на винномъ заводѣ, а также побывать и въ Харьковѣ.

Оставшись по отъѣздѣ въ Оптину пустынь Матвѣя Матвѣвича почти ребенкомъ, Θεодосій Матвѣвичъ жилъ въ семействѣ своего брата Николая. По примѣру благочестивыхъ родителей и сестры—монахини, онъ велъ себя скромно и трудолюбиво: ходилъ часто на церковныя службы и въ школу. Войдя нѣсколько въ силы, занимался въ рыбныхъ лавкахъ. Невѣстка, жена его брата, очень не долюбливала Θεодосія Матвѣвича.

Сознавая, что онъ и въ родномъ домѣ чужой, Θεодосій Матвѣвичъ находилъ для себя утѣшеніе у старшей сестры своей м. Любви, которая въ то время находилась въ Орловскомъ монастырѣ. Онъ повѣрялъ сестрѣ своей разныя скорби, и, успокоенный совѣтами и любовію сестры, возвращался домой на новыя скорби и неприятности.

Θеодосію нерѣдко случалось бывать у старцевъ о.о. Леонида и Макарія. Жизнь монаховъ понравилась ему, и онъ высказалъ свое желаніе поступить въ Оптину пустынь о. Леониду.

О. Леонидъ удерживалъ пока стремленіе Θεодосія къ монашеству и говаривалъ ему: «погоди еще». Однажды онъ далъ Θεодосію кусокъ яблоноваго дерева и сказалъ: «вотъ возьми себѣ домой, сдѣлай изъ него ложку и перешли ко

миѣ. Если сдѣлаешь хорошую, то значить можно тебѣ поступить въ монахи». Усердно принялся за свою работу Θεодосій въ свободное время отъ обычныхъ занятій, сидя въ своемъ мезонинѣ, не зная ни пріемовъ и не имѣя нужныхъ для работы инструментовъ; однимъ ножичкомъ выдалбливалъ и обдѣлывалъ данный ему старцемъ отрубокъ въ ложку. Наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, вышла ложка на радость Θεодосія, но радость его была непродолжительна. Возвратясь однажды домой, онъ не нашелъ въ мезонинѣ свою ложку. Въ его отсутствіе невѣстка нашла ее, взяла, и когда онъ просилъ ее отдать ему назадъ, то она при немъ сломала ложку и растоптала ногой. О своемъ горѣ Θεодосій сообщилъ о. Леониду, который утѣшилъ его, давъ ему новый кусокъ дерева. Θεодосій снова принялся за работу и успѣшно окончилъ ее, выточивъ довольно недурную ложку.

Въ 1839 году Θεодосій Матвѣевичъ, шестнадцати лѣтъ, ходилъ въ Кіевъ, попутно заходилъ въ Софроніеву и Глинскую пустынь.

Θеодосій Матвѣевичъ былъ при о. Леонидѣ въ Оптиной четыре раза, хаживалъ туда обыкновенно къ Пасхѣ. Въ послѣдній разъ онъ былъ у о. Льва въ годъ его кончины, въ 1841 году. Θεодосій вмѣсто года пробылъ дома три и поступилъ въ Оптину пустынь уже 7 марта 1844 года.

Пріѣхавъ въ Оптину пустынь во вторникъ на 4-й недѣлѣ Великаго поста, 7 марта 1844 г., Θεодосій Матвѣевичъ помѣстился сначала у отца, который былъ тогда гостинникомъ, и пробылъ у него около мѣсяца; 16 апрѣля, въ Θомино воскресенье, былъ помѣщенъ въ скитъ.

Въ скиту Θεодосій Матвѣевичъ провелъ сначала 8 мѣсяцевъ, съ 16 апрѣля 1844 г. по 1 января 1845 г. въ хлѣбнѣ и квасоварнѣ.

Затѣмъ Θεодосій Матвѣевичъ прожилъ 15 лѣтъ, съ 1 января 1845 г., до кончины старца о. Макарія, въ церкви. Сначала опредѣленъ былъ указомъ отъ 18 августа 1849 г.

въ братство, а 29 августа 1850 г. посвященъ въ стихарь и показанъ состоящимъ при пономаряѣ и при ризницѣ. Въ 1852 г. по указу отъ 22 февраля накрытъ рясофоромъ. 29 апрѣля 1855 года постриженъ въ мантию, съ нареченіемъ имени Флавіана.

О. Феодосій жилъ въ церкви, но какъ очень старательный, послушливый и способный, онъ былъ часто употребляемъ, какъ для личныхъ услугъ старцу о. Макарію, такъ и на разные другіе труды и занятія. — Онъ сначала помогаль о. Иларіону по скитскому хозяйству, а впослѣдствіи, не оставляя пономарскаго послушанія, постоянно почти пребывалъ въ келліи старца отца Макарія и отца Иларіона для услугъ.

Въ 1855 г. о. Флавіанъ сопровождалъ старца о. Макарія, ѣздившаго по приглашенію въ Одигитріеву Зосимову пустынь, Московской губерніи, на освященіе храма, которое совершалъ преосвященный Филаретъ московскій.

14 іюля 1858 г. преосвященный Григорій Калужскій, при освященіи церкви въ селѣ Скурыничи, рукоположилъ о. Флавіана въ іеродіакона.

При послѣднихъ дняхъ жизни старца о. Макарія, о. Флавіанъ находился постоянно при больномъ, который на его рукахъ и испустилъ послѣдній вздохъ свой, назначивъ о. Флавіану послѣ себя относиться къ Иларіону. По кончинѣ о. Макарія, о. Флавіанъ оставилъ должность пономаря и ризничаго и перешелъ изъ церкви на жительство въ скитскій корпусъ.

Новый настоятель о. Исаакій, по соглашенію со старцами, предложилъ занять мѣсто казначея іеродіакону о. Флавіану, имѣвшему тогда отъ роду 40 лѣтъ. 29 августа 1862 г. о. Флавіанъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха, а указомъ отъ 23 октября 1862 г. ему было разрѣшено, впредь до усмотрѣнія, исправлять должность казначея.

Предъ масляной недѣлей, въ февралѣ 1863 г., о. Флавіанъ перешелъ изъ скита въ монастырь, а 23 іюля 1865 года

утвержденъ въ должности казначея. Въ этомъ-же (1865 г.) противъ Казанской церкви сталъ строиться новый двухъ-этажный корпусъ.

19 июня 1866 года о. Флавіанъ награжденъ набедренникомъ, а 15 апрѣля 1878 года пожалованъ наперснымъ крестомъ отъ Св. Синода.

Еще въ 1864 году, при устроении въ скитской церкви Макарьевского придѣла и часовни на могилѣ о. Макарія въ монастырѣ, о. Флавіанъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ о. Иларіона, неся на себѣ, по указаніямъ старца, трудовую часть и надзоръ за постройками.

По кончинѣ старца отца Макарія въ Оптиной пустыни постоянно по два раза въ годъ совершаемо было его поминовение: 7 сентября, въ день его кончины, и 19 января, въ день его ангела, преподобнаго Макарія Египетскаго. Старецъ о. Иларіонъ былъ усерднѣйшимъ ревнителемъ этихъ поминовений, стараясь о поддержаніи ихъ чрезъ изысканіе и доставленіе нужныхъ для того средствъ. По кончинѣ о. Иларіона заботу о продолженіи такихъ поминовений своего старца о. Макарія взялъ на себя о. казначей Флавіанъ. Но онъ съ такою-же любовью и усердіемъ заботился до самой своей смерти и о совершенно такомъ-же поминовении и другого старца о. Иларіона, совершавшемся 18 сентября, въ день кончины его, и 21 октября, въ день его Ангела, преподобнаго Иларіона Великаго.

Что-же касается до надмогильнаго памятника, то тотчасъ-же, по кончинѣ старца о. Иларіона, о. казначей Флавіанъ озаботился постановкой на дорогой могилѣ памятника, въ видѣ чугунной часовни, такой же формы и рисунка, какая стояла на могилѣ старца о. Макарія.

Отецъ Флавіанъ былъ всѣмъ знавшимъ его извѣстенъ не только какъ хорошій хозяинъ казначей, но и какъ строгій инокъ.

Кромѣ точнаго и неослабнаго исполненія обще-монашескихъ

и въ обители принятыхъ правилъ относительно поста, своей богослужебной чреды церковныхъ и келейныхъ правилъ, имъ были усвоены нѣкоторые другіе обычаи.

Всегда отличался искреннимъ смиреніемъ. Примѣромъ сего смиренія можетъ служить слѣдующій случай. Наканунѣ его кончины братія приходила проститься съ нимъ. Смотрители дачъ и хуторовъ находились подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Одинъ изъ нихъ обратился къ отходившему съ слѣдующими словами: «аще обрящещи благодать у Бога, не забудь меня, или помолись обо мнѣ». О. Флавіанъ строго сказалъ ему: «о. Іерофей! Мы съ тобой за все время, что служили, кажется, еще ни разу не поссорились, но смотри какъ бы намъ не поссориться теперь. Твои слова не идутъ ко мнѣ, потому что я грѣшникъ».

30 декабря 1889 года, въ субботу, отецъ казначей Флавіанъ, готовясь къ служенію на воскресенье 31 декабря, ходилъ въ скитъ на исповѣдь и потомъ, стоя на бдѣніи, по обычаю своему, въ алтарѣ сильно озябъ. Въ воскресенье, 31-го, онъ съ большимъ трудомъ отслужилъ литургію въ больничной церкви Иларіона Великаго и, возвратясь въ келлію, не могъ кушать чай. Въ понедѣльникъ, 1 января 1890 года, онъ былъ особорованъ о. архимандритомъ и другими іеромонахами; 2, 4, 6 и 7 января утромъ принималъ у себя въ келліи Св. Тайны, а во время вечерни, 7 января, принялъ отъ о. архимандрита постриженіе въ схиму, съ сохраненіемъ имени Флавіана.

Съ половины января болѣзнь изъ острой затянулась въ хроническую.

Съ вечера 21 мая уже не вставалъ и безъ того ослабѣвшій, по болѣзни, о. Флавіанъ и не принималъ, не глоталъ пищи, кромѣ нѣсколькихъ чайныхъ ложекъ молока и воды со льдомъ въ день. За четыре дня передъ кончиной, онъ ежедневно принималъ поутру Св. Тайны и, наконецъ, въ среду, 30 мая, принявъ въ половинѣ перваго часа утра

Св. Тайны, батюшка въ 3 часа утра тихо отошелъ въ полной памяти и сознаніи ко Господу.

Черезъ годъ съ небольшимъ по кончинѣ о. Флавіана усердіемъ давно его знавшей и уважавшей его высокую духовную личность, Екатерины Васильевны Иловайской, бывшей духовной дочери о. Иларіона, на могилкѣ его былъ воздвигнутъ прекрасный памятникъ изъ сѣраго мрамора.

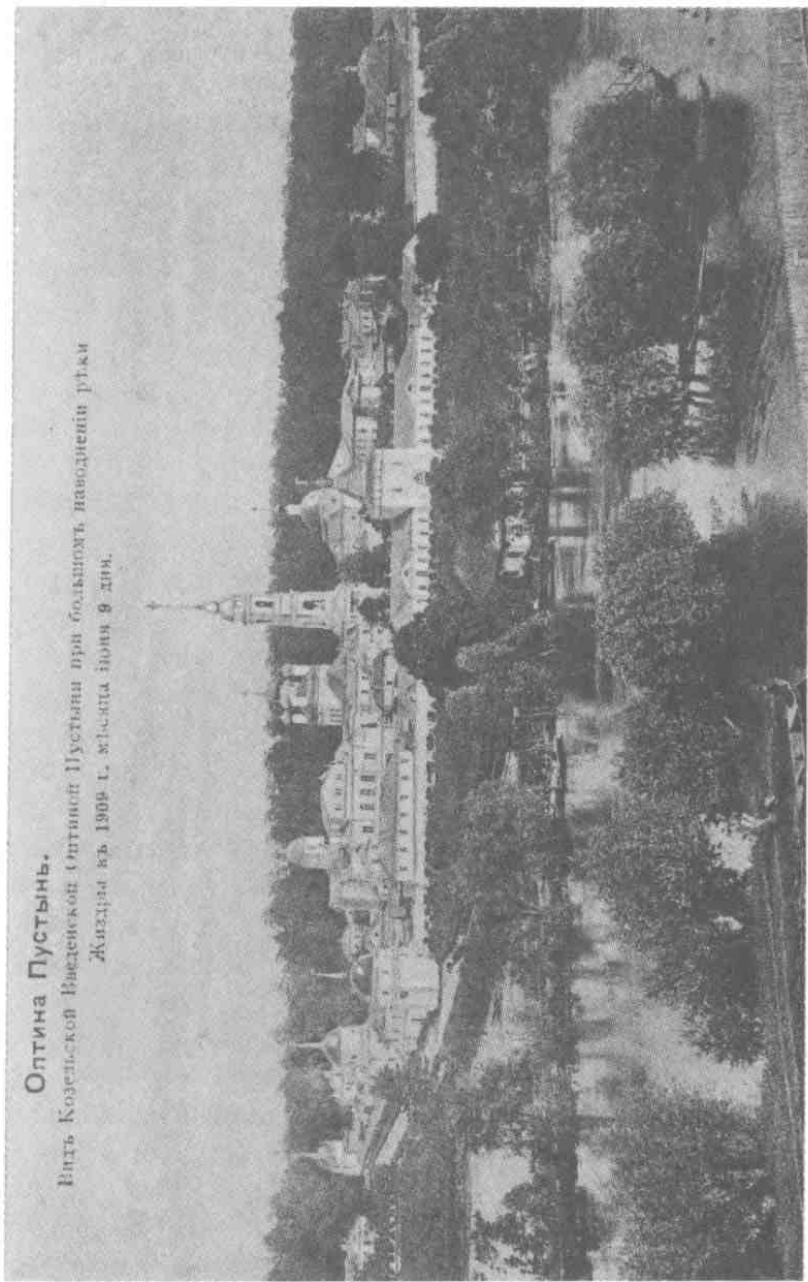
Оптинскій старецъ послушникъ Елиссей.

(Память 30 мая).

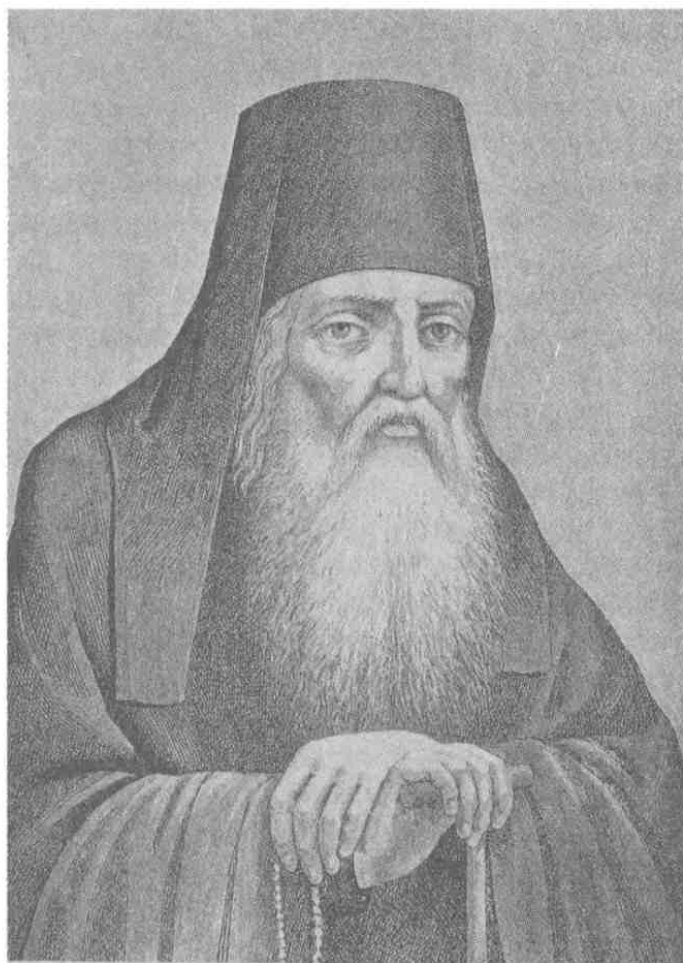
Въ дни великаго старца о. Амвросія, когда онъ бывалъ на дачѣ, нерѣдко посѣщаль здѣсь старца другой замѣчательный Оптинскій подвижникъ, послушникъ Елиссей. Удивительно было смиреніе сего раба Божія Елиссея. Однажды о. игумень Исаакій сталъ предлагать ему постричься въ мантию, или хоть въ рясофоръ, и даже требовалъ сего съ угрозою.—«Иначе, говорилъ онъ, я тебя пошлю въ кухню».—«А вотъ мнѣ, отвѣчалъ Елиссей, и рясофоръ».—«Я тебя на поклоны поставлю», продолжалъ грозить о. игумень.—«А вотъ мнѣ и мантия», отвѣчалъ смиренный подвижникъ. Пребывая долгое время въ лѣсномъ уединеніи, онъ поистинѣ сдѣлался какъ бы дитя природы. Лѣсныхъ птичекъ зимою изъ рукъ кормилъ. Выйдетъ на воздухъ, посыплетъ себѣ на голову, на бороду и на руки конопянаго сѣмени, и лишь только проговорить: «птички, птички, птички!» какъ со всѣхъ сторонъ онѣ на него,—какія сядутъ на голову, на бороду, какія на руки и всего его облѣпять. Не разъ Оптинскіе монахи были очевидцами этой картины. Случалось Елиссею, во время обхода лѣса, и съ волками встрѣчаться, но они его не трогали и проходили мимо. Въ глубокой старости, на 75 году отъ роду, онъ былъ пораженъ параличемъ въ своей лѣсной келліи и перевезенъ въ монастырскую боль-

Оптина Пустынь.

Видъ Козельской Введенской Оптиной Пустыни при болыпомъ наводнении рѣки
Жиздра въ 1869 г. мѣсяца июля 9 дня.

Оптина пустынь

Гермонахъ Ефремъ, строитель Саровской пустыни

лицу. Такъ передавалъ одинъ братъ о своемъ посѣщеніи больного: «Во вторникъ (26 апрѣля 1877 г.) посѣтилъ я больного о. Елиссея (братія звали его отцомъ по уваженію къ нему), который, при слабости большой, очень терпѣливо и благодушно относился къ болѣзни своей. На вопросъ мой, — какъ онъ себя чувствуетъ, — отвѣчалъ, что чувствуетъ слабость, пищи не можетъ употреблять, и съ воскресенія ничего не ѣлъ. Говорилъ, что онъ очень утѣшенъ тѣмъ, что Богъ сподобилъ его особороваться и сообщиться св. Тайнъ. На слова мои, что быть можетъ теперь скоро кончатся всѣ его страданія, и Господь утѣшитъ его тамъ за терпѣніе, сказалъ: «Слава Богу! Онъ и здѣсь утѣшалъ меня, — даровалъ мнѣ любить, восхвалять и прославлять Его! Съ Богомъ и здѣсь и тамъ, — вездѣ хорошо. Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, яко съ нами Богъ!» Говорилъ о желаніи своемъ, чтобы погребли его на новомъ кладбищѣ, съ боку часовни, между часовнею и церковью во имя всѣхъ святыхъ. — «Я жилъ тамъ, прибавилъ онъ, люблю тамошнее мѣсто и часовню». Просилъ я его святыхъ молитвъ. Онъ сказалъ: «я молюсь, и вы не забываете меня; и мнѣ пріятно будетъ, когда будете посѣщать мою могилку». — 30 мая, въ понедѣльникъ, послѣ ранней обѣдни въ монастырѣ, которую служилъ прежній казначей іеросхимонахъ о. Савва, было совершено должностнымъ казначеемъ о. Флавіаномъ отпѣваніе послушника Елиссея пустынника *)».

Іеромонахъ Ефремъ, строитель Саровской пустыни.

(Память 30 мая).

Старецъ Ефремъ былъ уроженецъ города Тулы, изъ званія купеческаго. Прежнее мірское имя его было Евдокимъ Андреевъ Короткой. Девятнадцати лѣтъ отъ роду онъ оста-

*) Изъ жизнеописанія о. Амвросія.

вилъ мірскую жизнь и принялъ монашество 30 ноября 1712 года въ Марчуговской обители, Московской губ. По благословенію блюстителя патріаршаго престола, преосвященнаго Стефана, митрополита Рязанскаго, 16 марта 1716 года посвященъ въ іеромонаха въ Москвѣ Іоакимомъ, епископомъ Астраханскимъ, съ назначеніемъ въ Гороховскій Знаменскій монастырь, что на Красной Гривѣ. Въ Саровскую пустынь, по его желанію и по прошенію первоначальника Іоанна, переведенъ указомъ Духовной Дикастеріи 16 января 1727 года. Іеромонахъ Ефремъ сначала послужилъ Саровской пустыни благимъ примѣромъ своей жизни. Онъ пришелъ туда съ твердымъ намѣреніемъ все терпѣть на одномъ мѣстѣ, куда призванъ Богомъ, послушаніе проходить усердно и со смиреніемъ, любить нищету и нестяжаніе, какъ многоцѣнное сокровище. Для первоначальника онъ былъ твердою опорою и помощникомъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и духовныхъ. Безпрекословно послушный онъ былъ посылаемъ по разнымъ нуждамъ обители. Особенно же по церковной службѣ, былъ точно живое правило и уставъ для братствующихъ; ибо онъ имѣлъ отъ природы даръ искусно пѣть и читать, и, находясь всегда при церковныхъ службахъ, имѣлъ наблюденіе о чинномъ и неспѣшномъ чтеніи и пѣніи. Его собственною рукою написаны полууставомъ нотные столповаго пѣнія ирмологіи, обиходы и стихиры праздничныя, разные каноники и правило келейное, которые и теперь хранятся въ обители. Во все свободное время, оставшаеся отъ молитвеннаго правила, онъ упражнялся уединенно въ чтеніи душеполезныхъ книгъ.

Но сколь ни благочестивъ и сколь ни благопотребенъ былъ для обители старецъ Ефремъ, однако горькая участь постигла его: праведный мужъ подпалъ немалой напасти и скорби. По ложно взведенной на него винѣ, лишенъ былъ сана своего и въ 1738 году, сосланъ въ городъ Оренбургъ и находился въ тяжкомъ заточеніи въ Оренбургской крѣпости

при церкви пономаремъ, гдѣ пробылъ 16 лѣтъ, безъ ропота на свою участь, въ терпѣннѣи и благодарной преданности Промыслу Вышняго. Онъ былъ вызванъ одновременно и по одному дѣлу съ старцемъ Іоанномъ. о чемъ и сказано подробнѣе въ житіи этого мужа. Впрочемъ добродѣтели и благочестіе его оправдали, сдѣлавъ въ послѣдствіи извѣстною его невинность. Однажды случилось о. Ефрему, копая землю, открыть богатый кладъ, и онъ принесъ его военному начальству, не изъявляя ни малѣйшаго желанія получить себѣ какую-либо часть изъ пріобрѣтеннаго сокровища. Такое безкорыстіе простого пономаря изумило начальство и невольно обратило на него вниманіе. Узнали, кто былъ Ефремъ, и, поднявъ о немъ дѣло, открыли совершенную его невинность. Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 5 іюня 1755 г. освобожденъ былъ страдалецъ Ефремъ изъ дальнѣйшаго заточенія, и санъ священства, по его невинности, признанъ въ немъ неутраченнымъ; а четыре года спустя единодушное желаніе всего братства Саровскаго возвело его на степень настоятеля. Эту должность и исправлялъ онъ уже до самой глубокой старости.

Незлобивый сей старецъ съ самаго поступленія своего въ обитель соблюдалъ крайнее нестяжаніе и смиренномудріе во всемъ. Опытнымъ взоромъ проникалъ всѣ духовныя нужды братіи, и его усердіе славословить Пресвятое имя Господа силъ продлилось во всю его жизнь. Наполненный самъ умиленія и благоговѣнія, онъ поставлялъ себѣ за первый долгъ наблюдать со всею пристойною строгостію, чтобъ въ церкви чтеніе и пѣніе отправлялось благочинно и благоговѣйно; и безъ его присутствія никогда не начиналась никакая церковная служба. Къ ближнимъ онъ былъ весьма милостивъ и сострадательнъ. Во все время своего настоятельства бѣднымъ помогалъ въ нуждахъ, и наиболѣе изъявилъ состраданія къ бѣднымъ во время общаго голода, бывшаго въ 1775 году. Въ это несчастное время многіе питались древесною корою, смѣшивали съ хлѣбомъ гнилое дерево и дубовые жо-

луди, и старецъ, проникнутый чувствомъ состраданія къ бѣдствующимъ, приказалъ всѣхъ приходящихъ въ обитель алчущихъ питать, что и продолжалось семь мѣсяцевъ: ежедневно по нѣскольку сотъ, а иногда и по тысячѣ человѣкъ и болѣе насыщались съ довольствомъ. А любовь къ нищимъ въ сердцѣ милосердаго Ефрема восходила до степени самоотверженія. Нѣкоторые изъ братіи начали было на него втайнѣ роптать, опасаясь недостатка въ хлѣбѣ для самихъ себя. Услышавъ ропотъ нѣкоторыхъ и опасеніе, какъ бы не оскудѣла обитель, старецъ созвалъ старѣйшую братію, объяснилъ имъ настоящее народное бѣдствіе и съ глубокимъ вздохомъ сказалъ. «не знаю, какъ вы, а я расположился, доколѣ Богу будетъ угодно за наши грѣхи продолжать голодъ, лучше страдать со всѣмъ народомъ, нежели оставить его гибнуть отъ голода. Какая намъ польза пережить подобныхъ намъ людей? Изъ нихъ, можетъ быть, нѣкоторые до сего бѣдственнаго времени и сами насъ питали своими даяніями». И приказалъ кормить народъ попрежнему, присовокуивъ, что въ пищѣ недостатка не будетъ. И дѣйствительно, спустя нѣсколько дней, прибылъ въ обитель обозъ съ хлѣбомъ, возовъ около 50-ти. По сказанію извозчиковъ, какой-то неизвѣстный нанялъ ихъ и, насыпая хлѣба, заплатилъ за извозъ и приказалъ отвести въ Саровскую пустынь.

Отпечатакъ внутренняго состоянія души его—тихое и миролюбивое со всѣми его обращеніе заставляло всѣхъ уважать и любить его. Всегда онъ готовъ былъ подать добрый совѣтъ братіямъ, требовавшимъ духовной помощи. Какъ строгій подвижникъ, въ себѣ представлявшій примѣры добродѣтелей, мудрыми совѣтами и убѣжденіями съ глубокими вздохами назидалъ братію и побуждалъ крѣпко блюсти чистоту душевную и тѣлесную, прилежать неослабно къ посту и молитвѣ. Старцы, многолѣтними сѣдинами цвѣтушіе, добродѣтелями украшенные, къ нему были привязаны духомъ любви

по Бозѣ, какъ къ смиренномудрому наставнику; предложенія благочестиваго наставника съ радостію и усердіемъ слѣшили исполнять. Почему многіе изъ братіи считали себя блаженными, что находились въ послушаніи такого отца, и слышали наставленія своего начальника-старца въ обители, и съ неослабнымъ усердіемъ слѣдовали его правиламъ, съ любовію были преданы подвигамъ благочестія. Благодать Божія словомъ старца Ефрема такъ умягчала души, что слѣдовавшіе его внушеніямъ забывали всякое земное помышленіе. Въ благообразномъ лицѣ его выражалась утѣшительная радость. Какъ опытный въ духовной жизни наставникъ, старецъ Ефремъ снискалъ себѣ глубокое уваженіе и въ отдаленныхъ отъ обители краяхъ; слухъ о его святой, добродѣтельной жизни достигъ св. Тихона, епископа Задонскаго. Святитель Задонскій къ старцу Ефрему питалъ искреннюю любовь и глубокое уваженіе. Онъ имѣлъ съ нимъ и духовную переписку.

По непрерывнымъ трудамъ и подвигамъ жизнь сего Богоугоднаго старца осталась навсегда памятною въ преданіяхъ старцевъ: онъ во всѣхъ отношеніяхъ поставилъ обитель Саровскую на степень высокаго внутренняго и внѣшняго благоустройства. За таковое неусыпное попеченіе объ устройствѣ обители, она питаетъ и доселѣ чувство глубокой признательности къ памяти благочестиваго мужа: въ день преставленія его 30 мая настоятель со всею братією совершаетъ по немъ соборную панихиду. Своимъ попеченіемъ онъ привелъ обитель въ особенное уваженіе между православными, живущими далеко отъ нея. Смиранный, подвиголюбивый старецъ, живши въ обители, возлюбилъ совершенное безмолвіе. Любимое его занятіе, какъ сказано выше, было: уединенный трудъ въ келліи, безмолвная молитва и чтеніе духовныхъ книгъ. Любя пустынную жизнь, онъ всегда поучалъ и братію быть ревностными любителями пустыннаго безмолвія, и потому всѣ братскія келліи устроены для жительства отдѣльно одна отъ

другой и съ удобствомъ къ уединенію и духовному упражненію. Усердіемъ старца учреждено было и поминовеніе по усопшихъ отцѣхъ и братіяхъ, благодѣтеляхъ и всѣхъ тѣхъ, коихъ имена вписаны въ заведенныя для поминовенія книги. При немъ устроенъ главный соборъ и многія службы обители.

Старецъ Ефремъ, чувствуя истощеніе силъ своихъ—въ 1777 году, 29 марта, собралъ братію и просилъ избрать на свое мѣсто настоятеля. Самъ же хотѣлъ уже провести въ безмолвіи остатокъ дней своихъ, подобно блаженному отцу своему первоначальному Іоанну. Тогда съ общаго согласія поставленъ былъ настоятелемъ мужъ крѣпкій, благоговѣйный Пахомій, уже многіе годы строгою жизнію подвизавшійся въ Саровской пустыни. Достигнувъ 86 лѣтъ, старецъ Ефремъ мирно преставился 30 мая 1778 года. Его прахъ покойся близъ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, съ лѣвой стороны у входа *).

Митрополитъ Филоеѣй, Сибирскій просвѣтитель.

(Память 31 мая)

Святопочитаемый Тобольскій іерархъ, знаменитый митрополитъ Сибирскій и Тобольскій преосвященной Филоеѣй—происходилъ изъ дворянской небогатой московской семьи и получилъ высшее богословское образованіе въ знаменитой въ то время Кіевской духовной академіи.

По окончаніи курса онъ былъ рукоположенъ во священника къ одной изъ сельскихъ церквей, но, вскорѣ овдовѣвъ, принявъ монашество съ именемъ Филоеѣя и вступилъ въ число братіи Кіево-Печерской лавры.

Христіанство въ Сибири между туземными язычниками и магометанами начало распространяться съ самаго покоренія

---

*) Общежительная Саровская пустынь. М. 1860 г.

той страны Русской державѣ (въ 1581 году), но обращенія сибирскихъ инородцевъ въ вѣру Христову были вообще въ незначительномъ количествѣ и большею частью одиночныя. Новокрещенные инородцы оставляли мѣста своего прежняго жительства, выходили изъ среды своихъ единоплеменниковъ и, поселяясь въ русскихъ городахъ и селеніяхъ, входили въ составъ русскаго народоселенія, такъ что обращеніе ихъ не вліяло на массы, и тѣ попрежнему оставались сплош-

*Митрополитъ Филовей,
Сибирскій просвѣтитель*

ными язычниками или магометанами. Все это было извѣстно великому преобразователю Россіи, Государю Петру I, который рѣшился принять мѣры къ просвѣщенію свѣтомъ христіанства сибирскихъ инородцевъ, а вмѣстѣ съ ними и ихъ сосѣдей, монголовъ и китайцевъ. Для приведенія въ дѣйствіе этого мудраго предначертанія Государь указомъ отъ 18 іюня 1700 года повелѣлъ Кіевско-

му митрополиту Варлааму Ясинскому для занятія митрополичьей кафедры Сибирской и Тобольской, въ то время остававшейся вакантною послѣ митрополита Игнатія, «подыскать» въ малороссійскихъ городахъ и монастыряхъ изъ архимандритовъ и игуменовъ или иныхъ знатныхъ иноковъ «пастыря не только добраго и украшающагося непорочнымъ житіемъ, но и ученаго, который взялъ бы съ собою въ Сибирь нѣсколько образованныхъ иноковъ, способныхъ къ изученію тамошнихъ языковъ, и, съ помощью

ихъ, будучи митрополитомъ въ Тобольскѣ, могъ-бы, съ помощью Божіею, исподоволь приводить въ познаніе истиннаго Бога слѣпотствующихъ и закоснѣлыхъ въ идолослуженіи жителей Сибири, Монголіи и Китая.

Выборъ Варлаама Ясинскаго палъ на Новгородъ-Сѣверскаго архимандрита Дмитрія Туптало, впоследствии святаго Ростовскаго чудотворца, который въ началѣ 1700 года былъ вызванъ въ Москву, гдѣ 23 марта, на 50 году жизни, хиротонисанъ въ митрополита Сибирскаго и Тобольскаго. Святый Дмитрій управлялъ Сибирскою паствою только девять мѣсяцевъ, но не приѣзжалъ и не жилъ въ Сибири.

Когда св. Дмитрій Ростовскій, назначенный на Сибирскую епархію преимущественно съ миссіонерскою цѣлью, отказался окончательно отъ поѣздки въ Сибирь и былъ перемѣщенъ на Ростовскую кафедру, то на его мѣсто въ Тобольскъ съ тою же, между прочимъ, цѣлью назначенъ былъ извѣстный уже по благочестивой жизни, высокому просвѣщенію и энергіи архимандритъ Филоѳей Лещинскій, который и хиротонисанъ въ санъ митрополита Сибирскаго и Тобольскаго 4-го января 1702 года.

Тобольско-сибирская епархіа обширна и въ настоящее время; но въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія она была несравненно обширнѣе; предѣлами ея тогда были: на сѣверѣ Ледовитое море, на востокѣ—Тихій океанъ, на югѣ—земли, подвластныя китайскому императору, т. е. Даурія и проч., и Киргизъ-кайсацкія степи, на западѣ—Ураль и даже часть Европейской Россіи, до крѣпости Бисерской и Ачитской. Въ общемъ епархіа занимала болѣе 300,000 квадратныхъ миль, — пространство, на которомъ въ настоящее время существуетъ болѣе 9 самостоятельныхъ епархій съ нѣсколькими викариатствами.

Трудность управленія такою громадною епархіей увеличивалась еще полнымъ неустройствомъ ея. Но новый владыка Сибирскій, митрополитъ Филоѳей, энергично принялся за

дѣло. Въ первый же годъ своего пребыванія въ Сибири, онъ, для благоустройства Сибирской церкви, по примѣру пастырей первыхъ вѣковъ христіанства, рѣшилъ собрать духовный соборъ изъ представителей сибирскаго духовенства. Такой соборъ состоялся въ Тобольскѣ въ декабрь 1702 года. На немъ былъ выработанъ цѣлый рядъ правилъ и указаній духовенству относительно упорядоченія пастырскаго дѣла.

Затѣмъ, новый Сибирскій митрополитъ занялся устройствомъ тобольскаго архіерейскаго дома, умноженіемъ храмовъ въ Сибири, увеличеніемъ числа духовенства, улучшеніемъ средствъ его содержанія и пр. Большое вниманіе имъ было обращено на распространеніе образованія, и онъ первый подалъ примѣръ обученія въ учрежденныхъ имъ духовныхъ школахъ инородческихъ дѣтей.

Съ цѣлью дать епархіи хорошихъ пастырей, митрополитъ Филофеемъ завелъ и устроилъ на свои средства при митрополичьемъ домѣ «славяно-русскую» школу, сдѣлавшуюся прародительницею всѣхъ учебныхъ заведеній города Тобольска; для преподаванія въ школѣ выписалъ ученыхъ монаховъ изъ Кіева.

При вступленіи митрополита Филофея въ управленіе Тобольской епархіей, на всемъ ея обширномъ пространствѣ было всего 160 церквей. Святитель приложилъ усиленные труды къ умноженію храмовъ Божіихъ въ Сибири, и труды эти Господь благословилъ успѣхомъ: ко времени оставленія имъ епархіи въ ней было уже до 448 церквей и 37 монастырей.

Устраивая новые храмы, онъ заботился и о поддержаніи ихъ благосостоянія и благолѣпія: испросилъ у правительства разрѣшенія на возобновленіе нѣкоторыхъ монастырей, соборнымъ и безприходнымъ церквамъ прекращенную было выдачу «воску, ладану и краснаго вина», а при кафедральномъ соборѣ исходатайствовалъ разрѣшеніе устроить пѣвческій хоръ изъ ссыльныхъ малороссіянь.

Миссіонерская дѣятельность митрополита Филоея среди сибирскихъ язычниковъ была главнѣйшимъ предметомъ его заботъ и трудовъ и увѣнчалась благимъ успѣхомъ, котораго архипастыръ достигъ, впрочемъ, не во время своего управленія епархіей, а по увольненіи отъ нея, когда онъ всецѣло посвятилъ себя апостольскому служенію. Просвѣтительную дѣятельность свою святитель началъ съ Камчатки, куда въ 1705 году отправилъ миссіонера архимандрита Мартиніана, послѣ котораго тамъ миссіонерствовали монахъ Игнатій Козыревскій, но проповѣдь этихъ миссіонеровъ не была особенно успѣшною, такъ какъ миссіонерамъ приходилось испытывать не мало препятствій. Вторая миссія преосвященнымъ была отправлена въ 1707 году къ остякамъ Березовскаго края, а третья въ Монголію, къ тамошнему «кутухтѣ» (первосвященнику) буддистовъ въ Халхасъ.

Особенно успѣшна была проповѣдь Тобольскаго митрополита среди остяковъ, вогуловъ и другихъ сибирскихъ инородцевъ. Въ сопровожденіи ничтожной свиты, при тогдашнихъ невозможныхъ путяхъ сообщенія, приспомятный миссіонеръ почти все время своего архипастырскаго служенія въ Сибири провелъ въ безпрестанныхъ путешествіяхъ среди дикарей, то просвѣщая свѣтомъ Евангелія самоѣдовъ, вогуловъ, остяковъ, то строя храмы на дальнемъ сѣверѣ, и на югѣ, у киргизовъ, на Алтаѣ, то просвѣщая дальнихъ сыновъ окраинъ Сибири лапландцевъ и чукчей, помогая имъ духовно и матеріально. За все время своего архипастырскаго служенія онъ просвѣтилъ и крестилъ до 400,000 инородцевъ, не говоря уже о томъ, сколько этотъ великій зодчій построилъ храмовъ по Сибири, сколько основалъ приходовъ, сколько заложилъ, такъ сказать, краеугольныхъ камней для распространенія христіанства между язычниками.

Нелегко это досталось митрополиту Филоею. Не говоря уже о неимовѣрныхъ трудностяхъ путешествій по дикой окраинѣ, по степямъ и болотамъ, тайгѣ и сѣверной тундрѣ,

не говоря о всевозможныхъ лишеніяхъ, связанныхъ съ поѣздками при такихъ условіяхъ, самая жизнь митрополита не разъ подвергалась серьезнымъ опасностямъ.

Однажды онъ пріѣхалъ къ Буринскимъ осягамъ. Тѣ, на приглашеніе принять крещеніе, отвѣтили, что они мусульмане и крестить ихъ никто не въ правѣ, ушли отъ него и заперлись въ одной большой юртѣ.

Преосвященный все же остался въ ихъ кочевьяхъ и время отъ времени посылалъ отъ нихъ бывшихъ при немъ миссіонеровъ вызвать къ себѣ осяговъ. Эти же дикари, чтобы покончить дѣло однимъ разомъ, по внушенію скрывшагося у нихъ татарскаго проповѣдника, схвативъ оружіе, съ яростію бросились на православныхъ миссіонеровъ. Одного изъ нихъ стрѣлою ранили въ голову, другого въ плечо, третьему насквозь пробили руки. Въ испугъ безоружные русскіе всѣ убѣжали съ берега на суда. Преосвященный, въ это время молившійся объ укрощеніи враговъ, остался на берегу одинъ.

Тогда осяцкій старшина Уманъ выстрѣлилъ изъ ружья въ митрополита. Но Богъ хранилъ своего Апостола-проповѣдника: пуля пролетѣла сквозь платье, не коснувшись тѣла. Въ другой разъ опасность угрожала митрополиту въ Кондѣ. Когда онъ остановился въ Катышевскихъ юртахъ для отдыха, къ нему явились отъ вогульскаго князя Сатыги съ приглашеніемъ поспѣшить скорѣе въ его кочевье потому, что тамъ собралось много народа, желающаго креститься. На самомъ же дѣлѣ Сатыга, какъ потомъ оказалось, обманутый однимъ тобольскимъ татаринѣмъ, будто самъ Государь хочетъ смерти митрополита и за то не будетъ убійцамъ никакого наказанія, умыслилъ убить Филоея и всѣхъ бывшихъ съ нимъ.

Но митрополитъ и теперь избѣгъ опасности. Посланцы Сатаги, обласканные митрополитомъ и щедро одаренные имъ, сообщили Филоею объ угрожавшей ему опасности. Ужасъ объялъ миссіонеровъ, многіе совѣтовали бѣжать въ Тобольскъ, но нѣкоторые, наоборотъ, доказывали, что такое малодушіе

на будущее время повредить дѣлу проповѣди слова Божія. Преосвященный поддержалъ отважныхъ, и рѣшено было плыть къ юртамъ Сатыгинскимъ; князекъ оробѣлъ, когда узналъ, что его замыслы извѣстны митрополиту; злоумышленники убѣжали въ лѣсъ, оставшіеся же на мѣстѣ вогулы охотно крестились.

Преосвященный Филоеѣй не только заботился о духовномъ просвѣщеніи обращенныхъ имъ язычниковъ, но старался доставить новообращеннымъ тѣ или другія выгоды въ гражданскомъ отношеніи. По его ходатайству, гонимые отъ некрещенныхъ были ограждены отъ гоненій караулами; новокрещенные, попавшіе въ рабство, получили свободу, а внесенные въ подушный окладъ исключены изъ него; всѣ они были освобождены отъ поставки подводъ, получили льготы въ платежѣ ясака и ограждены отъ обидъ и притѣсненій со стороны казаковъ и мелкихъ чиновниковъ. Бѣднымъ изъ новокрещенныхъ митрополитъ роздалъ значительное количество хлѣба и денегъ и, вообще, помогалъ чѣмъ могъ, при всякомъ случаѣ. Новокрещенные любили преосвященнаго, какъ отца; когда онъ посѣщалъ ихъ, они тотчасъ выходили къ нему навстрѣчу и привѣтствовали его съ радушіемъ и удовольствіемъ, видимо написаннымъ на ихъ лицахъ; охотно внимали его наставленіямъ, давали твердое обѣщаніе исполнить его совѣты; вообще принимали преосвященнаго, какъ благодѣтеля и защитника своего, какъ человѣка, посланнаго имъ отъ Бога. Память о митрополитѣ Филоеѣѣ между просвѣщенными имъ инородцами живетъ и до сихъ поръ; на примѣръ, остяки, при разспросахъ о немъ, обыкновенно, говорятъ: «добрый былъ старикъ; народъ въ обиду не давалъ; остяковъ шибко, шибко любилъ»...

Въ 1711 году митрополитъ Филоеѣй, «за приключившеюся болѣзнію» уволенъ отъ управленія епархіею и удалился въ Тюменскій Троицкій монастырь, гдѣ принялъ *схиму* съ именемъ *Теодора*. Но не для отдыха и покоя сошелъ съ архіерейской каведры обремененный лѣтами и болѣзнями старецъ,

а для новыхъ, еще труднѣйшихъ подвиговъ миссіонерства на суровомъ сѣверѣ Сибири. Въ іюнѣ 1712 года митрополить схимонахъ Ѳеодоръ, съ благословенія тогдашняго Сибирскаго архипастыря митрополита Іоанна Максимовича по собственному желанію и побужденію и вмѣстѣ съ тѣмъ по предложенію тогдашняго сибирскаго губернатора, князя М. П. Гагарина, исполнявшаго повелѣніе Петра I—начать Евангельскую проповѣдь среди сибирскихъ инородцевъ, вступилъ самолично въ подвигъ апостольскій. Въ этомъ году святитель совершилъ водою по рѣкамъ Иртышу, Оби и Сосвѣ свое *первое миссіонерское путешествіе въ Березовскій край*. Правившій епархіей митрополить Іоаннъ далъ ему способныхъ сотрудниковъ, а князь Гагаринъ снабдилъ его отъ казны судномъ для плаванія, гребцами, переводчиками туземныхъ языковъ, стражею для охраненія миссіи, деньгами 2000 рублей и различными подарками для новокрещенныхъ. Согласно указу Петра I, вѣро-проповѣдникъ хотѣлъ въ этомъ путешествіи приготовить себѣ почву на подлежащей его воздѣлыванію нивѣ, именно сокрушить языческія кумирни съ ихъ идолами, и тѣмъ показать язычникамъ, насколько безсильны защищать даже самихъ себя ихъ мнимые боги. Съ помощью Божіей схимникъ Ѳеодоръ успѣлъ убѣдить остяковъ, жившихъ близъ Самарова и въ юртахъ Шеркальскихъ, уничтожить особенно чтимыхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ идоловъ.

Въ 1715 году 10 іюня скончался Тобольскій митрополить Іоаннъ Максимовичъ, и престарѣлому митрополиту-схимонаху Ѳеодору вторично поручено было, въ томъ же году, управленіе Сибирскою епархіею, вступивъ въ которое, онъ не прекращалъ своей любимой миссіонерской дѣятельности. Схимонахъ Ѳеодоръ такъ любилъ просвѣщенныхъ остяковъ, что, за годъ до своей смерти, вторично находясь на покоѣ и больной еще разъ въ 1726 году посѣтилъ Низовскій край и доѣхалъ до отдаленнаго Обдорска. Но это было послѣднее путешествіе приснопамятнаго святителя.

Обращено было вниманіе митрополита Ѳеодора во время вторичнаго управленія епархіей на нашу заграничную Пекинскую миссію, которою съ 1714 года начальствовалъ архимандритъ Иларіонъ Лежайскій, отправленный въ столицу Китая, по Высочайшему повелѣнію, при митрополитѣ Іоаннѣ Максимовичѣ. По смерти этого архимандрита начальникомъ миссіи былъ назначенъ Антоній Платковскій, возвращенный въ 1721 году въ Россію, потому, что какъ по мысли преосвященнаго Ѳеодора, такъ и по мнѣнію Сибирскаго губернатора, а также высшаго правительства, было рѣшено послать въ Пекинъ начальникомъ миссіи архіерея.

Еще въ первое управленіе Тобольскою епархіею преосвященный исходатайствовалъ себѣ въ помощь викарія, каковымъ былъ съ 1706 года епископъ Иркутскій Варлаамъ Коссовскій, жившій въ Иркутскѣ до 1714 года, когда отбылъ въ Москву и вскорѣ назначенъ на Тверскую архіерейскую кафедру. Вторичное управленіе святителя Ѳеодора Сибирскою епархіей продолжалось 5 лѣтъ. Въ 1720 году согласно его просьбѣ Государь Петръ I при увольненіи его на покой послалъ ему грамоту, въ которой отдавалась святителю Божію заслуженная имъ благодарность за ревностное пастырское служеніе, въ особенности же за его неутомимые и успѣшные труды на поприщѣ миссіонерскомъ. Кромѣ того, архипастырю назначена по отставкѣ пенсія: 200 рублей деньгами, 50 четвертей хлѣба въ годъ. Утружденный святитель поселился въ выстроенномъ имъ же самимъ Тюменскомъ монастырѣ. Въ 1727 г. 31 мая на 76 году жизни скончался среди благодѣлительствованной имъ братіи и дѣтей новокрещенныхъ.

Преосвященный Филоей, судя по портретамъ, былъ высокаго роста, сухощавъ, носъ имѣлъ длинный, волосы сѣдые. Нравомъ, по выраженію сибирской лѣтописи Черепанова, «былъ тихъ, весьма снисходителенъ ко всѣмъ и тщеславія весьма не имѣлъ». Жизнь велъ самую дѣятельную и простую; въ лѣтнее время часто хаживалъ пѣшкомъ въ Тобольскъ

въ Ивановскій монастырь (въ 9 верстахъ отъ города) и здѣсь удиль рыбу въ р. Шанталынѣ. Живя на покоѣ, въ часы досуга училъ читать, писать и пѣть дѣтей новокрещенныхъ, изъ которыхъ многіе и жили въ его келліи. Иногда сочинялъ церковныя пѣснопѣнія; на примѣръ—тропарь и кондакъ св. Симеону Верхотурскому чудотворцу, канонъ мученику Василию Магназейскому и др., а также стихи религіознаго содержания. Большую часть бумагъ, исходившихъ отъ него, особенно по дѣламъ новокрещенныхъ и архіерейскихъ вотчинъ, писалъ собственноручно.

Жители не только Тюмени, но и другихъ мѣстъ Сибири, съ благоговѣніемъ посѣщаютъ могилу благочестиваго архіепастыря и служатъ по немъ панихиды *).

Игуменія Неофита.

(Память 31 мая).

Недавно въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ преданъ землѣ прахъ игуменіи Страстнаго монастыря Неофиты, долгодѣтельная жизнь которой украшена была великими дѣлами вѣры и милосердія. Болѣе полувѣка назадъ Московскій Новодѣвичій монастырь пріютилъ сиротку Нину. Выросши въ тишинѣ монастыря, она служила ему своимъ прекраснымъ голосомъ. Затѣмъ перешла она въ Страстной монастырь, гдѣ, подъ руководствомъ престарѣлой игуменіи Зиновіи, долго проходила подвигъ строгаго монастырскаго послушанія и удостоилась принять иноческій санъ съ именемъ Неофиты. Рѣдкія способности къ пѣнію скоро сдѣлали инокиню Неофиту регентшей, которая образцово поставила монастырское пѣніе. Когда въ Бозѣ почившая Великая Бнягиня Александра Петровна устраивала въ Кіевѣ Покровскій монастырь, она пригласила Неофиту въ качествѣ регентши, но нашла въ ней

---

*) „Русскій Паломникъ“ 1900 г.

болѣе. Отъ Великой Княгини не укрылось полное доброты сердце и удивительно мягкій характеръ призванной иногини, и Неофита была неотлучно при ней, много служа къ духовному утѣшенію страдавшей тяжкимъ тѣлеснымъ недугомъ Августѣйшей своей покровительницы. Подъ руководствомъ Неофиты проходила Великая Княгиня искусь въ приготовленіи себя къ принятію Ангельскаго образа. Въ это время въ Страстномъ монастырѣ въ Москвѣ скончалась игуменія Евгенія, и Неофита покинула Кіевъ и все, что ей тамъ было дорого, чтобъ служить въ санѣ игуменіи монастырю, въ которомъ приняла монашество и который былъ ей всего на землѣ дороже. Съ тѣхъ поръ всѣ свои силы игуменія Неофита посвятила дорогому монастырю, заботясь о его святыняхъ, украшая храмы и зданія и истинно матерински—сердечно относясь ко всѣмъ въ немъ обитающимъ.

Но не однѣ монашествующія Страстнаго монастыря были предметомъ заботы почившей матери игуменіи. Она съ радостію открывала двери свои всѣмъ ищущимъ во имя Христова помощи и утѣшенія. Стекались къ ней съ разныхъ концовъ Россіи нуждающіеся и никогда не видѣли отъ нея отказа, а сама матушка съ неотступными просьбами обращалась къ людямъ, могущимъ посодѣйствовать ей въ добрыхъ дѣлахъ, въ хлопотахъ о сирыхъ, бѣдныхъ, нищихъ, немощствующихъ, «о всякой душѣ христіанской скорбящей»...

Много лѣтъ страдала матушка тяжкимъ недугомъ, но съ кротостію и терпѣніемъ переносила свои страданія, не покидая трудовъ своихъ во имя вѣры и любви. Въ послѣдній годъ жизни весной, когда она удостоилась лицезрѣть въ стѣнахъ своего монастыря и принимать въ своихъ покояхъ обожаемыхъ Государя и Государыню, въ послѣдній разъ поднялъ ее Господь съ одра болѣзни, которую съ тѣхъ поръ она уже не покидала *).

---

*) Изъ „Русскаго Паломника“.

Архимандритъ Макарій, настоятель Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря.

(Память 31 мая).

Отецъ Макарій родился въ 1750 г., въ городѣ Рузѣ, Московской губерни, отъ благочестивыхъ родителей Космы и Евдокіи Брюшковыхъ и во св. крещеніи нареченъ былъ Матѳеемъ. Родители его принадлежали къ купеческому сословію, но не обладали большимъ богатствомъ; Матѳею еще мальчикомъ отданъ былъ ими для пріученія къ торговлѣ въ Москву. Здѣсь юноша много могъ найти удовольствій и развлеченій, но пребываніе въ столицѣ только дало ему лучше понять суету міра. Въ то время, какъ товарищи его мечтали объ увеселеніяхъ и о накопленіи земныхъ сокровищъ, онъ помышлялъ о жизни монашеской. Неизвѣстно, сколько именно лѣтъ провелъ онъ въ Москвѣ, но на 18 г. своей жизни уже рѣшился оставить міръ и посвятить себя на служеніе Богу и ближнимъ въ иноческой жизни.

Въ то время славился строгостію жизни строитель Санакарской пустыни (близъ г. Темникова) іеромонахъ Ѳеодоръ. Къ нему-то въ 1767 г. и отправился юноша Матѳею. Здѣсь же въ то время находился въ санѣ іеродіакона о. Игнатій, послѣ настоятель Пѣшношскій. Обитель Санакарская была одна изъ бѣднѣйшихъ; церковныя службы отличались продолжительностію; за жизнью и духомъ братій о. Ѳеодоръ слѣдилъ весьма бдительно. Это былъ руководитель опытный въ духовной жизни. Здѣсь-то и подъ руководствомъ такого высокаго наставника полагалъ начало иноческой жизни юный послушникъ. Сюда-же, въ 1771 г., прибылъ на жительство на 19-мъ году отъ рожденія Ѳеодоръ, впоследствии знаменитый Ѳеофанъ архимандритъ Кирилло-Новозерскаго монастыря. По недостатку особой келліи послѣдній помѣщенъ былъ вмѣстѣ съ Матѳеемъ. Съ того времени завязалась между ними

искренняя, святая дружба, не прекращавшаяся до самой смерти. Друзья вмѣстѣ молились, вмѣстѣ и трудились на монастырскихъ послушаніяхъ. Любовь къ Богу и взаимная дружба всѣ труды дѣлали для нихъ легкими. О. Макарію однако больше всѣхъ искушеній было: о. Теодоръ дастъ ему балахонъ худо сшитый, съ длинной спиной или съ заплатами, тотъ смущается, придетъ къ о. Теодору, показываетъ какъ на немъ балахонъ сидитъ, какая спина несоразмѣрная. О. Теодоръ начнетъ увѣщевать: зачѣмъ пришелъ въ монастырь? да есть ли разумъ!.. чѣмъ занимаетесь?.. тряпками!.. Надобно заниматься тѣмъ, чтобы душу-то свою очистить, чтобы ни къ чему временному не пристраститься!» Наставленія старца были всегда принимаемы съ любовію.

Но недолго довелось имъ жить въ Санакарской обители. Въ 1774 г. строителя о. Теодора увезли изъ обители въ Соловецкій монастырь. Черезъ недѣлю, по отъѣздѣ о. Теодора, подъ Темниковымъ явился Пугачевъ съ своей командой: городъ былъ разграбленъ и разоренъ, монашествующіе Санакара разбѣжались въ лѣса, но послушники Матѳей и Теодоръ оставались въ монастырѣ съ упованіемъ на Промыслъ Божій, и Господь сохранилъ ихъ: бунтовщики не коснулись обители.

Послѣ такихъ несчастныхъ обстоятельствъ многіе изъ братіи оставили Санакарскую пустынь и удалились въ инныя обители. Послушникъ Матѳей съ другомъ своимъ Теодоромъ, для большаго преуспѣянія въ духовной жизни, перешли въ Введенскую Островскую пустынь (состоящую во Владимірской епархіи, въ 3 верстахъ отъ г. Покрова и въ 90 отъ Москвы), къ знаменитому старцу о. Клеопѣ.

Вслѣдъ за ними оставилъ Санакаръ и о. Игнатій. Онъ, въ 1776 г., перешелъ въ Флорищеву пустынь, гдѣ былъ сдѣланъ казначеемъ.

Подъ руководствомъ новаго наставника юные друзья прожили вмѣстѣ не болѣе двухъ лѣтъ. Господу угодно было по-

ставить ихъ свѣтильниками не на одномъ свѣщникѣ, но на разныхъ.—Два монаха изъ Молдавіи своею бесѣдою возбудили въ Θεодорѣ желаніе поклониться св. мѣстамъ Палестинскимъ. Получивъ благословеніе о. Клеопы, онъ отправился, но въ Валахіи, въ монастырѣ Тисманѣ, былъ удержанъ архимандритомъ Θεодосіемъ,—и здѣсь, по его совѣту, на 25 году отъ рожденія постриженъ въ монашество съ именемъ Θεοφана. Въ то же время и Матѳей, получивъ увольненіе отъ своего городского общества, былъ утвержденъ въ числѣ братства Введенской пустыни.—Окруженный прекрасными примѣрами, воодушевляемый наставленіями о. Клеопы, Матѳей ревностно подвизался на избранномъ пути. Онъ никому не уступалъ въ точномъ сохраненіи устава, былъ первымъ во всѣхъ трудахъ монастырскихъ, въ бдѣніяхъ и молитвѣ. Подъ руководствомъ Клеопы Матѳей прожилъ не болѣе трехъ лѣтъ; мѣсто Клеопы заступилъ о. Игнатій, сподвижникъ Матѳея въ Санакарской пустыни. О. Игнатій изъ Флорищевой пустыни пріѣзжалъ иногда въ Введенскую къ старцу Клеопѣ. Однажды, въ проѣздъ свой въ С.-Петербургъ, Игнатій посѣтилъ Клеопу. Старецъ, какъ бы по внушенію свыше, сказалъ Игнатію: «ты здѣсь послѣ меня будешь настоятелемъ», и надѣлъ на него крестъ. «Да это, батюшка, архимандричій крестъ», отвѣчалъ Игнатій. «Да, будешь», подтвердилъ Клеопа. И все сбылось въ короткое время. На возвратномъ пути изъ С.-Петербурга Игнатій заѣхалъ опять въ Введенскую пустынь, но уже не засталъ въ живыхъ отца Клеопу.

Осиротѣвшая братія просила его къ себѣ въ строителя, онъ согласился и въ 1778 г. былъ утвержденъ въ новой должности.—Послушникъ Матѳей, давно извѣстный Игнатію по своей строгой жизни, въ 1779-мъ году мая 2 дня, былъ постриженъ имъ въ монашество съ именемъ Макарія препод. Макарія Египетскаго, память котораго совершается Церковію 19 января). Въ слѣдующемъ 1780 г. 26 декабря, онъ по-

священъ былъ въ іеродіакона, а въ 1781 г. 27 марта—въ іеромонаха.

Около сего времени преосвященный Теофилактъ, епископъ Переяславскій, обратилъ особенное вниманіе на Пѣшношскую обитель. По просьбѣ преосвященнаго Сильвестра, епископа Переяславскаго, въ 1766 г. обитель сія была возстановлена, но оставалась въ самомъ жалкомъ положеніи.

Преосвященный Теофилактъ, для лучшаго поправленія ея и для заведенія въ ней добраго порядка и благочинія, въ строители ея перевелъ изъ Введенской пустыни о. Игнатія, а въ казначей о. Макарія. 28 августа 1781 г., они приняли обитель въ свое вѣдѣніе. вмѣстѣ съ ними прибыли изъ Введенской пустыни около 12 человѣкъ иноковъ съ лучшими дарованіями и поведеніемъ, съ которыми строитель Игнатій началъ вводить чиноположеніе св. Горы Аѳонской, привезенное нѣкогда оттуда старцемъ Клеопою. Макарій во всемъ былъ ему дѣятельнымъ помощникомъ.

Разсказывали, что Макарій, прибывъ на Пѣшношу и увидѣвъ во всемъ недостатокъ—однѣ только стѣны и тѣ ветхія, началъ жалѣть о Введенской пустыни благоустроенной, пришелъ въ уныніе и думалъ перейти въ какой-либо иной монастырь; но явились ему во снѣ преподобные: Сергій Радонежскій и Меодій Пѣшношскій и сказали: «не отходи отсюда; и здѣсь будетъ во всемъ изобиліе». Макарій послѣ сего видѣнія какъ бы переродился, въ душѣ своей почувствовалъ неизяснимое утѣшеніе, покорился волѣ Божіей и началъ трудиться такъ, какъ никогда еще не трудился; онъ рѣшился жить только на Пѣшношѣ и только для Пѣшноши. Вскорѣ послѣ сего Господу угодно было поставить его самого настоятелемъ сей обители. Это случилось такъ.

Преосвященный митрополитъ Гавріилъ Новгородскій и С.-Петербургскій вознамѣрился учредить въ Тихвинскомъ монастырѣ общежитіе, а для сего потребовался опытный начальникъ; келейникомъ у преосвященнаго въ то время былъ о.

Ѳеофанъ, постриженникъ Тисмана монастыря, другъ Макарія. Ѳеофану хорошо былъ извѣстенъ строитель Пѣшношскій Игнатій и по Санакарской и по Флорищевой пустынямъ; на него, какъ на способнѣйшаго, онъ указалъ преосвященному Гавриилу. Преосвященный и прежде слыхавшій о строгой жизни Игнатія, въ 1788 г. перевелъ его въ Тихвинскій монастырь въ архимандриты. вмѣстѣ съ нимъ вышло изъ Пѣшноши и большое число братій, такъ что осталось въ ней два только іеромонаха, одинъ іеродіаконъ, да нѣсколько монаховъ и послушниковъ. Казначей Макарій въ это время, неизвѣстно по какимъ обстоятельствамъ, находился въ Лукьяновой пустыни. Тогда же была уничтожена Переяславская епархія; монастырь Пѣшношскій причисленъ къ Московской епархіи; оставшаяся братія просила митрополита Платона назначить имъ въ строителя отца Макарія. Преосвященный согласился и 3 апрѣля 1788 года Макарій вступилъ въ управленіе обителію.

При Макаріи Пѣшношская обитель не только возсталала изъ развалинъ, но возвеличилась и прославилась. Ему особенно обязана она своимъ устройствомъ виѣшнимъ и внутреннимъ. Неутомимый и многосвѣдущій въ трудахъ хозяйственныхъ, онъ еще болѣе неутомимъ былъ въ подвигахъ внутренней жизни. Слава его строго подвижнической жизни разнеслась по всей Россіи; отовсюду стали приходять къ нему ревнители пустынножителства; число богомольцевъ въ обители съ каждымъ годомъ умножалось, а вмѣстѣ съ ними явились и средства для возобновленія ея.

Самъ преосвященный митрополитъ Платонъ часто представлялъ его въ примѣръ другимъ настоятелямъ. Другъ Макарія Ѳеофанъ, бывшій въ это время уже игуменомъ Кирилло-Новозерскаго монастыря, извѣстный также по своему благочестію, около 1793 г., прибывъ на Пѣшношу, заимствовалъ отъ нея уставъ общежитія и испросилъ у Макарія, для помощи въ устроеніи его, нѣкоторыхъ изъ братій. Онъ находился въ духовномъ общеніи и велъ переписку съ архи-

мандритомъ Молдаво-Влахійскаго Нямецкаго монастыря старцемъ Паисіемъ Величковскимъ и получилъ отъ него въ даръ посохъ.

Въ 1795 г. обитель посѣтилъ преосвященный митрополитъ Платонъ. Пробывъ въ ней нѣсколько дней, онъ не оставилъ ничего безъ осмотра, былъ изумленъ ея хорошимъ порядкомъ и чиноположеніемъ, чистотою и хозяйственностью; онъ всходилъ даже на высокую колокольную для обозрѣнія окрестностей и, сходя внизъ, сказалъ слѣдовавшему за нимъ архимандриту Ираклію: «Пѣшноша въ моей епархіи вторая Лавра».

Послѣ сего посѣщенія любовь и довѣріе архипастыря къ Макарію увеличились. Преосвященный поручалъ его вѣдѣнію многія обители, въ которыхъ онъ долженъ былъ заводить общежитіе по образцу своей обители и назначать въ нихъ настоятелей изъ своей братіи. Ему были отданы въ полное распоряженіе монастыри: Срѣтенскій (въ Москвѣ), Голутвинскій (въ Коломнѣ), Борисоглѣбскій (въ Дмитровѣ), пустыни: Козельская, Оптиная, Давидова, Берлюковская и Екатерининская. Макарій усердно заботился о благоустройствѣ ихъ, трудился, сколько было силъ, и вездѣ оставилъ по себѣ славную память; монастыри и по внѣшности были исправлены, и получили лучшее внутреннее устройство. Пѣшноша дѣйствительно сдѣлалась училищемъ благочестія, разсадникомъ жизни монашеской. Изъ учениковъ Макарія 24 человекъ были настоятелями разныхъ обителей.

Чтобы судить объ отеческой заботливости Макарія о монастыряхъ, ввѣренныхъ его попеченію, приведемъ здѣсь рассказъ о выборѣ и назначеніи въ настоятели Козельской Оптиной пустыни ученика Макаріева, о. Авраамія. Авраамій, состоя въ братствѣ Пѣшношскаго монастыря, предъ назначеніемъ своимъ въ настоятели, былъ огородникомъ и спокойно въ простотѣ сердца занимался своимъ послушаніемъ, не ища и не желая ничего иного. Когда нужно было назна-

чить настоятеля въ Оптину пустынь, преосвященный Платонъ сталъ просить Макарія дать для устройства сей обители совершеннаго, способнаго и вполне благонадежнаго человѣка. Старець съ обычною своею простотою отвѣчалъ: «да у меня нѣтъ такихъ, владыка святой,—а вотъ развѣ дать тебѣ огородника Авраамія». Преосвященный, не спрашивая ничего болѣе, приказалъ представить себѣ Авраамія. О. Макарій взялъ съ собою въ Москву Авраамія и по пріѣздѣ представилъ его митрополиту. Взглянувъ на смиреннаго инока, архипастырь приказалъ ему готовиться къ посвященію,—и на первомъ служеніи посвятилъ его въ іеродіакона, а потомъ вскорѣ въ іеромонаха,—тогда только узналъ о. Авраамій о своемъ назначеніи. Напрасно просилъ онъ своего старца о. Макарія освободить его отъ такого тяжкаго бремени, тщетно указывалъ на свои немощи. Макарій остался непреклоннымъ. Напутствуемый его благословеніемъ, Авраамій отправился. Прибывъ въ Оптину пустынь, онъ нашелъ въ ней крайнее запустѣніе. «Не было полотенца рукъ обтирать служащему, рассказывалъ впоследствии самъ о. Авраамій, а помочь горю и скудости было нечѣмъ; и плакалъ да молился, молился да плакалъ. Проживши въ обители два мѣсяца, не видя ни откуда помощи къ исправленію плачевнаго ея состоянія, и скучая притомъ по своей духовной родинѣ и прежней мирной безпечальной жизни, я отправился на Пѣшношу, открыть старцу свою душу и молить снять съ меня бремя не по силамъ. Но вышло иначе: старецъ принялъ меня съ отеческою любовію и, выслушавъ мои сѣтованія о скудости вѣрнной мнѣ обители, велѣлъ заложить свою повозку и, взявъ меня съ собою, поѣхалъ по знакомымъ ему помѣщикамъ, и они въ короткое время, по его слову, снабдили меня всѣмъ необходимымъ, такъ что я привезъ въ монастырь воза два разныхъ вещей. Возвратясь со сбору, старецъ пригласилъ меня отслужить съ собою, а послѣ служенія и общей трапезы, совершенно неожиданно для всѣхъ, обратился къ своему братству съ та-

кими словами: «Отцы и братія! Если кто изъ васъ пожелаетъ ѣхать съ о. Аврааміемъ для устроенія вѣрнной ему обители, я не только не препятствую, но и съ любовію благословляю на сіе благое дѣло». Нѣсколько человѣкъ изъ братіи дѣйствительно послѣдовали за Аврааміемъ. Съ такимъ же усердіемъ, съ тою же любовію онъ заботился и о другихъ монастыряхъ и о другихъ ученикахъ.

Кромѣ монастырей въ его вѣдѣніи находились и ближайшія приходскія церкви въ селахъ: Ведерницахъ, Рогачевѣ и Медвѣдовой пустыни. Здѣсь всѣ церковныя постройки и перестройки производились по его совѣту и по его распоряженію; въ Медвѣдовой пустыни ему поручено было завести женскую общину (богадѣльню), а въ Ведерницахъ предписано было и сумму выдавать ему же. Конечно надзоръ этотъ стоилъ о. Макарію большихъ трудовъ, а иногда, быть можетъ, и неприятностей.

Внимательный архипастырь высоко цѣнилъ труды Макарія. 1800 года августа 24 дня имъ дано такое опредѣленіе: «Для почести Пѣшношскія обители и въ вознагражденіе за устроеніе оныя обители и заведеніе добраго порядка строителю той обители іеромонаху Макарію благословляемъ носить въ служеніи набедренникъ и ходить съ посохомъ преподобнаго Меодія Пѣшношскаго, не въ примѣръ будущимъ по немъ строителямъ».

Любовь и довѣріе архипастыря усугубили ревность Макарія о благоустройствѣ обители. Сердце его давно скорбѣло о томъ, что онъ долженъ былъ отказывать въ монашествѣ многимъ желающимъ и достойнымъ того потому, что по штату опредѣлено было имѣть на Пѣшношѣ не болѣе шести монашествующихъ. Въ 1801 г. онъ испросилъ Высочайшее дозволеніе умножить число ихъ до 30 человѣкъ. Съ этого времени чиновленіе св. горы Аѳонской, принесенное нѣкогда въ Введенскую пустынь старцемъ Клеопою, введено было на Пѣшношѣ въ полномъ составѣ, — положено совершать

по двѣ литургіи, заведены синодики, неусыпное чтеніе псалтири, вечернее правило, съ умными молитвами и поклонами и друг.

Съ принятіемъ устава св. горы Аѳонской, Пѣшноша увидѣла надъ собою особое покровительство Пресвят. Богородицы. Аѳонская гора—жребій Царицы Небесной. Она благоволила Себя Самое наименовать Игуменію и Надзирательницею монастырей святогорскихъ,—сего покровительства не лишена и Русская обитель, принявшая чиноположеніе Аѳонское. Въ самомъ началѣ правленія Макарія была прислана въ обитель отъ Игнатія архимандрита Тихвинскаго, на память его строительства на Пѣшношѣ, копія съ чудотворной икона Богоматери Тихвинской; икона принята съ радостію, богато украшена и донныѣ чествуется съ особеннымъ благоговѣніемъ. Тогда же прославилась чудотвореніями икона Богоматери—Казанская, нынѣ украшенная жемчужною ризою. Нѣкто генералъ Тимоѣевъ былъ въ помѣшателствѣ, жена привезла его на Пѣшношу, и здѣсь, послѣ усердной молитвы предъ Казанскою иконою Богоматери, недужный получилъ исцѣленіе. Свидѣтелями сего чуда была почти вся братія. Съ того времени положено было на 8 іюля совершать бдѣніе и не работать; но въ одно лѣто, по неблагопріятности погоды, въ день Казанскія Богоматери, послѣ обѣда, послана была братія на уборку сѣна. День былъ ясный, сѣно собрано въ копны, но вдругъ нашла туча, поднялся сильный вѣтеръ, все сѣно разнесено, и ни во что обратились труды старческіе, говорить о. Иеронимъ, описавшій это событіе; съ тѣхъ поръ и доселѣ общихъ работъ въ сей день не бываетъ. Тогда же сдѣлалась извѣстною, а нынѣ особенно чествуется на Пѣшношѣ икона Пресвятыя Богородицы: «прежде рождества Дѣво и по рождествѣ Дѣво». Икона сія была келейною бывшаго здѣсь въ чинѣ послушника, Московскаго купца Макѣева и, послѣ смерти его, въ 1792 г., должна была остаться въ обители; но такъ какъ она была живописная, Макарій не благоволилъ

оставить ее въ обители, а приказалъ отнести и поставить въ часовнѣ преподобнаго Меѳодія надъ входною дверью снаружи. Здѣсь она оставалась довольно долгое время безъ особеннаго чествованія; но Царицѣ Небесной угодно было прославить икону, которую не захотѣли оставить въ обители. Нѣкто капитанъ Платонъ Шабашевъ квартировалъ съ своимъ полкомъ въ селѣ Рогачевѣ. Однажды въ глубокой скорби онъ долго и усердно молился Пресвятой Дѣвѣ Богородицѣ, послѣ молитвы уснулъ и видитъ во снѣ часовню Меѳодіеву, надъ нею въ облакахъ сияющую икону Богоматери и слышитъ гласъ: «если хочешь избавиться отъ искушеній, помолись предъ сею иконою и сдѣлай на нее серебряную ризу». Шабашевъ пѣшкомъ пришелъ въ обитель, отыскалъ икону, отслужилъ предъ нею молебенъ и все исполнилъ, какъ повелѣно ему въ видѣніи. Съ того времени и доселѣ обильно изливаются отъ нея чудотворенія. Въ обители ведется ихъ запись. Но обратимся къ дѣятельности о. Макарія.

Съ умноженіемъ братіи, съ увеличеніемъ числа богомольцевъ соборный храмъ святителя Николая оказался слишкомъ тѣснымъ. Макарій пожелалъ распространить его; нашлись и благотворители, которые помогли ему въ этомъ святомъ дѣлѣ (о постройкахъ и перестройкахъ менѣе важныхъ говорить не будемъ). Храмъ распространенъ былъ съ западной стороны на 8 аршинъ, внутри и снаружи отдѣланъ въ новомъ видѣ и вкусѣ, и обнесенъ новою папертію *). По возобновленіи

---

*) При построеніи паперти былъ усмотрѣнъ гробъ Христа ради юродиваго блаженнаго монаха Іоны († 1737 г.), но Макарій приказалъ, не касаясь его, свести надъ нимъ арку и возводить стѣну; тогда же были видны два склепа, какъ думаютъ, двухъ епископовъ, погребенныхъ здѣсь: Гурія Заболотцаго и Вассіана Топоркова. Послѣ при обнесеніи каменной ограды вокругъ кладбища были вырыты два старинныхъ дубовыхъ гроба; въ нихъ почивали два инока въ схимахъ; всѣ одежды на нихъ были цѣлы, тѣла уподоблялись мягкому воску, безъ всякаго неприятнаго запаха, на схимахъ были вышиты имена ихъ: одинъ Θεодосіи, а другой Іона, у обоихъ были въ рукахъ четки шерстяныя, слова и кресты на схимахъ вышиты бѣлыми нитями.—Макарія въ то время не было въ обители,—до его приѣзда три

его, августа 6 дня 1806 г., Макарій за отличныя услуги обители возведенъ въ санъ архимандрита Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря съ тѣмъ, чтобы оставался попрежнему настоятелемъ Пѣшношскаго.

Сдѣлавшись архимандритомъ, Макарій не измѣнилъ своей прежней строго-подвижнической жизни, и даже смирилъ себя еще болѣе, хотя не разъ повторялъ со вздохомъ: «былъ Макарій, а теперь уже сталъ не Макарій». Ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ онъ ничѣмъ не отличалъ себя отъ прочей братіи, въ свободное время ходилъ вмѣстѣ съ ними даже на послушанія; воздержаніе его простиралось до высшей степени.

Однажды во время братскаго ужина послалъ своего келейника принести изъ поварни полстакана молока, тотъ принесъ ему полный стаканъ; Макарій огорчился и сказалъ: «ты ввелъ въ искушеніе и себя и меня, да и всю братію: вотъ скажутъ, какъ Макарій-то началъ жить архимандритомъ, по цѣлому стакану молока беретъ лакомиться». Такъ хранилъ онъ братскую совѣсть!

Макарій былъ мужъ высокой добродѣтели. Лицо его казалось суровымъ, но сердце было преисполнено христіанскою любовію. Онъ жилъ не для себя, а для блага обители и для блага братіи. Всѣ находили въ немъ мудраго наставника и привѣтливаго собесѣдника; мудрость наставленій его привлекала къ нему не однихъ монашествующихъ, но и мірянъ и даже людей, высокопоставленныхъ въ свѣтѣ. Однажды пріѣхала изъ Москвы въ обитель почетная госпожа, съ высокимъ свѣтскимъ образованіемъ, но съ сердцемъ холоднымъ къ религіи. Расположившись въ гостиницѣ, она просила къ себѣ о Макарія для бесѣды. Макарій зналъ ея положеніе въ свѣтѣ, ея образованіе, ея холодность къ религіи и хотѣлъ уклониться отъ приглашенія, но долженъ былъ уступить ея на-

---

дня стояли гробы у церкви преподобнаго Сергія, многіе смотрѣли на нихъ, но тѣла не разрушались; по прибытіи Макарія надъ ними отпѣта соборная панихида и совершенно погребеніе на братскомъ кладбищѣ.

стоятельной просьбѣ. Глубокое смиреніе старца поразило надменную, а мудрая бесѣда до того умилила и согрѣла ея сердце, что она и въ обители оказывала ему всѣ знаки уваженія, и по прїѣздѣ въ Москву всѣмъ рассказывала о его высокой мудрости, и собственно для сего являлась къ преосвященному митрополиту Платону. Несмотря на обширный кругъ хозяйственныхъ занятій, Макарій не опускалъ ни одного богослуженія и вездѣ являлъ себя примѣромъ благочестія и добродѣтели. Любя уединенную и безмолвную жизнь, онъ, когда было досужно, удалялся въ глубину лѣсовъ и тамъ въ трудахъ подвижническихъ проводилъ по нѣскольку недѣль. Строгій къ себѣ, онъ строго слѣдилъ и за нравственностію своихъ подчиненныхъ. Богослуженіе при немъ было всегда продолжительное, чтеніе неспѣшное, пѣніе благоговѣйное, стояніе чинное, выходить изъ храма до окончанія богослуженія и сидѣть при богослуженіи дозволялось только немощнымъ и старымъ, — «хоть худъ воинъ, да воюеть», отзывался о такихъ о. Макарій. Въ келліяхъ нельзя было имѣть ни картинъ, ни самоваровъ, ни другихъ лишнихъ вещей; не дозволялось даже зажигать свѣчей предъ иконами, «будь самъ свѣщей», говорилъ онъ братіи; книги для чтенія въ келліяхъ онъ давалъ самъ и особенно любилъ Духовный Алфавитъ. Въ баню могли ходить только старые и больные, а молодымъ и здоровымъ не дозволено было не только мыться, но даже и видѣть себя обнаженными. Младшіе изъ братіи всегда были отдаваемы подъ надзоръ старшихъ, въ двухъ смежныхъ келліяхъ всегда жили въ одной старшей, а въ другой младшей. Младшій, выходя изъ своей келліи, долженъ сотворить молитву и испросить благословенія у старшаго, куда бы ни шелъ: въ церковь ли, въ трапезу, или на какое послушаніе, даже хотя бы за водой или за дровами для своей печи. Провинившіеся въ чемъ-либо были наказываемы, смотря по винѣ: или поклонами въ трапезѣ, или получали послушанія, или переводились изъ келліи въ

келлію; послѣ наказанія виновные получали отъ него наставленіе и утѣшеніе. Вообще для подчиненныхъ онъ былъ и наставникомъ и вмѣстѣ отцемъ, другомъ и братомъ. Собственности у него не было. Получалъ ли онъ что-нибудь отъ благотворителей, — раздѣлялъ съ братією. Нужны ли были кому-либо деньги, чтобы получить увольненіе отъ общества для поступленія въ обитель, или для другихъ потребъ, — онъ давалъ, приговаривая: «мнѣ душа дороже денегъ. Я вѣрую Богу моему, что денегъ у меня всегда будетъ довольно». Въ большіе праздники созывалъ всю братію въ архіерейскіе покои и угощалъ чаемъ (всегда давалъ по два куска сахара и по двѣ чашки). Въ лѣтнее время въ свободный часъ выходилъ изъ келліи, садился на скамѣй подѣ окномъ съ какимъ-либо подѣліемъ въ рукахъ (обыкновенно вязалъ чулки) и если къ нему подходилъ кто-либо изъ братіи, начиналась духовная бесѣда; а если оставался одинъ, творилъ умно Иисусову молитву. За то и братія любила его. Когда отправлялся онъ въ Москву или въ монастыри, порученные его надзору, всѣ провожали его до часовни Меѳодіевой (въ одной верстѣ отъ обители); здѣсь, послѣ пѣнія тропаря преподобному Меѳодію, принимали благословеніе и разставались. И встрѣчали его, какъ дѣти отца. «Батюшка ѣдетъ, батюшка пріѣхалъ!» съ радостію говорили другъ другу по пріѣздѣ Макарія, и всѣ спѣшили къ нему навстрѣчу, высаживали изъ повозочки (онъ всегда ѣзжалъ въ простой телѣгѣ или саняхъ съ кибиткою), цѣловали руки и провожали до келліи, а онъ непремѣнно, бывало, утѣшить ихъ какимъ-либо гостинцемъ. Такою мирною жизнію наслаждалась обитель подѣ управленіемъ Макарія. Но и врагъ спасенія не дремалъ; онъ воздвигалъ иногда среди братій бури искушеній и доводилъ ихъ до паденій. Сердобольному Макарію тяжело было слышать объ искушеніяхъ, смотрѣть на паденія, но молитва, терпѣніе и любовь все побѣждали. Такъ одинъ изъ братіи во время служенія во гнѣвѣ схватилъ его за архимандричій крестъ и

давить, другой самъ виновный, вздумалъ оклеветать его предъ правительствомъ въ разныхъ преступленіяхъ; но правительство даже не обратило вниманія на его доносъ,—такъ оно уважало Макарія, и оба сіи мятежника законно наказаны.

Среди подвиговъ, трудовъ и заботъ прошла вся жизнь Макарія. Чувствуя ослабленіе силъ, онъ желалъ какъ можно чаще вспоминать о часѣ смертномъ, и потому приказалъ монаху Теофану сдѣлать изъ толстой сосны гробъ, но строго запретилъ говорить объ этомъ кому-либо изъ братіи до его преставленія. Приготовляя гробъ, онъ предчувствовалъ близость своей кончины; преставленіе его дѣйствительно было не далеко. Однажды осматривалъ онъ сѣно надъ конюшными вверху, оступился, упалъ въ ясли и такъ сильно разбился, что едва живого принесли его оттуда въ келлію. Съ сего времени онъ ослабѣлъ совершенно, и, видя что уже не встать ему съ одра болѣзни, предложилъ братіи выбрать себѣ новаго настоятеля; но никто не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Макарій съ любовію благословилъ ихъ, просилъ помолиться о немъ и потомъ вдругъ заговорилъ о гнѣвѣ Божіемъ, грядущемъ на Россію,—просилъ, приказывалъ молиться усердно, молиться со слезами объ отвращеніи гнѣва Божія, о спасеніи отечества. Это было почти за два года до нашествія французовъ въ 1812 году. Тогда же по просьбѣ братіи дозволилъ снять съ себя портретъ, на что прежде никакъ не соглашался.

1811 года февраля 12 дня въ недѣлю сыропустную, на прощальномъ правилѣ Макарій началъ творить отпустъ, но вдругъ началъ падать; стоявшіе близко поддержали его и отнесли въ келлію на рукахъ. «Такъ видно Богу угодно», сказалъ о. Макарій и сталъ готовиться къ своему исходу. 23 марта онъ былъ постриженъ въ великую схиму безъ переименованія имени и болѣе не выходилъ изъ своей келліи: богослуженіе для него совершалось въ церкви Преображен-

ской, смежной съ его келлію, изъ которой онъ могъ слышать чтеніе и пѣніе. Такъ прошло еще около двухъ мѣсяцевъ. Когда не осталось никакой надежды на выздоровленіе, братією было донесено преосвященному митрополиту Платону о болѣзни Макарія, вмѣстѣ съ прошеніемъ благословить ихъ на избраніе новаго настоятеля. «Пока не услышу о смерти Макарія, у васъ не будетъ другого начальника», былъ отвѣтъ преосвященнаго. Но жизнь Макарія угасала видимо. Въ предсмертные дни были совершены надъ нимъ напутственныя церковныя таинства. Предъ самую кончину, окружающіе его одръ, спросили о преемникѣ; онъ указалъ на Дорофея, строителя Екатерининской пустыни и прибавивъ: «кого Богъ избереть», умолкъ навсегда. Онъ скончался *31 мая 1811 года* на 61 году отъ рожденія.

Наставленія блаженной памяти Ростовскаго іеромонаха отца Амфилохія

1. Богъ воздастъ обидчикамъ

Совѣтую вамъ не весьма оскорбляться и печалиться злключеніями, но на Промыслъ Божій положиться; безъ воли Божіей ничто не бываетъ. Несчастія здѣсь намъ великодушно понесшимъ ходатайствуютъ на небѣ радость, и сѣющіе здѣсь слезами, радость въ будущемъ вѣкѣ пожнутъ. Жизнь наша не здѣсь кончится, но въ будущемъ вѣкѣ продолжится. Когда здѣсь кого кто обидѣлъ, въ будущей жизни Богъ отмститъ тому; а кто обиду претерпитъ, вѣчно въ славѣ радоваться будетъ съ Богомъ.

2. Спасительность скорбей

Крайне сожалѣю о вашихъ несчастныхъ положеніяхъ. Совѣтую вамъ всю печаль свою возложить на Господа Бога; возьмите мужественное терпѣніе, и безсумнѣнное упованіе имѣйте на Его святыи Промыслъ. Онъ попустилъ напасти вамъ въ сей временной жизни, и готовитъ вамъ въ будущей присносущной жизни некончаемую радость: многими скорбми подобаетъ намъ внити въ Царство Небесное: сіи скорби потерпите, да вѣчно съ Нимъ возвеселитесь. Молю Бога, да подастъ вамъ помощь отъ скорби!

3. Общее наставленіе о богоугодной жизни мірянъ

Спаситесь, безъ сумнѣнія имѣйте вѣру въ Господа Бога, управляйте свою жизнь по Его заповѣдямъ, всевозможно удаляйтесь отъ грѣха, терпѣливо снесите злключенія, молитесь Господу Богу со усердіемъ, и всякій годъ причащайтесь Святыихъ и

Животворящихъ Таинъ; спасайте души ваша, да получите жизнь вѣчную, и милость Божія да будетъ съ вами.

4. Любовь къ Богу и милосердіе къ бѣднымъ

Не премѣняй ни на что своей любви къ Богу, Котораго, я увѣренъ, любишь всѣмъ сердцемъ и всею мыслию, и проч. Буди къ Нему вѣрна до смерти, по писанному.

Будите къ бѣднымъ сострадательны и милостивы: блажени милостивы, яко тѣя помиловани будутъ; и, даѣя нищему, Богу взаимъ даѣтъ.

И цѣломудренно, праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

Всѣмъ бо явитися намъ подобаѣтъ предъ судомъ Божиимъ.

5. Польза от терпѣнія въ уныніи

Сожалѣю о вашей тоскѣ; снесите сіе великодушно и съ терпѣніемъ; оно послужитъ къ пользѣ вашего спасенія: егоже любитъ Господь, наказуетъ. Наша жизнь есть искушеніе; писано: аще хочещи поработати Господу Богу, уготови душу твою во искушеніе; и, претерпѣвый до конца, той спасется. Дай Богъ ту жизнь получить, гдѣ не будетъ ни печали, ни въздыханія, по реченному Господемъ: егда же узрю вы, возрадуется сердце ваше и радости вашае никтоже возметъ отъ васъ. Молю Господа, да отъиметъ отъ васъ уныніе и утѣшитъ васъ, по писанному: по множеству болѣзней моихъ, утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою.

6. Иго Христово

Христосъ Спаситель изрекъ: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть. Святыи Златоустъ толкуетъ сіе, что иго Христово не есть легко, но въ сравненіи будущихъ отъ Бога воздаяній, уготованныхъ любящимъ Его, легко есть. Къ сему и апостолъ Павелъ упоминаетъ, что недостойни страсти нынѣшняго времени къ

хотящей славѣ явится въ насъ. Онъ испыталъ, когда восхищенъ былъ на небо, то и пишеть: радуюсь во страданіяхъ моихъ. Такъ и мы должны великодушно сносить скорби.

7. Польза уединенія

Много вамъ безпокойствія было; нынѣ время отдохнуть и поуединиться, по святому слову: се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ смущенія и бури мірской. Блаженное уединеніе! Упразднитеся отъ суеты міра сего, и уразумѣте, яко Азъ есмь Богъ. Онъ вразумитъ васъ, и поставитъ васъ на истинный и спасительный путь, ведущій къ небесамъ.

8. Новогоднее пожеланіе духовной дочери

Возлюбленное мое чадо о Иисусѣ Христѣ!

Съ торжественнымъ праздникомъ Рождества Иисуса Христа, Спасителя нашего, всеусердно поздравляю тебя. Молю Его благоутробіе, ради Его крайняго къ намъ снисхожденія, да сохранить твое дорогое здравіе, и новый годъ провождать да благоуспѣшитъ въ душевномъ спасеніи; безъ сего суетна и тщетна сія наша жизнь. Не ослабѣвай, возлюбленная о Господѣ дщи, въ подвигахъ вѣры и добродѣтели. Теки да постигнеши желаемое: скорбенъ путь, но времененъ, а воздаяніе вѣчное. Многи скорби праведнымъ, но отъ всѣхъ избавитъ Господь. Вдите, да съ мудрыми дѣвами ввидете въ чертогъ Христа Бога. О семъ-то молимъ Иисуса Христа, да сподобитъ всѣхъ насъ услышати Его гласъ сладчайшій: приидите благословеніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе. Буди на тебѣ благословеніе Божіе.

9. Благожеланіе путь шествующей

Да благословитъ вашъ путь Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Онъ да сохранитъ тя во всѣхъ путехъ твоихъ. Скажи ми Господи путь, въ онъже пойду; Самъ бо рекль еси: Азъ есмь Путь. Ты научи

рабу Твою безпреткновенно ходити путемъ заповѣдей Твоихъ: Ты научи ю творити волю Твою. Ты край ея желаній, доведи ю въ тихое пристанище, удостой ю узрѣть Тебя лицомъ къ лицу, да исполнится на ней реченное Давидомъ: насыщуся, внигда явитимися слава Твоя. Ты слава наша, Ты надежда и упованіе; Ты сохрани насъ въ кровьъ криль Твоихъ отъ искушеній и сѣти, хотящія пріити на вселенную. Прости, возлюбленное чадо мое. Да пребудеть неотъемлемо на тебѣ Божіе благословеніе, и на всемъ домѣ твоємъ!

10. Пустынницѣ въ мірѣ

За все благодареніе Господу Иисусу Христу, толико насъ утѣшающему! Срадуюсь и пустынной жизни твоей: «пустыннымъ животъ блаженъ есть, Божественнымъ раченіемъ воскриляющимся». — Приличное правило: утреннія молитвы, шестопсалміе, тропарь Святымъ, каизму, канонъ Спасителю вседневный утренній въ Молитвословѣ, поклоненіе страстемъ, и что угодно въ вечеру, какъ расположила; да поможетъ вамъ, чадо мое возлюбленное, Господь! Онъ есть давая молитву молящемуся; Онъ да исправитъ стопы твоя. Молю Его благоутробіе, да низпослетъ на тебя Пресвятаго Духа Своего.

11. Болѣзни во спасеніе

Господь Богъ вся на пользу строить, хотя насъ содѣлать наслѣдниками небеснаго Своего Царствія; того ради и на меня, окаяннаго, попускаетъ различныя болѣзни и скорби: понеже многими скорбьми подобаетъ внити въ Царствіе небесное. О, дабы сбылось на мнѣ, окаянномъ, сіе хотѣніе Божіе; да будетъ Его Святая воля!

12. День скончанія

Не вѣмъ дне скончанія. О, дабы Господь сподобилъ того праздника, о коемъ писано: яко пройду въ мѣсто селенія дивна, даже до дому Божія, во гласъ радованія и исповѣданія шума

празднующихъ! Но во всемъ да будетъ воля Бога моего. Я отъ сердца и тебѣ сего же желаю: и здѣсь да сохранить тебя десница Вышняго. И буди Его благословеніе на тебѣ и домѣ твоємъ!

13. Скорбящей о смерти сына

Крайне печаливаетъ меня то, что вы по любезномъ сынѣ своемъ погрузили себя въ глубокою печаль и уныніе. Подумайте, вы ли только однѣ несчастливы, лишившись сына своего? Нетъ ли еще на свѣтѣ подобныхъ вамъ? Подумайте, сынъ вашъ насыщается небесныхъ радостей, и со Псаломникомъ поетъ: душа моя, яко птица, избавися отъ сѣти ловящихъ. Не сѣтъ ли есть міръ сей? Плоть и діаволь не разставляютъ ли намъ въ мірѣ семъ сѣти, а наипаче въ нынѣшнее время? На немъ-то сбывается: представленъ бысть, восхищенъ бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или лестъ прельститъ душу его. Успокойтесь, послушайте святаго Апостола: всю печаль возвергше на Господа, яко Той печется о васъ. И кто волѣ Божіей противиться можетъ? Не Онъ ли печется о насъ? И мы ли можемъ неиспытанныя судьбы Его постигнуть? Еда речеть созданіе создавшему, почто мя сотворилъ еси тако? Или почто мя обидѣлъ еси, отнявъ сына моего? Я истину вамъ скажу: вы должны благодарить Бога за неисповѣдимый Его о насъ промысль, что отнял временное, а даровалъ ему вѣчное, и вмѣсто многосуетной и печальной жизни удостоилъ радости присносущной, неизглаголанной. Положите конецъ печали сей, да водворится въ сердцѣ вашемъ покой и тишина, и упованіе на неисповѣдимый Божій о всѣхъ насъ промысль, и потщитесь употребить свои слезы въ пользу души своей. Неизвѣстенъ конецъ жизни нашей. Сказано: будите готови, яко въ онъже часъ не мните, Сынъ человѣческой придетъ. Прошу прощенія. Не презрите сего желанія моего; престаньте отъ печали, и симъ насъ успокойте. Усердно желаю вамъ благоволенія Божія.

14. Любовь къ Богу и путь житія иноческаго

Первая заповѣдь Божія: Возлюбиши Господа Бога твоего, отъ всея души твоея, и пр. Я увѣренъ, что вы ради любви къ Богу

оставили міръ, и вся, яже въ міръ — сродниковъ и друзей, вошли въ монастырь, посвятили себя на служеніе Господу Богу. Стойте въ томъ неизмѣнно, во всю жизнь свою не измѣняйте, и не перемѣняйте сего добраго и Богоугоднаго намѣренія и дѣла. Не начало есть совершенное благо, но конецъ. А поелику вы Господа Бога возлюбили, потолику и Онъ васъ возлюбитъ по реченному: «Азь любящія Мя люблю, и ищущія Мене обрящутъ благодать: и аще кто любитъ Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и Азь возлюблю его, и явлюся ему Самъ. А иже любитъ отца, или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ». Ежели родители или сродники будутъ служить препятствіемъ въ любви къ Богу, таковыхъ надобно презирать и оставлять. Не можетъ рабъ двѣма господиномъ работати. Я не сомнѣваюсь, чтобы васъ могла поколебать любовь міра сего въ любви къ Богу: но блюдите, како опасно ходите, искупующе время, яко дніе лукави суть. А я со Апостоломъ реку: молю васъ щедротами Божиими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови: и — не сообразуйтесь вѣку сему, не призва бо насъ Богъ на нечистоту, но на святость. Истинное мое о васъ попеченіе состоитъ въ томъ, чтобы душа ваша была спасена, чтобы вы были храмомъ Иисуса Христа, чтобы соблюдены были отъ всякаго грѣха, чтобы до конца жизни поработали Господу Богу. Кончу словомъ Апостольскимъ: чадо мое, болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ!

Святой апостоль Павелъ пишетъ: не отлагайте дерзновенія вашего, еже имать мздовоздаяніе велико, да волю Божию сотворше примете обѣтованіе. Не перемѣняйте начатую вами по Бозѣ Богоугодную жизнь сію. За то уготовляется вамъ отъ Бога воздаяніе въ небесномъ Царствіи, наслажденіе благами, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, яже уготова Богъ любящимъ Его.

Наше житіе на небесѣхъ есть. Горняя мудрствуйте, а не земная, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя.

Терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе на Начальника вѣры и совершителя Иисуса.

Видимая суть временна, невидимая же вѣчна. Удаляющіися отъ Тебе погибнуть, и уклоняющихся въ развращенія отведеть Господь съ дѣлающими беззаконіе.

15. Объ осужденіи

Поздравляю васъ съ наступающимъ днемъ вашего тезоименитства. Усердно желаю вамъ проводить оный благополучно и спасительно, не отлучаясь отъ своей обители. Сіе спокойствіе будетъ спасительнѣе для васъ. Есть пословица: чего не видятъ, о томъ и не бредятъ. И для меня сіе пріятнѣе. Ни къ чему нынѣ люди столько не склонны, какъ къ осужденію ближняго. Потому и должны мы исполнять слово: не давай вины ищущимъ вины. Не оскорбитесь, что сіе пишу. Потщитесь съ терпѣніемъ сносить непріятности, и тѣмъ угодить Господу Богу. Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша. Буди на васъ благословеніе Божіе.

16. О скорби

Не смущайтесь много въ скорбѣхъ своихъ. Помысли, что всѣ Богу угодившіе симъ скорбнымъ путемъ шествовали. Возложи на Господа печаль свою, и Той поможетъ. Къ Нему вопи: радости моя, избави мя отъ обышедшихъ мя!

Хотящіи благочестно жити гоними будутъ. Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша. Молю Господа, да подастъ вамъ терпѣніе; безъ воли Божіей ничто не бываетъ. Всему будетъ конецъ: но воздаянія въ Царствіи Божіемъ безконечны. Буди на тебѣ Божіе благословеніе!

Истинно желаю тебѣ спасенія душевнаго, и тѣлеснаго здравія. Не ослабѣвай, возлюбленная, въ скорбѣхъ твоихъ, но всю печаль возложи на Господа Бога, яко Той печется о насъ. Онъ все устроитъ во благое, и приведетъ тя въ тихое пристанище, еже угодити Ему. Ему единому прилѣпись любовію, Ему единому поработай въ сей жизни; а Онъ успокоитъ тя въ будущей, вѣчной и безсмертной жизни, и здѣсь сохранитъ тя отъ всѣхъ козней дьявольскихъ. Буди благословеніе Божіе на тебѣ, и на всѣхъ твоихъ!

17. Полюби Господа — иди скорбнымъ путемъ

Возлюби Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, отъ всея искренности твоя, отъ всея души твоя, яко да на вся Богоугод-

ная дѣла удобна и желательна будещи. Аще же хоцещи поработати Господу Богу, уготови душу твою во искушеніе. Хотящія благочестно жити гоними будутъ. И многими скорбьми подобаеѣтъ внити въ Царствіе Божіе. Не смущайся смутой монастырской. Сіе взошло въ обычай. Терпѣніе есть трудная добродѣтель, но безъ того жить не можно. Ибо къ Царствію небесному нѣтъ иного пути, по слову Спасителя: внидите узкими врата; а вы для того и міръ оставили, чтобы ийти симъ путемъ. Взирай на распятаго Господа: Онъ оставилъ намъ образъ послѣдовать стопамъ Его. Призывай Его въ помощь; возверзи на Него печаль свою. Онъ рекъ: призови Мя въ день скорби твоея.

Твое почтенное письмо я получилъ отъ 23 маія. Сорадуюсь твоей радости; и всегда мы должны быть великодушны во время посѣщенія Божія къ намъ. Онъ, когда и скорби посылаетъ на насъ, милуетъ насъ: егоже бо любитъ Господь, наказуетъ: Азъ ихже аще люблю, обличаю и наказую. Благодарить всегда мы должны и любить Его за несказанную Его къ намъ милость: мы только о временномъ печемся, а Онъ о вѣчномъ намъ благѣ промышляетъ. Чѣмъ мы докажемъ Ему любовь, аще не исполненіемъ Божественныхъ заповѣдей Его? Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте. Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя: Господь утвержденеіе мое. Како убо Тебѣ любити не имамы? Ты бо ми еси Богъ единъ, источникъ жизни, и податель всѣхъ благъ.

18. О теченіи въ горній Іерусалимъ

Молю Бога, да утвердитъ тебя на спасительномъ шествіи къ небесному граду: не имамы бо здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. Теки, возлюбленная, по Апостолу слову: тако течыте, да постигнете, и — терпѣніемъ да течемъ на предлагащій намъ подвигъ, взирающе на Начальника вѣры и совершителя Іисуса Христа. Всѣмъ сердцемъ моимъ взыскахъ Тебе, Господи! не отрини мене отъ заповѣдей Твоихъ!

19. О смерти юной дѣвицы

Любезная ваша племянница скончалась во младыхъ лѣтахъ и цвѣтѣ своей непорочной юности. На ней сбылось Божественное

Писаніе: преставлена бысть, восхищена бысть, да не злоба измѣнитъ разумъ ея: угодна Богу непорочная душа ея. Радоваться, а не плакать о ней должно, что Господь Богъ исхитилъ отъ прелестнаго и непостояннаго и маловременнаго міра сего къ безконечному, небесному Своему Царствію, и присносущной радости, для чего мы и сотворены, когда Праведный Судія изречеть: Приидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе.

Итакъ, отрите слезы о разлукѣ ея, а пролейте ихъ о себѣ и о упокоеніи души ея, и потщитесь угодить Господу Богу, да удостоитъ и васъ участниками быть Своего блаженства.

20. Наше утѣшеніе — Господь

Господь Богъ да утѣшитъ васъ. Онъ Отець щедротъ и Богъ всякія утѣхи, утѣшая насъ во всякой скорби нашей, и — всю печаль возверзите нань, яко Той печется о насъ. Онъ рекъ: аще забудетъ жена исчадіе чрева своего; но Азъ не забуду тебе. Онъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ; и мы должны молить Господа о васъ и родителей вашемъ, да устроить къ пользѣ душевной и спасенію его.

21. Тѣсный путь

Тѣсный путь вводя въ животь вѣчный, а пространный и широкій вводитъ въ смерть. Обижающіи тебя избираютъ путь широкій. Время сіе есть: обидай да обидитъ, и скверный да сквернится, святой да святится. — Терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, и въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша. Не скорбите, Богъ утѣшитъ васъ.

22. Иноческое житіе

Въ какомъ монастырѣ ни жить, по Богу жить; — исполнять Его святую волю, помнитъ реченное: аще кто не отречется всего своего имѣнія, не можетъ Мой быти ученикъ. Всѣ мірскія пристрастія оставить, быть въ повиненіи. Въ церковь ходитъ къ

началу, ко всякому пѣнію, по гостямъ не ходитъ; всѣхъ себя низшимъ почитать. Имѣть терпѣніе, смиреніе, цѣломудріе, чистоту душевную и тѣлесную. Помнить: внидите узкими врата, и — многими скорбьми подобаесть внити въ Царствіе небесное, и — въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша. За сіи временные труды и подвиги Самъ подвигоположникъ Іисусъ Христосъ скажетъ: приидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царство. За труды временные — воздаяніе вѣчное.

23. Изреченія изъ бесѣдъ отца Амфилохія

Слава Божія и благословеніе есть добродѣтельнѣйшее житіе.

Спасительный путь труденъ, поелику онъ ведетъ въ гору; а живущіе по страстямъ идутъ подъ гору.

Нужнѣйшія добродѣтели челоуѣку, и безъ коихъ онъ быть не можетъ: смиреніе съ кротостію, и долготерпѣніе съ любовію.

Господи, Господи, научи, вразуми, утверди! Ты вѣси мои желанія, Ты вѣси мою немощь; слабость подкрѣпи, немощь поддержи, грѣховность истреби, и спаси мя, имиже вѣси судьбами.

Поститься не всегда здоровье позволяетъ, молиться не всегда время есть; а смириться всегда и вездѣ ничто не мѣшаетъ.

Въ исправленіи нашихъ обязанностей всего потребнѣе самоотверженіе.

Господи, вразуми, Господи, просвѣти, Господи, научи, и имиже вѣси судьбами спаси мя грѣшнаго.

Потщитесь Господу Богу угоудити вѣрою правою и добрыми дѣлами.

Не прельщайтесь тлѣющими міра сего красотами: видимая бо временна, а невидимая вѣчна.

Наше бо житіе на небесѣхъ есть, отонюдуже и Спасителя нашего ждемъ.

Хотящій благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гоними будутъ. Тѣсный и прискорбный путь вводя въ животъ: но радуйся и веселися, яко мзда твоя многа на небеси.

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

Іеросхимонахи Израиль и Іларіонъ, іеромонахъ Александръ (въ схимѣ Алексій)	19
Валаамскій Спасо-Преображенскій монастырь	37
Архимандритъ Синесій — сподвижникъ святителя Софронія Иркутскаго	38
Архимандритъ Антовій, намѣстникъ Свято-Троицкой Сергіевой Лавры	49
Игуменія Теофанія	101
Санктпетербургскій Новодѣвичій женскій монастырь	109
Галактіонъ, Лазарь, схимонахъ Филиппъ и Прокопій	110
Схимонахъ Филиппъ	127
Архимандритъ Макарій, основатель Алтайской духовной миссіи ...	131
Нижегородскій кафедральный соборъ	177
Іаковъ, архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій	178
Благочестивая старица Евфросинія	212
Іеросхимонахъ Амфилохій Ростовскій	221
Георгій, Задонскій затворникъ	233
Ахтырскій Свято-Троицкій монастырь	239
Іннокентій, архіепископъ Херсонскій	240
Меѳодій, епископъ Астраханскій и Ставропольскій	285
Казначей Оптиной пустыни о. іеросхимонахъ Флавіанъ	331
Оптина пустынь	339
Іеромонахъ Ефремъ, строитель Саровской пустыни	340
Митрополитъ Филовей, Сибирскій просвѣтитель	347

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Числа.	Стр.
1. Схимонахъ Лука, подвижникъ Глинской пустыни	3
1. Блаженный Елифаній Боровскій	17
6. Иеросхимонахи Израиль и Иларіонъ, іеромонахъ Александръ и схимонахъ Алексій	18
6. Благочестивый поселянинъ Іовъ	25
7. Преподобномученикъ Пахомій	34
8. Строитель Іосифъ Валаамскій	36
10. Архимандритъ Сингсій — сподвижникъ святителя Софро- ніа Иркутскаго	39
10. Старица Таясія, подвижница Воронежскаго Покровскаго дѣвичьяго монастыря	41
12. Архимандритъ Антоній, намѣстникъ Свято-Троицкой Сер- гіевой Лаввы	48
12. Монахъ Евгенийъ Глинскій	78
14. Раба Божія Елена	87
15. Дѣдушка Пахомъ	88
15. Архимандритъ Арева	94
15. Іоасафъ и Серапіонъ, подвижники Площанской пустыни.	95
16. Игуменія Теофанія, основательница СПб. Новодѣвичьяго женскаго монастыря	100
18. Схимонахъ Филиппъ, основатель Пещерной обители и Ки- новіи Боголюбивой Богоматери, при Геесиманскомъ скиту близъ Свято-Троицкой Сергіево лавры	111
18. Архимандритъ Макарій, основатель Алтайской духовной миссіи	129
18. Александра Авдѣвна	155
18. Подвижницы Абабковскаго Николаевскаго монастыря Лам- падія и Паладія	159
19. Память подвижниковъ Аѳанасьево-Сяндемской пустыни . .	179
20. Преподобный Іаковъ, архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій	—
21. Раба Божія Елена—страдалца	185
22. Преподобный епископъ Евлампій	199
23. Спиридонъ, схимонахъ Задонскаго монастыря	208
23. Благочинный іеромонахъ Дамаскинъ Валаамскій	—

Числа.	Стр.
23. Подвижницы Серпуховскаго монастыря Евфросинія и Еликонда	209
23. Старица Евфросинія	211
24. Иеросхимонахъ Амфилохій Ростовскій	220
25. Иеросхимонахъ Алексій, подвижникъ Александро-Невской лавры	226
25. Послушникъ Иоаннъ Сорокинъ	230
25. Георгій, Задонскій затворникъ	232
26. Пресвященный Иннокентій, архієпископъ Херсонскій и Таврической	241
26. Схимонахъ Иоаннъ Соловецкій	257
27. Симоновскій подвижникъ, монахъ Евсей	258
27. Иеросхимонахъ Псково-Печерскаго монастыря Лазарь	—
28. Иеромонахъ Вассіанъ	265
28. Архимандритъ Агапиль	266
29. Сухотинскаго Знаменскаго монастыря монахиня Дороея	273
29. Меодій, епископъ Астраханскій и Ставропольскій	284
29. Верхо-Харьковская игуменія Емилія	290
29. Игуменія Надежда	326
30. Схимонахъ Михаилъ Валаамскій	329
30. Казначей Оптиной пустыни о. иеросхимонахъ Флавіанъ	330
30. Оптинскій старецъ послушникъ Елисей	338
30. Иеромонахъ Ефремъ, строитель Саровской пустыни	341
30. Митрополитъ Филовей, Сибирскій просвѣтитель	346
31. Игуменія Неофита	355
31. Архимандритъ Макарій, настоятель Николаевскаго Пѣшношскаго монастыря	357

